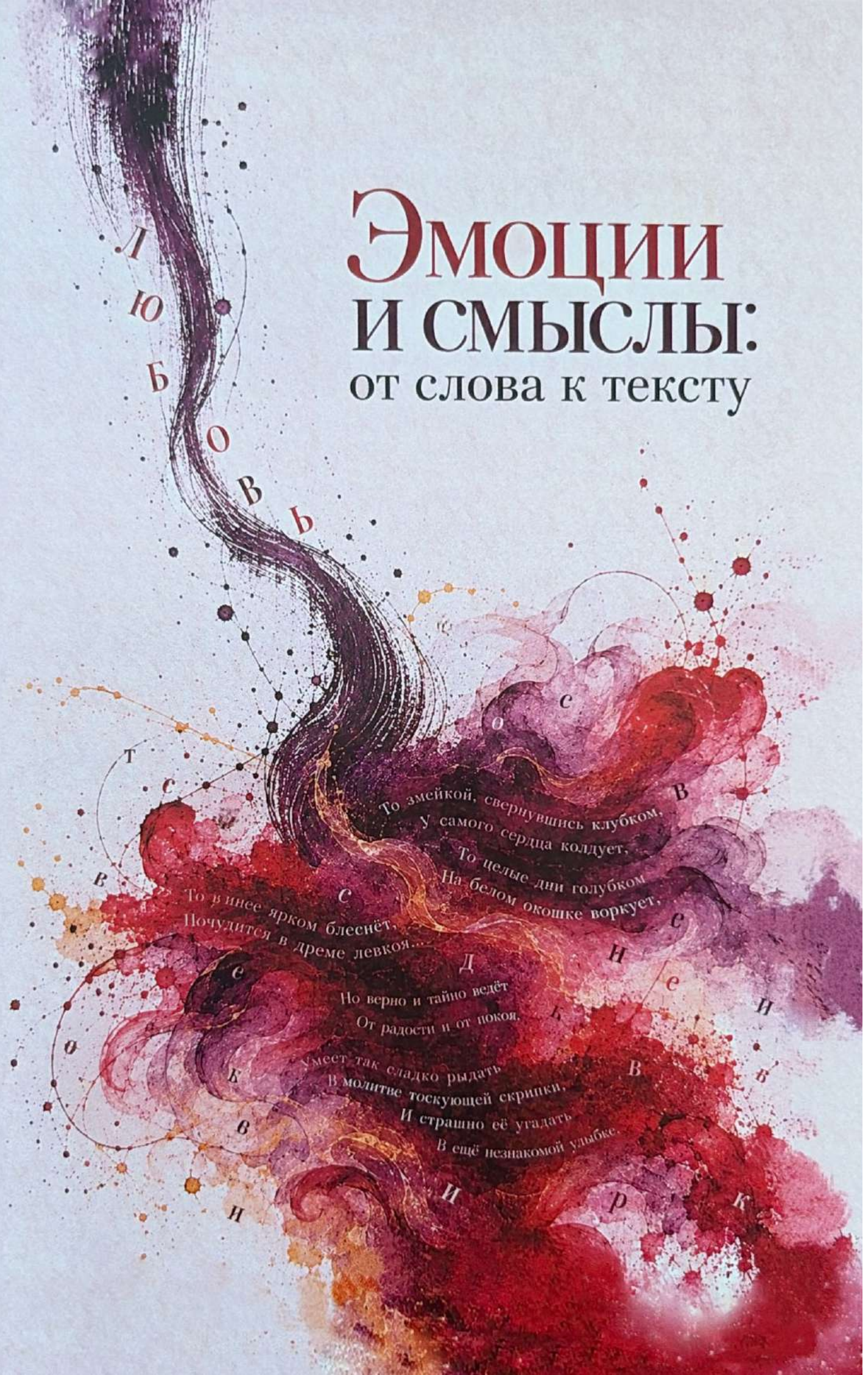
Эмоции и смыслы: от слова к тексту



Л. Г. Бабенко
АЛФАВИТ ЭМОЦИЙ

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Уральский федеральный университет
Уральский гуманитарный институт

ЭМОЦИИ И СМЫСЛЫ: ОТ СЛОВА К ТЕКСТУ

Посвящается юбилею
профессора Л. Г. Бабенко

Екатеринбург — Москва
Кабинетный ученый
2026

УДК 81
ББК Ш141.12е(2)л0
Э57

Рецензенты
доктор филологических наук, профессор Е. И. Голованова;
доктор филологических наук, профессор А. П. Чудинов

Авторы:
Н. Г. Бабенко (разд. 3.1), Н. Н. Болдырев (разд. 1.1),
Н. С. Болотнова (разд. 3.2), Т. М. Воронина (разд. 4.1), В. А. Глазырин (разд. 2.1),
Е. В. Дзюба (разд. 1.2), М. В. Дудорова (разд. 4.1), Н. А. Илюхина (разд. 1.3),
М. Л. Ковшова (разд. 1.4), Н. Н. Кошкарова (разд. 4.4), А. С. Кулева (разд. 2.6),
О. А. Михайлова (разд. 2.2), М. Ю. Мухин (предисловие, разд. 2.3),
И. К. Мухина (разд. 2.4), Б. Ю. Норман (разд. 1.5), А. М. Плотникова (разд. 4.2),
Т. В. Романова (разд. 2.5), И. В. Ружицкий (разд. 3.3), С. Саини (разд. 4.4),
О. И. Северская (разд. 3.4), М. В. Слаутина (разд. 4.3),
О. А. Солопова (разд. 4.4), А. Н. Степанова (разд. 3.5), О. А. Турбина (разд. 1.6),
А. Л. Шарандин (разд. 4.5), Л. Л. Шестакова (разд. 2.6),
А. В. Эльстон-Бирон (разд. 3.6)

Эмоции и смыслы: от слова к тексту : [монография] /
Э57 [под общ. ред. М. Ю. Мухина]. — Екатеринбург ; Москва :
Кабинетный ученый, 2026. — 356 с.

ISBN 978-5-6046259-3-4

Монография, посвященная юбилею доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко, включает научные исследования, тематически связанные со сферой ее научных интересов: лексическая семантика, лексикография и лингвистика текста.

Для лингвистов, преподавателей современного русского языка и общего языкознания, а также для аспирантов и студентов-филологов.

УДК 81
ББК Ш141.12е(2)л0

Автор фотопортрета на фронтисписе — Т. Маслова

ISBN 978-5-6046259-3-4

© Бабенко Н. Г., Болдырев Н. Н.,
Болотнова Н. С. и др., 2026
© Кабинетный ученый, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА
В ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОМ РАССМОТРЕНИИ

1.1. Интерпретационная семантика в когнитивном аспекте (*Н. Н. Болдырев*) 8
1.2. От хрупкости к антихрупкости: лексико-семантическая адаптация нового слова в русском языке (*Е. В. Дзюба*) 27
1.3. О ментальных факторах в семантических процессах (к типологии лексической метонимии) (*Н. А. Илюхина*) 41
1.4. Цветовой компонент в семантике загадок и когнитивные особенности кодирования (*М. Л. Ковшова*) 62
1.5. Концепт как элемент концептосферы (*Б. Ю. Норман*) 74
1.6. Когнитивно-семиотические принципы фразеосемиозиса (*О. А. Турбина*) 89

Глава 2. ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ:
ЭТАПЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

2.1. Структура статьи авторского идеографического словаря языка О. Э. Мандельштама (на материале стихотворения «Silentium») (*В. А. Глазырин*) 110
2.2. Имена лиц в лексикографическом освещении (*О. А. Михайлова*) 128
2.3. Словарная идеография и корпусная семантическая разметка: проблемы асимметрии (*М. Ю. Мухин*) 140
2.4. Семантические расстояния между когнитивно-идеографическими сферами как результат действия центробежных и центростремительных сил (*И. К. Мухина*) 148
2.5. Дискурсивный словарь-справочник терминов когнитивистики по данным российских медиаисточников (*Т. В. Романова*) 167
2.6. Идеографический подход к анализу материала сводного авторского словаря: названия растений в языке поэзии Серебряного века (*Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева*) 179

Глава 3. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ

3.1. Лингвопоэтика экфрасиса вокала в рассказе Татьяны Толстой «Река Оккервиль» (*Н. Г. Бабенко*) 196
3.2. Краткая история, современное состояние и перспективы развития теории текста (*Н. С. Болотнова*) ... 212
3.3. О возможности лексикографирования восклицательных «слов» в текстах Ф. М. Достоевского (*И. В. Ружицкий*) 225
3.4. Лексикографическое представление формульной паронимии (*О. И. Северская*) 251
3.5. Любовь как парадокс: когнитивно-дискурсивный анализ (на материале Поэтического корпуса русского языка) (*А. Н. Степанова*) 262
3.6. Эволюция образа «лихого человека» в творчестве А. П. Чехова (*А. В. Эльстон-Бирон*) 274

Глава 4. ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА В ФОКУСЕ НОВЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

4.1. Лексика внешнего выражения эмоций: пересекаемость парадигм (на материале Большого толкового словаря синонимов русской речи) (*Т. М. Воронина, М. В. Дудорова*) 286
4.2. Эмотивная лексика в конструкциях с количественной семантикой (*А. М. Плотникова*) 304
4.3. Средства выражения эмоций в обиходно-деловых документах (*М. В. Слаутина*) 313
4.4. Восприятие образа России в Индии: социолингвистический эксперимент (*О. А. Солопова, Н. Н. Кошкарова, С. Саини*) 321
4.5. Междометие как эмотивный репрезентант словесно-коммуникативного типа (*А. Л. Шарандин*) 335

Об авторах 353

ПРЕДИСЛОВИЕ

Июль 2026 г. стал юбилейным для Людмилы Григорьевны Бабенко, заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Уральского федерального университета, руководителя Уральской семантической школы (УСШ), обладателя многих научных премий и наград.

Л. Г. Бабенко — автор более 300 научных публикаций, среди которых семь монографий и пять учебников, рекомендованных в качестве учебных пособий для студентов филологических факультетов. Под ее руководством изданы десятки лексикографических трудов и словарей, вышедших в ведущих издательствах России, реализовано множество научных проектов, поддержанных грантами различных фондов. Людмила Григорьевна работает в Уральском государственном университете имени А. М. Горького (ныне — Уральский федеральный университет) с 1974 г., прошла путь от лаборанта кафедры до профессора и вот уже более 50 лет верна своему выбору. Ее блестящие лекции по лексикологии, лингвистическому анализу текста, семантике эмоций пользуются популярностью не только в Екатеринбурге. Людмилу Григорьевну приглашают читать лекции в российские и зарубежные вузы.

Будучи блестящим организатором, Л. Г. Бабенко создала крепкий, трудолюбивый и активный в научно-исследовательском и лексикографическом отношении коллектив, центр идеографической лексикографии в Уральском регионе. Ее ученики, включившиеся в словарную работу в первой половине 1990-х гг., теперь стали кандидатами и докторами наук. Под ее мудрым наставничеством защищено девять докторских и 39 кандидатских диссертаций.

Сегодня коллектив, возглавляемый Л. Г. Бабенко, работает над созданием Универсального идеографического словаря русского языка, и это новая веха в развитии УСШ. Создается комплексный словарь нового типа, отражающий как лексикографические традиции, так и новые тенденции в многоаспектной словарной параметризации. Л. Г. Бабенко как лексикографа отличает научная

смелость в органичном сочетании с верностью лучшим традициям словарного дела.

Неподвластная времени и жизненным обстоятельствам, Людмила Григорьевна заражает внутренней созидательной энергией, целеустремленностью, ответственностью и преданностью делу. Это талантливый ученый, руководитель коллектива, который она сама создала и о котором неустанно заботится, мудрый наставник, готовый взять на себя ответственность в сложных ситуациях. И, конечно, замечательный искренний человек, центр своей большой крепкой семьи. Таков масштаб ее личности.

Коллектив кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения УрФУ, УСШ и дружное лингвистическое сообщество поздравляют Людмилу Григорьевну с юбилеем и в честь этого знаменательного события представляют вниманию читателей монографию, содержание которой напрямую связано с ее научными интересами.

Первая глава, «Теоретическая семантика в полипарадигмальном рассмотрении», объединяет исследования, в которых семантика языковых единиц рассматривается в свете когнитивного, семиотического, антропоцентрического и функционального подходов. Обсуждаются как общие теоретические вопросы (интерпретационная семантика, концептосфера, семантические преобразования), так и частные проблемные случаи (адаптация нового слова, цветовой компонент в загадках, фразеосемиозис). Основное внимание в главе уделено взаимодействию языка, мышления и знания, а также механизмам формирования и адаптации значений в современном русском языке.

Во второй главе, «Идеографическая лексикография: этапы, результаты и перспективы развития», представлены работы, в которых идеографический подход, в течение многих лет являющийся одним из главных векторов научной деятельности Л. Г. Бабенко, выступает ключевым методом описания лексики — от решения общих теоретических проблем до создания конкретных авторских и тематических словарей и семантической разметки современных корпусов.

В третью главу, «Художественный текст: интерпретация и моделирование», включены исследования, в которых художественный текст предстает одновременно как объект теоретического осмысления и материал для конкретных лингвистических и литературоведческих изысканий. Ее сквозной темой становится поиск различных подходов к смысловой интерпретации

текста — от общих проблем теории текста до конкретных приемов лингвопоэтики, лексикографии и когнитивно-дискурсивного анализа.

Четвертая глава, «Внутренний мир человека в фокусе новых лингвистических парадигм», включает в себя исследования эмотивности в языке и речи. Эмотивная семантика, особенности репрезентации эмоций языковыми средствами и на уровне текста — это еще одно из направлений, занимающих особое место в парадигме научных интересов ученого. Здесь представлены различные аспекты этой многогранной темы: от структурно-семантического описания эмотивных репрезентантов в языке и классах слов до анализа их функционирования в различных типах дискурса и отражения в обыденном сознании.

Таким образом, содержание монографии соотносится с глубоко проработанными в трудах профессора Л. Г. Бабенко научными проблемами и в то же время демонстрирует возможность интеграции исследований представителей разных научных школ. Этот пример показывает, что когнитивно-дискурсивный, идеографический, лингвопоэтический, функциональный и другие подходы не исключают, а гармонично дополняют друг друга.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА В ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОМ РАССМОТРЕНИИ

1.1. Интерпретационная семантика в когнитивном аспекте

Проблемы языковой семантики всегда были в центре внимания отечественных лингвистов, одним из флагманов которых является доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель Уральской семантической школы Людмила Григорьевна Бабенко. Обращение к этой проблематике в предлагаемой публикации — дань глубокого уважения к научным достижениям Людмилы Григорьевны, к ее педагогическому и организаторскому таланту, огромному вкладу в развитие теоретической семантики и лексикографии. Свидетельством этого вклада являются ее многочисленные труды [см., например: 1–7 и др.].

Под интерпретационной семантикой будем далее понимать значения и смыслы языковых единиц, передающие коллективную или индивидуальную интерпретацию человеком первичных знаний о мире, сформированных на основе сенсорных ощущений и моторики. Человек при этом выступает исключительно или одномоментно в двух статусах: как представитель определенного социума (носитель коллективного знания) или как самостоятельная личность, имеющая собственный, не всегда совпадающий с коллективным взгляд на мир [см.: 8].

Специфика интерпретационной семантики определяется ее концептуальной и антропоцентрической релятивностью, то есть ее соотнесенностью с другими структурами знания, которые выступают объектом интерпретации (концепты объектов и событий, их взаимосвязей и характеристик), зависимостью от области определения — концептуально-тематической области, в рамках

которой она формируется, а также соотнесенностью с носителем языка, его системой знания и мировидением. Без этой соотнесенности она малосодержательна и требует уточнения: *полезный, вредный* (для кого? чем? почему?), то есть зависит от содержания интерпретируемого знания и области осмысления: *полезная еда — полезная вещь — полезная привычка — полезный совет — полезный человек*. Характерную особенность интерпретационной семантики составляет также ее собственно языковая природа. Она не соотнесена напрямую с реальным миром, являясь результатом интерпретации знаний о нем, в том числе с использованием лексических и грамматических единиц нейтральной семантики в их вторичной интерпретирующей функции.

Пристальное внимание лингвистов к проблемам интерпретационной семантики языковых единиц разного уровня сложности стало отличительной особенностью современных исследований, что дает основание говорить о том, что в лингвистике сложилось отдельное научное направление. Это направление, которое можно обозначить как концептуально-интерпретационный подход, предлагает собственный взгляд на природу языка и его основные функции, а также собственную методологическую базу для изучения языковых единиц и категорий в данном аспекте в виде метода концептуально-интерпретационного анализа в разных его вариантах [см.: 9]. Иначе говоря, концептуально-интерпретационный подход позволяет на практике убедиться в уникальной способности естественного языка, декларированной в теории [см., например: 10], по-разному представлять одни и те же события посредством вариативного оперирования информацией и знанием.

Формирование и развитие данного направления исследований обусловлены теми изменениями, которые происходят в мире и с которыми связаны новые реалии и технологии в сфере вербальной коммуникации. Главным отличием современной эпохи становится все возрастающий многоканальный поток разной информации, представленной преимущественно в языковой форме. При этом роль языка уже давно не ограничивается функцией простого обмена информацией, он все чаще становится средством ее разносторонней интерпретации. Сама информация при этом выступает уже как один из главных факторов, влияющих на общественное развитие, а язык используется в качестве проводника определенных идей, направлений и стратегий этого развития и формирования определенного мировидения.

Это не может не отражаться на самом языке, на структуре и содержании языковых единиц и категорий, а также на процессах языкового функционирования. При формировании и передаче конкретных смыслов все более востребованными становятся деривационные механизмы интерпретации и языковые средства интерпретационной семантики, исходно заложенные в структуре значения языковых единиц (статический аспект интерпретации) или приобретаемые ими в результате их функционального осмысления в том или ином контексте (динамический аспект интерпретации). Более того, интерпретирующий компонент становится неотъемлемой составляющей любого сообщения, вызывая особый интерес со стороны исследователей, что и привело к формированию отдельного концептуально-интерпретационного направления.

Естественно, данный интерпретирующий компонент в семантике языковых единиц и сообщений требует определенного терминологического закрепления. Для этого полезным может стать обращение к знаковой теории языка Ч. Пирса, в рамках которой он ввел понятие интерпретанты. Интерпретанта в структуре языкового знака, по мнению Ч. Пирса, отвечает за связь означаемого знака с тем, что он обозначает [см.: 11]. С позиций когнитивного подхода предназначение введенного Ч. Пирсом понятия можно рассматривать как характеристику соотношения языковой единицы с определенной структурой знания, а саму интерпретанту, соответственно, как единицу знания об интерпретирующем характере этого соотношения, то есть как к о г н и т и в н о - я з ы к о в у ю и н т е р п р е т а н т у.

Когнитивно-языковая интерпретанта как единица знания имеет сложную матричную структуру и включает в себя также знание о языковом способе ее репрезентации. Она является неотъемлемой составляющей концептуальной основы любого языкового знака и влияет на формирование его значения в системе языка и на его функциональное осмысление. Ее конкретное содержание и структура зависят от конкретной языковой единицы. Это может быть определенная количественная или качественная характеристика объекта, передаваемая данным словом или морфемой, подчеркивающая их семантическое отличие от других слов и морфем или обозначающая их статус в системе языка.

В предложении или высказывании когнитивно-языковая интерпретанта — это интерпретирующий элемент их концептуальной структуры, задающий особый ракурс представления того

или иного фрагмента окружающего мира, а также отличительная характеристика предложения как определенного типа языковой единицы. В концептуальной структуре текста или дискурса в качестве интерпретанты может выступать единица многоаспектного знания, объединяющая в себе несколько интерпретирующих когнитивных контекстов, то есть когнитивная матрица. Она также включает в себя элементы как языкового (отличительные характеристики данного типа текста), так и энциклопедического знания о мире.

На уровне всей системы знаний человека, его концептуальной системы функцию когнитивно-языковой интерпретанты выполняют модусные концепты и категории [см. подробнее: 12; 13]. Их интерпретирующая функция реализуется в разных модусах представления любого концептуального содержания, передаваемого языковыми средствами. В отношении самой системы языка эту роль выполняет грамматика, которая интерпретирует знания о мире, представленные в лексике, в соответствии с нормами их передачи в языковой коммуникации, определяя разную частеречную принадлежность и синтаксические функции в предложении или высказывании языковых единиц, например, предметной или событийной семантики. Эти нормы осмыслены и систематизированы в виде грамматических концептов и категорий, то есть грамматических схем интерпретации [см.: 14].

Все исследования в рамках данного направления объединяет общее представление об антропоцентрической природе языка и человеческого сознания. В ходе познавательных процессов человек не зеркально отражает мир вокруг себя и свой внутренний мир, он его определенным образом конструирует в своем сознании, в том числе с помощью языка. Ведущая роль человека в этих процессах проявляется в том, что он сам выбирает и объект познания, и способ его осмысления (концептуализации), и средства его языковой репрезентации и сам формирует конкретные смыслы в ходе вербальной коммуникации. Другими словами, процессы познания и конструирования мира в сознании человека и в языке имеют интерпретирующий характер. Более того, высказывается мнение, что постоянно меняющаяся интерпретация поступающей в мозг информации является одной из основных функций сознания [см.: 15].

Эти обстоятельства послужили мотивом для автора данного раздела поставить вопрос об актуальности аргументации и выделения третьей основной (помимо когнитивной и коммуникативной)

функции языка, его интерпретирующей функции, что и было сделано в более ранних работах [см.: 13; 16]. Все последующие исследования подтвердили, что язык действительно является интерпретирующим фактором познания мира и конструирования знаний о нем, что также определило перспективы и программу его исследований в данном направлении.

Поскольку предметом подобных исследований является изучение интерпретирующего характера соотношения языковых и когнитивных структур и их взаимодействия в процессах построения высказываний и формирования смысла, то логичным стало в ходе формирования методологической базы этих исследований обращение к методологии когнитивного подхода. Последнее потребовало ее уточнения и дальнейшего развития с позиций интерпретационной семантики. Результатом такого развития является разработка теории языковой интерпретации как самостоятельного концептуально-интерпретационного направления в рамках когнитивного подхода [см. подробнее: 13; 17], а также общего и частных методов анализа языкового материала.

В качестве такового предлагается общий метод концептуально-интерпретационного анализа, который, заимствуя приемы других методов когнитивного исследования языка и в зависимости от конкретного объекта, предмета и цели исследования, может выступать в одном из своих вариантов: интерпретационно-дефиниционный, интерпретационно-деривационный, интерпретационно-инферентный, интерпретационно-импликативный, интерпретационно-фреймовый, интерпретационно-матричный, сравнительно-интерпретационный и др. виды анализа.

Суть данного общего метода, как и всего концептуально-интерпретационного направления, заключается в выявлении и анализе интерпретирующего компонента в семантике языковых единиц, их функциональном осмыслении; этот компонент сигнализирует об особом интерпретирующем характере соотношения данной языковой единицы с определенной структурой знания, то есть в выявлении и рассмотрении когнитивно-языковой интерпретанты. Проиллюстрируем далее основные установки данного направления, а также методы исследования и типы когнитивно-языковых интерпретант на конкретных примерах.

Интерпретирующий характер соотношения лексических единиц и передаваемого ими концептуального содержания выявляется на основе анализа их словарных дефиниций с помощью

интерпретационно-дефиниционного анализа. Цель данного вида анализа заключается в том, чтобы установить разного рода маркеры-интерпретанты, сигнализирующие о различии лексических единиц, то есть их субкатегоризации, в структуре соответствующей категории. Эти различия могут быть обусловлены количественными ('много — мало') и качественными (неотъемлемые, внутренне присущие свойства) параметрами.

Например, количественные интерпретанты вслованых дефинициях имен существительных предметной семантики могут указывать на различия в размере, объеме, толщине, длине, весе, внутренних и внешних габаритах обозначаемых объектов: *ручей, река, озеро, море, океан; улица, переулок, проезд, бульвар, проспект, шоссе*. Интерпретанты качества — на сущностные характеристики, связанные с формой, функцией, происхождением (природным — искусственным), целевым использованием, техническими параметрами и т. п.: *родник, источник, шлюз, канал, канава, дамба, запруда, мост, понтон; тропа, маршрут, путь, направление, дорога, трасса, магистраль*.

В словарных дефинициях разных глаголов, обозначающих, например, процессы движения, в том числе во вторичных значениях, в качестве количественных интерпретант выступают маркеры различий в скорости перемещения, его интенсивности, длительности, повторяемости: *ходить, гулять* ('не спеша'), *бежать* ('передвигаться быстро'), *мчаться* ('передвигаться с большой скоростью'), *гнать* ('передвигаться с очень большой скоростью'), *тащиться* ('передвигаться медленно'), *плестись* ('передвигаться очень медленно'), *курсировать* ('с регулярной повторяемостью'), а в функции качественных интерпретант — показатели (целе)направленности, фазовости, предельности, способа, самостоятельности, траектории, среды передвижения или перемещения объектов, каузативности: *бродить, кружить, дрейфовать, трогаться, ползать, прыгать, скакать, летать, плавать, плыть, ехать, возить, носить, доставлять, тащить, толкать, тянуть*.

О деривационном характере связи между языковыми единицами на концептуальном и языковом уровнях, их первичности или производности (элемент языкового знания) и содержательных изменениях (характер интерпретации знаний о мире) сигнализируют деривационные интерпретанты, которые выявляются в ходе интерпретационно-деривационного анализа. Предметом анализа в этом случае являются

когнитивные механизмы концептуальной деривации, обеспечивающие формирование нового знания на основе исходного. Последнее осуществляется посредством профилирования новых характеристик, например: направленность действия, фазовость, полный или частичный охват действием, его результативность, степень реализации, повторяемость: *читать, зачитать, почитать, прочитать, перечитывать, отчитываться, вчитываться, читануть*.

Объектом интерпретационно-деривационного анализа становятся непосредственно наблюдаемые языковые механизмы использования словообразовательных аффиксов и моделей (*сидеть — посидеть — просидеть — пересидеть — высидеть — отсидеть — досидеть — подсидеть — усидеть — засидеть — засидеться; сесть — присесть — отсесть — пересесть — подсесть — засесть — просесть*), а также механизмы изменения синтагматики, сочетаемости и лингвистического контекста, меняющие область осмысления: *закружить в танце* / *закружить всех своими поручениями*; *закружиться с делами; вскружить голову; окружить противника* / *окружить крепость рвом* / *окружить себя друзьями* / *окружить человека вниманием*/*заботой*.

Фреймовые интерпретанты, которые являются предметом интерпретационно-фреймового анализа, и их компоненты актуализируют разные способы концептуализации фрагментов мира в виде фреймовых структур трех основных типов: пропозициональные (в виде пропозиций), иерархические (в виде разных иерархий) и ассоциативные (построенные на различных связях ассоциативного характера) фреймы. Эти способы в зависимости от типа фрейма раскрывают возможности разной интерпретации фрагментов окружающего мира в результате вариативного конфигурирования их структуры и выбора конкретных средств их языковой репрезентации.

Интерпретирующий потенциал пропозиционального фрейма обеспечивается тем, что лежащий в его основе когнитивный опыт содержит не только стереотипные знания о событии в целом, но и возможность его индивидуальной интерпретации применительно к осмыслению конкретного события. Последнее, в частности, может быть представлено как действие, процесс, общее состояние, состояние-свойство или отношение за счет разной интерпретации субъектно-объектных отношений, например: *Дождь смыл все следы* / *На улице льет дождь* / *Дождит* / *Дождь часто смывает все следы* / *Осенью дождь — частое явление*.

Аналогичный потенциал иерархического фрейма связан с возможностью разной интерпретации иерархических связей между субъектами и/или объектами: *ученый секретарь диссовета/университета; ответственный/технический секретарь журнала; секретарь директора; мой секретарь — мой руководитель; я его ученица — он мой учитель.* К этому типу относятся и разного рода классификационные фреймы, которые интерпретируют объекты в рамках определенных классификаций (товаров, услуг, отелей, транспортных средств), различных систем и параметров оценок, квалификационных рейтингов, профессиональных и общественных достижений. Например: *Профессор/учитель/юрист года*; *кандидат в мастера спорта международного класса; Пятизвездочная гостиница с питанием по системе «Все включено», с бесплатной подземной парковкой, подогреваемым бассейном и спа*; *Автомобиль премиум-класса с полной комплектацией; Стоимость почтовых услуг зависит от класса отправления и доставки; Билет на самолет в салон бизнес-класса; Цена железнодорожного билета определяется категорией поезда* (*пассажирский, скорый, фирменный*), *уровнем комфортности вагона* (*сидячий, плацкарт, купе, СВ, люкс*) *и типом питания.*

Ассоциативный фрейм допускает разную интерпретацию коллективных знаний об устойчивых и переменных связях ассоциативного характера между физическими и ментальными объектами на основе индивидуального жизненного опыта. Например, тот или иной географический объект в индивидуальном сознании конкретного человека может ассоциироваться с его (или близкого ему человека) местом рождения, проживания, учебы, отдыха или лечения, деловой или туристической поездкой, рождением персонажей или историческими событиями, научными школами, крупными научно-техническими достижениями, производством известных товаров, характерными достопримечательностями, погодой, удаленностью от городов Центральной России, особенностями поведения местных жителей, популярным художественным произведением или кинофильмом и т. д. Например: *У нас в аспирантуре в С-Петербурге* (‘когда учился в С-Петербурге’) *было принято каждый день ходить в библиотеку*; *Окно в Европу* (С-Петербург); *Место ссылки декабристов* (Иркутск); *Сталинградская битва*; *Севастопольский вальс*; *Красноярская ГЭС*; *Родина Деда Мороза*; *Байкало-Амурская магистраль*; *Беломорканал*; *Отправился на Колыму*; *коренной одессит, «типичный москвич», представитель казанской научной школы*; *Самара-городок*;

муж/жена из Сибири; *Парижские сезоны*; *Пятигорские источники*. Ассоциативная интерпретанта в этом случае характеризуется многоаспектностью и может быть представлена в виде когнитивной матрицы, объединяющей разные контексты осмысления объекта.

Таксономическая интерпретанта содержит информацию о том, на каком уровне та или иная языковая единица репрезентирует знание об объекте. Данная информация выявляется с помощью интерпретационно-таксономического анализа концептуальной структуры и семантики языковых единиц. Как было установлено в рамках прототипической теории [см.: 18; 19], знания об объектах и событиях окружающего мира могут быть представлены в языке базово (целостно, гештальтно, без деталей), конкретизированно (детально) или обобщенно (вне какой-либо связи с деталями). Этому соответствуют три основных уровня: базовый (*человек, книга, береза, гвоздика, дом, машина, собака*; *писать, читать, считать, расти, строить, говорить, ходить*), субординатный (*студент-заочник, персональный пенсионер, детективный роман, школьный учебник, паркетник, грузовик, маршрутка*; *дом отдыха, дворец*; *бродить, перечитать, списать, застроить*) и суперординатный (*издание, транспорт, движение, чтение, строительство*).

О необходимости привлечения (вывода) дополнительного знания для правильной интерпретации передаваемого содержания сигнализируют интерпретанты инференции, отсылающие к этому выводному знанию: знанию исторической эпохи или событий, конкретной ситуации или человека, содержания художественного произведения или фильма, прецедентного феномена. Выявление этого знания становится целью интерпретационно-инферентного анализа. В частности, для понимания смысла некоторых политических высказываний типа *недружественное поведение и санкции западных стран* требуется знание современного контекста международных отношений между Россией и соответствующими странами. Приведем еще несколько примеров: *Членство Армении в ЕС грозит ей крупными экономическими потерями* (Рамблер. Новости) (выводное знание: ‘членство в ЕС приведет к утрате существующих экономических связей Армении со странами ЕАС и таможенных льгот’); *Медный всадник* (выводное знание: ‘памятник Петру I в С-Петербурге’); *Выстрел Авроры* (‘начало Великой Октябрьской революции 1917 года’).

Видовой разновидностью выводного знания можно считать импликативное знание, о потребности в активации которого сигнализирует интерпретанта импликации и которое может быть эксплицировано с помощью интерпретационно-импликативного анализа. Этот вид концептуально-интерпретационного анализа специализируется на уточнении конкретных причинно-следственных связей между объектами и событиями, лежащими в основе импликаций. Если инференция допускает разную трактовку типов отношений с передаваемым содержанием, то импликация отличается более предсказуемым или однозначным характером: конкретная причина имплицирует, подразумевает определенное следствие. Например: *Звонят* (→ ‘откройте дверь’); *Впереди дорожные работы* (→ ‘возможны пробки’); *Платная дорога* (→ ‘приготовьтесь оплатить проезд или выберите объездной маршрут’); *Не сдал экзамен* (→ ‘грозит отчисление’); *Вы пришли на полчаса раньше указанного времени* (→ ‘придется подождать’).

Если языковая единица (например, текст) передает многоаспектное знание матричного типа, объединяющее целый ряд концептуальных областей, то она предполагает разные контексты ее осмысления и интерпретации. Ее когнитивно-языковая интерпретанта в этом случае сама приобретает структуру когнитивной матрицы (когнитивно-матричная интерпретанта). Данная матрица когнитивных контекстов, их структура и содержание устанавливаются с помощью интерпретационно-матричного анализа.

Например, любое мероприятие может по-разному интерпретироваться его организаторами и участниками или гостями. Для организаторов и участников, в частности, актуальными становятся контексты материально-финансовых затрат, технического и транспортного обеспечения, организации самого мероприятия и питания, подготовки программы, количества приглашаемых гостей: *Нам такой юбилей не потянуть; Организация такого выпускного вечера нам не по плечу; Без финансовой поддержки со стороны такой форум был бы невозможен*. Контексты интерпретации мероприятия со стороны участников и гостей могут предполагать его оценку в плане общего уровня организации, продуманности программы и питания, комфортности условий для приглашенных гостей: *Юбилей был прекрасно организован; Выпускной оставил незабываемое впечатление; Форум удался*. Ниже представлены возможные контексты интерпретации такого мероприятия, как юбилей (рис. 1).

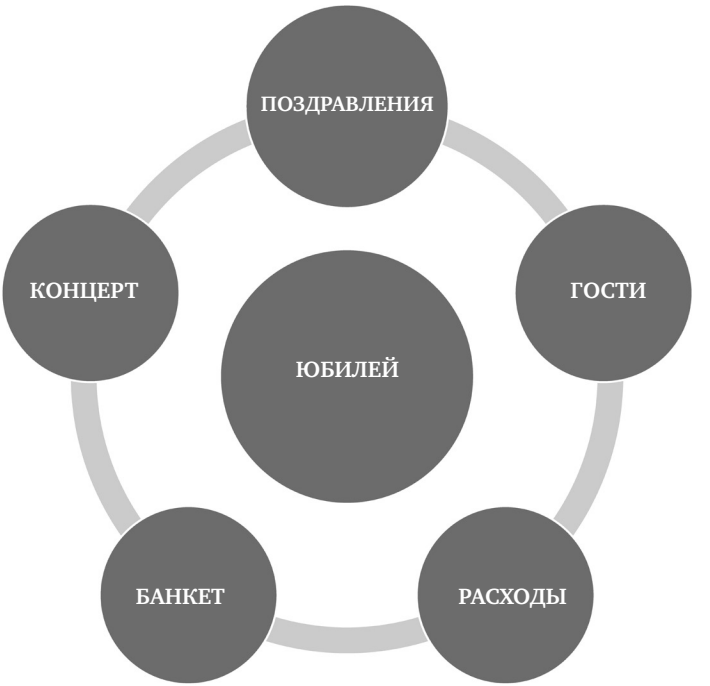


Рис. 1. Возможные контексты интерпретации понятия «юбилей»

Матричная структура характерна для текстовых и дискурсивных интерпретант. Они выявляются в концептуальной структуре сложноорганизованных языковых единиц — текста, дискурса, литературного или научного произведения, театральной постановки или кинофильма — с помощью метода интерпретационно-дискурсивного анализа. Специфика данного метода заключается в том, что он может включать в себя все вышеперечисленные виды анализа, поскольку любой текст, дискурс или объемное произведение объединяют в себе языковые единицы разного уровня сложности и разные когнитивные контексты их осмысления, как и контексты осмысления всего текста, дискурса или произведения в целом. Структуру, содержание и границы когнитивных контекстов раскрывают сами текстовые или дискурсивные интерпретанты, которые указывают на интерпретирующий характер как общего содержания текста или дискурса, так и отдельных передаваемых в них смыслов.

Например, в следующем тексте дискурсивная интерпретанта активирует разные контексты осмысления и интерпретации общего отношения к жизни, а также языковое знание о стихотворном типе текста, его тематическом сходстве с другими произведениями современной популярной лирики без подтвержденного авторства:

Давайте учиться друг друга прощать.
Не сеять раздоры и злобу.
Повсюду собою тепло излучать.
Любовь брать всегда за основу.
Давайте других перестанем судить.
Мы все ошибаемся, правда?
Не лучше ли что-то в себе изменить,
Чтоб стало светлей наше завтра?
Давайте же то, что имеем — ценить,
И счастье умножится кратно!
Давайте благие слова говорить,
Ведь радость дарить так приятно!

Знание об интерпретационном характере соотношения когнитивных и языковых структур, передаваемое с помощью когнитивно-языковой интерпретанты, включает в себя еще один важный аспект — знание об использовании для формирования интерпретирующих смыслов определенных когнитивных и языковых механизмов. Это способы и модели конфигурирования знаний и форматы их представления на концептуальном и языковом уровнях, которые являются предметом выбора носителей языка: коллективного — на уровне системы, и индивидуального — на функциональном уровне. Как подчеркивает Р. Лэнекер, человек способен моделировать любой фрагмент происходящего в мире с помощью различных образных схем, как бы навязывая объективной ситуации ту или иную ее семантическую трактовку [20, p. IX, 2–4, 35].

В качестве таких образных схем (частных интерпретант), выступающих в роли когнитивных механизмов формирования интерпретационной семантики, используются профилирование концептуального содержания, его перспективизация, конкретизация/генерализация, двойное фокусирование, концептуальное сравнение, концептуальная оппозиция, концептуальная деривация, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальная метафтонимия, концептуальная интеграция, импликация, инференция, эвфемизация. В качестве

языковых механизмов могут использоваться прямая (в том числе оценочная) и косвенная номинация, словообразование, игра слов, намеренное нарушение норм семантической сочетаемости и синтагматики, лексикализация, делексикализация, фразеологизация, дефразеологизация, синтаксическая деривация, инверсия, использование перифраз, усилительных частиц, местоимений, вводных слов, риторических вопросов, сравнительных конструкций. Часть когнитивных и языковых механизмов упоминалась выше, поэтому ниже поясним и проиллюстрируем лишь некоторые из них.

Например, когнитивный механизм профилирования концептуального содержания, или фокусирования, акцентирует внимание на разных характеристиках объекта с помощью языкового механизма номинации этих характеристик: *телевизор с плазменным экраном и интерактивным режимом; предметы по выбору; квартира со всеми удобствами; большой арбуз; спелая дыня*; *Всем глупым — счастье от безумья. Всем умным — горе от ума* (А. Грибоедов); *Тот самый человек пустой, / Кто весь наполнен сам собой* (М. Лермонтов. Эпиграммы). Когнитивный механизм перспективизации связан с выбором или изменением перспективы, точки отсчета в том или ином сообщении, что достигается посредством языкового механизма использования определенного типа синтаксической конструкции: *Дорога проходит через лес — Через лес проходит дорога; Зима наступает, одевайтесь теплее — Теплее одевайтесь, наступает зима; Это не я иду против течения, а течение идет против меня* (фраза из к/ф «Дайте жалобную книгу»); *Кому щи пустоваты, а кому жемчуг мелковат*; *Маленькая пенсия бережет вас от больших соблазнов* (фраза из сети «Интернет»).

То или иное знание может быть представлено с разной степенью конкретизации или обобщения (генерализации) за счет использования одноименных когнитивных механизмов и языковых механизмов синонимической номинации и перифраза: *инструмент — ключ — гаечный ключ — рожковый/накидной/торцевой/шестигранный/разводной/трубный (газовый) ключ; парковка рядом с магазином — парковка в десяти метрах от магазина; многоэтажный дом — пятиэтажный дом; зарплата будет в начале следующего месяца — зарплата будет 5-го числа следующего месяца; Поэтом (хоть и это бремя) / Из журналиста быть тебе не суждено; / Ругать, и льстить,*

и лгать в одно и то же время. / *Признаться — очень мудрено* (М. Лермонтов. Эпиграммы).

Выделение части концептуального содержания, которая характеризуется некоторой неопределенностью, приблизительностью или для которой в языке не существует конвенционального обозначения, достигается с помощью когнитивного механизма двойного фокусирования (вторичного профилирования, аппроксимации) и языкового механизма использования уточняющих наречий и частиц (*почти приехали, достаточно умен, приблизительно в начале месяца, в районе трех часов, около полудня, что-то вроде детектива, типа знакомого, слегка поджаренный, немного не в себе, где-то там на полке*), фразеологических единиц и паремий: *медвежий угол; когда рак на горе свистнет; куда Макар телят не гонял.*

В качестве одной из разновидностей концептуальной деривации (и деривационной интерпретанты), общего ментального процесса, лежащего в основе многих когнитивных механизмов, может также рассматриваться эвфемизация. Данный когнитивный механизм направлен на нейтрализацию или ослабление отрицательной характеристики в содержании концепта с помощью языкового механизма косвенной номинации, синонимической замены или перифраза: *уволить, наказать — сделать оргвыводы, подпортить резюме; выгнать — указать на дверь; выругаться — использовать словарь ненормативной лексики*; *доносить на коллег — информировать начальство; предать — вовремя предугадать*; *Берлин* ***не готов менять позицию*** *по поставкам дальнобойных крылатых ракет «Taurus» Украине* (косвенный отказ) (Рамблер. 07.01.2024).

Целью концептуального сравнения и концептуальной оппозиции является акцентирование определенной характеристики за счет сопоставления или противопоставления разных концептов или концептуальных областей и использования сравнительных конструкций в качестве языкового механизма: *как кот наплакал; как украл; как первый день на работе; носиться с чем-то, как курица с яйцом; простой, как здрасьте*; *Не родись красивой, а родись счастливой; Дороже здоровья может быть только лечение; Для мании величия не требуется величия, достаточно мании* (М. Жванецкий); *Стыдить лжеца, шутить над дураком* / *И спорить с женщиной — все то же,* / *Что черпать воду решетом:* / *От сих троих — избавь нас, Боже!* (М. Лермонтов.

Эпиграммы); *То берег, то море, то солнце, то вьюга,* / *То ласточки, то воронье…* (Б. Окуджава).

Широкую известность благодаря книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона получили когнитивные механизмы концептуальной метафоры и концептуальной метонимии [21]. Концептуальная метафора (онтологическая, структурная, пространственная), устанавливая связи между концептами разных концептуальных областей, позволяет интерпретировать неизвестное через известное, абстрактное — через конкретное, нематериальное — через материальное, аморфное — через дискретное: *свежее дыхание утра; широкая поступь весны; наука — двигатель прогресса; Утро красит нежным светом стены древнего Кремля* (В. Лебедев-Кумач); *Две вечных дороги, любовь и разлука,* / *Проходят сквозь сердце мое…* (Б. Окуджава).

При этом используется языковой механизм неконвенциональной семантической и синтаксической сочетаемости. Важное отличие концептуальной метафоры от метафорического сравнения проявляется в использовании эксплицитных показателей последнего на языковом уровне (предлогов, союзов, наречий сравнительной семантики), ср.: *Белые клавиши берез* (А. Вознесенский) — *Жизнь — как рояль: клавиша белая, клавиша черная* (М. Жванецкий).

Концептуальная метонимия тоже основана на межконцептуальных связях, но, в отличие от концептуальной метафоры, эти связи ограничены пределами одной концептуальной области. Данный когнитивный механизм использует один концепт для интерпретации связанного с ним другого концепта той же области, что обеспечивается применением языковых механизмов вторичной номинации, неконвенциональных способов синтагматики, лексической и синтаксической деривации: описание действия через его субъект или через средство его осуществления (*по-барски, столыпинские реформы, закрасить*), субъекта — через его действие (*невнятно говорить, неуклюжий танцор*), времени — через событие, и наоборот (*перед экзаменом, послеобеденный отдых*), времени — через человека (*сталинская эпоха*), человека — через место работы (*Бухгалтерия печатей не ставит*) и т. д.: *«Зенит» разгромил «Динамо» в матче чемпионата России*; *Дорогие коллеги, аудитория уточнилась весьма стремительно. Доклад состоится в ауд. 844* (Мослинг); *Звездный цирюльник* [Сергей Зверев] *искренне недоумевает, зачем его отпрыску нужно жениться*

в столь юном возрасте (Рамблер. 18.03.2015); *Интеллект в опасности! Он уже не просто никому не нужен — он вызывает вражду* (М. Жванецкий).

Один из самых сложных когнитивных механизмов — к о н ц е п т у а л ь н а я и н т е г р а ц и я. Суть его восходит к одноименной теории Ж. Фоконье и М. Тёрнера и заключается в объединении двух и более концептов в ментальной сети в единое интегрированное пространство [см.: 22]. Это объединение приводит к появлению нового интегрированного смысла, не равного простому сложению исходных смыслов: *гранитный вождь* (‘фигура вождя, выполненная из гранита’ ≠ 'гранит + вождь'). Так, например, заголовок одной из публикаций в Интернете (*Американский президент Эстонии* — Свободная пресса. 05.04.2015) предполагает активацию следующей ментальной сети концептов: 'Тоомас Хендрик Ильвес + родился в Норвегии, куда родители сбежали в 1944 г. от наступавшей Советской армии + почти всю жизнь прожил в США + работал на радио «Свободная Европа» + слабо говорит на эстонском + призывал НАТО начать реальную войну с Россией в случае кибератаки на республику’. Эта сеть в результате концептуальной интеграции образует единое ментальное пространство 'лицо на должности президента одной страны, но с отношением, характерным для другой страны'. На базе этого ментального пространства формируется новый интегрированный смысл, который не подразумевается ни одним из интегрированных концептов, — 'президент страны, который думает не столько о своем народе, сколько о воплощении политики другого государства' (Свободная пресса. 15.07.2026).

Когнитивно-языковая интерпретанта в концептуальной структуре языковой единицы может также сигнализировать об одновременном использовании разных когнитивных механизмов. Так, профилирование сопровождает разные механизмы формирования смысла, связанные с акцентированием определенных характеристик объекта, а сочетание концептуальной метафоры с концептуальной метонимией дало основание говорить о самостоятельном механизме — м е т а ф т о н и м и и [23]: *Май течет рекой нарядной* / *По широкой мостовой,* / *Льется песней необъятной* / *Над красавицей Москвой* (В. Лебедев-Кумач). Определенный интерес, помимо метафорического сравнения, представляет собой метафорическая импликация (или импликативная метафора) типа *Прохудилось небо* (онтологическая метафора + импликация ‘часто идут дожди’).

Остановимся далее на краткой характеристике языковых механизмов формирования смысла, которые были перечислены выше, но не упоминались в ходе описания когнитивных механизмов. Так, например, определенного внимания и иллюстрации заслуживает механизм одновременного использования омонимов и реализации разных значений одного и того же слова в одном контексте, который получил название игра слов. Этот механизм используется для создания каламбуров, выражения иронии, сарказма и других проявлений интерпретационной семантики: *Проблема многих умных людей заключается в том, что они думают, что окружающие их люди тоже думают*; *Пашинян — хозяин своего слова. Сегодня дал, завтра забрал обратно* (Рамблер. 25.12.2024); *По дороге шел боксер / В пиджаке и шляпе. / По дорожке шел боксер / С пятнышком на лапе* (М. Яснов); *Русским может быть только тот, у кого чего-нибудь нет, но не так нет, чтобы обязательно было, а так, что нет — и хрен с ним* (Н. Михалков. Формула русского человека).

Для выделения и усиления оценки той или иной характеристики во вторичной для них функции усилителей могут быть использованы полнозначные слова, полностью или частично утратившие исходную лексическую семантику (механизм делексикализации): *безумно красивая*, *ужасно грамотный, страшно недовольный, отчаянно прекрасный; Дайте сказать! — Нате; Еще раз прошу прощения за столь длительное промедление*. В этой же функции используются инверсия (*Хорош, нечего сказать! Лучше не придумаешь; Есть хочу! Зачет поставьте; Прекрасен наш союз; Удивительны в России вечера; Документы свои предъявите!*), усилительные частицы, местоимения, вводные слова, риторические вопросы, сравнительные конструкции (*Какой чудесный вечер! Такая красивая свадьба получилась! Столько людей собралось! Ну, ты и ответил! — Ну, ты и спросил! Сколько раз можно об этом говорить?! Тебя только и не хватало! И чтоб никаких подсказок! Надо же было до такого додуматься! Еще бы она не позвонила! Поговори мне еще! Зачем учить нас, как работать, если вы не научились, как нам платить?!*).

* * *

При подведении итогов всему вышесказанному представляется необходимым еще раз подчеркнуть, что интерпретационная семантика имеет антропоцентрическую природу и отражает

результаты новой интерпретации человеком уже имеющихся и закрепленных в языке знаний о мире, результаты его вторичного осмысления, то есть характеризуется антропоцентрической и концептуальной релятивностью — соотнесенностью со всей сложившейся у человека системой знаний и мнений об окружающем мире.

Знание об интерпретационном характере соотношения языковых структур со структурами знания передает концептуально-языковая интерпретанта, которая является неотъемлемой составляющей концептуальной основы языковых единиц, определяющей их семантику и функционирование. Эта составляющая отражает мнение, выбор, предпочтение, классификацию, оценку объектов и событий в их новой интерпретации со стороны человека как представителя конкретного социума или как отдельного индивида. Она также передает знание о когнитивных и языковых механизмах формирования конкретных интерпретирующих смыслов.

Основным методом исследования интерпретационной семантики и когнитивно-языковых интерпретант является концептуально-интерпретационный анализ в разных его разновидностях. Особая специфика интерпретационной семантики языковых единиц, наличие отдельного предмета и методов ее изучения формируют самостоятельное научное направление в современном исследовании языка с когнитивных позиций — концептуально-интерпретационное направление, подход, который открывает широкие перспективы для развития лингвистической науки в целом.

---

1. *Бабенко Л. Г.* Лингвистический анализ художественного текста : учебник для вузов. Екатеринбург, 2000. 534 с.

2. *Бабенко Л. Г.* Текст как самостоятельный раздел русской грамматики // Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования. М., 2019. С. 334–343.

3. *Бабенко Л. Г.* Когнитивные стратегии и механизмы оценочной интерпретации: типы и разновидности концептуальных структур // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 76–80.

4. *Бабенко Л. Г.* Универсальные интерпретационные категории: когнитивные стратегии и репрезентации в структуре идеографического словаря // Когнитивные исследования языка. 2023. № 2 (53). С. 58–65.

5. *Бабенко Л. Г.* Модальное пространство художественного текста: когнитивные стратегии формирования и репрезентации // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1–1 (62). С. 43–47.

6. *Бабенко Л. Г.* Лексикографические форматы и параметры пространственного моделирования внешней структуры и внутренней архитектоники идеографических словарей // Научный диалог. 2026. Т. 15, № 3. С. 9–31.

7. *Бабенко Л. Г., Бабенко В. Г.* Когнитивные технологии в филологии: концептуальный анализ художественного текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 135–140.

8. *Болдырев Н. Н.* Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 2 (45). С. 34–44.

9. *Болдырев Н. Н.* Концептуально-интерпретационное направление в развитии когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2026. № 4. С. 5–16.

10. *Pinker S.* The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature. N. Y., 2007. 512 p.

11. *Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения. М., 2000. 411 с.

12. *Болдырев Н. Н.* Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 4. С. 25–77.

13. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М., 2018. 478 с.

14. *Болдырев Н. Н.* Грамматические схемы вторичной интерпретации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 22–34.

15. *Dennett D.* Consciousness Explained. N. Y., 1991. 511 c.

16. *Болдырев Н. Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33. Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11–16.

17. *Болдырев Н. Н.* Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке. Тамбов, 2017. С. 19–81.

18. *Rosch E. H.* Cognitive Representation of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General. 1975. Vol. 104, no. 3. P. 192–233.

19. *Rosch E. H.* Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale ; N. J., 1978. P. 27–48.

20. *Langacker R.* Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin ; N. Y., 1991.

21. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago ; London, 1980. 256 p.

22. *Fauconnier G., Turner M.* The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. N. Y., 2002. 464 p.

23. *Goossens L.* Metaphtonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. Berlin ; N. Y., 2002. P. 349–377.

1.2. От хрупкости к антихрупкости: лексико-семантическая адаптация нового слова в русском языке

Появление новых областей знания, изменение способов концептуализации современной действительности, как правило, сопровождаются появлением в языке новых слов или развитием у имеющихся единиц новых значений. В настоящее время разного рода трансформации и инновации наиболее интенсивны в науке и технике, экономике, государственном управлении, политике, международных отношениях, медиакоммуникации и других сферах. Новые феномены быстро получают распространение, а их наименования перекочевывают из одного языка в другой. Одним из таких относительно новых для русского языка словообразований является прилагательное *антихрупкий* и его дериват — абстрактное существительное *антихрупкость*.

Появление данных единиц в русском языке обусловлено заимствованием из английского (полукалька от англ. *antifragility*), связанного с концепцией Нассима Николаса Талеба, изложенной в книге «Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса» (*Antifragile: Things That Gain from Disorder*) [1]. В рамках этой концепции *антихрупкость*, противопоставляемая хрупкости, понимается как способность системы не только сохранять устойчивость в условиях неопределенности, случайности, стресса или других дестабилизирующих воздействий, но также извлекать из них пользу и становиться в результате этого воздействия сильнее и эффективнее. Это различие эксплицируется через противопоставление хрупкого, неуязвимого и антихрупкого: хрупкое разрушается под воздействием внешних факторов, неуязвимое сохраняет исходное состояние, антихрупкое улучшается благодаря воздействию.

Антихрупкий/антихрупкость *в словаре и корпусе*

Появление лексем *антихрупкий*/*антихрупкость* в русском языке требует внимания и собственно лингвистического описания. Прилагательное *антихрупкий* образовано по достаточно продуктивной словообразовательной модели от прилагательного *хрупкий* и присоединяемого в начале слова аффиксоидного элемента *анти-*. В БТСРЯ отражены два значения элемента: «А́НТИ… [от греч. *anti* — против]. Первая часть сложных слов. 1. Обозначает

направленность против чего-л., борьбу с чем-л. *Антигуманность*, *антидарвинизм*, *антикризисный*, *антиреалистический*, *антисоветский*, *антифашизм*, *антицерковный*. 2. Обозначает противоречие чему-л.; противоположный. *Антивоспитательный*, *антигерой*, *антиискусство*, *антинаучный*, *антипедагогический*, *антироман*, *антиутопия*» [2].

Онлайн-ресурс «Аффиксоиды русского языка. Словарь-справочник» фиксирует четыре значения, ср.: «приставка, пишется слитно… — направленный против кого-, чего-л., на борьбу с кем-, чем-л. (*антиракета*, *антиреформаторский*, *антиалкогольный*, *антиамериканский*…); защищающий, предохраняющий от чего-л. (*антиблокировочный*, *антистрессовый*, *антивирусный*, *антибликовый*…); противоположный, противостоящий чему-л. (*антивоспитание*, *антигерой*…); полярный по каким-л. свойствам, о частицах вещества (*антикварк*, *антиматерия*, *антивещество*…)» [3].

Очевидно, однако, что семантика противоположности для прилагательного *антихрупкий* менее актуальна в силу наличия целого ряда слов-антонимов у прилагательного *хрупкий*, ср.: *крепкий*, *твердый*, *надежный*, *прочный* и др. [4]. При этом данные прилагательные обладают достаточно высокой частотностью. Имеется в русском языке и вариант с отрицанием *не хрупкий*, *совсем не хрупкий* и под., ср.: «Нет, он *совсем не хрупкий*, / Сон наяву» (Михаил Блехман. В-р // Ковчег, 2013); «Но, возвращаясь в свои деревни на реке Ирень, эти навыки они видоизменяли, потому что их камень был иным — *не хрупкий* и колкий малахит, а мягкий и вязкий селенит» (Алексей Иванов. Message: Чусовая. Ч. 6–7, 2007); «Ведь я задел не стеклянную вазу, *не хрупкий* прибор!» (Владислав Крапивин. Тень каравеллы, 1970); «И я была хрупкая, а теперь работа вот что из меня сделала! Выпрямляет свой действительно *не хрупкий* стан» (В. В. Шкваркин. Простая девушка, 1946) [5].

Семантическое содержание производного слова от *хрупкий* с элементом *анти-* не сводится к обозначению противоположности (отсутствие такого качества, как хрупкость, то есть прочность, твердость, крепкость и т. д.). Элемент *анти-* в структуре слова *антихрупкий* актуализирует, с одной стороны, семантику активного противодействия (здесь — противодействия разрушению, борьбы за выживание или сохранение целостности), с другой — значение защиты, предохранения от повреждения: *антихрупкость* — свойство предмета/системы (в широком смысле), позволяющее сохранить целостность в критической ситуации.

Заметим, что в настоящее время модель образования новых слов с элементом *анти-* высокопродуктивна. Так, в серии словарей «Новое в русской лексике» последних лет фиксируются многочисленные единицы с данным элементом: *антива́ксер, антивакци́нник, антивакци́нщик, антика́нселинг, антикарантини́ст, антикови́д, антикови́дник, антикови́дно, антикови́дно-кри́зисный, антикови́дность, антикови́дный, антикови́довый, антикоро́на, антикоронави́рус, антикоронави́русник, антикоронави́русно, антикоронави́русный, антима́скер, антима́сочник, антима́сочница, антима́сочничество, антима́сочный, антипандеми́йный, антиперча́точник, антиприви́вочник, антистати́стик, антительцы́* [6], *антиваксса́ция, антива́ксерский, антикови́д-восстановле́ние, антикови́д-гро́б, антикови́д-па́спорт, антиковцина́тор, антикоро́нщик, антиуко́льщик, антикуа́р, антикуа́р-бу́нт, антикуа́р-активи́ст(-ка), антикуарко́дный, антикуа́рный, антикуа́рщик, антикьюа́р-во́йско, антикьюа́рный, антиомикро́новка, антисе́кс-крова́ть, антиторгови́к* [7], *антизе́тчик* [8]; *антигравита́тор, антигравитацио́нный*; *антиквадро́бер, антиквадро́берный, антиквадро́берский, антиквадро́берство, антиквадробинг*; *антиподгля́дыватель*; *антиску́ф, антискуфидо́нство, антискуфство* [9][1].

В основном корпусе НКРЯ (применена морфологическая разметка) элемент *анти-* фиксируется с 1682 г., он обнаруживается в 16 251 текстах, 67 295 примерах (рис. 2). Хотя данная единица количественно уступает русскому аналогу *противо-* (в основном корпусе НКРЯ — 24 768 текста, 101 134 примера с 1700 по 2024 г.), частотность употребления *анти-* все же исключительно высока (IPM 157,9). Употребительность иноязычного элемента свидетельствует о ряде особенностей жизни общества и языка:

— Потребность общества в выражении энергии противостояния. Высокая частотность элемента *анти-* отражает дух времени, для которого характерны полемичность, конфликтность, критичность, поиск альтернатив. Едва возникает какое-либо социальное явление — в институциональном и неинституциональном дискурсах начинают себя проявлять разные сообщества его противников (ср. примеры из разных сфер жизни: *российский — антироссийский*,

[1] Здесь рассматриваются материалы выпусков «Нового в русской лексике», изданных с 2020 по 2024 г. Очевидно, однако, что единицы с элементом *анти-* фиксируются также в предыдущих и последующих выпусках.

западный — антизападный, *санкции — антисанкции*, *ваксеры — антиваксеры*, *скуф — антискуфство* и мн. др.).

— Тяготение к интеллектуализации и интернационализации языка. Элемент *анти-* легко присоединяется к русским и заимствованным корням и беспрепятственно встраивается в любые контексты: научные, политические, экономические, технологические и др.

— Действие закона экономии речевых усилий. Стремление к краткости и компактности выражения мысли способствует использованию данного словообразовательного «свертывателя». Например, вместо выражения *меры, направленные на борьбу с кризисом* используется сочетание *антикризисные меры*.

— Реализация людической функции языка. Элемент *анти-* становится инструментом языковой игры и даже языковой моды. Частотность префиксоида переходит критическую отметку, он становится «модным», легко присоединяясь к любым, даже подчеркнуто разговорным и исконно русским основам. Массово создаются коммерческие и бытовые понятия: *антикафе* (кафе, где платят не за еду, а за время), *антипрограмма*, *антипремия*; экспрессивные интернет-неологизмы: *антихайп*, *антипатриот*, *антитренды* и т. д.

Анти- в современном русском языке не просто мертвый элемент заимствованных книжных слов, но живой, агрессивный и высокопродуктивный инструмент, с помощью которого носители языка каждый день конструируют новые смыслы для описания меняющегося мира.

Рис. 2. Употребление элемента *анти-* по годам [5]

Подчеркнем, что в словарях русского языка единицы *антихрупкий*, *антихрупкость* отсутствуют, как, кстати, и в англоязычных словарях, например, в Кембриджском словаре на запрос *antifragility* представлено 0 результатов [см.: 10]. Однако в речевой практике (особенно в СМИ) в настоящее время эти слова употребляются довольно часто. Об этом свидетельствуют данные основного и особенно газетного корпусов НКРЯ, ср.: *Литература — это же типичная* ***антихрупкая*** *система, из тех, которым творческий беспорядок не просто не вредит, а исключительно помогает; неплохо бы это понять любителям поруководить литературным процессом* («Октябрь», 2014); *Под знаком непредсказуемости* (М.: КоЛибри, 2009); *…в конце минувшего года подоспело продолжение под названием* ***Антихрупкость*** («Октябрь», 2014) [5] (основной корпус); *Тем инвесторам, кто хочет не полагаться на волю волн ликвидности, в 2018 г. следует еще тщательнее, чем раньше, искать инвестиции, которые малодоступны или плохо заметны (понимаемы) для* ***main street***, ***антихрупки*** *(если цитировать Талеба), то есть выдержать кризис ликвидности на рынках, если он возникнет* (Lenta.ru. 04.12.2017); *Таковы итоги исследования Райффайзенбанка* ***Антихрупкость*** *2021: как строить бизнес, когда все рушится* (Ведомости. 2020.11.10); *И сегодняшняя ситуация, которую еще в начале года не мог предсказать, пожалуй, никто, учит нас главному —* ***антихрупкости*** (Коммерсант. 28.05.2020); *Причем подорожание допинга/наркоза — одновременно и символ новых тягот, и причина потери* ***антихрупкости*** *в дальнейшем* (Lenta.ru. 22.12.2016); *Девелоперские компании проходят испытание на* ***антихрупкость***, *как выразился генеральный директор направления «Санкт-Петербург» и совладелец ГК «Пионер» Юрий Грудин* (РБК. 28.12.2015) и др. [5]. Обращает на себя внимание графическое оформление единицы *антихрупкость*: оформление в кавычках свидетельствуют о восприятии единицы как чужого (индивидуально-авторского) слова, их отсутствие — о ее адаптации в русском языке.

В НКРЯ существительное *антихрупкость* фиксируется как единица низкой частотности (9 текстов, 22 примера, IPM 0,03; рис. 3), контексты представлены с 2012 г., что обусловлено выходом в свет вышеупомянутой книги Н. Н. Талеба «Антихрупкость…» (США, 27 ноября 2012 г.). В параллельном корпусе имеется 130 примеров, которые взяты именно из нее. В контекстах, извлеченных из интернет-ресурсов, примеров значительно больше, ср.: ***Антихрупкий*** *бизнес: от выживания к развитию. Единая площадка, где лидеры*

бизнеса находят стратегии роста, трансформации и эффективного управления командой в турбулентной среде (Антихрупкий.ру. 13.11.2025); ***Антихрупкий*** *портфель в данной системе проектируется как живая экосистема, где хрупкость отдельных элементов сознательно допускается для укрепления целого. Он не просто «переживает» хаос, а эволюционирует через кризисы, используя неопределенность как топливо для роста* (Т—Ж: издание про деньги и жизнь. 29.07.2025); *Что такое* ***антихрупкость*** *и в чем ее польза для инвестора.* ***Антихрупкость*** *— это концепция, разработанная Нассимом Талебом, автором книг «Черный лебедь» и «Антихрупкость». Идея описывает, как определенные системы, процессы и организации не только справляются с нестабильностью и стрессами, но и улучшаются от них* (Ренессанс Банк. Б. д.); ***Антихрупкость*** *— способность системы не просто выдерживать непредсказуемые и разрушительные события, но благодаря им становиться лучше и сильнее* (Сбер Университет. Вып. 40); ***Антихрупкий*** *бренд: как создать неуязвимые коммуникации в эпоху турбулентности… Узнайте секреты антихрупких коммуникаций от ведущих российских компаний* (Т-бизнес секреты. 28.11.2025) и мн. др.

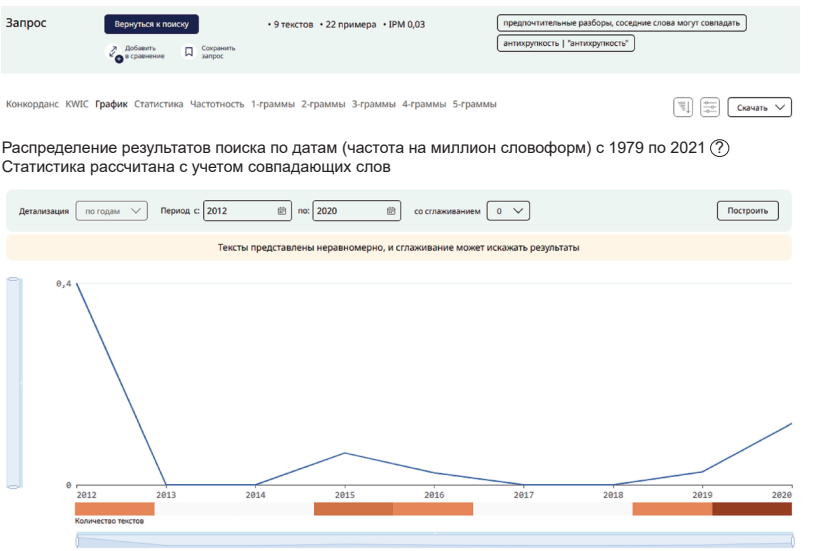


Рис. 3. Результаты поиска слова *антихрупкость* в НКРЯ

В перечисленных контекстах актуализируются такие семантические компоненты единицы *анихрупкость*, как ’способность

пережить кризис, стать лучше в результате преодоления трудностей / эволюционировать через кризис, извлечь пользу из ситуации преодоления кризиса, использовать неопределенность как стимул для дальнейшего роста' и под. Таким образом, дефиниции рассматриваемых лексем можно сформулировать так: *антихрупкий* — способный противостоять дестабилизирующему внешнему воздействию и использовать его как фактор укрепления, развития и совершенствования; *антихрупкость* — свойство объекта или системы, которое позволяет им эволюционировать (совершенствоваться) под воздействием внешних факторов, являющихся разрушительными для любого хрупкого объекта (системы).

Важно подчеркнуть, что, по замыслу Н. Талеба, антихрупкость не является просто антонимом хрупкости. Развитие у объекта (системы) свойства антихрупкости может претерпевать ряд стадий: хрупкость — прочность — устойчивость — резильентность — адаптивность — антихрупкость. Можно предположить, что при наличии свойства хрупкости объект под воздействием разрушительных факторов ухудшается или уничтожается вовсе; наличие свойств прочности и устойчивости помогает объекту сопротивляться разрушению; свойство резильентности, присущее объекту, дает ему возможность восстановления, в результате чего формируется адаптивность, то есть приспосабливаемость объекта к условиям кризисных ситуаций. Все указанные свойства, кроме самой хрупкости, вбирает в себя антихрупкость как способность к совершенствованию в результате пережитых потрясений. Таким образом, слово *антихрупкость* не является антонимом к лексеме *хрупкость*: противопоставление здесь осуществляется не по наличию/отсутствию свойства хрупкости, а по характеру реакции объекта на внешнее воздействие.

Антихрупкость в этом смысле может быть рассмотрена как некий каузативно-динамический сценарий, функционирующий по обобщенной модели: «объект — внешнее воздействие — положительный (эффективный) результат». Конкретное смысловое наполнение данной модели зависит от денотативной сферы, в соответствии с которой интерпретируется свойство антихрупкости.

Денотативные сферы употребления единиц ***антихрупкий/антихрупкость***

Л. Г. Бабенко применительно к изучению глагольной лексики отмечает необходимость учета «взаимосоотнесенности

и взаимообусловленности семантического, концептуального и денотативного пространств» [11]. Под денотативным пространством понимается «процессуально-событийный мир, каким он осознается носителями русского языка… Компонентами, составляющими денотативное пространство, являются типовые ситуации, знания о которых, накопленные поколениями русских людей, выражены и закреплены в русской глагольной лексике, поэтому они могут быть получены в результате процедуры семантического вывода из лексической семантики глагола» [Там же]. Высказанное Л. Г. Бабенко положение о денотативных сферах, которые объединяют лексику [см. подробнее: 12], может быть применено и к представленному здесь материалу: прилагательное *антихрупкий* и его субстантивный дериват *антихрупкость* предстают как единицы разных денотативных сфер; употребляясь в разных контекстах, они приобретают дополнительные признаки, сохраняя общее семантическое ядро.

Лексемы *антихрупкий* и *антихрупкость* отображают тематические доминанты экономического дискурса (денотативная сфера ЭКОНОМИКА/ФИНАНСЫ), являясь репрезентантами идеи о свойствах современных финансовых, инвестиционных, торговых, таможенных, налоговых систем и инструментов (*антихрупкие компании*, *антихрупкий отдел продаж*, *антихрупкий бизнес*, *антихрупкий бизнес-дизайн*, *антихрупкая бизнес-система*, *антихрупкий трейдинг*, *антихрупкие инвестиции, антихрупкий инвестор, антихрупкие финансы, антихрупкий бизнес-учет, антихрупкий АПК, антихрупкий маркетинг, антихрупкий HR, антихрупкий консалтинг, антихрупкий предприниматель и др.*), ср. контексты: *Как построить* ***антихрупкий бизнес*** *в эпоху турбулентности: от теории к практическим инструментам выживания и роста в условиях постоянных изменений* (РБК Компании. 27.02.2026); ***Антихрупкий АПК*** *России. Как монетизировать нестабильность в эпоху тарифных войн* (Агроинвестор. Дек. 2025); ***Антихрупкий маркетинг —*** *это про то, что система должна работать без вас* (Антихрупкий маркетинг. Б. д.); ***Антихрупкий дилер*** (Союз автосервисов. 09.12.2025) и мн. др.

Уровень финансовой системы, которая должна отличаться антихрупкостью, может быть разным — от индивидуального бизнеса до государственных корпораций, ср.: ***антихрупкий личный бренд*** (Сетка.ру. 19.03.2026); *Как сделать* ***ресторан антихрупким****? Давайте разберемся, какие же принципы помогают увеличить* ***антихрупкость ресторанных проектов*** *или другой сферы*

жизни (МаркетМедиа. 09.08.2021); *На пути к* ***антихрупкости****: ученые НИУ ВШЭ изучили финансовые стратегии российских корпораций в период санкций* (НИУ ВШЭ. 01.11.2024).

Поскольку финансовые системы строятся и возводятся, в данных контекстах оказывается актуальной строительная метафора, выраженная такими сочетаниями, как *антихрупкий фундамент*, *инженерия антихрупкости*, ср.: *Цифровая платформа с чек-листами служит опорой стабильной работы — фактически тем самым* ***антихрупким фундаментом*** *в ежедневной операционной деятельности* (Сервис-инспектор. Б. д.); ***Инженерия антихрупкости****. Где проходит предел деформации капитала* (Wealth Navigator. 04.08.2026).

Прилагательное *антихрупкий* и его дериват встречаются в области технологического развития (денотативная сфера ТЕХНИКА и ТЕХНОЛОГИИ), ср.: ***Антихрупкая архитектура ИТ*** (Anti-malware. 18.09.2025); ***Антихрупкие метрики****: как сегодня развивать зрелые цифровые продукты* (AdIndex. 20.08.2026).

Антихрупкость становится важным критерием системы социального управления (денотативная сфера СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА), ср.: *Приемы* ***антихрупкого управления*** *в разных культурах* (Сбер Университет. Б. д.); *Как мы можем прокачать* ***антихрупкость своей команды****? Как может стать более* ***антихрупким каждый из нас****?* (Тренинговая программа «Антихрупкость»: менеджмент-контент Марины Корсаковой); ***Антихрупкое лидерство****: как управлять компанией в условиях тотальной неопределенности* (Управляем предприятием. 14.02.2022); ***Антихрупкие кадры****: Россия будет готовить ВЭД-специалистов для экономики санкций* (Логистика в России. 05.07.2025); *Почему социальный капитал — ваш* ***антихрупкий актив****?* (Там же. 31.08.2026) и др. В этом контексте формируются теоретически значимые понятия сферы управления вообще: *антихрупкая стратегия, антихрупкие институты*, *антихрупкое лидерство*, *личная антихрупкость*, *антихрупкая продуктивность* и т. д.

Антихрупкость рассматривается как качество человека (денотативная сфера ЧЕЛОВЕК, субсферы ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА, МЕНТАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА), необходимое для его личного и профессионального роста. Так появляются сочетания *антихрупкий человек, антихрупкость человека*, *личная антихрупкость*, *антихрупкое мышление*, *антихрупкий разум,* ср.: ***Личная антихрупкость*** *рождается из умения соединить парадокс — широта мышления и способность улавливать*

слабые сигналы должны сочетаться с конкретностью действий (НИУ ВШЭ. 30.03.2023); *Как стать* ***антихрупким человеком****. Научитесь справляться со страхом и обретите философию, которая не сломается при столкновении с реальностью* (B17.ru. 08.09.202); *Как развить* ***антихрупкое мышление****: стратегии для жизни в условиях неопределенности* (Викиум. 26.01.2026); ***Антихрупкий разум****. Как подготовить психику к глобальным кризисам* (Mybook.ru. 2026). Антихрупкость как свойство личности рассматривается на примере выдающихся персоналий (***Антихрупкие****. **Женщины** в истории России… Множество женщин нашей страны закалили характер, нашли свое призвание и обрели суперсилу — **антихрупкость**!* — Лабиринт.ру. 2021) и простых людей (***Антихрупкая пара****. Прямой эфир для психологов. Когда супруги начинают спорить, большинство методов учит спор гасить.* — VK видео. 08.06.2026).

Антихрупкость понимается как такое свойство психологии человека, которое можно и нужно *развивать*, *тренировать*, *воспитывать*, что, вероятно, обусловливает появление единицы *антихрупкость* в текстах из сферы образования (денотативная сфера ОБРАЗОВАНИЕ), ср.: ***антихрупкое образование*** (МДОУ детский сад 144. 21.01.2026), ***антихрупкое обучение*** (Кухня.ру. 19.08.2026).

Таким образом, каузативно-динамический сценарий формирования свойства антихрупкости может быть реализован в таких денотативно значимых вариантах:

1) экономическая модель (или конкретная компания) → кризис → новое развитие;

2) финансовый инструмент → волатильность → прибыль;

3) человек / группа лиц (семья, команда) → испытание → личностный/профессиональный рост;

4) система (управленческая, социальная, цифровая или любая иная) → неопределенность/турбулентность → повышение эффективности.

Наблюдаемая широта сфер употребления единиц *антихрупкий*/*антихрупкость* (денотативные сферы ЭКОНОМИКА и ФИНАНСЫ, ТЕХНИКА и ТЕХНОЛОГИИ, ЧЕЛОВЕК, ВНУТРЕННИЙ И МЕНТАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА, ОБРАЗОВАНИЕ) и обусловленная этим широкая их сочетаемость свидетельствуют о постепенной детерминологизации, «деспециализации» лексемы: исходно терминологическое понятие, каким оно представлялось, например, у Н. Н. Талеба, начинает функционировать как

широкоупотребительная единица, обозначающая универсальную характеристику любых динамических систем, способных к самоизменению.

Антихрупкость *как аксиологическая категория*

Свойство антихрупкости становится не только важной характеристикой объекта (системы), но и целью его (ее) существования. Это придает аксиологическую значимость данному свойству, что подтверждается следующими языковыми фактами:

1) лексема *антихрупкость* сочетается в отобранных контекстах со следующими глагольными единицами: *развивать*, *тренировать*, *прокачать*, *обрести* (*антихрупкость*), *создать* (*антихрупкий бизнес* / *антихрупкую систему* / *антихрупкий ресторан*) и т. д.

2) в медиа активно распространяются рекламные сообщения с инструктивными синтаксическими единицами такого типа: *Как стать антихрупким? Как создать антихрупкий бизнес? Как развить в себе антихрупкость? Как достичь антихрупкого лидерства? Как развить антихрупкое мышление?* и под.

3) в неинституциональном (блоговом) дискурсе распространяются трансформированные паремии и афористичные выражения, ср.: *Что тебя не убивает, делает тебя антихрупким; Антихрупкость — это условная коробка, на которой написано: «Антихрупко! Бей сильнее, будет только лучше!»*

Эти факты свидетельствуют о высокой ценности самого свойства антихрупкости, представляющегося как желаемое качество, которое можно и нужно формировать. Антихрупкость, таким образом, становится не только дескриптивной, но и прескриптивной характеристикой: она обозначает не просто то, каким объект является, но и качество, к которому следует стремиться.

Собранный материал позволяет сформулировать некоторые выводы и о грамматических особенностях изучаемых здесь единиц. Слово *антихрупкий* проявляет себя как качественное прилагательное: оно используется для характеризации объекта в разных формах — полной (*антихрупкая система, антихрупкие финансовые контракты, антихрупкий человек*) и краткой (*инвестиции… антихрупки*). Абстрактное существительное *антихрупкость* используется в различных синтаксических конструкциях (*учит антихрупкости, испытание на антихрупкость*, *обладает антихрупкостью*, *придать чему-либо антихрупкость* и др.). Таким

образом, *антихрупкий* и *антихрупкость* обладают таким же синтаксическим поведением, как и лексемы без элемента *анти-*. Анализ функционирования рассматриваемых лексем показывает, что их освоение современным русским языком проявляется в формировании широкой лексической сочетаемости.

* * *

Единицы *антихрупкий*/*антихрупкость*, появившиеся в современном русском языке после выхода книги Н. Н. Талеба (2012), демонстрируют некоторые механизмы освоения новых слов. Существование и функционирование рассмотренных в корпусе и дискурсе единиц позволяет проследить процесс освоения русским языком нового терминологического образования, обнаружить факты расширения употребительности лексем в разных сферах коммуникации, отметить некоторые особенности формирования отдельного концепта, отражающего специфику взаимодействия объекта (системы) с внешней средой. Формально *антихрупкий* представляет собой образование по весьма продуктивной для современного русского языка словообразовательной модели *анти- + хрупкий*. Проведенный анализ демонстрирует, что семантика производного слова не сводится к значению «нехрупкий», «противоположный хрупкому». Хрупкость характеризует объект с точки зрения его способности разрушаться или ухудшаться под воздействием внешних факторов — антихрупкость отражает принципиально иной тип взаимодействия объекта (системы) и среды: воздействие, потенциально разрушительное для хрупкого объекта (системы), для антихрупкого объекта (системы) становится источником укрепления, развития, совершенствования. *Хрупкий — антихрупкий* не следует рассматривать как традиционную бинарную оппозицию. Целесообразно выделять этапы формирования антихрупкости через стадии сохранения — восстановления/адаптации — развития. Специфическим дифференциальным признаком слова *антихрупкость* является именно наличие положительного результата после столкновения с разрушительным воздействием, то есть способность объекта извлекать из ситуации кризиса ресурсы для развития и совершенствования.

В ходе исследования была выявлена специфика употребления лексем *антихрупкий*, *антихрупкость,* которая заключается в функционировании единиц в рамках следующих денотативных сфер: ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ, ТЕХНИКА И ТЕХНОЛОГИИ, УПРАВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ, ЧЕЛОВЕК: ВНУТРЕННИЙ

И МЕНТАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА, ОБРАЗОВАНИЕ. Анализ сочетаемости позволяет выявить определенное семантическое ограничение: в качестве антихрупких преимущественно осмысляются динамические объекты и системы, способные изменяться во времени и реагировать на воздействие среды. *Антихрупкость* оказывается, таким образом, не статическим свойством объекта, а характеристикой способа его функционирования и развития во внешней среде. Эта особенность объясняет широкое распространение прилагательного в контекстах, связанных с человеком, бизнесом, экономикой, управлением в социальной сфере, технологиями, образованием, где предполагаются возможность и необходимость реагирования на критические условия внешней среды. Иными словами, расширение сочетаемости сопровождается расширением дискурсивной сферы функционирования лексемы. Возникнув как термин, связанный с философско-экономической концепцией, *антихрупкость* активно осваивается экономическим, финансовым, управленческим, социальным, научным, технологическим, образовательным и публицистическим дискурсами. Наблюдается, таким образом, детерминологизация, деспециализация слова (от *антихрупкой стратегии* до *антихрупкого человека*, *антихрупкого ресторана* и под.). При этом зафиксированные случаи употребления слова в кавычках и с метаязыковыми пояснениями наряду с употреблением без графической маркировки позволяют предполагать, что процесс окончательной общеязыковой адаптации слов *антирухпкий* и *антихрупкость* еще не завершился.

Важно подчеркнуть, что антихрупкость начинает восприниматься носителями языка как ценностно значимый феномен, что демонстрируют сочетания с глагольной лексикой, имеющей семантику желательности и стремления к достижению цели (*развивать*/*воспитывать*/*формировать*/*тренировать*/*прокачать антитихрупкость*, *достичь антихрупкости* и под.), и специальные синтаксические конструкции с инструктивной установкой (*Как стать антихрупким? Как создать антихрупкий бизнес*? и т. п.). Указанные примеры свидетельствуют о переходе от дескриптивной характеристики антихрупкости к нормативной модели поведения человека, сталкивающегося с кризисными ситуациями. Антихрупкость, таким образом, осмысляется как желаемое состояние, которое можно приобрести, развивать, совершенствовать, но можно и не развить или утратить. Так слово начинает выполнять не только номинативную и характеризующую, но и оценочно-прагматическую функцию.

Особый интерес представляет функционирование лексемы в контекстах, связанных с человеком и его деятельностью. Сочетания *антихрупкий человек, антихрупкое мышление, антихрупкий разум, антихрупкое образование, антихрупкое обучение* отражают переход от системного понятия в русло антропологической интерпретации. Свойство антихрупкости переносится с экономических и социальных систем на личность и ее когнитивную деятельность. Происходит расширение концептуальной модели: антихрупкость начинает обозначать не только свойство системы, но и определенный способ взаимодействия субъекта с неопределенностью и изменениями.

Лексема *антихрупкий* демонстрирует основные признаки активной лексико-семантической адаптации: включается в продуктивную словообразовательную модель (*анти + имя*), приобретает морфологические признаки прилагательного русского языка, функционирует в атрибутивной и предикативной позициях (*антихрупкие инвестиции — инвестиции антихрупки*), образует отвлеченное существительное по активной модели (*антихрупкий — антихрупкость*), расширяет круг лексической сочетаемости и распространяются за пределы исходной терминологической сферы. В целом *антихрупкий* и *антихрупкость* можно рассматривать как пример того, каким образом современный русский язык осваивает новые способы концептуализации действительности. Новизна рассмотренных здесь единиц заключается не только в обозначении нового качества, но и в актуализации особой модели взаимоотношений объекта и среды в кризисной ситуации: не разрушаться под воздействием, не просто сохраняться и не только восстанавливаться, но использовать воздействие как ресурс для развития. Такая модель составляет семантическое ядро нового слова и определяет особенности его сочетаемости, дискурсивного распространения и дальнейшего развития в современном русском языке.

---

1. *Талеб Н. Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / пер. с англ. Н. Караева. М., 2019. 762 с.

2. БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка : авторская редакция / под ред. С. А. Кузнецова. [СПб.], 2000. 1536 с.

3. Аффиксоиды русского языка : словарь-справ. : [сайт]. URL: https://affixoid.iling.spb.ru/search?f[0]=title%3Aанти (дата обращения: 18.04.2026).

4. Sinonim.org : [сайт]. URL: https://sinonim.org/ (дата обращения: 18.04.2026).

5. НКРЯ — Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 15.04.2026).

6. Новое в русской лексике. Словарные материалы — 2020 / Ин-т лингвистич. исслед. РАН ; сост. Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников и др. СПб., 2021. 486 с.

7. Новое в русской лексике. Словарные материалы — 2021 / Ин-т лингвистич. исслед. РАН ; сост. Е. С. Громенко, Н. В. Козловская и др. СПб., 2022. 318 с.

8. Новое в русской лексике. Словарные материалы — 2022 / Ин-т лингвист. исслед. РАН ; сост. Е. С. Громенко, А. Е. Дёмина и др. СПб., 2023. 254 с.

9. Новое в русской лексике. Словарные материалы. 2023–2024 / Ин-т лингвистич. исслед. РАН ; сост. Е. С. Громенко, А. Е. Дёмина и др. СПб., 2025. 270 с.

10. Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations & Thesaurus : [website]. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (accessed: 18.04.2026).

11. *Бабенко Л. Г.* Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения // Денотативное пространство русского глагола : материалы IX Кузнецовских чтений (Екатеринбург, 5–7 февр. 1998 г.). Екатеринбург, 1998. С. 3–11.

12. *Бабенко Л. Г., Романова М. А.* Метафорическое пространство эмоций в русском языке : структура и когнитивные стратегии моделирования // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 6. С. 9–30.

1.3. О ментальных факторах в семантических процессах (к типологии лексической метонимии)

Семантическая система — одна из наиболее сложно устроенных сторон языка, не предоставляющая возможностей для сколько-нибудь очевидного внешнего наблюдения, богатое поле для моделирования в свете различных принципов. Для ее постижения непременным условием является полипарадигмальное осмысление. Это условие имеет особое значение для изучения лексико-семантической подсистемы языка, поскольку на лексике (с учетом сложности вербализуемых внеязыковых реалий, к тому же многообразно «обрабатываемых» сознанием) сходится необозримое число факторов влияния, среди наиболее очевидных — социальные, этнические, культурные, идеологические, психологические, физиологические.

В исследование лексико-семантической подсистемы современного русского языка большой вклад вносят ученые Уральской семантической школы, в том числе ее глава профессор Людмила

Григорьевна Бабенко, нынешний юбиляр. Не претендуя на всеобъемлющие аналитические оценки в рамках данной работы, укажем лишь на полипарадигмальные приоритеты в исследовательской деятельности (см., например, из числа последних по времени статей: [1; 2]) и масштабную работу по созданию комплекса авторитетных идеографических трудов. Принципы, определяющие концептуальные основы идеографических словарей в их развитии, также отражают установку коллектива авторов на полипарадигмальность ракурсов отражения лексической семантики [1–5].

Одним из важнейших аспектов в изучении лексико-семантической подсистемы, традиционным для языкознания, является связь языка и мышления, языка и сознания. Этот аспект исследуется инструментарием многих наук: психолингвистики, нейролингвистики, в последние десятилетия также когнитивной науки. Каждая наука обращается к языку со своими категориями, помещая его в свою систему координат.

Когнитивная наука в целом и ставшее уже многоотраслевым лингвокогнитивное направление в изучении языка также рассматривают связь языка и мышления в свете специфических категорий, интерпретирующих языковую систему и речевую деятельность в новых для языкознания понятиях — как вид когнитивной деятельности, как принципы структурирования, организации и воспроизведения знаний, отражение ментальной деятельности в языковых единицах и явлениях — как результат процессов категоризации, концептуализации в концептосфере и т. д. В данном случае мы обращаемся к одной из линий взаимодействия языка и сознания — связи классов лексико-семантических единиц и закономерностей их функционирования и развития с единицами ментального уровня в свете влияния когнитивного акта — сдвига (смещения) фокуса внимания.

Цель работы — представить опыт осмысления лексической метонимии в свете роли в ее образовании двух ментальных факторов — типа концепта, организующего знания о реалии в соответствии с тем или иным принципом, и акта сдвига фокуса внимания в их проекции на язык.

Идея фокуса внимания, введенная в научный оборот Л. Талми [6], широко используется в работах ученых когнитивного направления в терминах *фокусирование*, *профилирование*, *аспектизация*, *актуализация*, *выделенность*, *фигура — фон*, *профиль — база*, *домен и матрица доменов*, *концептуальный диапазон* и *активная зона*, *траектор* и *ориентир*, *перспективизация* и др. [7, с. 25; и др.]

Понятие *сдвиг фокуса внимания*, чаще рассматриваемое в лингвистических работах по отношению к метонимии и смежным с ней явлениям (см. работы Г. И. Кустовой [8], Е. В. Урысон [9], М. В. Сандаковой [10], Н. А. Илюхиной [11; 12], И. В. Лисицыной [14] и многих других авторов), чрезвычайно продуктивно в силу того, что обладает большой объяснительной силой при интерпретации целого ряда закономерных процессов, которые с традиционных лингвистических позиций часто не обнаруживают между собой какой-либо общности, тем более что касаются единиц разных уровней языковой системы.

Ментальный акт сдвига (смещения) фокуса внимания (по оценке О. К. Ирисхановой, «фокусирование является одним из важнейших понятий когнитивной психологии и когнитивной лингвистики» [7, с. 13]) в проекции на языковую систему, развитие и функционирование языковых единиц обнаруживает многочисленные и принципиально разные проявления, общность природы которых становится очевидной лишь в системе лингвокогнитивной парадигмы. Это указывает на целесообразность изучения и интерпретации таких языковых и речевых фактов и явлений в их связи с ментальными единицами, в данном случае — с концептом.

Ключевым актом, порождающим метонимию, является ментальный акт сдвига фокуса внимания. В проекции на язык, и особенно на речь, его многочисленные следствия выступают в очень разных проявлениях, тем более что эти проекции наблюдаются по отношению к единицам разных уровней языковой системы.

По мере интенсивного развития когнитивного подхода получили специальную разработку вопросы типологизации эффектов сдвига фокуса внимания, оформленные в разных терминологических обозначениях: наряду с традиционно понимаемой метонимией, выделяются явления аспектизации семантики языковой единицы, профилирования и перепрофилирования, которые различаются тем, какие именно стороны семантики затрагивают соотвествующие трансформации. При широком понимании метонимии все названные явления в нее включаются, при узком последние противопоставляются традиционно понимаемой метонимии. Так, Е. В. Падучева противопоставляет в рамках широко понимаемой метонимии традиционный тропеический перенос наименования по смежности (*Стаканы пенились и шипели беспрестанно* (А. Пушкин)) и «смещение фокуса внимания с одного участника ситуации на другого» (*Кони звенели уздечками — Уздечки звенели*) [14; 15]. В результате перепрофилирования, или

аспектизации, актуализируются разные стороны одной реалии, на основании которых она может осмысляться как принадлежащая разным категориям, например: печь — это устройство и вместилище, школа — это учреждение и помещение, лошадь — живое существо и вид транспорта (примеры Е. В. Падучевой). В большей мере понятие аспектизации, как показано в работах Е. В. Падучевой и других ученых, продуктивно для интерпретации глагольной семантики — лексической, лексико-грамматической и грамматической.

Вместе с тем можно, на наш взгляд, утверждать, что все метонимические значения и метонимические употребления слов являются результатом (хотя и не единственным) ментального акта сдвига фокуса внимания. Кратко обозначим некоторые принципиально разные результаты проекции данного ментального акта на язык и речь, имеющие закономерный характер.

Наиболее очевидным проявлением сдвига фокуса внимания принято считать одну из его синтаксических проекций — актуальное членение предложения, связанное с выделением наиболее коммуникативно важной его части — аналога компонента ментальной пропозиции. Ср.: *Елена получила свой подарок вчера — Вчера Елена получила свой подарок — Вчера свой подарок Елена все-таки получила*.

С актуальным членением предложения своеобразно соотносится феномен конверсии, отмечаемый как явление лексической системы, которое также имеет целью переакцентировку (иную аспектизацию) восприятия и отражения одной и той же ситуации — изменение «выражения субъектно-объектных отношений в эквивалентных по смыслу предложениях» [16, с. 234–235]. Например: *Отец дал сыну сумку — Сын взял у отца сумку*; *Иванцовы продали участок Яниным — Янины купили участок у Иванцовых*. Показательно то, что с названным лексико-семантическим следствием сдвига фокуса внимания соотносится грамматическая категория залога с противопоставлением глагольных форм действительного и страдательного залогов и позиций грамматического субъекта и грамматического объекта (*Здание на нашей улице возводится этой строительной компанией — Эта строительная компания возводит здание на нашей улице*).

Непосредственное отношение к выражению акта смещения внимания имеют лексико-синтаксические конструкции, отражающие одну ситуацию, рассматриваемые Е. В. Падучевой как результаты трансформации в логике диатезы, то есть с меной

семантических ролей и синтаксических позиций участников ситуации [15, с. 62 и далее]. Например: ***Дети сбегают*** *по тропинке к роднику* — ***Тропинка сбегает*** *к роднику* — ***Тропинка привела детей*** *к роднику*. В этом случае соотносятся более сложные, не однолинейно связанные между собой конфигурации осмысления фрагмента действительности. Приведем и другие соотношения между высказываниями как вариантами отражения одной внеязыковой ситуации, которые внешне, на собственно языковом уровне, кажутся отличными от приведенных выше, поскольку в них вводятся различающие их компоненты ситуации: ***Учитель*** *уже привез ребят на олимпиаду* — ***Водитель*** *уже привез ребят на олимпиаду* — ***Автобус*** *уже привез ребят на олимпиаду*.

Вместе с тем — при очевидном различии на собственно языковом уровне — эти высказывания, как и приведенные выше, с семантико-прагматической точки зрения различаются между собой лишь сдвигом фокуса внимания, высвечиванием одного из аспектов, перепрофилированием ситуации в ее языковом отражении. В этом случае эффект достигается за счет мены компонентов ситуации в позиции грамматического субъекта, то есть изменения синтаксического статуса этих компонентов, которые на ментальном уровне объединены отношениями смежности в рамках одного концепта-пропозиции.

Безусловную связь со сдвигом фокуса внимания имеет прием включения или невключения в структуру высказывания того или иного компонента ситуации с учетом его актуальности для говорящего. Так, вариантами отражения одной и той же ситуации можно считать развернутое высказывание с максимальным числом ее компонентов: *Вчера делегаты приехали на фестиваль из Астрахани в Вологду поездом* и более лаконичные предложения *Делегаты из Астрахани приехали — Делегаты из Астрахани приехали поездом — Вчера делегаты приехали в Вологду.* Невключение тех или иных компонентов ситуации в состав высказывания («пропадающие актанты», по Е. В. Падучевой [15, с. 60–62]) означает их неактуальность, невхождение в фокус внимания говорящего, которое в этом случае находит отражение не в коммуникативном, а в конструктивном аспекте предложения.

Упомянем в качестве одного из ярких проявлений сдвига фокуса внимания в его проекции на язык закономерное лексико-семантическое явление — семантическое варьирование слова в процессе его функционирования. Речь может идти как о семном, так и о сememном варьировании, которые, на первый взгляд,

не имеют общего с синтаксическими следствиями. Так, при воспроизведении слова *камень* в его исходном значении происходит актуализация отдельных сем на фоне нейтрализации других, коммуникативно неважных в данной ситуации: *Вода и камень точит* («твердый») — *Камнем лежит на сердце это воспоминание* («тяжелый») — *На стройку привезли камень* («строительный материал») — *Надо убрать камень с дороги* («помеха движению»). Одним из первых в отечественной науке это явление исследовал И. А. Стернин [17]. В основе этого системного явления также лежит акт перевода в статус актуального того или иного признака реалии, то есть смещение фокуса коммуникативного внимания.

О глубинной сущности упомянутых и многих других языковых явлений свидетельствует, в частности, то, что они представляют собой языковые универсалии.

Обратимся к одной из важных сторон ментального акта сдвига фокуса внимания — его действие происходит в условиях отношений соположенности, смежности тех или иных компонентов (компонентов ситуации в предложении, семантических компонентов в структуре лексического значения и т. д.) в рамках единого целого.

Возникает необходимость обозначить контуры и природу единицы, компоненты которой в данном случае находятся в отношениях соположенности. Поскольку метонимический механизм и акт смещения фокуса внимания имеют ментальную природу, то единицей логично признать также ментальную единицу — концепт, кодирующий знания о реалии. Иными словами, естественно предполагать, что сдвиг фокуса внимания происходит в пределах структуры одного конкретного концепта.

Обращение к концепту как единице, в рамках структуры которой происходит сдвиг фокуса внимания, в том числе в проекции на язык и речь — перенос названия, позволяет объяснить обилие и многообразие векторов переноса, которые отражены в многочисленных классификациях лексической метонимии слов разных частей речи, прежде всего имен существительных [10; 15; 18–22].

Анализ работ, представляющих опыты классификаций лексической метонимии, позволяет заключить, что все модели метонимических переносов, систематизированные в этих описаниях, укладываются в рамки партитивных отношений, объединяющих элементы концепта, кодирующего знания о реалии (*дом* — «строение», «жилище», «обитатели, семья», «домашнее хозяйство»; *стрижка*, *соление* — «действие, направленное на объект», «результат этого

действия»; *спуск* — «действие перемещения», «место этого действия», *груша* — «дерево», «плод этого дерева» и т. п.).

Признание концепта в качестве единицы, объединяющей соположенные компоненты на основе партитивных отношений, дает ключ к объяснению многочисленных векторов и, соответственно, моделей переноса, в том числе фактов многовекторности переноса одной лексической единицы. Это разнообразие предопределено разными принципами организации знания в рамках различных типов концептов: представления, схемы, фрейма, пропозиции, сценария, гештальта и др.

К тому же в структуре отдельно взятой ментальной единицы, особенно многокомпонентных типов концепта, наблюдаются разные типы отношений между компонентами. Именно разные принципы организации знания и многочисленные типы отношений между компонентами структурированного знания в рамках одной ментальной единицы и обусловливают наличие большого числа моделей и *предопределяют конкретные векторы сдвига фокуса внимания* и — в проекции на лексическую подсистему языка — *векторы метонимических переносов названия*.

Не претендуя на подробную характеристику типов ментальных единиц, обозначим лишь наиболее важные типологические различия основных типов концептов — фрейма, пропозиции и сценария с точки зрения принципа организации знания о мире в сознании, а значит, и принципа воспроизведения знания в речи (подробнее о типологии лексической метонимии с опорой на принцип связи с определенным типом концепта см.: [11]).

Родовое понятие *концепт* в отечественной когнитивной лингвистике объединяет различные ментальные единицы, структурирующие знания о мире в сознании человека и являющиеся единицами мыслительного процесса. Между собой эти ментальные единицы различаются типами знания, которое они структурируют, и принципами структурирования и организации этого знания.

Сформулируем исходные положения нашего подхода к выделению типов лексической метонимии и их интерпретации:

— метонимия является результатом манипуляции единицами знания в категориях целого и его частей, в свете отношений целого и его частей;

— принципы структурирования знания в процессе его категоризации и концептуализации впоследствии предопределяют векторы переноса — слов-названий, слов-определений (а также метафорических концептов);

— модели метонимического переноса слов тесно связаны с определенными типами концептов и реализуются в логике структуры этих концептов [11].

Не останавливаясь на вопросах типологии концептов (см. работы [18; 23; 24]), обратимся лишь к наиболее известной и важной для поставленной задачи типологии многокомпонентных концептов, различающихся типом кодируемого знания и — что более важно! — принципом организации и, соответственно, принципом воспроизведения знания в процессе мышления и речевой деятельности.

Значительная часть лексической метонимии, как показали наблюдения, строится на основе структур фрейма, пропозиции и сценария; структура фрейма, пропозиции и сценария, в свою очередь, предстает в процессе метонимического воспроизведения в виде отношений целого и части: концепт осмысляется как целое, а его элементы (субфреймы во фреймовой структуре, компоненты ситуации (актанты и сирконстанты) в пропозициональной структуре, акты в сценарной структуре) — как его части [11, с. 34–36].

Приведем определения основных типов концептов, обратив внимание на некоторые особенности организации знания (структуры концепта) в этих форматах: фрейма, пропозиции и сценария.

Фрейм — это…

— «…объемное и целостное представление многокомпонентного явления типа *класс*: *комната, доска, парты, учительский стол, мел, географическая карта, глобус* и т. д.» [25, с. 75];

— «…объемный многокомпонентный концепт, представляющий собой “пакет” информации, знания о стереотипной, часто повторяющейся ситуации. Например: ТЕАТР (компоненты: билетная касса, зрительный зал, сцена, буфет, раздевалка, спектакль и т. д.)» [23, с. 54];

— «…мыслимый в целостности его основных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» (стадион, ресторан, поликлиника) [24, с. 119].

Примеры приводимых разными учеными концептов, имеющих фреймовую логику и структуру организации, обращают на себя внимание тем, что имена этих концептов (лексемы *класс*, *комната*, *зал*, *сцена*, *спектакль*, *ресторан*, *поликлиника* и др.) образуют высокорегулярные (можно сказать — обязательные) метонимически производные значения одинаковых типов. Даже поверхностная оценка позволяет сделать вывод о том, что

однотипные вторичные лексико-семантические варианты метонимического характера предопределены типом ментальной единицы (в данном случае фреймом), которая в определенной логике структурирует и организует знания о реалии.

Пропозиция как тип ментальной единицы структурирует знания о мире в иной логике и задает иные отношения между ее компонентами. Приведем одно из ее определений: «Пропозициональная структура, или пропозиция — наиболее распространенный способ концептуальной организации нашего знания. Она представляет собой модель события как определенной области нашего опыта, в которой вычленяются элементы — аргументы и базовый предикат, связывающий эти аргументы…» [23, с. 54], Иначе говоря, пропозиция организует знания о реалии в аспекте ее типовых ситуативных связей с другими реалиями, то есть в проекции на язык — в категориях компонентов ситуации — актантов и сирконстантов: субъекта, объекта, адресата, орудия, инструмента, средства, места, времени и т. д. (в другой терминологии — агенса, пациенса, экспериенцера, бенефактива и др.).

Непосредственными именами концептов пропозиционального типа являются глаголы, именующие ситуацию (*варить*, *разведывать*, *входить*, *защищать*, *судить, заседать*), отглагольные существительные с тем же значением (*варение*(*-ье*), *разведка*, *вход*, *защита*, *суд, заседание*). Приведенные примеры существительных также имеют бросающееся в глаза типологическое сходство в развитии их многозначности — демонстрируют комплекс описанных в научных работах регулярных типов метонимического переноса и образования производных значений по моделям *действие — субъект действия* (*разведка*, *защита*, *суд*), *действие, направленное на объект, — объект этого действия* (*варенье*), *действие — место этого действия* (*вход*), *действие — время этого действия* (*заседание*).

Спецификой для ментальной единицы сценарного типа является не столько отражаемая реалия (ею выступает событие, то есть ситуация, как и в случае с пропозицией), сколько принцип ее структурирования и организации — ситуация, развертываемая во времени. Приведем варианты трактовок понятия «сценарий»:

— «последовательность стереотипных эпизодов (этапов или элементов), развивающаяся во времени и пространстве» [25, с. 75];

— «процедурный способ представления стереотипного знания, который формулируется в терминах алгоритма и инструкции» [26, с. 119];

— «последовательность нескольких эпизодов во времени; это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития» [24, с. 119].

В качестве примеров концепта сценарного типа в работах приводятся события посещения стадиона, поликлиники или театра, выступления на стадионе, игры, драки, процедура экзамена.

Что касается метонимических переносов, предопределенных структурой концепта сценарного типа, то они выделены в последние годы и не получили широкой известности. В качестве примеров можно привести обиходные выражения *Подойди к телефону*; *Она вчера вечером заглянула к нам*. В этих случаях событие сценарного типа, состоящее из нескольких эпизодов (подойти к телефону, взять трубку, поговорить с собеседником, завершить общение, положить трубку; прийти к месту нахождения говорящего, войти, побеседовать с ним, произвести какие-либо действия, покинуть помещение), обозначается названием лишь одного эпизода — зрительного действия, названного лексемой *заглянуть*, то есть метонимически.

Обратимся к более подробному показу картины метонимических переносов, связанных с концептами трех названных разновидностей. Прежде всего вернемся к понятию смежности — ключевому для рассмотрения метонимического механизма и для акта сдвига фокуса внимания в целом.

Обилие метонимических моделей, выделенных учеными, отражает широту понятия *смежности*, выходящего за рамки соположенности, фиксируемой эмпирически. Расширенное понимание смежности отражено в энциклопедической статье Н. Д. Арутюновой, она, в частности, указывает: «Основой метонимии могут служить пространственные, событийные, понятийные, синтагматические и логические отношения между различными категориями, принадлежащими действительности и ее отражению в человеческом сознании, закрепленному значениями слов, — между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем и т. п.» [19, с. 300]. Приведенный перечень позволяет, в свою очередь, заключить, что метонимический механизм имеет глубинную природу, делающую невозможной систематизацию переносов исключительно на лингвистических основаниях. Учет лишь этих оснований, как известно, делает список частных метонимических моделей бесконечным.

Подчеркнем в приведенном фрагменте статьи Н. Д. Арутюновой важное замечание: промежуточным звеном между

предметами, событиями, другими феноменами, с одной стороны, и значениями слов, с другой, являются ментальные категории, хранящие структурированные и категоризированные, концептуализированные знания о них («между различными категориями»). Именно в сфере последних следует искать основания для типологии традиционной лексической метонимии. Эту мысль находим у Е. В. Падучевой: «Интерес к метонимии — это следствие обращения лингвистов к связям между высказыванием говорящего и (воспринимаемой и осознаваемой им) действительностью: связи по смежности существуют не между смыслами, а в действительности. Но идя от ситуации к ее концептам, можно говорить о соответственных — метонимических — связях между компонентами концептов ситуаций» [14, с. 241].

Выше в комментариях к определениям концептов фреймовой, пропозициональной и сценарной разновидностей мы обращали внимание на то, что их внутренняя структура определяется разным типом компонентов как частей целого и разными отношениями между ними, которые, однако, сводятся к партитивным отношениям, отношениям «сочастности», которые являются универсальными для структуры разных ментальных единиц и образуют пространство смежных, соположенных сущностей. При таком взгляде под целым понимается ментальная единица того или иного типа (концепт-фрейм, концепт-пропозиция, концепт-сценарий), а под частью — компоненты его структуры, связанные между собой конкретными отношениями, обусловленными структурой соответствующего концепта.

Таким образом, «концептологический» подход как один из аспектов когнитивной интерпретации лексической метонимии позволяет осмыслить и объяснить природу необозримого перечня разновекторных переносов слов разных частей речи в их связи с типами ментальных единиц и их структурой.

В рамках этого подхода логично противопоставить фреймовую, пропозициональную и сценарную метонимию, закономерную для существительных, глаголов, прилагательных, а также наречий. Как показали результаты исследования, для субстантивной лексики закономерными являются фреймовый и пропозициональный типы переносов, а для глагольной лексики — пропозициональный и сценарный типы.

Подробнее остановимся на метонимии существительных пропозиционального типа и на глагольной метонимии пропозиционального

и сценарного типов. Предпочтение этих разновидностей метонимии связано с кардинальным различием концептов пропозиции и сценария, организующих знания на основе разных принципов. Именно эти разные принципы и предопределяют различие логики сдвига фокуса внимания, отраженной в проекции на язык в векторах переноса лексических единиц.

Метонимические переносы в сфере существительных

Многочисленные разновидности метонимических переносов пропозиционального типа, предопределенные связью с концептом-пропозицией, которая аккумулирует знания о ситуации в аспекте отношений между ее компонентами, объединенными действием (на уровне языка — предикатом), известны и систематизированы в работах ученых под терминами «временная», «каузальная», «логическая», «актантная метонимия» (работы Ю. Д. Апресяна [18], М. Г. Шкуропацкой [22], А. Н. Еремина, О. О. Петровой [26] и ряда других). При этом ни в одной из названных классификаций метонимии разновидности, включенные нами в разряд пропозициональных, не объединяются в один разряд, то есть представлены разрозненно; отчасти близким, хотя и неполным представлен перечень метонимических переносов под названием «актантная метонимия» в работе Ю. Д. Апресяна [18].

Как говорилось выше, пропозиция объединяет компоненты одной ситуации. Следовательно, отношения между компонентами можно схематично обозначить как отношения между частью и целым (между компонентом ситуации и всей ситуацией) и как отношения между разными компонентами одной ситуации. Оба типа партитивных отношений представлены в системе языка и особенно в речи многочисленными разновидностями с учетом состава разных типов ситуаций, отраженных в разных ментальных пропозициях. Эти разновидности, тем не менее, поддаются обобщению с учетом вектора сдвига фокуса внимания и, соответственно, вектора переноса названия в три магистральных модели:

— с целого на часть (с ситуации в целом на тот или иной ее компонент),

— с части на целое (с того или иного компонента ситуации на ситуацию в целом),

— с одной части на другую часть в пределах целого (с одного компонента ситуации на другой в рамках одной ситуации).

Первое направление сдвига фокуса внимания в проекции на язык представлено большим числом частных метонимических моделей, большинство из которых являются высокорегулярными и вовлекают большие лексические массивы. Наиболее естественно такому переносу подвергаются отглагольные существительные, которые в опредмеченной форме называют процесс, действие, отношение. Представим перечень таких моделей с иллюстрациями:

— действие → субъект действия: *руководство*, *суд*, *разведка*, *собрание*, *следствие, защита, нападение, съезд, охрана, совещание* и мн. др.; ***Совещание*** *постановило пойти на крайние уступки и в том числе на отказ от «нейтральной зоны» в Северной Корее* (А. Деникин); *Главной же точкой, как и в прежнее время, все была Анюта, дорогая и единая дочь, светлое упование стареющей* ***жизни*** (Б. Зайцев);

— действие → результат (объект) действия: *заказ*, *посылка*, *жалоба*, *сочинение*, *вязанье*, *перелом*, *накопление*, *стрижка*, *совет*, *работа*, *труд*, *письмо*, *издание*, *распоряжение*, *анализ*, *заимствование* и мн. др.; *Еще одна «горячая» тема — отношение общества к английским* ***заимствованиям*** *в русский язык и его жаргонизация* (В. Гулида, Н. Вахтин);

— действие → место действия: *работа*, *консультация*, *мойка*, *стройка*, *переправа*, *спуск*, *остановка*, *поворот*, *вход*, *обрыв, стоянка* и мн. др.; *Ну что? — спросила Людмила, когда они вышли* ***из консультации*** (В. Черных);

— действие → средство/инструмент действия: *упаковка*, *облицовка*, *печать*, *замазка*, *окантовка*, *обивка* и др.; *Линия может пускать в дело старые полиэтиленовые мешки, пластиковые бутылки, канистры и* ***упаковку*** (Н. Малетин);

— действие → время действия: *миг*, *обед, ужин, революция, перестройка, заседание, переговоры, война, перемирие* и др.; *Я много узнал о нем* ***в перестройку****, когда в восьмидесятые побывал в Одессе* (А. Свиридова).

Во всех приведенных случаях название действия и, соответственно, ситуации становится в результате сдвига фокуса внимания на один из компонентов ситуации названием этого компонента.

Показательны случаи многовекторных переносов, когда название ситуации в результате сдвигов фокуса внимания на разные компоненты ситуации получает несколько метонимически производных значений, например, слово *упаковка* в разных

высказываниях может служить метонимическим названием средства упаковывания и названием упакованного предмета, слова *стройка* и *консультация* — названием объекта и названием места действия, слово *печать* — названиями созидаемого объекта и инструмента действия. Ср.: *Раму на скорую руку сколотили, а вот от* ***упаковки*** *портрета в целлофан ты отказалась* (М. Габрилович) — *Именно подарок, потому что сверток был* ***в*** *красочной* ***упаковке*** (Г. Сванидзе) — *Но, налюбовавшись на сладкое изобилие, она шла и покупала* ***упаковку*** *самых дешевых булочек, сыр и колбасу* (Л. Кеффель-Наумова).

Второе направление сдвига фокуса внимания в проекции на язык обеспечивает противоположный вектор и представляет собой перенос названия с одного из компонентов ситуации на всю ситуацию. Этот перенос также объединяет комплекс частных разновидностей, среди которых более регулярной является модель переноса на действие (ситуацию в целом) с места этого действия, с субъекта этого действия, с времени действия, с инструмента действия. Приведем примеры:

— место действия → действие: *дорога, путь* («трасса для перемещения» — «процесс перемещения, путешествие»), *форум* («место, площадь» — «собрание, обсуждение»), *круглый стол*, *Бородино* («населенный пункт» — «сражение»); *Давос, Афганистан, Сирия; Прошло несколько* ***Давосов*** *с нашим участием*; *Чем бы ни* ***закончился Майдан****, кто бы ни встал у руля страны — разворачивать «Титаник» украинской экономики все равно придется, пока не налетел на айсберги* (MKRU. 2014);

— субъект действия → действие: *совет*, *комиссия*, *ректорат*, *кафедра* («административный или общественный орган» — «деятельность этого органа»): *По-видимому,* ***состоялся совет****, на котором было решено, что Лев поговорит с отцом* (В. Каверин); ***Ректорат затянулся***;

— время действия → действие: *вечер*, *ночь*, *день*, *год* («время» — «мероприятие, проходящее в это время»): *званый вечер*, *вечер встречи выпускников*, *День филолога*, *Ночь музеев*, *Неделя высокой моды*, *Год языков народов России*; *Например, на ту же* ***Ночь музеев*** *раньше кто-то забредал случайно, а сейчас приходят молодые активные зрители, заинтересованные именно в наших событиях* (И. Осипова, И. Лебедева);

— инструмент действия → действие; этот тип переноса фиксируется чаще в непринужденной разговорной речи. Приведем пример такого использования сочетания *хирургический скальпель*:

Что у тебя в перспективе? — Хирургический скальпель. Ответное высказывание допускает двоякое понимание метонимического значения имени инструмента — хирургическую операцию как предстоящее событие либо профессиональную деятельность говорящего в качестве хирурга. Однако важно, что при любой интерпретации сохраняется данная модель метонимического переноса. Допускают аналогичное метонимическое употребление и другие названия инструментов деятельности — *скрипка*, *трактор*, *лопата, автомат* и т. д.

Для этого направления переносов тоже характерна многовекторность. Примером может служить метонимически производное употребление слова *майдан* (Майдан Незалежности в Киеве) для обозначения места, известных событий, происходивших в 2004 и 2014 гг., и участников этих событий: *Тогда еще не думали о кострах* ***на майдане***… (Г. Прашкевич); *По крайней мере, исследователи, занимающиеся теорией модернизации,* ***устройством майданов*** *не занимаются* (Д. Травин); *Оба предыдущих* ***майдана стояли*** *за всеобщее, прямое и равное право элиты на грабеж бюджета и успешно отстояли старинные вольности* (Е. Пожидаев).

Дополнительным аргументом, подтверждающим объяснительную силу концептологического подхода к интерпретации природы метонимии, служит факт обратимости векторов переноса в рассмотренных направлениях сдвига фокуса внимания (перечня переносов с целого на часть и с части на целое), что свидетельствует о тесной связи компонентов ситуации как элементов ментальной пропозиции, в том числе их объединенности партитивными отношениями.

На фоне представленной картины метонимических переносов, очерчивающих контуры пропозиции, которые отражают структуру реальной ситуации, очень точной представляется характеристика Е. С. Кубряковой, высказанная по поводу актуализации ситуации в сознании. По ее оценке, метонимический механизм лежит «в основе номинации глаголом целой ситуации, особой разновидности человеческой деятельности, когда один из компонентов ситуации или один с еще каким-то, будучи обозначенным, проявляет затем способность вызывать в нашем воображении ситуацию в целом, или, в других терминах, активизировать соответствующий фрейм» [27, с. 89–90].

Третье направление сдвига фокуса внимания в рамках пропозиции представляет другую разновидность партитивных

отношений — отношения между частями целого, то есть между компонентами одной ситуации. Эти отношения также представлены комплексом частных моделей переноса:

— субъект действия → объект действия: *читать* ***Пушкина***, *играть* ***Чайковского***, *выставлять* ***Репина***, *сдать* ***Виноградова***, *пойти на* ***Баскова***; *Читать я начал очень рано и читал много, но без всяких указаний. Десяти лет я уже* ***читал Достоевского***. ***Достоевский*** *имел определенное значение для всей моей внутренней жизни* (Н. Бердяев);

— объект действия → субъект действия: ***Диссертация*** *подтвердила гипотезу*, ***Биология*** *заболела*, ***Трилогия*** *показала панораму большой войны*; ***Повесть показывает*** *на многочисленных примерах и эпизодах, как колхозный строй своей новой организацией обеспечивает науку гигантской лабораторной базой* (М. Шур);

— инструмент действия → субъект действия: *конкурс «Лучшее* ***перо*** *губернии»*, *первая* ***ракетка*** *страны*, *турнир «Золотая* ***перчатка****»*, *конкурс «Золотая* ***маска****»*, ***Контрабас*** *ушел в отпуск*; *Студенты сбегаются на лобное место — в Актовый зал Университета. Отдельной колонной идут наши прославленные спортсмены: Петр Семенов (первая* ***ракетка*** *университета), Василий Хрулёв (первая* ***перчатка*** *университета в полусреднем весе)…* (В. Санников);

— время действия → субъект действия: *эпоха*, *пятилетка*, *шестидесятые годы* и т. п.; ***Поклонимся*** *великим тем* ***годам****,* / *Тем славным командирам и бойцам…* (М. Львов).

Показанный фрагмент типологии метонимических переносов убедительно демонстрирует единую логику большого перечня конкретных моделей, которые могли казаться разрозненными. Между тем разновекторные переносы объединяются в систему, базирующуюся на единой ментальной логике — на связи с концептом пропозиционального типа, компоненты которого в сознании связаны партитивными отношениями, которые создают условия для ментального акта сдвига фокуса внимания в разных направлениях. Эти направления обусловлены своеобразием структурирования знаний о мире в формате ситуации.

Метонимические переносы в сфере существительных

Глагольная метонимия в сфере имен существительных представлена двумя крупными моделями, которые связаны с двумя

типами ментальных единиц — пропозицией и сценарием. Пропозициональная по своему механизму метонимия привлекала внимание ученых, хотя не всегда это явление интерпретировалось как метонимия. Е. В. Падучева и некоторые другие отечественные исследователи по отношению к соответствующим фактам предпочитают использовать термины *сдвиг* (*смещение*) *фокуса внимания* или *профилирование* (*перепрофилирование*). Поскольку мы исходим из признания этого ментального акта ключевым при любом метонимическом переносе, то есть все основания рассматривать данное явление как разновидность метонимии, тем более что векторы переноса обнажают их связь с пропозициональным типом концепта.

Речь идет о моделях переноса, отмеченных рядом ученых, прежде всего Ю. Д. Апресяном. Приведем некоторые частные модели и прокомментируем их связь с пропозициональной структурой концепта, кодирующего знание о соответствующих ситуациях.

Различие между сопоставляемыми парами предложений создается вниманием к разным компонентам одной и той же ситуации в позиции грамматического объекта:

— уничтожаемого и очищаемого (*полоть сорняки — полоть морковь*),

— подвергаемого тепловой обработке и созидаемого (*варить ягоды — варить варенье*),

— подвергаемого механической деструкции и созидаемого (*бурить землю — бурить скважину*),

— объединяемых объектов и созидаемого объекта (*сшить два куска ткани — сшить мешок*),

— деформируемого объекта и возникающего в результате каузации таким способом (*косить траву — косить сено*).

Более развернутый перечень частных моделей представлен в работе Ю. Д. Апресяна [18, с. 522].

Повторим, что приведенные и другие частные модели связаны с отражением одной и той же внеязыковой ситуации; соотношение двух выражений представляет собой разные фокусы восприятия этой ситуации, то есть результат сдвига фокуса ее восприятия. Сдвиг фокуса внимания затрагивает состав объектов при одном и том же действии.

Таким образом, на ментальном уровне результат этого типа метонимии имеет тот же механизм, который был рассмотрен ранее на материале существительных. Различие создается установлением разной коммуникативной перспективы в результате

выдвижения в позицию актуального того или иного из нескольких объектов, в замене объекта — введении нового объекта того же действия и выведении прежнего объекта.

Обратимся к глагольной метонимии сценарного типа, механизм которой связан с ментальной единицей другого типа — сценарием, который организует знания о событии в логике его развертывания во времени. Именно этой логикой предопределены векторы сдвига фокуса внимания и переносы названия на основе смежности компонентов, состоящих в партитивных отношениях. Партитивные отношения в данном случае связывают акты события, представляющие стадии его развития. В результате смещения фокуса внимания такое событие может быть обозначено не названием всего комплекса актов, составляющих это событие (*вышла замуж*; *обследовался*), либо названием центрального акта события (*ели в кафе бифштекс*), а названием отдельного, при этом не центрального акта из этого комплекса: *пошла к венцу*; *расписались с кем-либо*; *побывал у врача; заказывали в кафе бифштекс*.

По нашим наблюдениям, чаще в метонимическом значении употребляются глаголы движения [см.: 28]. Это можно объяснить тем, что многие события предполагают акт перемещения, например: *собираюсь сегодня* ***сходить*** *в магазин — на почту — к парикмахеру — к нотариусу*; *А в самом деле, почему бы и не* ***сходить в кино***… (В. Токарева); *Алексею предки передали, что ему все же стоит* ***сходить в армию,*** *и порекомендовали жить среди бурят* (Б. Ширибазаров); *Сегодня к 16.00 она должна была* ***поехать к врачу*** (И. Шолохова).

Типичными для разговорного дискурса являются выражения *Сын пошел в первый класс* (начал процесс школьного обучения) — *в одиннадцатый класс* (завершает процесс обучения в школе) — *в университет на филологический факультет* (подал документы, начал процесс профессионального обучения) — *к известному тренеру* (начал тренироваться под руководством этого тренера) — *в армию* (приступил к военной службе). Категоричная рекомендация *закрыть дверь с другой стороны* также предполагает не только это действие, но и предшествующие ему — как минимум выход из помещения.

Так, выражения *Надо* ***сходить*** *к врачу*, *Надо* ***подойти*** *завтра к директору*, буквально называющие лишь перемещение, метонимически обозначают комплекс стереотипных для таких ситуаций действий — соответственно, прийти, попасть на прием к врачу, получить консультацию либо взять справку, возможно,

обследоваться, получить назначения; прийти к директору, побеседовать, обратиться с просьбой либо предложением, вопросом, жалобой и т. д. В ситуации обсуждения планов на отдых фраза *В этом году мы* ***поедем*** *к морю!* метонимически указывает на комплекс действий, связанных с таким видом отдыха (приезд, морские ванны, морские прогулки и т. д.).

В процесс метонимического употребления вовлекаются глаголы с семантикой чувственного восприятия, действий сенсорного характера, например: ***посмотрите*** *мою* ***статью*** *—* ***послушайте*** *мое* ***исполнение*** (о прослушивании при приеме в учебное заведение или в музыкальный коллектив) *—* ***попробуйте*** *мое* ***блюдо***. В этих случаях сенсорное восприятие является лишь одним из актов сценария, который предполагает также аналитическое осмысление, оценку действия, впечатлений от него и ее выражение, ср.: *посмотрел статью — прочитал статью*. Приведем текстовый пример метонимического обозначения процесса чтения: ***Смотрели книгу*** *«Правда о религии в России» — неправдоподобно хорошо изданную* (Вс. Иванов).

В функции сценарной метонимии отмечены глаголы с семантикой изменения положения в пространстве, например: ***Сажусь*** *за* диссертацию; *Наконец он решил* ***лечь под скальпель***; *Ихневмонов качнул соболезнующе головой и снова* ***сел за книгу*** (А. Аверченко).

Приведем текстовые примеры сценарной метонимии глаголов разной семантики: [*Он*] *вечно нуждался сам; широко, по-княжески* ***открывал двери*** *своего дома, когда бывал при деньгах, для товарищей, друзей, бедняков* (М. Шагинян); *У него плохая привычка — может* ***залезть в чужой карман*** (А. Сервинский); *Удобств здесь нет, приходится* ***бегать на двор*** (А. Константинова); *Она* ***вышла на сцену*** *10 марта 1976 года в роли Жизели* (там же).

Стереотипными для дискурса СМИ являются метонимические обозначения начала школьного обучения: *1 сентября сотни тысяч первоклассников придут в школу — сядут за парты — откроют буквари*.

В качестве специального приема сценарная метонимия используется в рекламе. Так, с учетом запрета прямой рекламы спиртных напитков в слоганах *Устрой себе праздник!* и *Надо чаще встречаться!* в качестве косвенного призыва приобрести этот товар используется обозначение сценария праздника и встречи друзей, одним из типовых актов которых выступает употребление алкогольных напитков.

Анализ фактов сценарной метонимии глаголов показывает, что с собственно лингвистических позиций ее механизм не обнаруживает какой-либо общности с фактами глагольной метонимии, рассмотренной выше как метонимия пропозициональная. Между тем обращение к тем и другим фактам с лингвокогнитивных позиций обнаруживает общность их ментальной природы. Общая природа выражается в тесной связи с конкретным типом концепта, структурирующего знания о соответствующем действии согласно тому или иному принципу, в предопределенности векторов переноса названия типом концепта, то есть структурой организации знания, — в одном случае концептом пропозиционального типа, в другом — концептом сценарного типа. В обоих случаях конкретная модель метонимического переноса названия осуществляется как отражение ментального акта сдвига фокуса внимания в рамках отдельно взятого концепта при опоре на партитивные отношения структурных компонентов концепта.

* * *

Представленный фрагмент картины экспансии метонимического механизма как закономерности функционирования и семантического развития лексических единиц разных частей речи не только подтверждает многочисленные оценки влияния когнитивного фактора, результатом которого являются частные метонимические переносы и производные значения слов. Показанный материал, включающий слова двух частей речи, его систематизация и интерпретация в свете предложенных принципов демонстрируют одновременное действие двух когнитивных факторов, результатом которых в проекции на язык и речь оказывается масштабная картина регулярной лексической метонимии. Манипуляция единицами знания в процессе речемыслительной деятельности происходит с учетом принципов структурирования этого знания в сознании, принципов организации компонентов знания, связанных партитивными отношениями и предопределяющих логику их воспроизведения в речи (в частности, как было показано, принципом пропозиционального и сценарного осмысления и структурирования знания). Большую роль в этом процессе играет ментальная операция сдвига фокуса внимания, обеспечивающая актуализацию необходимого компонента знания, в том числе в проекции на язык и речь — метонимический перенос названия с одного

компонента на другой, связанный с первым отношениями соположенности в рамках одного концепта.

---

1. *Бабенко Л. Г.* От полипарадигмальности — к интеграции парадигм: Уральская семантическая школа в контексте лингвистики конца XX — начала XXI в. // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 23–28.

2. *Бабенко Л. Г., Дудорова М. В.* Концептуальные основы идеографических словарей Уральской семантической школы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 2. С. 9–28.

3. *Бабенко Л. Г.* Алфавит эмоций : словарь-тезаурус эмотивной лексики. 2-е изд., стер. М., 2022. 432 с.

4. *Бабенко Л. Г.* Лексикографические форматы и параметры пространственного моделирования внешней структуры и внутренней архитектоники идеографических словарей // Научный диалог. 2026. Т. 15, № 3. С. 9–31.

5. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : словарь / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2017. 1020 с.

6. *Талми Л.* Феномены внимания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 23–44.

7. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М., 2014. 320 с. (Studia philologica).

8. *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. 472 с.

9. *Урысон Е. В.* Фокус внимания говорящего, сдвиг семантического акцента и полисемия // Проспект активного словаря русского языка / В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева и др. М., 2010. С. 677–726.

10. *Сандакова М. В.* Метонимия прилагательного в русском языке : монография. Киров, 2004. 280 с.

11. *Илюхина Н. А.* Лексическая метонимия в лингвокогнитивном осмыслении : монография. Самара, 2023. 172 с.

12. *Илюхина Н. А.* О проекциях ментальной структуры на язык и речь (на примере концепта-пропозиции) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 1. С. 70–79.

13. *Лисицына И. В.* Сдвиг фокуса внимания как один из основных механизмов семантической деривации // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2–1. С. 23–27.

14. *Падучева Е. В.* Пространство в обличии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка: языки пространств : сб. науч. тр. М., 2000. С. 239–254.

15. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

16. *Новиков Л. А.* Конверсия // Языкознание : большой энцикл. словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. С. 234–235.

17. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. М. ; Берлин, 2015.

18. *Апресян Ю. Д.* О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 30, вып. 6. М., 1971. С. 509–523.

19. *Арутюнова Н. Д.* Метонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 300–301.

20. *Гажева И. Д.* Аспекты и методы изучения метонимии в современной лингвистике // Мова. 2014. № 21. С. 150–153.

21. *Еремин А. Н., Петрова О. О.* Метонимия в современном русском языке. Теоретические основания и модели реализации : монография. М., 2019. 240 с.

22. *Шкуропацкая М. Г.* Метонимические отношения в лексической системе русского языка // Филологические науки : науч. докл. высш. шк. 2003. № 4. С. 69–76.

23. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов, 2014. 236 с.

24. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М., 2007. 314 с.

25. *Алефиренко Н. Ф.* Проблемы вербализации концепта : Теоретическое исследование. Волгоград, 2003. 96 с.

26. Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков и др. М., 1997. 245 с.

27. *Кубрякова Е. С.* Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 84–90.

28. *Илюхина Н. А.* Сценарная метонимия глаголов движения в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 3. С. 973–979.

1.4. Цветовой компонент в семантике загадок и когнитивные особенности кодирования*

Происхождение цветовой символики, ее содержание, категория цвета в преломлении к явлениям и событиям в жизни природы и социума, культура цвета в ритуалах, обрядах и повседневной жизни человека, цвет в искусстве, этимология и неология колоронимов, цветовая метафора в языке и речи, цветовая символика в фольклоре, литературе, киноискусстве, рекламе, культурно-языковая специфика номинаций цвета — эти и другие аспекты задают широкую панораму исследования цвета в науке о языке. Роль цветовой составляющей в концептуализации мира изучается в плане установления взаимосвязи между цветом как природным явлением и такими конституирующими свойствами человека, как психика, ментальность, язык, культура, социум (см. работы

* Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0001, поддержанного Министерством образования и науки РФ.

А. Н. Афанасьева, А. П. Василевича, Вяч. Вс. Иванова, В. Г. Кульпиной, С. Е. Никитиной, Т. В. Сивовой, Н. И. Толстого, В. Н. Топорова, Ю. В. Ушаковой, А. Т. Хроленко и др.).

В исследовании лексических множеств, в том числе для создания словарей-тезаурусов синонимов, Л. Г. Бабенко особо отмечает важность того, что репрезентантами того или иного концепта должны быть тексты «различной дискурсивной природы — литературно-художественные, разговорные, политические и пр., задействованные в отображении и выражении определенных знаний о мире и организованные с учетом формата этих знаний — информативных, интерпретационных, оценочных, метафорически-образных, национально-специфических и др.» [1, с. 37].

Важным источником для описаний лексических множеств, выявления семантических связей между словами и стоящими за ними концептами является народная загадка. Объектом исследования могут быть загадки, собранные в группу по тому или иному смысловому компоненту в составе их образной семантической структуры, который бы объединял их на основе общего выражаемого понятия, например, цвета как ключевого фрагмента действительности в наивной картине мира.

«Загадка — текст, отражающий постижение мира человеком… естественным орудием постижения является тождество, познание через сопоставление» [2, с. 5–6]. Загадка — «иносказанье или намеки, окольная речь, обиняк; краткое иносказательное описанье предмета, предлагаемое для разгадки» [3, с. 511]. Как культурный феномен загадка возникла на заре человечества и в древности служила формой ритуального общения разных народов. Согласно В. Н. Топорову, «отдельная загадка не более чем отпавший от сакрального целого тела его профанизированный член» [4, с. 472].

В народной жизни загадки издавна служили игровой частью свадебных, семейных и календарных обрядов, звучали на вечеринках и посиделках, развивали логические навыки, учили образному мышлению, в развлекательной форме хранили и передавали знания о мире. Загадка отражает базовые онтологические признаки объектов, при этом в ней репрезентируются не денотаты, а концепты [5], описание денотата детерминировано «обрисовкой концепта» [2, с. 7].

Исследования показывают, что в загадке в качестве объекта загадывания и в качестве подобия, образного аналога выступают не конкретные, а типизированные сущности [см., например: 6];

в основе кодирования лежат сложившиеся в народном сознании стереотипные представления, имеющие культурные преференции. Загадка по своему устройству и назначению является семиотически насыщенным знаком. Все языковые средства в ней, в том числе звуковые, используются для сокрытия смысла, однако некоторые из них способствуют декодированию объекта; семантика народных загадок взаимодействует с семиотизированным пространством традиционной культуры.

Загадки не так ярко расцвечены колористическими эпитетами, как, например, песни, в которых цветообозначение всегда выполняло важные символьную и смысловую функции, сопряженные с эстетической семантикой и этической оценочностью. Ср., например: *По зеленому лужочку золота струя бежит,* / *Что и струинька за струинькой, белый лебедь плывет.* / *Что белая-то лебедка — красная девица душа;* / *Что и серый селезень — добрый молодец.* / *Что увидит девка молодца, обрадуется,* / *Во белом-то лице кровь появится* [7, с. 113].

В силу краткости и емкости жанра загадка избегает декоративных излишеств, она более сдержанна и потому точна в отборе красок. Ср.: *Посреди поля лежит зеркало,* / *Стекло голубое, рама зеленая* (пруд) [8, с. 30]; *Вверху зелено,* / *Внизу красно,* / *В землю вросло* (свекла); *Свет цветочек* / *В сыру землю зашел,* / *Синю шапку нашел* (лен); *Бела как снег,* / *Черна как уголь,* / *Зелена как лук,* / *Вертится как бес,* / *И дорога — в лес* (сорока) [9, с. 124, 199, 243]. В то же время цветовая характеристика в загадке может «расцвечиваться» символьными смыслами, например: *В поле стожок —* / *Золотой вершок;* / *Около — фигурки серебряные,* / *Маковка позолоченная* (церковь) [Там же, с. 156].

В задачи исследования входят определение «цветовой палитры» русских загадок, количественный анализ их цветовых характеристик, описание (на примере белого цвета) денотативных областей и денотатов, в концептуализации которых участвуют цветовые характеристики, исследование особенностей употребления цветового компонента в семантической структуре загадки, выявление прототипов белого цвета и определение роли цветового кода культуры в образной семантике загадок. Рассмотрение народных загадок даст возможность реконструировать цветообозначение в его прототипической референтности, уточнить представление о цветовом фрагменте в наивной картине мира, выявить когнитивные особенности кодирования и декодирования в отношении цветового компонента в загадке.

«Цветовая палитра» русской народной загадки: количественный анализ и систематизация

В 3 тыс. текстов загадок (считая варианты) из наиболее полных сборников В. В. Митрофановой [8] и Д. Н. Садовникова [9] нами было обнаружено 946 загадок, содержащих цветовые компоненты. Исследование материала показало, что в русских загадках используются 22 цветовые характеристики, и лидером выступает белый цвет. Компонент *белый,* включая однокоренные словоформы и дериваты *белая, белые, белого, беленький, бел, белы, беляна, перебел* и др., встречается в 218 загадках из 946.

Перечислим по убыванию другие цветовые (а также световые) характеристики (с учетом словоформ и дериватов): *красный* — 160; *черный* — 142; *золотой* — 131; *зеленый* — 75; *синий* — 44; *темный* — 40; *сивый* — 23; *светлый* — 22; *желтый* — 17; *серый* — 16; *алый, бурый, серебряный* — 10; *голубой, седой, цветной* — 7; *гнедой* — 3; *багряный, вишневый, лазоревый, малиновый, розовый* — 1.

Остановимся подробнее на исследовании цветового компонента «белый». Цветовая характеристика «белый» (представленная основной лексемой *белый* и всеми словоформами и дериватами) используется для кодирования 62 объектов в 13 денотативных областях. Это следующие денотативные области и относящиеся к ним объекты:

— календарь (Великий пост; день; зима);

— природные явления (иней; лед; огонь; пена; ручей; снег; сосулька; тучи);

— космические светила (звезды; месяц; солнце);

— тело человека (зубы; материнская грудь);

— одежда, костюм (похоронная одежда / саван);

— архитектура дома (окно; оконная рама; печь);

— животный мир (заяц; лягушка; гусь; ласточка; сорока; яйцо);

— растительный мир, в том числе деревья и цветы (береза; верба; одуванчик; подсолнечник; ромашка), ягоды и грибы (арбуз; земляника; малина; мухомор; ягода), овощи (огурец; редиска; редька; репа; хрен);

— пищевые продукты (каравай; молоко; мука; сахар; соль; хлеб; пшеничные хлебы в печи);

— предметы хозяйства и быта (дрова в печи; коса; кремень; лучина; светец; свеча; стремя);

— производство (мельница);

— учеба (бумага; книга; мел);

— ценные знаки (деньги; монета).

В Словаре синонимов русского языка под общей редакцией Л. Г. Бабенко в рубрике «Цвет» описан синонимический ряд прилагательных, объединенных общим понятием «белый», среди них *белоснежный, молочный, сахарный, снежный* и др., а также указано, что белый — самый светлый из существующих цветов, цвета снега, молока, мела, противоположный черному [10]. Ценными для дальнейшего сопоставления с концептом белого цвета в народной картине мира могут служить представленные в словаре описания того или иного концепта, включающие характеристику «белый цвет». Так, и в словаре, и в народных загадках признак «белый» используется для описания таких денотатов, как луна, месяц, сахар и др. В других рубриках обнаруживается белая шашка/пешка (в традиционных загадках этот денотат отсутствует), а также птицы, в описание которых включена характеристика «белый»: вяхирь, малиновка, чибис, юрок (в загадках в образах белого цвета кодируются другие птицы — гусь, ласточка, сорока).

Обращение к загадкам как репрезентантам концепта «белый цвет» позволит выявить закрепленные в образной семантике загадки сложившиеся представления о белом цвете, опирающиеся на многовековой опыт и традиции народной культуры.

Использование цветовой характеристики ***белый*** *в кодировании денотата*

Главное наблюдение следующее: во всех текстах цветовой компонент «белый» употребляется в прямом колористическом значении и является прямой характеристикой (семантическим признаком, концептуальным признаком) загаданного объекта (денотата, концепта). Например: *По синему морю белые гуси плывут* (облака); *Белая беляна из угольной ямы* (капуста); *По черной земле белый заяц пробег* (мел) [8, с. 24, 84, 146]; *Каменное море кругом вертится,* / *Белый заяц подле ложится,* / *Всему миру годится* (жернов и мука); *Шитовило-битовило* / *По-немецки говорило;* / *Спереди — шильце,* / *Сзади — вильце,* / *Сверху — синенько суконце,* / *С исподу — бело полотенце* (ласточка) [9, с. 170, 244]. При этом в загадках могут обыгрываться прямые и переносные значения цветовых номинаций, например: — *Черная?* / — *Нет, красная.* / — *А почему она белая?* / — *А потому что зеленая* (красная смородина) [8, с. 68].

Нужно заметить, что цветовая характеристика того или иного загаданного объекта отвечает народным представлениям о нем. Современное сознание городского жителя может согласиться, а может не согласиться с характеристикой белого в загадках, не узнать объект в «белом гриме», например: *Красненька Матрешка, беленько сердечко* (малина) [9, с. 127]; *Лысый, белый в окошко глядит* (месяц); *Что полное подполье белых лебедей?* (огурец); *Между гор, между дол бежит белый конь* (ручей) [8, с. 20, 83, 84]. Зачастую недоумение в отношении образов «снимается», если уточнить формулировки отгадок; так, в двух последних загадках имеются в виду белые семечки внутри зеленого огурца и пена от бурлящего ручья соответственно.

С учетом сказанного можно утверждать, что цветовой компонент всегда сохраняет прямое значение и является подсказкой в декодировании загадки.

Только в трех загадках с устойчивым сочетанием *белый свет*, обозначающим недискретное понятие, цветовой компонент «белый» не является прямой характеристикой объектов, указанных в отгадках, хотя и вызывает ассоциации, ведущие к их декодированию. Например: *Что краше света белого?* (солнце и месяц); *Стоит мост на двенадцать верст,* / *На этом мосту цветет цвет на весь белый свет* (рожь, поле); *Синяя синичка весь белый свет одела* (игла) [8, с. 21, 74, 139]. В этих загадках сочетание *белый свет* выполняет роль объекта сравнения или служит фоновым образом. Колористическую характеристику «белый» перекрывают символические смыслы устойчивой формулы *белый свет*: это «светлый мир разноцветной жизни», «сотворенный Богом видимый универсум», «видимый оком мир, освещенный солнцем» [11, с. 154–155].

Назовем два основных варианта использования цветового компонента «белый» в структуре загадки: 1) без сочетания с опорным компонентом и 2) в сочетании с опорным образным компонентом. И в первом, и во втором случае он используется в прямом цветовом значении. Остановимся на этом подробнее.

Цветовой компонент «белый» легче «заподозрить» в том, что он выражает прямое значение, когда он в тексте загадки не имеет опорного компонента. Если рассматривать загадку (по В. Н. Топорову) как двухчастный сложный языковой знак, который включает загадывающую часть и отгадку, то в этом случае искомый опорный компонент обозначен в отгадке, и сознание адресата скорее найдет к нему путь, ни на что не отвлекаясь. Ср.: *Зимой белый, летом*

серый (заяц); *Кладут белое, вынимают черное* (дрова в печи); *Кругленько, беленько, всему свету миленько* (монета, деньги) [8, с. 51, 105, 154]. Сложности могут вызывать символические смыслы, которые присоединяются к цветовой семантике. Ср., например, связанные с ними образы смерти и возрождения в календаре природы: *Была белая да седая,* / *Пришла зеленая, молодая* (зима и весна) [Там же, с. 146]. В данном исследовании не рассматриваются олицетворение, метонимия, заумь, анаграмма и многие другие приемы, которые применяются в русской народной загадке (см. об этом, например: [12]).

Цветовой компонент «белый» употребляется в составе сочетания с образным опорным компонентом, выступающим в качестве метафорического аналога для загаданного денотата. Ср.: *За белыми березами бездонная яма* (зубы, рот); *Алый сарафан, белые крапинки* (земляника); *Белое поле, черное семя,* / *Кто его сеет, тот и разумеет* (книга) [8, с. 57, 68, 144]; *Хом, хом под белым платком и хлоп замком* (покойник); *Колокольня нова,* / *Колокольня бела,* / *Под маковкой черно,* / *Маковка золота* (свеча) [11, с. 39, 327]. Часто вместо существительного, создающего полноценный образ, в загадке используются местоимения или имена собственные, например: *Бел я, красен я, много я бед делаю, а везде меня держат* (огонь); *Что красно снаружи, бело внутри, с зеленым хохолком на голове?* (редиска) [8, с. 87, 102]; *Что в избе за белая Марья?* (соль) [13, с. 96]. Вновь отметим, что в загадках используются различные способы создания образа и приемы кодирования исходного денотата (метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, литота, повтор, инверсия, ассонанс, аллитерация, анаграмма и др.) и что к онтологически обусловленным цветовым характеристикам могут присоединяться символические смыслы. Так, смысл светлого мира, освещаемого дневным светом с небес, добавляет семантику белого цвета листьев: *Стоит дерево; с одной стороны листья белые, с другой — черные* (день и ночь). Смыслы женской красоты и материнства в традиционной культуре связаны с образом белого лебедя: *Белый лебедь на блюде не был.* / *Ножом не рушен, а всяк его кушал* (грудь матери) [11, с. 277, 310].

Итак, цветовая колористическая характеристика «белый» в русских народных загадках употребляется в прямом значении и без опорного компонента (*Белый, как снег,* / *Дуется, как мех,* / *Бултых — и в воду* (пена) [9, с. 232]), и в сочетании с образным опорным компонентом (*Белы хоромы, красны подпоры* (гусь) [8, с. 43]). Будучи в составе образного сочетания, цветовая

характеристика невольно вовлекается в образ, подпадая под «семантическое обаяние» опорного компонента. Например, в загадке про гуся образ «белы хоромы» вызывает в сознании адресата ассоциацию с белокаменными палатами, что на время отвлекает от поиска отгадки и мешает прямо по цветовой дорожке идти к загаданному объекту — гусю в его роскошном белом оперении. Сочетание цветовой характеристики с образным аналогом может быть семантически неорганичным и служит более определенным сигналом того, что цветовой компонент в структуре загадки связан не с образом, а с искомым денотатом: *Брат брата трет,* / *Белая кровь течет* (жернова и мука) [9, с. 169]; *Белая морковка зимой растет* (сосулька) [8, с. 30].

Основная когнитивная стратегия в использовании цветового компонента

Кодирование объекта в загадке можно рассматривать как когнитивный процесс, в котором одна концептуальная сущность обеспечивает мысленный доступ к другой концептуальной сущности. По наблюдениям, в загадках с цветовым компонентом используется когнитивная стратегия, которую условно можно назвать гибридизацией концептов. Ее суть заключается в слиянии структур исходного и преобразованного концептов и «прививании» к исходному паттерну когнитивной структуры, формирующей иной концепт. Использование цветового компонента в сочетании с тем или иным словом, имеющим определенное значение и связанным с концептом, вызывает устойчивые смысловые ассоциации, заставляет адресата в процессе осознания текста загадки мысленно «откладывать» информацию, которая могла бы вызывать другую интерпретацию и скорее вести к декодированию.

Возникает интересное в когнитивном плане явление: в сочетании с образным словом цветовой компонент сохраняет прямое значение, которым он связан с загаданным денотатом, но в то же время принимает на себя характеристики, идущие от образного слова, с которым он сочетается в контексте загадки. Начинают «работать» концептуальные признаки образного слова, при этом знание прямого значения цветового компонента продолжает когнитивно обрабатываться и направлять поиск для обнаружения загаданного денотата.

Цветовая характеристика сближает, уравновешивает на цветовых «весах» семантически далекие друг от друга денотаты,

соединяет связанные с ними понятия в общем цветовом концептуальном признаке. Например, зубы во рту уподобляются овцам в хлеву, или белым лебедям, или белым курочкам, или белым березам; белый бык, белая кошка, белая корова — солнцу и белому свету; белая печь подобна седому дедушке. Ср.: *Полон погребец белых овец* (зубы); *Белый бык в подворотню глядит* (солнце) [9, с. 269, 281]; *Дедушка старый, весь белый,* / *Лето придет — не глядят на него,* / *Зима придет — обнимают его* (печь) [8, с. 104].

Таким образом, с когнитивных позиций в загадке следует выделить следующую стратегию. В результате гибридизации когнитивных структур в сознании адресата возникают линии взаимовлияния разных смысловых областей, что ведет к стиранию границ между паттернами и на время уводит сознание адресата от загаданного объекта. Парадокс данной стратегии заключается в том, что цветовой компонент в загадках практически всегда используется в прямом значении и является подсказкой, однако сознание адресата настроено на декодирование каждого компонента в составе загадки, тем более такого семантически насыщенного в фольклоре компонента, как цветовой. Адресат не ожидает от загадки употребления цветового компонента в прямом значении и воспринимает его как эпитет образного опорного слова, а не как прямую характеристику искомого денотата, попадает в когнитивную «ловушку» гибридизации концептов, что отвлекает его от движения по прямой цветовой подсказке к отгадке.

Цветообозначение в его прототипической референтности

«Чаще других в русских фольклорных текстах встречается прилагательное *белый*. <…> Современные словари русского языка выделяют в слове *белый* до семи значений. Основным является, конечно, “цвета снега, молока и мела”. Другие значения, присущие фольклору и — шире — народной культуре в литературном языке, являются неупотребительными или устаревшими: *белый день* (‘ясный’), *белая горница* (светлая, чистая, парадная)» [11, с. 153–154].

Прототипами белого цвета в традиционной культуре становятся сущности, которые, во-первых, в реальной жизни имеют окраску указанного цвета в его оптимальном выражении, во-вторых, наделены значимостью, важностью, являются нормативным эталоном

белого цвета. В прототипах цвета отражается самобытный взгляд народа на мир, обусловленный особенностями природных условий проживания, традициями семейно-бытовой, производственной и духовной крестьянской жизни.

В загадывании разных объектов по количеству употреблений в текстах лидируют два образа белого цвета: *белый снег* и *белый лебедь*. Тем самым, образными прототипами белого цвета в них являются снег и лебедь. Это те сущности, с которыми в народном мировидении соотносится концепт белого цвета.

С помощью цветового образа *белый снег* кодируются грудь, пена, гусь, сорока, береза, сахар, молоко; с помощью цветового образа *белый лебедь* — грудь, зубы, снег, зима, пшеничные хлебы в печи. Данные денотаты, кодируемые по признаку белого цвета в образах лебедя и снега, можно считать его денотативными прототипами.

К прототипам также можно причислить денотаты, колористическая характеристика которых в загадке подчеркнута с помощью тавтологии: *бел перебел*; *бел, исперебел*; *белая беляна*; *белые беляночки*. Такими «белыми-белыми» денотатами являются зубы, заяц, хрен, рожь, поле, капуста, соль, хлеб.

Таким образом, в народной загадке образными прототипами белого цвета выступают снег и лебедь, а денотататативными прототипами — грудь, зубы, пена, снег, зима, заяц, гусь, сорока, береза, капуста, хрен, рожь, поле, сахар, соль, молоко, пшеничные хлебы в печи, хлеб.

Интерпретация цветового компонента загадки в цветовом коде культуры

Можно ли отказывать цветовому компоненту загадки на том основании, что в ней он употребляется в своем прямом значении, в символических оттенках?

Исследования языка в его взаимодействии с культурой говорят о том, что «на прямое, непосредственное значение цвета (“цвет снега” или “светлый, ясный”) накладываются культурные (фольклорные) смыслы, связанные с противопоставлениями “белый — черный” или “светлый — темный”» [11, с. 154]. Цветообозначение *белый* в цветовом коде культуры семиотизирует различные смыслы, что обусловливает насыщение образной семантики загадки культурными коннотациями. Например, в «свадебном фольклоре символом невесты является *лебедь белая*, но *белая* здесь и цвет,

и красота, и чистота, и эти смыслы остаются в метафоре, применяемой в других ситуациях» [11, с. 155].

Так, в схожих по текстам загадках про снег на полях и про зиму (*Белая лебедь на яйцах сидит* [8, с. 147; 9, с. 303]) образ *белой лебеди* согласуется с фольклорным образом молодой женщины, обогащается символикой чистоты и красоты. В данной загадке белый снег, покрывающий землю, уподоблен белой лебедушке (белому лебедю), что высиживает птенцов. Этимология слова *лебедь* («белый») усиливает сочетание с эпитетом «белый», подчеркивает связь образа и денотата как прототипов белого цвета в русской народной загадке. По стереотипным представлениям, снег в России лежит долго, укрывая землю от зимнего холода, наподобие того, как лебедь долго сидит на яйцах, укрывая их собой, обеспечивая защиту. Ср. также народное поверье: *Лебедь несет снег на носу*.

* * *

Исследование показало, что треть всех русских народных загадок (946 из 3 тыс.) включают цветовые номинации. Цветовая «палитра» охватывает все базовые цветообозначения (22 цвета), среди них доминирует цветовой компонент «белый», количество загадок с этим компонентом (учитывая однокоренные его словоформы и дериваты) составляет 218 текстов, или 23 % от всех загадок с цветовыми номинациями. Характеристика белого цвета используется для описания 13 денотативных областей и участвует в кодировании 62 денотатов.

Образными прототипами белого цвета выступают снег и лебедь; денотататативные прототипы белого цвета — грудь, зубы, пена, снег, зима, заяц, гусь, сорока, береза, капуста, хрен, рожь, поле, сахар, соль, молоко, пшеничные хлебы в печи, хлеб.

Отмечено, что с цветовой характеристикой в образной структуре загадки взаимодействуют коннотации, имеющие культурные преференции; цветовой компонент интерпретируется в цветовом коде культуры.

В загадках цветовой компонент «белый» всегда употребляется в прямом значении и служит подсказкой.

Определены два вида употребления цветового компонента «белый» в загадках: 1) употребление без опорного компонента; в этом случае цветовая характеристика скорее «находит» денотат, указанный в отгадке; 2) употребление в сочетании с опорным образным компонентом. В этом случае прослеживается

когнитивная стратегия, которую условно можно назвать гибридизацией концептов. Ее суть заключается в гибридизация структур исходного и преобразованного концептов и «прививании» к исходному паттерну когнитивной структуры, формирующей иной концепт. Употребление цветового компонента в сочетании с образным опорным компонентом заставляет мысленно «откладывать» информацию, которая помогла бы скорее осуществить декодирование. Когнитивный парадокс заключается в том, что цветовой компонент «белый» в загадке всегда используется в прямом значении и является подсказкой, однако сочетание с образным словом в тексте загадки формирует другой концепт, и связь с искомым концептом затушевывается. Это отвлекает от прямого, по «цветовой» подсказке, движения к загаданному денотату.

---

1. *Бабенко Л. Г.* Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций // Научный диалог. 2020. № 9. С. 9–47.

2. *Николаева Т. М.* Предисловие // Исследования в области балто-славянской духовной культуры : Загадка как текст. 1. М. : Индрик, 1994. С. 3–9.

3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2004. Т. 1. А–З. 640 с.

4. *Топоров В. Н.* К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки) // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике : в 3 т. М., 2006. Т. 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. С. 471–483.

5. *Головачева А. В.* К вопросу о прагматике загадки // Исследования в области балто-славянской духовной культуры : Загадка как текст. 1. М., 1994. С. 195–213.

6. *Ковшова М. Л., Орлова О. С.* Культурный скрипт как часть когнитивно-культурологического анализа знаков непрямой номинации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. 2024. № 4. С. 75–99.

7. Русские народные песни. М., 1988. 576 с.

8. *Митрофанова В. В.* Загадки. Л., 1968. 256 с.

9. *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа : сб. загадок, вопросов, притч и задач. М., 1995. 400 с.

10. Словарь синонимов русского языка : более 5000 синонимических рядов : около 30 000 слов-синонимов / [Л. Г. Бабенко и др.] ; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2010. 411 с.

11. *Никитина С. Е.* Лексика цвета в фольклорных текстах // Василевич А. П., Ведерникова Н. М. и др. Цвета российского флага в русской культуре : монография. М., 2011. Гл. 7. С. 150–169.

12. *Ковшова М. Л., Орлова О. С.* О созвучиях в русских загадках // Язык — текст — смысл : Памяти Максима Ильича Шапира. М., 2023. С. 210–226.

13. *Ковшова М. Л.* Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М., 2024. 352 с.

1.5. Концепт как элемент концептосферы

В начале 70-х гг. прошлого века продуктивное использование в лингвистике феномена и термина «понятие» было расшатано появлением нового исследовательского инструмента — концепта. Первоначально разграничение сфер влияния между понятием и концептом оставалось нечетким, тем более, что в англоязычной когнитивистике, откуда пришел термин *концепт,* ясности не было: английское *concept* могло означать и «понятие», и «концепт». Именно так, чередуя, и передавал это английское слово А. Н. Баранов, редактируя перевод знаменитой книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [1, с. 25; прим.].

Однако постепенно когнитивная лингвистика превратилась в отдельное направление языкознания, и концепт занял в ней ведущее положение. В том числе велика заслуга в этом деле представителей российской науки. Благодаря трудам Ю. С. Степанова, В. И. Карасика, В. З. Демьянкова, И. А. Стернина, Н. Н. Болдырева, С. Г. Воркачева, Л. Г. Бабенко и других авторов сформировалось приблизительно следующее представление о концепте (насколько оно вообще поддается обобщению).

Концепт — многомерная (или многослойная) ментальная структура, которая включает в себя, кроме собственно мыслительного (понятийного) компонента, также национально-культурную, ассоциативно-образную и модально-оценочную составляющие. Структура эта, тяготеющая по своей сути к полю, располагает для своего выражения многочисленными лексическими единицами, но одно из этих названий является, как правило, репрезентативным. Совокупность концептов образует для каждого этноса и в каждую эпоху свою систему — концептосферу.

Концептам свойственна доминирующая основополагающая роль в менталитете нации. Неслучайно Ю. С. Степанов назвал свой набор важнейших для русского человека духовных категорий словом «Константы»: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный

мир человека. <…>. У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия… с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что делает его фактом культуры — исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации, оценки и т. д.» [2, с. 43].

Составляя область пересечения интересов лингвистов, логиков и культурологов, концепт и сегодня порождает массу вопросов, в частности: какова в нем может быть доля образного, «гештальтного» представления? Следует ли учитывать социальную базу формирования концепта? Отражается ли концептосфера в грамматическом строе языка? Должен ли концепт быть обозначен отдельным (специальным) словом, или же он может быть «рассредоточен», представлен некоторой лексико-семантической группой? Внеязыковые составляющие объектов когнитивной лингвистики — такие как традиции и привычки, предпочтения и оценки, ассоциации и аллюзии и т. п. — продолжают сеять сомнения в строгости данной научной дисциплины. В частности, А. А. Зализняк, по свидетельствам современников, сетовал на множественность и размытость инструментария когнитивистов: «Когнитивизм… родился как способ объединения всех антихомскианцев, при том, что они могли из очень разных углов туда приходить, — и на знамени, к сожалению, написано „Долой строгость, долой точность, долой ясность”» [3, с. 154].

Вернемся к упомянутому и уже более или менее устоявшемуся в науке термину «понятие». Мы знаем: находясь в различных ситуациях, человек обобщает явления, объединяет их в класс, находит у него существенные признаки, комбинирует их и закрепляет эту комбинацию в слове. Результатом этой деятельности и являются понятия, составляющие базовую, опорную часть значения огромного большинства используемых человеком слов. Случающийся (и даже нередкий) отход от этой понятийной базы обусловлен практическим (не только речевым) опытом индивида, прагматическими условиями речевого акта, конкретной коммуникативной ситуацией.

Скажем, присутствующее в русском сознании понятие «чеснок», закрепленное в соответствующем слове *чеснок*, широко используется в сфере систематики растений, огородничества, кулинарии и т. д. Толковый словарь эксплицирует в своем определении следующий набор признаков: «Огородное растение сем. лилейных, овощ с дольчатыми луковицами, обладающими острым

вкусом, резким запахом и целебными свойствами» [4]. Никаких вторичных значений словарь не приводит. Их мы находим в текстах, в том числе художественных, например:

Якову показалось противно, что жид запыхался, моргает и что у него так много рыжих веснушек. И было гадко глядеть на его зеленый сюртук с темными латками и на всю его хрупкую деликатную фигуру.

— Что ты лезешь ко мне, ***чеснок****? — крикнул Яков. — Не приставай!* (А. Чехов. Скрипка Ротшильда).

Жалели вообще-то: у него пятеро ребятишек, из них только старший добрался до десятого класса, остальной ***чеснок*** *сидел где-то еще во втором, в третьем, в пятом…* (В. Шукшин. Алеша Бесконвойный).

— Танго… — интимно сказал он Лариске, и в его исполнении это слово звучало особенно томно и иностранно.

— Да отвяжись ты, ***чеснок****! — выговорила Лариска и помчалась куда-то к выходу…* (В. Токарева. Рарака).

Основания для подобных переносов значения следует искать не столько в семантической структуре слова, сколько в сфере культурных традиций, психологических ассоциаций, эмоциональных оценок. От них зависит, какой из признаков денотата будет выбран в качестве источника (отправной точки) метафоры: величина, множественность, полезность, неприятность запаха, какие-то иные свойства предмета.

Впрочем, признаки, составляющие объем понятия, могут в процессе выбора номинации говорящим значительно уступать прагматическим или образным основаниям. Р. М. Фрумкина пишет: «Человеку совершенно не свойственно формировать знания в виде набора признаков, описывающих данный объект. Напротив, человек склонен оперировать с объектом как с гештальтом. <…> Человек привык по большей части оформлять смыслы в виде текста как бы бессознательно. Формируется этот навык прежде всего в процессе овладения родным языком (выделено автором. — *Б. Н.*)» [5, с. 146]. Позже об этом убедительно писала чешский когнитивист И. Ванькова. Она приводила примеры вроде следующих: чешское *jaro* ‘весна’ — это не «период с 21 марта по 20 июня», как дает словарь чешского литературного языка, а пора года, когда природа освобождается от зимнего сна, все растет и расцветает. А *vráska* ‘морщина’ — не «бороздка в коже, обусловленная ее высыханием», а признак старости, проявляющийся на лице [6, с. 289–291].

Действительно, структуралисты, стремящиеся к разложению значения на семантические элементы — «примитивы», видят в табуретке «стул минус спинку». Но для обычного человека табуретка — мебель, которая не предполагает комфорта (ей место на кухне), занимает мало пространства (ее можно задвинуть под стол) и дешева (по сравнению со стулом или, тем более, креслом). Наличия в сознании образа табуретки (функционального — «чтобы сидеть», зрительного — «горизонтальная плоскость и четыре ножки», материального — «дерево, твердость») вполне достаточно для того, чтобы использовать в речи данное слово.

В отличие от гештальта, понятие должно быть вербализовано: для него в языке должна наличествовать стандартная привычная номинация — слово (в крайнем случае — устойчивое сочетание слов). Как писал в конце XVIII в. знаменитый немецкий философ, «самый живой образ тонет в темном чувстве, пока душа не находит нужный признак и не запечатляет его благодаря слову в воспоминании, в памяти, в рассудке — в рассудке всего народа, в традиции» [7, с. 235].

Но понятия обладают, можно сказать, разной жизненной силой: они ранжируются в соответствии с общественной практикой. В. И. Карасик формулирует это как «неравномерную концептуализацию разных фрагментов действительности в зависимости от их важности для жизни соответствующего этноса» [8, с. 109]. Если же понятие «прорастает» в культуру, обогащается суммой наглядно-образных, оценочных, фольклорно-литературных и прочих ассоциаций, оно превращается в концепт. Конечно, не каждое понятие может лечь в основу концепта. Упомянутый компендиум Ю. С. Степанова, пионерский для своего времени, содержал описание трех десятков концептов. К числу краеугольных камней русской культуры здесь отнесены ВРЕМЯ, ХЛЕБ, РЕМЕСЛО, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ПРАВДА и ИСТИНА, ДУША, ВОДКА и ПЬЯНСТВО, ГРЕХ и т. д. Наряду с этими, безусловно основополагающими, словарь включает в себя и такие концепты, как ЧЕРНАЯ СОТНЯ, КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ, БАБА-ЯГА, БУРАТИНО и т. п. Оправданием этому служит национально-культурная «подкладка» концептов, их присутствие в опыте данного социума: перед нами — типично русские идеи.

Естественно возникает вопрос: достаточно ли исследователю собственно языковых свидетельств для того, чтобы полностью определить суть концепта? Вправе ли лексикограф с его методиками и материалом претендовать на полноту такого описания?

Ответ будет осторожным: в принципе, языковед, очевидно, может все составляющие концепта выявить из текстов, только объем последних должен быть максимально большим. Особая роль при этом отводится ключевому слову, репрезентирующему концепт, — его поведение в речи характеризуется некоторыми диагностирующими чертами, которых мы коснемся ниже.

Теоретическая лексикология и системная идеография подготавливают своего рода основание для учета национально-культурного, образного и оценочного компонентов ментальной сферы — для описания концептов как системы. Очень показательны в этом смысле данные компендиума «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи» [9].

Этот солидный том включает в себя 12 глобальных тематических классов, внутри которых выделяются общим числом почти 200 ключевых концептов, свойственных русскоязычной культуре. Данные классы чаще всего обозначаются именами существительными, реже — глаголами или прилагательными. В частности, в глобальный класс «Живая природа» входит подкласс «Концептуализация животного мира» со статьями «Волк», «Заяц», «Корова», «Кошка», «Лиса», «Лошадь (Конь)», «Медведь», «Собака». Но симптоматично: в этом списке нет льва и слона, крокодила и жирафа, змеи и курицы — эти понятия не входят достаточно глубоко в русскую культуру. Впрочем, если описываемые классы именуются ключевыми концептами, то, возможно, существуют и неключевые?

Настоящий раздел содержит попытку ответа на данный вопрос. Судя по представленным в литературе сведениям, разные социумы вырабатывают в ходе исторической практики разные наборы концептов. В качестве примера можно привести понятие «близнецы». Конечно, для русскоязычного сознания факт рождения нескольких потомков в результате одной беременности является немаловажным. Близнецы — объект не только специальных разделов медицины, но и психологии и даже астрологии… И, тем не менее, близнечество остается на периферии русскоязычного сознания, в общем объеме русской культуры близнецы занимают ничтожно малое место.

Иное дело — мировосприятие и поведение других социумов. У некоторых африканских народов имена близнецам можно выбрать только из специального списка, их родители приобретают особый статус, и по жизни с близнецами будут связаны какие-то верования, обычаи, ритуалы… [10, с. 499–500]. Здесь

«близнецы» — не просто понятие, но концепт, многообразно внедрившийся в культуру.

Подобные выводы были сделаны при сопоставлении некоторых понятий в славянских языках. Скажем, в русском, белорусском, польском языках «водяной» — мифологическое понятие с теми или иными живописными «разночтениями», касающимися места обитания, внешнего вида, способа поведения, взаимоотношений с человеком и т. д. [11, с. 346–400]. В основном это сведения, почерпнутые из этнографических описаний и фольклорного канона: сказок, преданий, легенд и т. п. В то же время в сознании современных чехов понятие *vodník*, судя по всему, получает права концепта: здесь оно сопровождается сильной культурологической подкладкой — картинками и куклами, фильмами и спектаклями, сувенирами и аксессуарами и т. п. Водяной становится главным героем литературных произведений, его месту в современном народном сознании посвящаются научные исследования [12, с. 13–15].

Естественно, это сказывается и на употребительности данных слов. Русское *водяной* после отсечения всех посторонних значений (омонимичное имя прилагательное, фамилия или прозвище, старое название должности и т. п.) зафиксировано в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) с мифологическим содержанием примерно в ста случаях [13]. А Чешский национальный корпус (значительно меньший по объему обследованных текстов) фиксирует 269 словоупотреблений слова *vodník*, причем преимущественно не в первичном, мифологическом значении, а во вторичном, культурологическом [14].

Не подлежит сомнению, что на фоне общей тенденции к десакрализации и демифологизации традиционных символов процесс этот в разных социумах протекает со своими особенностями. Но он свидетельствует также о том, что врастание понятия в культуру или, наоборот, выпадение его из культуры — это градуальный, проходящий через ряд стадий процесс.

В научной литературе есть немало примеров различной культурной и образно-эмоциональной трактовки, казалось бы, одних и тех же понятий. Многочисленные кейсы национально обусловленных концептов приводятся, в частности, в цитированной монографии В. И. Карасика [8, с. 140–172]. Пополним этот ряд свежими иллюстрациями.

Для южных народов солнце является не только источником света, тепла, вообще жизни, но и причиной засухи, неурожая,

пожара или ожога [ср.: 15, с. 170–172]. В частности, для болгар солнце — это часть того «земного рая», о котором поется в гимне государства под названием «Мила Родина»: «Слънце Тракия огрява, над Пирина пламеней…». В то же время Болгария — страна южная и народ ее по преимуществу крестьянский, а значит, солнце приносит не одно только благо, и иногда приходится лишь мечтать о спасительной тени… В классическом стихотворении Христо Ботева «Хаджи Димитър» (1873) говорится о том, как тяжелораненый герой-повстанец лежит в горах:

Лежи юнакът, а на небето
слънцето спряно сърдито пече;
жътварка пее нейде в полето,
и кръвта още по-силно тече!

Героя жалеют все — *земя и небо, звяр и природа*: орел прикрывает его своей тенью, волк зализывает ему раны, а ночной ветер приносит облегчение, но вот наступает утро, и вновь мучение — *слънцето пак пече ли — пече*.

Действительно, в ассоциативном словаре болгарского языка среди самых частых реакций на стимул *слънце* мы находим не только *топло, светлина, море, плаж, живот* ‘жизнь’, *радост, въздух* и т. п., но и *горещо, пече, жарко, силно, горещина* ‘жара’, *жега* ‘жарища’, *огнено*… [16]. В словаре Найдена Герова (1904) фиксируется даже клятва «Да ме изгори слънцето!» ‘Чтоб меня сожгло солнце!’ [17]. Еще одно любопытное свидетельство противоречивости понятия «солнце» находим в словообразовательных производных. По-русски или по-белорусски мы часто говорим о солнце, используя уменьшительно-ласкательный суффикс: *солнышко, сонейка*. В болгарском языке в принципе тоже существует такое образование — *слънчице*, но употребляется оно заметно реже, чем упомянутые русский и белорусский диминутивы. Трехтомный толковый словарь болгарского языка даже не включает в себя производное *слънчице*, зато дает *слънчасвам* ‘терять сознание из-за солнечного удара’ и соответствующее существительное *слънчасване* [18].

В небольшой статье Г. М. Васильевой показано, как расходятся культурные образы таких известных птиц, как ласточка и кукушка, у российских и американских студентов. В частности, «американцы абсолютно не связывают особенности поведения кукушки с отсутствием материнского инстинкта, поскольку, как оказалось, в Америке кукушки не живут и особенности их жизни

американцам не знакомы. Кукушка известна в Америке только как изображающая птицу деталь настенных часов» [19, с. 201]. Свидетельств о подобных различиях, касающихся не только живой природы, но и быта, свойств характера человека и т. п., можно найти в литературе множество.

Особенности процесса концептуализации можно продемонстрировать и в рамках одного языка. Попробуем понаблюдать с этой точки зрения за частотой употребления некоторых русских слов, относящихся к одной и той же жизненной сфере. Интересна, в частности, область наивной медицины: представления об органах и частях тела, закрепленные в языке.

Возьмем для примера существительное *сердце*. Это высокочастотное слово (ipm 387,59) с массой словообразовательных производных, с легкостью приобретающее метафорическое или метонимическое значение и присутствующее в огромном количестве устойчивых сочетаний и паремий. Сердце и локализуемые в нем эмоции — объект множества литературных произведений. Существуют устойчивый визуальный образ сердца и его символическое изображение. Можно утверждать, что все это в целом образует в русскоязычном сознании концепт СЕРДЦЕ. А, допустим, селезенка, мениск или щитовидная железа «недотягивают» до концепта, это только понятия. Они важны для медиков, существуют как анатомические феномены (не очень четкие) в сознании среднестатистического человека, но в культуру они не вросли. Полезно сравнить употребительность, скажем, слов *сердце* и *селезенка* по данным НКРЯ (статистика на 11.06.2026):

— *Сердце* — 20 598 текстов, 150 957 примеров;

— *Селезенка* — 404 текста, 678 примеров.

Накопленный этносом опыт, в том числе на наивном донаучном этапе, образует свою картину мира, в которой части тела, органы человека представлены в некотором условно упорядоченном виде.

Языковым воплощением картины мира, связанной с человеческим телом, то есть словесной «наивной медициной», специально занимался Г. Е. Крейдлин с соавторами. В одной из таких работ исследуются фразеологизмы со словами *глотка* и *горло* [20]. Эти существительные близки по своим значениям, в речи нередко смешиваются и взаимно заменяются. В частности, в составе многих устойчивых выражений *горло* и *глотка* выступают как синонимы или даже как дублеты: *драть горло/глотку, брать за горло / за глотку, промочить горло/глотку, наступать*

на горло / на глотку, стоять костью в горле / в глотке, кусок в горло / в глотку не лезет, во все горло / во всю глотку и т. д. При этом, замечают соавторы, из двух слов *горло* многозначнее (имеет ряд переносных значений). Любопытно также, что референт данного слова «видимее», нагляднее: глотка для наблюдателя находится явно «внутри» организма, а горло — еще и «снаружи» (как синоним *шеи*). В целом, как резюмируют А. Д. Козеренко и Г. Е. Крейдлин, *горло* — это «единица бытового языка», а *глотка* — скорее медицинский, анатомический термин.

Впрочем, по данным НКРЯ, употребление обеих лексем — *горло* и *глотка* — примерно одинаково распределяется между художественными и нехудожественными текстами. *Горло* — довольно частотное слово; *глотка* явно уступает ему по употребительности (данные НКРЯ на 11.06.2026):

— *Горло* — 6 821 текст, 19 987 примеров;

— *Глотка* — 2 029 текстов, 3 703 примера.

Но относительная широта семантики существительного *горло* обнаруживает себя в различных контекстах. Словарь дает с ним массу фразеологизмов, не имеющих параллелей со словом *глотка*: *стоять по горло в чем-л., брать горлом, быть сытым по горло, приставать с ножом к горлу, поперек горла, не в то горло* и др. [21].

Отметим далее, что существительные *горло* и *глотка* различаются не только широтой (объемом) своего значения, частотой употребления в речи, фразеологической активностью, но и словообразовательным потенциалом. От первого из них образуется значительно больше производных, чем от второго. Если обратиться к Частотному словарю русского языка [22] и словообразовательному словарю [23], то обнаружится корреляция между относительной частотой употребления данных лексем и количеством словообразовательных дериватов.

Слово	Частота ipm	Σ дериватов
Горло	53,2	28
Глотка	9,6	8

И вот теперь закономерно задаться вопросом: какое из этих двух понятий ближе к статусу концепта? Ответ очевиден: *горло* по ряду признаков занимает более важное место в русскоязычной культуре, и тому находится достаточное количество

свидетельств. Что же касается его «конкурента» в общенародном языке — слова *глотка,* то за ним стоит соответствующее понятие, но к концептуализации оно, так сказать, не стремится, в этом нет необходимости.

Сформировавшийся концепт становится основой для развития многообразных вторичных значений у слова, его представляющего; это реализуется в том числе в условиях субстандарта [24, с. 60–63]. Скажем, среди цитат со словом *горло*, зафиксированных в НКРЯ, встречаются и *горло термоса*, и *горло России*, и *горло истории,* и *горло времени*… Приводившиеся в начале раздела примеры со словом *чеснок* подтверждают данный тезис: перенос значения в них основан не на понятийных признаках, а на элементах культурного опыта.

Внутренняя связь между культурными свойствами предмета и семантическим потенциалом его названия опосредована коммуникативной практикой: «чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше у него “параметров”, тем больше он “параметризован”» [2, с. 717] и, добавим, тем более востребовано в речи его название.

Говоря о связанной с языком ментальной сфере, правильнее, с нашей точки зрения, не проводить резкий водораздел между понятием и концептом, а говорить о разной степени концептуализации — разной точке движения на пути от понятия к концепту. Переход понятия из чисто мыслительной сферы в сферу культуры (материальной и духовной) — постепенный длительный процесс, находящий свое отражение в языке. Соответственно, объектом лингвистики может быть и динамика формирования концептосферы. Если обратиться к русскоязычному сознанию, то можно отметить, что в последние годы буквально на наших глазах концептуализируются, приобретают культурный, образный, эмоциональный вес такие понятия, как «экология» и «логистика», «блог» и «фейк», «ковид» и «удаленка» (дистанционная работа или обучение), «абьюз» (домашнее насилие) и «кринж» (испанский стыд) и т. д.

Но если рассматривать концептуализацию как процесс, как условный переход от чисто мыслительного конструкта к реальной единице когниции, то следует признать, что существует и обратное явление. Это значит, что концепт может со временем «обеднеть» до понятия, культурно выхолоститься — а в текстах его обозначение оборачивается в таком случае редким специальным словом (термином). Это касается многих реалий прошлой жизни:

из концептов они превратились сегодня в понятия. Таков путь семантического развития многих историзмов, утрачивающих свою культурную «подложку»: *слуга, лучина, оковы, земство, падчерица, лишенец, стахановец* и др.

Процесс деконцептуализации можно продемонстрировать и на примере отношения общества к каким-то распространенным (и опасным) болезням.

В России к середине XIX в. сформировался концепт «туберкулез» («чахотка»): он сильно занимал общественное сознание. И в целом в Европе в это время происходили своего рода романтизация и эстетизация данной болезни — это находит свое отражение в художественной литературе. «Писатели часто упоминали о туберкулезе как о “благородной” болезни. Ни одна болезнь не получила столь широкого отражения в художественной литературе, как туберкулез. По литературным произведениям, герои которых страдали этим недугом, можно изучать течение болезни» [25, с. 528]. Известны (как правило, положительные) герои Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского и других писателей, страдавшие этим заболеванием. Концепт «туберкулез» получил и множественные визуальные проявления в живописи, в опере, в изменениях в моде и др. Затем, уже в XX в., болезнь была в основном побеждена, и концепт стал постепенно сводиться к понятию. Что же касается языковых проявлений данного процесса, то надо помнить, что тексты отражают психоментальные изменения в обществе с некоторой задержкой. Пики частоты употребления этого слова (с постепенным снижением) приходятся на 1913, 1934, 1951 и 2006 гг. Сегодня, по данным НКРЯ, слово *туберкулез* распределяется таким образом: 80 % употреблений приходится на нехудожественные тексты, и только 20 % — на художественные.

Но вот другая болезнь — подагра, не столь смертельная, но достаточно мучительная и в целом опасная. По сравнению с туберкулезом, она большого места в русскоязычном сознании не занимает — НКРЯ фиксирует 381 текст, 618 примеров. А пик употребительности слова *подагра* приходится на середину XVIII в., затем наблюдаются постепенное снижение, угасание. Но, оказывается, так было не всегда.

«Подагра — классическая болезнь из школьной программы по литературе… Сейчас подагра вышла из моды и в романах уже не встречается, но это не значит, что мы перестали ей болеть. Более того — от нее страдают десятки миллионов человек, а бдительные

ученые предупреждают, что случаев с каждым годом становится все больше…

В XIX в. подагрой страдал каждый уважающий себя литературный герой. Сегодня о ней вспоминают только любители классических романов… Болезнь аристократов больше не на слуху, и не потому, что аристократы измельчали. Скорее стали жить еще лучше: от приступов боли появились надежные средства, а воспаленные суставы перестали быть приговором» [26]. Вывод: подагра, как и туберкулез, деконцептуализировалась, выпала из светлого поля общественного сознания и утратила культурный аспект значения. Если мы видим в изменении частоты употребления слова следствие психоментальных процессов, то по графикам изменения частоты употребления слов, представленных в НКРЯ, можно в значительной степени судить о сдвигах в менталитете социума.

Национальная специфика концептов ярко проявляется в соответствующем наборе имен исторических или литературных личностей. Исследования в этой области привели к разработке теории лингвокультурных типажей (В. И. Карасик и др.). Очень интересны в этом смысле персонажи русской литературы. Если взять за основу тот же компендиум «Концептосфера русского языка», то там упоминаются *Обломов* как воплощение концепта лени, *Хлестаков* как символ хвастовства, *Плюшкин* — скупости, *Василий Теркин* — веселья, *Остап Бендер* — обмана, *папа Карло* и *Золушка* — труда и трудолюбия… [9]. Однако, по-видимому, «недотягивают» до уровня концепта князь Мышкин у Ф. М. Достоевского, Передонов в «Мелком бесе» Ф. Сологуба, Бабичев в «Зависти» Ю. Олеши, Юрий Живаго у Б. Пастернака — у них не хватает четкого «символического» звучания. Хотя все это центральные персонажи, но они так и остаются яркими образами, не отливаясь в лингвокультурных конструктах.

Практически каждая информационная сфера — наука, литература, политика, музыка, изобразительное искусство, спорт, военная стратегия — имеет свои вершины, обозначаемые именами личностей. В следующей цитате три фамилии объединяются и отождествляются в одном контексте как выражение концепта «просвещение, педагогика, учительство»:

Остановите первого встречного, расположите его к себе, и вы тут же узнаете, что перед вами ***Песталоцци, Ушинский и Макаренко*** *— един бог в трех лицах. С этим уж ничего не поделаешь…* (Л. Зорин. Старая рукопись).

О том, что имена-прототипы — символы национальной культуры — играют в обществе значительную эстетическую роль, говорит их использование в художественной литературе. Еще две иллюстрации:

Она что ли моральный кодекс строить будет? Как бы не так! Она — будь здоров. Она совсем о другом думает, у ней в глазах такой, извините, ***Мопассан*** *прыгает, с ума сойти!* (В. Драгунский. Сегодня и ежедневно; *Мопассан* — ‘соблазн, разврат’).

— Не желаете, — говорит, — молодые люди, программку?

Ну, Коля глаз рукой еще плотнее прикрыл и отвернулся — вроде бы ему ни к чему никакая программка, мол, он тут и так все знает. ***Бетховен****, ну. <…> Ладно, пошли в зал.* ***Бетховен*** *впереди, мы с Юрой — за ним* (М. Мишин. Под музыку Вивальди; *Бетховен* — ‘музыкальный гений’).

Показателен и следующий контекст, в котором стандартные ожидания собеседника обманываются — вместо прототипического имени художника он слышит иную фамилию:

Водитель спрашивает пассажира о его профессии. Художник честно говорит, что он художник. «Как ***Малевич****?» — неожиданно спрашивает водитель. А ведь многие, многие десятилетия «художником» был Репин или на худой конец Айвазовский. А тут поди ж ты —* ***Малевич****. Победил-таки некогда опальный «Черный квадрат»* (Л. Рубинштейн. Духи времени).

Естественно, переносное использование прецедентного имени собственного сопровождается фильтрацией, отсечением всех неважных черт референта. Золушка в массовом сознании воспринимается как символ забитости и унылого труда, а не женственности или торжества справедливости. Дон Кихот олицетворяет собой концепты «благородство» и «романтизм», а не «наивность» и «глупость». Имя *Обломов* может служить воплощением идей «лень», «вялость», а не «мечтательность» и «честность», и т. д. Но такое сужение семантики компенсируется появлением яркой прагматической коннотации. Поэтому исследователи предпочитают говорить здесь не об апеллятивации, а об ономастической метафоре [27, с. 52–62].

Разумеется, этот пантеон прецедентных имен не остается неизменным. Какие-то новые имена (политических деятелей, художников, поп-звезд и т. п.) пополняют культурный фонд социума, а какие-то, наоборот, из него уходят. В 60-е гг. прошлого века остроумцы распевали частушку:

Мила мужа брощу я,
А возьму поганого.
Буду я хорошая,
Буду я Гаганова.

Тогда частушка была понятна любому советскому человеку: имя Валентины Гагановой звучало «из каждого утюга». Это была ткачиха, которая сознательно перешла в отстающую бригаду и подняла там производительность труда. Гаганова — Герой Социалистического Труда, один из символов советской эпохи. А кто сегодня знает это имя? Из концепта оно превратилось в заурядную фамилию (правда, нашедшую свое место в Википедии).

Бывают и случаи переосмысления, переоценки, рефрейминга имени собственного. Так произошло в русскоязычной культуре, в частности, с именем *Павлик Морозов*. Из долголетнего символа верности идеалам и бесстрашного подвига оно превратилось в обозначение концепта «предательство»:

А может быть, все началось раньше и сейчас завершилось. Выросли внуки ***Павлика Морозова****. Их научили отрекаться от родителей, затаптывать корни, нарушать заповедь: «Почитай отца и мать своих»* (В. Токарева. Я есть, ты есть, он есть).

И л ь я. …Коммунисты подлючие, наплодили героев, ***Павликов Морозовых****, сдохнуть человеку не дают, так и кидаются в омут, под колеса поезда, в горящий дом, под машину!* (Н. Коляда. Рогатка).

* * *

Рассмотренный материал демонстрирует сложные отношения между такими единицами психоментальной сферы, как понятие и концепт. «Врастание» понятия в культуру, занятие им своей ниши в системе национальных ценностей — процесс, который может длиться веками. Признаки трансформации мыслительной единицы в категорию лингвокультуры (то есть перехода от понятия к концепту) обнаруживают себя в речи. Это возрастание употребительности слова в текстах, его словообразовательная, фразеологическая и сочетательная активность, развитие у слова разнообразных переносных значений (в том числе использование его в качестве имени собственного), закрепление в иных, кроме языковых, формах: в зрительных символах, картинках, фильмах, музыкальных произведениях и т. д. Вместе с тем в реальности наблюдается и обратный процесс: в соответствии с изменением общественно-исторических условий какие-то концепты могут терять свою культурную

составляющую, выходить из светлого поля языкового сознания, обесцениваться как элементы духовной жизни общества.

---

1. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. 256 с.

2. *Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры. 3-е изд. М., 2004. 824 с.

3. *Бурас М.* Истина существует. Жизнь Андрея Зализняка в рассказах ее участников. М., 2019. 360 с.

4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. 1536 с.

5. *Фрумкина Р. М.* Языковые гештальты и проблема представления знаний // Сборник от научни трудове, посветен на седемдесетгодишнината на професор Мирослав Янакиев. София, 1993. С. 138–150.

6. *Vaňková I.* Člověk a jazykový obraz (přirozeného) světa // Slovo a slovesnost. Vol. 60. 1999. S. 283–292.

7. *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. 703 с.

8. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 390 с.

9. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : словарь / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2017. 1019 с.

10. *Виноградов В. А.* Культурный концепт и его лингвистические составляющие: БЛИЗНЕЦЫ // Виноградов В. А. Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии. М., 2018. С. 493–505.

11. Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / под ред. И. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. 577 с.

12. *Норман Б., Райнохова Н.* Образ водяного в славянских языках и культурах // Многоязычие и культура / под ред. Е. Протасовой. Riga, 2026. С. 9–18.

13. НКРЯ — Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: https://www.ruscorpora.ru (дата обращения 11.06.2026).

14. Český Národní Korpus : [website]. URL: https://www.korpus.cz/kontext/view?viewmode=sen&pagesize=40&attrs=word&attr_vmode=visible-kwic&base_viewattr=word&refs=%3Ddoc.title&ref_max_width=40&q=~Gui4SiceQowK&cutoff=0 (accessed: 10.02.2026).

15. *Стернин И. А.* Теоретические и прикладные проблемы языкознания : избр. работы. Воронеж, 2008. 595 с.

16. Български норми на словесни асоциации / под общ. ред. Е. Герганова. София, 1984. 272 с.

17. *Геров Н.* Речник на българския ези : в 5 ч. Фототип. изд. София, 1978. Ч. 5. Р–Я. 639 с.

18. Речник на съвременния български книжовен език : [в 3 т.] / гл. ред. С. Романски. София, 1959. Т. 3. Р–Я. 694 с.

19. *Васильева Г. М.* О чем щебечет нам ласточка и кукует кукушка? // Слово. Семантика. Текст : сб. науч. тр., посв. юбилею В. В. Степановой. СПб., 2002. С. 198–201.

20. *Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е.* Фразеология молчания I: горло и глотка в русских фразеологических соматизмах // Wiener Slawistischer Almanach. 2022. Bd. 88. С. 253–284.

21. Фразеологический словарь русского языка. 4-е изд. / под общ. ред. А. И. Молоткова. М., 1986. 543 с.

22. *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка). М., 2009. 1087 с.

23. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М., 1985. Т. 1. 856 с.

24. *Норман Б. Ю.* От лексического значения к концепту и обратно (слово *чемодан* в русскоязычном сознании) // Проблемы русского и общего языкознания : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8. Елец, 2010. С. 59–68.

25. *Данилов А. В., Семенова С. Р.* Тема туберкулеза в литературе // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 4, ч. 3. С. 528–530.

26. *Лосева П.* Господская болезнь : Как (и почему) мы до сих пор болеем подагрой // N + 1 : [сайт]. URL: https://nplus1.ru/material/2020/08/26/podagra (дата обращения: 10.02.2026).

27. *Ратникова И. Э.* Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Минск, 2003. 214 с.

1.6. Когнитивно-семиотические принципы фразеосемиозиса

Фразеология как раздел языковедения и фразеологизм как единица системы того или иного языка традиционно привлекают внимание лингвистов в связи с тем, что эта область затрагивает многие, практически все темы, связанные с развитием, функционированием языка, организацией и взаимодействием всех его уровней внутри системы, его многочисленными связями с внешним миром, с историей и культурой народов, говорящих на разных языках, с их мышлением, оценкой действительности, своего поведения и внутреннего мира. Последние темы из перечисленных поднимаются и плодотворно изучаются в рамках таких современных активно развивающихся направлений, как лингвокультурология, где фразеологический фонд признан главным зеркалом национальной культуры и ментальности этноса (Е. М. Верещагин, В. В. Воробьев, И. В. Зыкова, В. Г. Костомаров, В. А. Маслова, В. Н. Телия и др.), лингвистическая аксиология (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Бабаева, В. И. Карасик и др.), изучающая фразеологизм как инструмент оценки мира, дискурсология и, конечно, когнитивная лингвистика (Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Болдырев, Д. О. Добровольский,

И. А. Стернин, М. Джонсон, Д. Лакофф, М. Тёрнер, Ж. Фоконье и др.), где фразеологические единицы рассматриваются как ментальные репрезентации, отражающие структуру человеческого опыта, способы категоризации и концептуализации мира. Во всех этих направлениях часто в большей, а реже в меньшей степени наблюдается смещение акцента с системоцентризма на антропоцентризм в связи с интересом к идиомам как к единицам, предназначенным для коммуникации.

При когнитивно-семиотическом подходе к изучению фразеологических единиц принципы их статуса и положения в системе языка составляют первостепенный объект анализа, который, тем не менее, закономерно не обходится без рассмотрения роли антропогенных условий и факторов семиозиса новых знаков языка посредством структурно-семантического сращения нескольких отдельных уже закрепленных в системе знаков, ибо объективные результаты в этой области достижимы с учетом исследования природы и функционирования фразеологизмов в системе речемыслительной деятельности в целом. Поэтому в когнитивной лингвистике и семиотике наблюдается сдвиг научного интереса от статического описания фразеологических единиц к описанию процессов их структурно-семантического сращения — фразеосемиозиса и ставится главный вопрос о том, как в языковом представлении носителей языка происходят формирование и вербализация когнитивных единиц и моделей через устойчивые сочетания слов.

Как отмечает Н. Н. Болдырев, языковые формы изучаются не сами по себе, а в аспекте того, как они отражают определенное видение мира человеком и способы его концептуализации в языке, общие принципы категоризации и механизмы обработки информации с точки зрения того, как в этих формах передается весь познавательный опыт человека, а также влияние окружающей среды [1, с. 16–17]. В рамках этой теории человеку как познающему субъекту приписывается активная роль в формировании значений языковых единиц: он сам конструирует значения и вкладывает их в языковые знаки, то есть в определенной степени активен в выборе языковых средств выражения для означивания того или иного объекта, события, ситуации и в понимании мотивов этого выбора. Соответственно, полная структурно-семантическая характеристика того или иного языкового или речевого знака предполагает учет не только и не столько объективных параметров вербализуемого объекта (денотата), сколько специфики его восприятия, наличия соответствующих знаний, выделенности конкретных единиц

и выбора точки зрения, концентрации внимания на определенных свойствах. Все эти моменты в конечном итоге определяют формирование у человека в процессе его лингвокогнитивной деятельности конкретных концептов и категорий, то есть специфику процессов концептуализации и категоризации мира [1, с. 33].

Такие условия и факторы генезиса и закрепления в системе языка фразеологических единиц учитываются при их когнитивно-семиотическом анализе, но в фокусе исследования остаются прежде всего процессы в самой системе языка, и на первый план выдвигается вопрос, как сам язык решает задачу создания новых (в данном случае поликомпонентных) знаков. Иными словами, язык ставится в равные условия с говорящим на нем человеком, и подчеркивается его не менее, а зачастую более значимая роль в генезисе знаков языка и речи — в речеязыковом семиозисе. Так, главный акцент при когнитивно-семиотическом анализе ставится на том, что язык — это такой же активный творец собственной системы, как и пользующийся им человек.

Итак, процессы семиозиса в системе языка и в процессе речевой деятельности обусловлены природой когнитивной системы человека. Любой языковой знак — это акт человеческого мышления [2, с. 91] и средство, которым оно пользуется для принятия информации извне, ее обработки и интерпретации [3, с. 45]. Логико-философскую модель когнитивно-семиотического целого представил Готлоб Фреге в своем знаменитом семантическом треугольнике, позволяющем наглядно показать отношения между компонентами мысли и языка (рис. 4).

Рис. 4. Семантический треугольник Г. Фреге [4; 5]

С помощью данной модели Г. Фреге стремился показать, как слова соотносятся с реальными вещами через когнитивную

и коммуникативную деятельность человека, и долгое время эта модель признавалась философами и лингвистами как полно и наглядно объясняющая логико-философские основания человеческого мышления и общения.

Для современной лингвистики этого недостаточно, ибо в семиотическом треугольнике Г. Фреге концептуализация и категоризация явлений окружающего мира занимают общую позицию (смысл, концепт, идея). Между тем, эти понятия имеют существенные различия, что в настоящее время отмечают лингвисты при обращении к этому вопросу. Так, например, М. Н. Коннова указывает на то, что хотя концептуализация и категоризация представляют собой классификационную деятельность, они различаются по своему конечному результату и цели, справедливо замечая, что *процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания; процесс категоризации — на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, т. е. категории* [6, с. 93]. Иными словами, *категоризация* — это отнесение воспринимаемого явления к определенному классу [7, с. 159], объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, то есть категории [8], «результат классификационной (таксономической) деятельности» [9, с. 307], то есть обобщение, результат предельного абстрагирования чего-либо. Следовательно, языковая категоризация — это результат обобщения смыслов, сопровождающийся предельным отвлечением от видимой (ощутимой, осознаваемой) мотивации явлений/объектов/событий внешнего мира. Языковая категоризация организует поле, где категория представляет собой когнитивно-семиотический класс.

Концептуализация, напротив, это уточнение, конкретизация какого-либо значения, то есть она обращена к конкретным смыслам и формирует структуру сети, где концепты — когнитивно-семиотические единицы — состоят в оппозиции друг другу по какому-либо дифференциальному признаку. Оба процесса взаимосвязаны [Там же, с. 301], разворачиваются параллельно и сопровождаются *номинацией* — материализацией, привязкой к телу знака — к слову [Там же, с. 321], то есть означиванием, когда система выбирает форму (морфему, лексему) для воплощения семантемы грамматического и/или лексического содержания.

Отношения между категоризацией, концептуализацией и номинацией образуют модель когнитивно-семиотического треугольника (рис. 5).

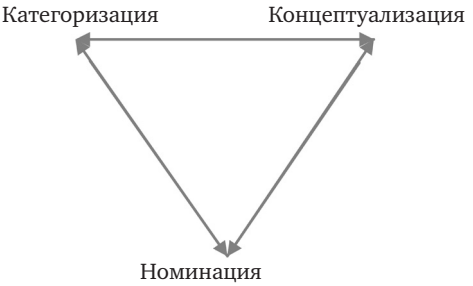


Рис. 5. Когнитивно-семиотический треугольник

В данной модели эксплицитно представлены взаимозависимые и взаимонаправленные отношения ⊂концептуализация ↔ категоризация ↔ номинация ⊃, но модели семантического треугольника она уступает тем, что в ней не показан объект. Это легко поправить, внеся в модель недостающий компонент — познаваемый объект, что придаст ей 3D-форму тетраэдра, где *объект* займет позицию четвертой скрытой основанием треугольника вершины (рис. 6).

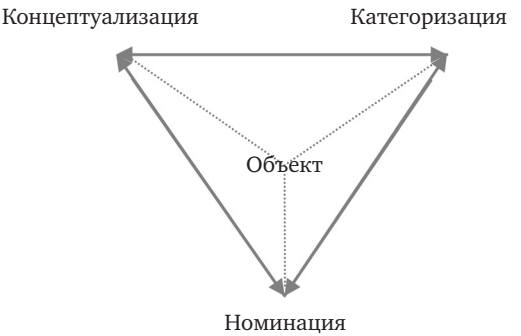


Рис. 6. 3D-модель когнитивно-семиотического треугольника [10, с. 12–13]

В 3D-модели треугольника показаны отношения компонентов в когнитивно-семиотической системе в процессе восприятия и интерпретации объекта окружающей действительности человеческим разумом посредством языка, представляющего собой способ и механизм, который он (разум) использует для обозначивания внешнего мира, с одной стороны, и нашего представления о нем — с другой. По сути, это и есть модель языкового

семиозиса — генезиса языкового знака. Соответственно, языковой знак — это акт интерпретации как мышления, так и соответствующих элементов действительности, и что особенно важно — хранящий в своей структуре собственные возможности, собственный потенциал дня такой интерпретации. Следовательно, каждое свойство воспринимаемого предмета должно найти отражение в структуре языкового знака, и напротив — каждый элемент концептуальной модели языкового знака должен быть в той или иной степени мотивирован реальными свойствами предмета. Концептуальная модель языкового знака — это фактически и есть то, что Ф. де Соссюр называл языковым знаком, структура которого представлена ученым формулой *означаемое + означающее*, ибо он рассматривал языковой знак как ментальный коррелят материального слова, где оба компонента структуры суть представление о знаке в сознании человека, и в этом смысле знак, по Соссюру, «психичен» [11, с. 98–100]. В терминах когнитивной семиологии структура когнитивной концептуальной модели языкового знака включает концептуальное означаемое и концептуальное означающее и может быть выражена формулой *концептуальное означаемое + концептуальное означающее*. *Концептуальное означаемое* — это понятийное содержание, охватывающее всю совокупность значений знака, включая исконные и «забытые»; *концептуальное означающее* — это представление о материальном знаке. Важно, что оба компонента входят во взаимозависимые отношения с единицами мысли и с внешним миром (рис. 7).

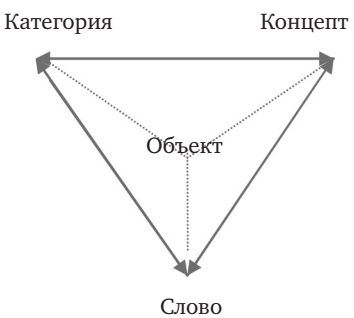


Рис. 7. Языковой знак
в когнитивно-семиотической системе

Концептуализация понятия (представления об объекте или явлении действительности) и концептуализация слова (языкового

знака, именующего, объясняющего и категоризирующего представление об объекте) состоят во взаимообусловленных отношениях. Концепт и есть результат этого взаимонаправленного взаимодействия, в силу чего в его структуре должны быть составляющие и от понятия, и от языкового знака, ибо средством вербализации концепта в первую очередь выступает слово, поскольку оно является той одновременно предмето- и смыслоединицей, через которую единица мысли — концепт — получает возможность реализоваться как в реальном мире, так и в сознании людей [12, с. 62–63]. Упрощенная форма механизма когнитивно-семиотического процесса *объект → знак языка* такова: *восприятие объекта → его распознавание (отнесение к определенному классу — категоризация) → уточнение его особых характеристик и свойств (определение его позиции внутри определенного класса — концептуализация) → подбор наиболее подходящего знака в системе языка*. Механизм когнитивно-семиотического процесса *знак языка → представление об объекте* разворачивается в обратном порядке.

Концептуализация и категоризация относятся к десигнативному уровню языкового знака, а номинация — к плану десигнатора. Категория и концепт, следовательно, суть компоненты десигната, а слово как носитель его содержания (материальный или его ментальный коррелят) — десигнатор. Отношения *десигнат — десигнатор*, согласно сформулированному Г. Гийомом закону сохранения целого, выражаемого формулой целого A + B = 1 [13, с. 97; 14, с. 43], можно представить формулой целого:

$$\textit{десигнат} + \textit{десигнатор} = \textit{знак языка},$$

позволяющей показать основной принцип генезиса знаков в системе языка и в речи, а именно то, что изменение одного из составляющих уравнения влечет изменение самого языкового знака:

$$\textit{десигнат}_1 + \textit{десигнатор} = \textit{знак языка}^1;$$
$$\textit{десигнат} + \textit{десигнатор}_1 = \textit{знак языка}^2.$$

Посредством формулы целого наглядно объясняется ряд основных законов языкового семиозиса, к примеру, то, что 1) омонимы являются разными языковыми знаками, а также 2) факт отсутствия в языке абсолютных синонимов. Второй из указанных законов важно учитывать при анализе фразеосемиозиса, ибо на этом уровне его действие особенно заметно.

Фразеологизмы относятся к единицам вторичной номинации, а *фразеосемиозис* — это речемыслительный процесс, ведущий «к возникновению фразем (идиом) — знаков косвенно-производной номинации» [15, с. 50]. Иными словами, к формированию фраземы приводит процесс успешного сращения устойчивого словосочетания до фразеологического целого. Фразеосемиозис относится к эмотивной сфере лингвокогнитивной деятельности и сопровождается активацией образного представления информации с целью придания наглядности в понятийном объеме единицы языка и/или смыслового уточнения входящих в нее значений.

Механизм фразеосемиозиса принципиально аналогичен механизму лексосемиозиса, то есть подчиняется универсальным законам генезиса знаков в системе языка. Его также можно представить в виде 3D-модели когнитивно-семиотического треугольника (рис. 8).

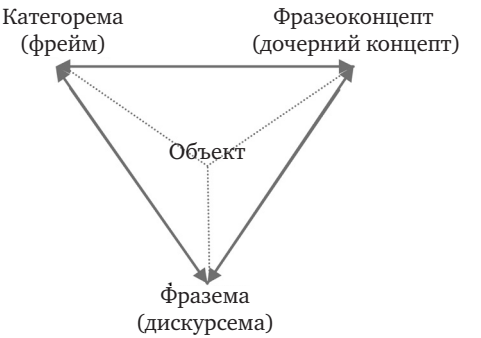


Рис. 8. Модель фразеосемиозиса

Фразема — это поликомпонентный знак языка, образовавшийся в результате структурно-семантического сращения нескольких отдельных уже закрепленных в системе знаков и представляющий собой устойчивую целостную, то есть неделимую на отдельные компоненты по структуре и по смыслу единицу языка, готовую к выходу в речь в качестве отдельного дискурскомпонента. Фразема в системе языка и речевой деятельности в целом имеет особый статус, ибо, будучи его (языка) устойчивой единицей, она является также устойчивой единицей речи, поскольку при выходе в речь ее целостность ни при каких условиях дискурсивного характера не нарушается. Речевой коррелят фраземы (знака системы языка) — это дискурсема — знак системы речи, свободно воспроизводимый в любом контексте

и функционирующий в неизменном или в условно неизменном виде. В отношении *фразеологизм — фразема* термин *фразеологизм* включает родовое значение, а термин *фразема* — видовое (в ряду «идиома, паремия, пословица и др.»).

Исходная структура фраземы может иметь форму:

— именного словосочетания, включая словосочетания с инфинитивом (именем действия): *белая ворона, рука об руку, рукой подать, раз плюнуть*;

— предложения: *зимой снега не выпросишь, краше в гроб кладут*.

Процесс фразеосемиозиса, то есть закрепления в системе языка таких единиц в качестве полноценных самостоятельных знаков, завершается образованием *фразем-монолитов*, или собственно фразем, готовых к выходу в речь в неизменном виде, форма и состав которых не зависят от условий их актуализации. Это могут быть именные и инфинитивные конструкции: *капля в море*; *с легкой руки*; *с лица не воду пить*. К этой группе фразем можно отнести и конструкции с финитным глаголом в неизменяемой при речевой актуализации форме, хотя для них характерно то, что в речи в их структуру могут вклиниваться окказиональные дискурскомпоненты: *и след простыл → и след проказника простыл*.

Группа *условных фразем* — это фраземы, речевое использование которых предполагает вариативность формы одного из компонентов в зависимости от дискурсивных условий и факторов. Исходная форма таких фразем — предложения. Входящий в их структуру глагол незаменим, но в речи он может менять форму и позицию в дискурсеме в зависимости от контекста, или от формально-структурного согласования с единицами окружения. Как правило, это дискурсемы предикативного характера, актуализация которых предполагает согласование глагола с субъектом-подлежащим — носителем признака. В них также могут вклиниваться окказиональные компоненты: *руки не доходят → руки у нее (видишь ли) не доходят / не дошли; дойти (дойду/дошел/дошла…) до ручки → до ручки уже дошел; грызть (грызу/грызет/грыз/…) гранит науки → он гранит науки грыз три года*.

Категорема как единица когнитивно-семиотического треугольника — это обобщенное представление о ситуации/состоянии. По Н. Н. Болдыреву — когнитивный контекст [1, с. 30]. В понятийно-терминологическом аппарате когнитивной психосемиологии — концептуально-семиотическая модель типовой

ситуации, или фрейм. Например, американский исследователь М. Вартофский, анализируя когнитивные аспекты репрезентации опыта в сознании человека, рассматривает когнитивную модель как формальную структуру, отражающую познавательный опыт индивида. Ученый приходит к выводу о том, что «все лингвистические высказывания являются моделями, репрезентациями фактов, и наоборот, все модели являются в той или иной форме лингвистическими высказываниями, используемыми для сообщения фактуально истинных дескрипций» [16, с. 38].

Определение *фразеоконцепта* приводит К. М. Абишева: «Под фразеологическим концептом мы понимаем сложившиеся дискретные единицы коллективного сознания, обладающие способностью выражать категориальность мышления в единицах вторичной номинации, отличающиеся наличием в структуре различных составляющих, репрезентирующих как физические знания, так и культурно-ментальные, ценностные представления народа, его образную оценку какого-либо предмета в единицах вторичной номинации» [17, с. 35]. В данном определении сплетены все четыре аспекта/уровня (включая их единицы) механизма сращения отдельных знаков языка внутри когнитивно-семиотического целого: фразеологический концепт, категориальность мышления, вторичная номинация, представления о предмете действительности. Необходимо «расплести» эти дефиниции.

Начнем с термина *фразеологический концепт*, или *фразеоконцепт*, что требует уточнения исходного понятия *концепт*, ибо его трактовка может различаться в зависимости от разных подходов к его рассмотрению. В большинстве случаев отечественные лингвисты рассматривают концепт как лингвокультурологическое явление. По мысли Ю. С. Степанова, «концепт отмечен лингвокультурной спецификой, и поэтому он выступает как основная ячейка культуры в ментальном мире человека»; в его структуру «входит все то, что и делает его фактом культуры: исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков история, современные ассоциации, оценки и т. д.» [18, с. 43]. В. И. Карасик считает, что концепт как лингвокогнитивное явление — это «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека» [19, с. 131]. Исследователи изучают тот или иной концепт посредством анализа лексических единиц, реализующих его вербализацию, и этих единиц, полагают они, в пределах одного языка может быть несколько.

Е. С. Кубрякова дала определение концепту как единице ментально-семиотической системы, назвав его оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), указав при этом на прямую связь концепта со словом — единицей номинации [8, с. 90].

Анализ отношения *концепт — слово* достоин особого внимания.

Отвечая принципу системности, язык, будучи периферической системой кодирования всего потенциально мыслимого, является подсистемой в системе сознания, а значит, должен отражать принципы организации системы в целом. Следовательно, семиотичность языка должна определять семиотичность мысли (и/или ею определяться). В этом суть универсального закона психосемиологии, который имеет тесную связь еще с одним важным законом: чтобы быть оперативной, система языка, равно как и система концептуализации, должна отвечать принципу (закону) простоты [13, с. 52–53]. Принципы (законы) системности и простоты определяют характер отношений между единицами языка и единицами мысли. Они должны быть прямыми и взаимозависимыми, а именно — одному слову должен соответствовать один концепт, и наоборот. Только в этом случае операции языка и мысли, равно как и вся система концептуализации, могут быть оперативными.

Потребность системы в конструировании знаков вторичной номинации вызвана переосмыслением, уточнением исходного концепта, влекущим формирование (рождение) нового концепта в ответ на необходимость обозначить этот производный концепт — фразеоконцепт. Механизм этого процесса подчиняется основному принципу лингвосемиозиса и заключается в подборе системой языка уже имеющихся в ней необходимых знаков для заполнения смысловых лакун в понятийном содержании исходного языкового знака. Здесь вступает в силу еще один важный закон психосемиологии, который состоит в том, что, подчиняясь принципу экономии средств языка, идея не может изобрести для себя соответствующий для нового значения знак, но ищет (и находит) подходящий знак в уже имеющейся лингвосемиотической системе. Хотя он изначально не создан для данной идеи, но может быть закреплен за ней (передан ей) при условии утраты (полной или частичной) прежнего соответствия [13, с. 75]. Знаки, принятые системой для заполнения смысловых лакун

исходного знака — это и есть способ уточнения ментального содержания концепта посредством использования их семантического потенциала. Этот механизм неизбежно сопровождается заменой единицы номинации, или созданием (конструированием) новой — фраземы. При этом каждый включенный во фразему знак для уточнения ментального содержания нового концепта вносит в ее понятийное содержание компонент своего значения, принципиально необходимый в конкретном семиозисе. Это значение в исходном знаке может быть частично «стерто (утрачено)», но именно оно необходимо для формирования смыслового содержания фраземы.

Рассмотрим на примерах.

Рукой подать — фразема-монолит. Она является полноценным знаком языка: при речевой актуализации а) ни один из ее компонентов не может быть опущен и б) форма каждого компонента не может быть изменена. Ср.: **Руками подать*; **Рукой дотянуться/потрогать*; **Рукой подам/пододадите/подайте/подадим*; **Ногой подать/достать*; и т. д.

Представим последовательно механизм семиозиса фраземы *рукой подать* (рис. 9). Обратим внимание на то, что точная экспликация смысла любого концепта, даже коррелирующего с простой (однословной) номинацией, как правило, многословна и остается в значительной степени приблизительной. Однако этим объясняется сам факт концептуализации, совершаемой системой когниции в силу потребности в уточнении концептуального значения посредством сращения представлений о явлении внешнего мира и о знаке языка.

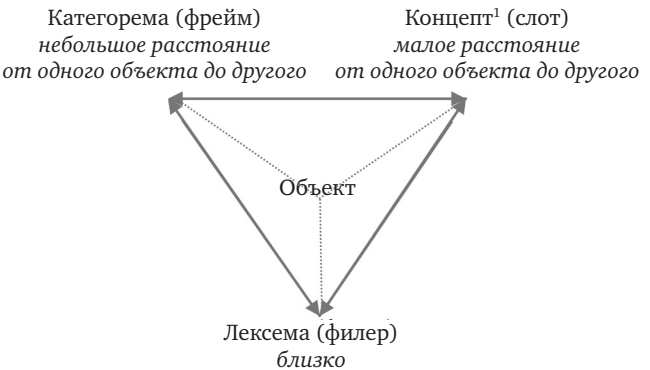


Рис. 9. Семиозис слова *близко*

Еще более многословной становится экспликация фразеоконцепта, ибо чем точней смысл, тем более развернутым будет его объяснение. И именно посредством номинации решается задача смысловой «упаковки» (рис. 10).

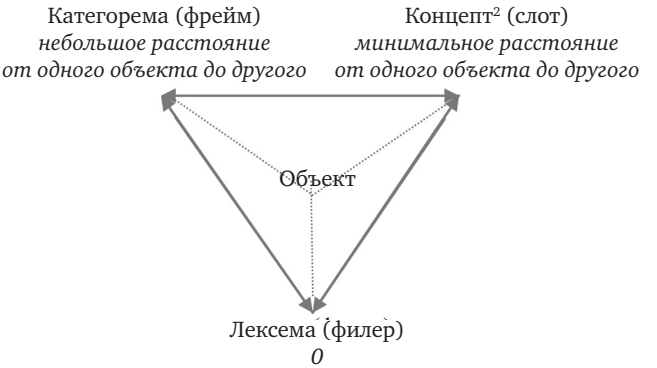


Рис. 10. Номинация концепта *минимальное расстояние от одного объекта до другого*

На рис. 10 показано, что в лексической системе русского языка отсутствует слово для обозначения концепта *минимальное расстояние от одного объекта до другого.* Решение этой проблемы посредством слов *рядом, недалеко* или словосочетания *очень близко* оказалось недостаточным. В первом случае дискурсивный контекст при актуализации слов *рядом, недалеко* требует эксплицитного или имплицитного уточняющего дополнения: *рядом с домом, рядом (с местом, где ты сейчас находишься/стоишь); недалеко от вокзала (от места, где ты находишься)*, то есть зависит от окружения — от эксплицитно представленных соседствующих дискурс-компонентов или от контекста — от смысловых импликатур. Во втором случае (*очень близко*) смысловое содержание *минимальное расстояние от одного объекта до другого* выражено свободным словосочетанием и в силу этого уступает отдельной лексеме как оперативной единице речевой актуализации. Кроме того, оно не имеет самостоятельного значения и каждый его компонент в речи может быть заменен другим словом, ср.: *совсем близко, очень недалеко*. Главное — значение расстояния представлено неточно. Поскольку языковые и дискурсивные значения перечисленных единиц вариативны, язык ищет средства для более точной номинации концепта. Успешность решения этой задачи системой языка в силу участия в этом процессе человека,

активно воспринимающего, интерпретирующего, оценивающего и кодирующего ментальные представления, определяется выбором знаковых единиц, семантический потенциал которых позволяет провести парадоксальную операцию механизма фразеосемиозиса — восполнение смысловых лакун для уточнения смысла и использование смысловых приращений одновременно в целях а) удовлетворения лингво-семиотического требования в оптимальном выражении (функция логического мышления) и б) стремления речи к максимальной выразительности, что способствует образному представлению ситуации. Таким образом, при фразеосемиозисе активируются процессы, с одной стороны, логического мышления, с другой — образного и запускается механизм, в результате которого посредством структурно-семантического сращения двух уже имеющихся в системе знаков языка, чей семантический потенциал был необходим для заполнения смысловых лакун слова *близко*, оформился новый знак языка — фразема-монолит ***рукой подать*** (рис. 11).

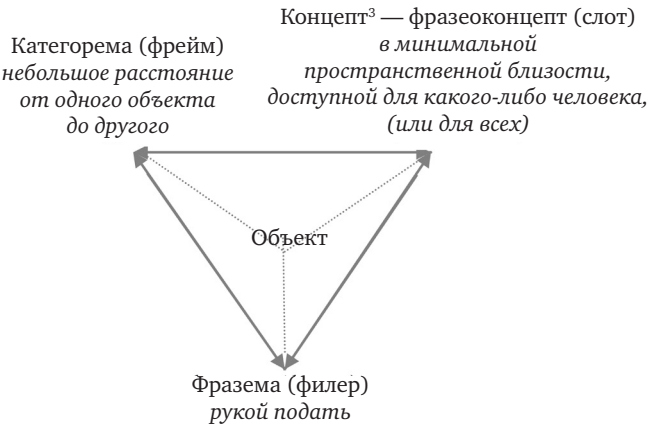


Рис. 11. Номинация концепта *в минимальной пространственной близости, доступной для какого-либо человека (или для всех)*

Фразема *рукой подать* уточняет исходный концепт *малое расстояние от одного объекта до другого* и вербализует новый концепт с более точным ментальным содержанием: не просто близко, а *в пространственной близости, доступной для какого-либо человека (или для всех)*. Слово *рука* вносит во фразему свое основное значение — часть тела, имеющая определенную длину,

позволяющую человеку доставать до предметов, находящихся на расстоянии не далее длины его руки, то есть практически в пределах его личного пространства.

Из слов *дать* и *подать* система выбрала второе в силу того, что оно включает во фразему свое основное значение *жест (движение) рукой вперед от себя*, тогда как в понятийном объеме слова *дать* эта семантема ближе к периферии. Слово *достать* также не пригодилось, потому что в его понятийном значении есть сема *движение рукой по направлению к себе, взять*.

Заслуживает внимания и структура фраземы, где инверсия не случайна, ибо смысловым ядром фраземы является компонент *рука*, несущий ее основное значение длины, во фраземе — минимального расстояния. Ср: *подать рукой* — свободное словосочетание, в структуре которого главное слово — *подать* с зависимым от него — *рукой*. Оба слова, во-первых, свободно заменимы другими словами, во-вторых, главное слово в контексте чаще всего требует зависимого от него дополнения: *сделать рукой/руками знак, подать ногой мяч* и т. д.

Стоит заметить, что, поскольку фразема является средством номинации нового концепта, при структурно-семантическом анализе механизма фразеосемиозиса часто бывает затруднительно найти исходную коррелирующую с ней эмотивно-нейтральную лексему.

Для семиозиса фраземы-монолита ***руки не доходят*** пригодилась другая семантема слова *рука* в форме множественного числа — *руки* как часть тела человека с акцентом на их активную трудовую функцию: *руки* как орудия труда, в котором задействованы они обе. Руки постоянно заняты чем-то первостепенно важным, то есть тем, что нужно сделать в первую очередь, а, возможно, менее важное дело отодвигается во времени. При этом время в данном случае мыслится пространственно, ибо пространство постигается образно и его представить легче, чем время, постигаемое аналитически. Поэтому рукам приписывается действие, свойственное для ног: *руки не доходят,* значит, не имеют возможности преодолеть (не просто преодолеть, а «пройти пешком») временно́е расстояние.

Данная фразема состоит из трех компонентов и является полноценным знаком языка: а) ни один из ее компонентов не может быть опущен, и б) форма каждого компонента не может быть изменена. Ср.: **рука (рукой, руками) не доходит (не дойдет, дойдет)*; **руки не добегут (не доедут)*.

Кроме того, фразема может использоваться в контексте, в котором речь идет не о физическом, а об интеллектуальном действии, например:

У меня до изучения китайского (до работы над диссертацией) руки (никак) не доходят. Ср.: **голова не доходит* и т. д.

Компоненты семиозиса фраземы *руки не доходят*: категорема — *условия и возможность совершения* действия; фразеоконцепт — *постоянное отсутствие времени сделать что-либо*.

Номинация категоремы (фрейма) *огромные неисчислимые деньги* в системе русского литературного языка включает три фраземы: ***бешеные деньги, сумасшедшие деньги*** и ***шальные деньги***. Часто их рассматривают как синонимы [20]. Однако, как уже отмечалось выше, система языка не допускает абсолютных синонимов, что особенно важно учитывать при анализе фразеосемиозиса, ибо наличие в системе трех устойчивых (до уровня фразем) словосочетаний для кодирования свойств одного объекта свидетельствует о разных его свойствах и о расхождениях в представлении и оценке этих свойств и самого объекта. Следовательно, каждая номинация (филер), заполняя позицию (слот) в структуре категоремы (фрейма), указывает на конкретное свойство, характеристику или атрибут объекта.

Фрейм *огромные неисчислимые деньги* включает преимущественно этические и аксиологические слоты, отражающие ценностную, культурную, этическую и эмоциональную оценку крупных сумм денег человеком. Каждый слот вносит уточняющее значение: какими именно они могут быть (бывают) и какое влияние оказывают на человека — на его характер, психику, поведение, образ жизни и т. д.

Понятийное содержание прилагательного *бешеные* включает следующие значения: крайняя степень проявления чего-либо, неистовость, ярость, все, что происходит с чрезмерной силой. Все эти значения обусловлены этимологией слова, то есть имеют явную семантическую мотивацию — указывают на ассоциацию со всем тем, что связано с опасным вирусом бешенства. Данные значения применены системой при использовании прилагательного *бешеный* в качестве компонента фраземы *бешеные деньги*, где оно выполняет когнитивно-семиотическую функцию уточнения: бешеные деньги — это огромные, зачастую нечестно заработанные деньги, дающие обладающему ими человеку безграничную власть и силу. Они могут быть использованы для чего угодно, в том

числе и для преступных целей. В силу этого в семантическом потенциале фраземы *бешеные деньги* есть сема агрессии, которая при речевой актуализации способна реализоваться имплицитно или эксплицитно. Так, сгенерировав фразему *бешеные деньги,* система нашла способ уточнить и материализовать средствами языка особый вариант концептуализации представления об именуемом объекте: *огромные деньги, дающие обладающему ими человеку безграничную власть и силу*.

Фразема *сумасшедшие деньги* запускает иной сценарий мышления: в отличие от фраземы *бешеные деньги*, она прежде всего кодирует объем, указывая на сумму, масштаб которой выходит за рамки привычной реальности субъекта и буквально может свести с ума кого угодно, прежде всего человека, который ею владеет. Поэтому представление о сумасшедших деньгах часто работает как ограничивающее убеждение. Человек подсознательно блокирует возможность больших заработков, так как на глубинном уровне ассоциирует их с опасностью, потерей рассудка или социальным отторжением, основываясь на своем представлении о том, что у большинства нормальных людей таких денег не бывает. Это указывает на скрытую сему страха в семантическим потенциале фраземы *сумасшедшие деньги*, именующей концепт *огромное, невообразимое количество денег, способное замутить разум людям, в том числе их владельцу*.

В концептуально-семантическую структуру разговорного прилагательного *шальной* входят значения *безрассудный, сумасбродный* или *неуравновешенный*. Оно часто применяется для описания людей, их взбалмошных поступков, а также внезапных неконтролируемых явлений или чего-то случайного. Все эти значения использованы системой языка в семиозисе фраземы *шальные деньги*. Шальные деньги — это внезапно, случайно и легко полученная крупная сумма денег, что вызывает у их обладателя в большей степени положительные эмоции и желание употребить их в числе прочего во благо. Поэтому человек относится к ним легко, тратит, не считая и не задумываясь о последствиях. Такое представление о больших деньгах реализуется фразеоконцептом *случайно попавшие в руки какому-либо человеку большие деньги.*

Когнитивно-семиотическая номинация и концептуализация категоремы (фрейма) *огромные неисчислимые деньги* представлены на рис. 12, где показаны три номинации данной концептуальной сети и где каждый фразеоконцепт (узел в концептуальной

сети) состоит в оппозиции к двум остальным по определенному дифференциальному признаку, что отражено в структурно-семантическом характере именующих их фразем.

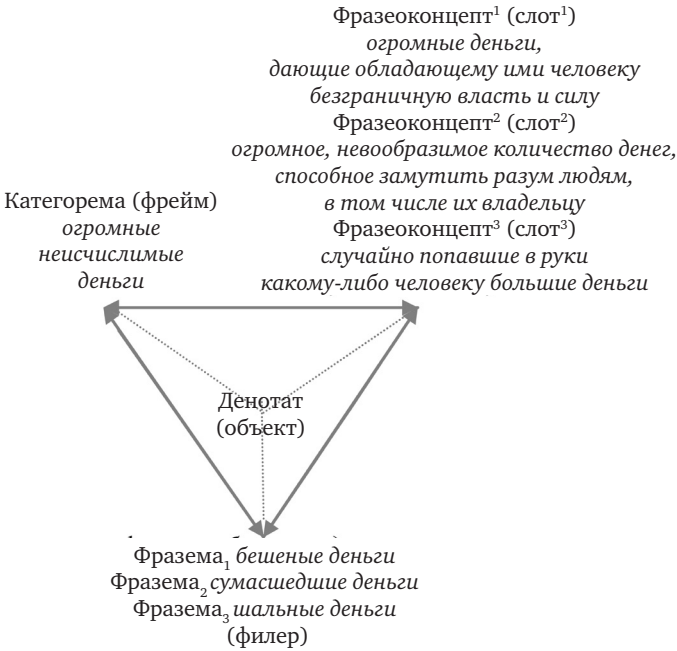


Рис. 12. Номинация и концептуализация категоремы (фрейма) *огромные неисчислимые деньги*

Основные дифференциальные признаки фразеоконцептов[1, 2, 3] (слотов[1, 2, 3]) и их эмоционально-психологические и этические оценки:

— ‘получать ↔ зарабатывать’: получать ‘заслуженно ↔ незаслуженно ↔ случайно’; зарабатывать: ‘честно ↔ нечестно’;

— тратить: ‘легко, не экономя’ ↔ ‘обдуманно, во власть’ ↔ ‘с опаской’;

— психологическая нагрузка: ‘свобода и власть’ ↔ ‘стресс и зависимость’ ↔ ‘беззаботность’.

Фразеоконцепт[1] *огромные деньги, дающие обладающему ими человеку безграничную власть и силу* (далее — ФК[1]), и фразеоконцепт[2] *огромное, невообразимое количество денег, способное замутить разум людям, в том числе их владельцу* (далее — ФК[2]), состоят в оппозиции к фразеоконцепту[3] *случайно попавшие в руки*

какому-либо человеку большие деньги (далее — ФК^3) по основному признаку ‘*получать ↔ зарабатывать*’. При этом в ФК^1 признак ‘*зарабатывать*’, как правило, мыслится с отрицательной коннотацией ‘*нечестно, сомнительно*’, тогда как для ФК^2 это значение нерелевантно. Признак ‘*получать*’ в ФК^3 мыслится со свойством ‘*незаслуженно*’ и/или ‘*случайно*’. По признаку ‘*тратить*’ ФК^1 состоит в оппозиции с ФК^2 свойством ‘*обдуманно, во власть ↔ с опаской*’, а с ФК^3 — свойством ‘*обдуманно, во власть ↔ легко, не экономя*’. Соответственно, ФК^2 и ФК^3 по этому признаку реализуют оппозицию ‘*с опаской ↔ легко, не экономя*’.

По психологической нагрузке выявляются следующие концептуальные оппозиции: ФК^1 ↔ ФК^2 — ‘*свобода и власть ↔ стресс и зависимость*’; ФК^1 ↔ ФК^3 — ‘*свобода и власть ↔ беззаботность*’; ФК^2 ↔ ФК^3 — ‘*стресс и зависимость*’ ↔ ‘*беззаботность*’.

Особо следует указать на причину, по которой когнитивно-семиотический анализ фразеосемиозиса удобно проводить (показывать) или, в меньшей степени, сопровождать фреймово-слотовым анализом. Он позволяет более наглядно показать эволюцию и расширение наших представлений об окружающем мире, которые неизбежно и закономерно сопровождаются ростом наполнения содержания категорий и разветвлением концептуальных сетей. В терминах фреймово-слотового анализа категорема (фрейм), например *огромные неисчислимые деньги* при более широком охвате ментальных областей займет место слота во фрейме *деньги*, а ФК$^{1, 2, 3}$ в силу обобщения признаков и свойств каждого из них и их расширения сдвинутся в категориальную зону и могут рассматриваться как фреймы, где позиции слотов займут их признаки и свойства. Так в когнитивно-семиотических процессах действует «принцип матрешки» (рис. 13).

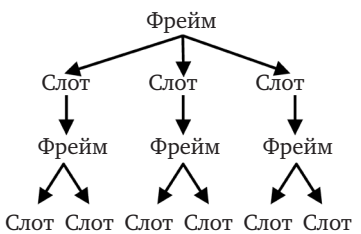


Рис. 13. Фреймово-слотовая структура когнитивно-семиотической системы («эффект матрешки»)

* * *

Таким образом, когнитивно-семиотические процессы фразеосемиозиса подчиняются общим универсальным законам (принципам) формирования знаков в системе языка. Основными в их числе являются принцип системности, принцип простоты, принцип экономии и принцип использования системного потенциала знака при языковом и речевом семиозисе. Результат языкового фразеосемиозиса — формирование фразем; речевого — их актуализация в речи в качестве дискурсем, выполняющих функцию дискурс-компонентов в контексте дискурсивного целого.

---

1. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика : курс лекций для студентов высш. учеб. заведений. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов, 2014. 236 с.

2. *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. М., 1982. 479 с.

3. *Пирс Ч.* С. Принципы философии : в 2 т. СПб., 2001. Т. 2. 320 с.

4. *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 351–379.

5. *Frege G.* Über Sinn und Bedeutung / Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Leipzig, 1892. S. 24–50.

6. *Коннова М. Н*. Введение в когнитивную лингвистику. 2-е изд., перераб. Калининград, 2012. 313 с.

7. Психология : словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. / под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. М., 1990. 494 с.

8. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков и др. ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.

9. *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов // Хрестоматия по общему языкознанию. М., 2018. С. 297–333.

10. *Турбина О. А., Ифатуроти А. О.* Категоризация и концептуализация лица/персональности посредством местоимения WọN в языке йоруба // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика. 2023. № 3. С. 12–22.

11. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию / под ред. А. А. Холодовича ; пер. с фр. А. М. Сухотина. М., 1977. 696 с.

12. *Турбина О. А.* Концепт как объект лингвистической науки // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика. 2013. Т. 10, № 1. С. 59–64.

13. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. 218 с.

14. *Турбина О. А.* Введение в психосистематику языка и речевой деятельности : учеб. пособие. Челябинск, 2023. 93 с.

15. *Алефиренко Н. Ф.* Фраземосемиозис как процесс лингвокреативного мышления // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2017. № 2. С. 50–73.

16. *Вартофский М.* Модели : Репрезентация и научное понимание / пер. с англ. И. Б. Новика, В. Н. Садовского. М., 1988. 506 с.

17. *Абишева К. М.* К проблеме выделения фразеологического концепта // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 2. С. 34–43.

18. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры : Опыт исследования. М., 1997. 824 с.

19. *Карасик В. И.* Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня : сб. науч. тр. / Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. М., 2004. С. 130–159.

20. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеол. ед. / сост. А. И. Федоров. 3-е изд., испр. М., 2008. 878 с.

Глава 2

ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ЭТАПЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

2.1. Структура статьи авторского идеографического словаря языка О. Э. Мандельштама (на материале стихотворения «Silentium»)

Авторская лексикография — «это теория и практика составления словарей языка отдельных авторов или групп авторов, а также изучение таких словарей и выявление возможностей их использования» [1, с. 16]. С 1990-х гг. в литературе, посвященной созданию словарей писателей, под влиянием зарубежной лексикографии, «использующей преимущественно термины author lexicography, Autoren lexikographie» [Там же, с. 21], начинает употребляться термин *авторская лексикография*. Ведущая функция авторских словарей, по утверждению Л. Л. Шестаковой, научно-описательная [Там же, с. 31]. Ученый отмечает, что отечественная авторская лексикография «весьма интенсивно развивается в последние десятилетия» [2, с. 36].

Отечественная наука знает большое количество авторских словарей: словари языка В. Астафьева (2004), А. Блока (1998), И. Бродского (2007), И. Бунина (2015), В. Высоцкого (2012), А. Дельвига (2009), А. Грибоедова (2017), Е. Замятина (2008), Г. Иванова (2008), Н. Клюева (2007), И. Крылова (2006), М. Кузмина (2010), А. Полежаева (2001), А. Пушкина (1961), А. Тарковского (2007), Ф. Тютчева (2009), В. Хлебникова (1995), М. Цветаевой (1996), М. Шолохова (2005), В. Шукшина (2001) и мн. др.

Большой объем разработанных словарей приводит ученых к необходимости выделения оснований для классификации, к разработке типологий данных лексикографических трудов. В предисловии «Опыт типологизации авторских словарей», написанном

Ю. Н. Карауловым и Е. Л. Гинзбургом к антологии «Русская авторская лексикография XIX–XX веков», авторские словари делятся на три группы, каждая из которых соответствует уровню в структуре языковой личности (в трактовке Ю. Н. Караулова):

1. Словари, содержащие лексико-грамматическую информацию о языковых единицах, употребленных в текстах писателя/поэта.

2. Словари, описывающие элементы когнитивного уровня в структуре языковой личности и фиксирующие индивидуально-авторскую картину мира.

3. Словари, в которых объектом описания являются прагматические единицы языка [3, с. 4–17].

Типология Ю. Н. Караулова основана на трех идеях: лексикографической параметризации языка, языковой личности и ее структурной организации, противопоставления «говорящий/слушающий» [Там же]. *Авторский идеографический словарь языка О. Э. Мандельштама* сочетает в себе характеристики первого и второго типов словарей из представленной классификации.

Наиболее полную классификацию словарей, на наш взгляд, приводит Л. Л. Шестакова в фундаментальном труде «Русская авторская лексикография: теория, история, современность». Ученым выделены десять признаков, по которым можно охарактеризовать и разграничить авторские словари. Приводим ниже все пункты с незначительными сокращениями. Итак, словари делятся:

1) по характеру даваемых в них сведений (о слове или реалии) — на лингвистические и общефилологические, энциклопедические;

2) по числу описываемых авторов — на монографические (личностные) и сводные;

3) по основному объекту описания — на словари языка авторов (словари-справочники, имеющие историко-языковую, нормативную направленность), словари стилистические (описывающие семантико-стилистические черты творчества автора), словари образов;

4) по основной цели описания — на объяснительные (толковые, включая переводные) и фиксирующие («нетолковые» — индексы, конкордансы, частотные справочники);

5) по охвату описываемого материала — на полные (авторские тезаурусы) и неполные, дифференциальные; в иных терминах — общие и частные;

6) по единице описания — на словари с заголовочной единицей, равной слову (словозначению), и заголовочной единицей больше слова (словари сочетаний, устойчивых выражений, цитат);

7) по способам описания — на одно-, двух- и многопараметровые словари;

8) по расположению заголовочных единиц — на алфавитные и неалфавитные;

9) по числу языков — на одноязычные и двуязычные;

10) по временной перспективе — на авторские словари исторические (построенные на материале авторов прошлых эпох) и современные (построенные на материале современных авторов) [1, с. 53–54].

Данная классификация, по утверждению самого исследователя, не является универсальной и может быть расширена и уточнена. Согласно приведенным лексикографическим характеристикам, *авторский идеографический словарь языка О. Э. Мандельштама* имеет следующие типологические признаки: 1) по характеру сведений о лексеме — филологический; 2) монографический (одноавторский); 3) по охвату описываемого материала — дифференциальный; 4) по основному объекту описания — словарь языка поэта; 5) по основной цели описания — объяснительный; 6) единицей описания является лексема; 7) по способам описания, наполнения словарной статьи — многопараметровый; 8) по расположению заголовочных единиц — неалфавитный (словарные статьи располагаются в идеографическом порядке, по семантическим полям, сферам, группам); 9) одноязычный; 10) по временной перспективе — синхронный; 11) может быть адресован специалистам-филологам, а также использован в учебных целях; 12) по типу информационного носителя возможны как печатный, так и электронный варианты.

По справедливому замечанию Ю. Н. Караулова, центральная роль при исследовании языка писателя часто принадлежит словарю, составленному по текстам этого автора [3, с. 4], однако ученый отмечает: «Словарь языка писателя описывается обычно в виде набора использованных в его произведениях упорядоченных по алфавиту слов с иллюстрациями контекстов их употребления и отличается от словаря языка в целом лишь в тех случаях, когда составителям удалось зафиксировать момент индивидуального варьирования автором значения» [4, с. 87]. Мы согласны с ученым в том, что авторские словари с упорядоченными по алфавиту лексемами мало что дают для исследования как языка поэта или

прозаика, так и его индивидуально-авторской картины мира, именно поэтому мы предлагаем концепцию авторского идеографического словаря.

Авторский идеографический словарь языка О. Э. Мандельштама, создаваемый на материале первого издания книги «Камень» (1913 г.), опирается на достижения отечественной лингвистики как в сфере создания словарей языка писателей и поэтов, так и в сфере теоретической и практической идеографии. Именно достижения отечественной науки в сфере идеографической лексикографии позволяют нам предложить новый тип авторского словаря языка поэта — *идеографический*, который, на наш взгляд, является важным инструментом формирования, описания и последующего изучения индивидуально-авторской картины мира поэта.

Л. Г. Бабенко, глава Уральской семантической школы (далее — УСШ), отмечает, что идеографическая лексикография в отечественной науке прошла следующие этапы: «От постановки самой проблемы идеографических словарей до создания первых словарей в виде списков слов, объединенных общим понятием (1970–1980-е гг., 1-й этап), позднее — до создания толково-идеографических словарей (конец XX — начало XXI в., 2-й этап)» [5, с. 8].

Первый этап был связан, во-первых, с «расширением объекта идеографического описания», во-вторых, с исследованием «сферы употребления анализируемой лексики», в-третьих, с обращением к фразеологии и паремии [Там же].

Следующий этап связан с созданием толковых идеографических словарей на понятийной основе, то есть толково-идеографических. Над составлением подобных словарей с конца 1980-х гг. трудились два научных коллектива: коллектив лексикографов под руководством Н. Ю. Шведовой и коллектив ученых УСШ. Результатом их труда стало издание двух толково-идеографических словарей: в 1998 г. был издан «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» под редакцией Н. Ю. Шведовой, и в 1999 г. — «Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание» под редакцией Л. Г. Бабенко.

В статье «Идеография — зеркало языка и мира. К 40-летию кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики» Ю. В. Казарин, представитель научной школы, очерчивает круг интересов УСШ: «Синтез теории лексической семантики, идеографического метода классификации русской лексики и собственно лексикографической работы давал и дает ощутимые результаты,

главными из которых стали выявление, определение и анализ с последующим синтезированием механизмов категоризации и концептуализации мира на различном языковом, речевом и текстовом материале ведущих и наиболее значимых частей речи — русских глаголов, существительных и прилагательных, а также синонимов, фразеологии, паремиологии и текста» [6, с. 263]. С исследователем невозможно не согласиться. Лексикографы УСШ исчерпывающе идеографически описали значимые части речи: в 1999 г. был издан «Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание», в 2005 г. — «Большой толковый словарь русских существительных», в 2016 г. — «Словарь-тезаурус русских прилагательных (распределение по тематическим группам)». Далее ученый отмечает: «Практическая значимость таких исследований несомненна: коллектив ученых-лексикографов кафедры и Уральской семантической школы создал ряд идеографических словарей нового активного типа и внес весомый вклад в развитие теории и практики идеографической лексикографии» [Там же].

Л. Г. Бабенко выделяет два аспекта идеографического описания русской лексики: *панорамный* и *крупным планом*. Под первым исследователь понимает взгляд с внешней точки зрения, при котором объектом описания и интерпретации становится «вся совокупность лексических множеств в их соотносительности и взаимосвязи» [7, с. 4]. Под вторым ученый понимает подход, подразумевающий объектом описания и интерпретации «лексические множества, взятые и рассматриваемые по отдельности, изнутри как особые типы группировок слов, обладающие свойственной им структурной и семантической организацией» [Там же]. При этом Л. Г. Бабенко отмечает важность вопросов, связанных с выделением лексических объединений разного типа, определением основ и принципов их формирования и описания в параметрах лексикографии, а также акцентирует внимание на объективных и субъективных факторах, обусловливающих интерпретацию организации лексических множеств. Следствием этого является наличие разных подходов к систематизации лексики в идеографических словарях, составленных не только разными научными школами, но и представителями одной школы. Также ученый выделяет лексико-семантические множества разного объема, которые изучаются лексикографами УСШ:

1. Суперпарадигмы — крупные лексико-семантические множества, которые представляют собой объединения лексико-семантических полей и классов слов одной

категориально-грамматической природы, то есть глаголы, существительные, прилагательные, а также совокупности межчастеречных лексико-семантических множеств.

2. Макропарадигмы — лексико-семантические группы.

3. Микропарадигмы — лексико-семантические подгруппы, из которых состоят макропарадигмы.

4. Парадигматические ряды — синонимические и антонимические ряды.

5. Лексические оппозиции (привативные, эквиполентные).

Нетрудно заметить, что последовательное рассмотрение лексико-семантических множеств от самых небольших (оппозиций) до наиболее крупных (суперпарадигм) обеспечило ученым УСШ высокую степень объективности. Однако, на первый взгляд, может удивить тот факт, что словари одной школы могут значительно теоретически отличаться друг от друга. Л. Г. Бабенко отвечает на этот вопрос так: «В течение всего периода исследования системной организации русской лексики и ее лексикографической интерпретации разрабатывались как общие принципы ее отображения в идеографических словарях, так и частные особенности ее репрезентации. Вследствие этого менялось представление о самих лексических множествах различной категориально-грамматической и семантической природы, в свою очередь, повлекшее изменения их интерпретации в идеографических словарях» [8, с. 5].

Проследим, как менялся идеографический подход к описанию лексических множеств в разных словарях УСШ. Для начала стоит отметить, что «выбор критериев и принципов типологии идеографических множеств… использованных в разных идеографических словарях, явился основанием разграничения их различных типов: лексико-семантических полей, групп и подгрупп, с одной стороны, или денотативно-идеографических сфер, полей, групп и подгрупп, с другой стороны» [Там же]. Это определялось как объективными факторами (частеречная природа различных классов слов), так и субъективными (интерпретация материала). Благодаря этому лексикографы УСШ получили взаимодополняющие варианты *категоризации мира*.

Остановимся на тех принципах идеографического описания русской лексики, которые лежат в основе словарей, созданных учеными УСШ:

1. Принцип *системности* определяет содержательно упорядоченное расположение лексики в идеографическом словаре.

Он напрямую связан с проблемой репрезентации и категоризации мира, а также его интерпретации.

2. Принцип *структурной упорядоченности*. Он важен, поскольку различные по объему и рангу лексико-семантические множества являются «основными структурными компонентами идеографического словаря и одновременно единицами его описания» [8, с. 6].

3. Принцип *иерархичности* дополняет принцип упорядоченности.

4. Принцип *пересекаемости* обусловлен наличием в лексической системе многозначных слов, «а также отдельных семантически сложных лексических значений, не допускающих однозначной интерпретации» в идеографическом словаре [Там же]. Данные слова отличаются композиционной лексической семантикой, к ним в первую очередь относятся глаголы сложной полипропозитивной семантики.

5. Принцип *вариативности* обнаруживается в особенностях представления лексики внутри одной группы. «Для каждой группы выделяются базовые идентификаторы, выражающие основную семантическую идею класса слов, и члены класса, более конкретные и содержательные по сравнению с ними и отличающиеся от последних набором дополнительных семантических признаков, варьирующих основную семантическую идею класса» [Там же, с. 14]. Данный принцип предписывает начать описание любой взятой отдельно лексической группировки слов с выделения базовых идентификаторов и описания типовой семантики лексико-семантической группы слов.

6. Принцип *дополнительности* реализуется и в макроструктуре, и в микроструктуре идеографического словаря. Он способствует «полноте охвата денотативно-идеографических множеств» и «является основой многоаспектного представления отдельных фрагментов бытия благодаря семантическому комплексу денотативно-идеографических множеств, формируемому совокупностью категориальных и дифференциальных признаков лексических значений всех слов, входящих в одно множество» [Там же, с. 15].

В статье «Эволюция идеографической интерпретации лексики в Уральской семантической школе» Л. Г. Бабенко утверждает: «Во всем… множестве созданных, создаваемых и концептуально разрабатываемых разновидностей идеографических словарей четко прослеживаются два направления: во-первых, это создание *словарей-тезаурусов списочного* типа и, во-вторых, создание

толковых идеографических словарей» [8, с. 4]. Лексикографы УСШ составили четыре словаря-тезауруса списочного типа. К толково-идеографическим словарям из этого ряда следует отнести более десяти разноаспектных изданий. Например, «Большой толковый словарь русских существительных», «Большой толковый словарь русских глаголов», «Большой толковый словарь синонимов русской речи» и др.

Итогом эволюционного развития концепции составления идеографических словарей УСШ можно будет считать создаваемый в данный момент Универсальный идеографический словарь русского языка (далее — Синопсис), появление которого станет, на наш взгляд, крупным событием в отечественной и мировой науке, так как в данном труде будет представлена уникальная, основанная на многолетнем опыте словарного дела идеографическая классификация, которая поможет иначе взглянуть на картину мира человека, говорящего на русском языке. Л. Г. Бабенко отмечает: «В этом словаре было выделено 15 сфер на высшем уровне иерархии категорий и около 900 частных категорий на нижнем уровне иерархии, отображающих в совокупности *русскую языковую картину мира*» [Там же, с. 5].

Синопсис создан на основе свода идеографических классификаций, представленных во всех словарях УСШ: глаголов, существительных, прилагательных и др. Это наиболее полный вариант лексической категоризации мира, выявленной экспериментальным способом в результате идентификации слов различной частеречной принадлежности. Синопсис максимально приближен к миру действительности как глобальный полиаспектный и поличастеречный свод классификаций, способствующий адекватному и объективному описанию языковой картины мира с помощью точных экспериментальных лингвистических процедур.

Издание учеными УСШ идеографических словарей по отдельным частям речи, а также составление Синопсиса как итога многолетней работы по структурированию русской языковой картины мира позволяют нам создать *концепцию авторского идеографического словаря языка поэта*, в основе которого лежит не произвольно составленная идеографическая классификация, а идеографическая сетка, объективно отражающая русскую языковую картину мира.

Целью данной работы является описание макро- и микроструктуры идеографического авторского словаря языка О. Э. Мандельштама на материале стихотворения «Silentium». Материалом

исследования послужила лексика стихотворения О. Э. Мандельштама «Silentium»: 48 лексем (60 словоупотреблений). Источник материала — первое издание книги О. Э. Мандельштама «Камень» (1913 г.).

В основе этой работы лежит метод поэтической идеографии, опирающийся на общую теорию идеографической лексикографии, которая представлена в работах крупнейших отечественных лингвистов (Л. М. Васильева, Ю. Н. Караулова, В. В. Морковкина, Э. В. Кузнецовой, Н. Ю. Шведовой и др.), а также на концепцию идеографических словарей, разработанную Л. Г. Бабенко и реализованную коллективом авторов УСШ в множестве разноаспектных словарей.

Словарь языка О. Э. Мандельштама на материале книги «Камень» представляет собой комплексный словарь, совмещающий черты традиционного толкового словаря, словаря языка писателя и идеографического словаря. Это новый по концепции словарь, отображающий картину мира исследуемого автора в лексикографических параметрах. Специфика идеографического словаря языка поэта заключается в том, что в нем представлена лексика, функционирующая в одной книге, это позволяет исследовать картину мира, репрезентированную в том или ином сборнике.

Концепция авторского идеографического словаря в соответствии с лексикографическими традициями УСШ предполагает деление структуры словаря на две части. В первой представлено идеографическое описание выявленной лексики с учетом иерархии денотативных сфер, классов, групп и подгрупп, формирующих глобальную структуру словаря. Во второй — словник, включающий выявленную из анализируемых текстов знаменательную лексику в алфавитном порядке.

Главная задача лексикографа при составлении авторского идеографического словаря — выявление индивидуально-авторской картины мира (далее – ИАКМ): как отмечает Н. А. Кожевникова, «идеографический словарь может помочь исследователю воссоздать художественную или индивидуально-авторскую картину мира» [9, с. 105]. Глобальная структура авторского идеографического словаря связана с отображением реального мира во всей совокупности групп, подгрупп и т. д. ИАКМ, отображенная в сборнике О. Э. Мандельштама «Камень», представляет собой «субъективный образ объективного мира действительности» [10, с. 50]. Поэт, как и любой носитель языка, «для проникновения в смысл

мира и познания его сущности… вынужден вырабатывать собственный образ мира» [11, с. 29].

Изучение индивидуально-авторской картины мира поэта включает в себя последовательное исследование каждого стихотворения, входящего в анализируемый поэтический сборник, поэтому макроструктура авторского идеографического словаря представляет собой словарную статью отдельно взятого стихотворения, анализ фрагмента картины мира поэта. Макроструктура авторского идеографического словаря состоит из следующих словарных зон:

1. Заглавная единица — анализируемый поэтический текст вместе с названием.

2. Необходимый культурологический и текстоведческий комментарий.

3. Поэтико-идеографический анализ лексики отдельного стихотворения, включающий следующие лексикографические параметры:

3.1. Семантический анализ лексического значения слова и его контекстуальных реализаций с целью выявления основных текстовых смыслов и способов их репрезентации.

3.2. Грамматическая интерпретация используемых лексем в аспекте концепции категориально-грамматических и рематических доминант.

3.3. Денотативно-идеографический анализ лексики с целью выявления в ее составе парадигматических группировок разного типа.

3.4. Когнитивно-дискурсивный анализ, нацеленный на выявление концептуальной информации и способов ее репрезентации в тексте.

4. Интерпретация особенностей фрагмента индивидуально-авторской картины мира, воссозданного в анализируемом тексте, формулировка его общего когнитивно-дискурсивного смысла в виде концепта.

Основные принципы и предлагаемая логика поэтико-идеографического анализа каждого отдельного стихотворения позволяют раскрыть специфику исследуемого поэтического текста (далее — ПТ) как отображения уникального фрагмента внешнего бытийного и внутреннего психологического мира.

М и к р о с т р у к т у р а авторского идеографического словаря включена в его макроструктуру и представляет собой словарную статью отдельно взятой лексемы, функционирующей в одном

из ПТ книги и участвующей в отображении ИАКМ. Данная статья учитывает основные аспекты планов выражения и содержания, грамматики и текстовых функций лексических знаков, она является составной частью, микрокомпонентом макроструктуры большой словарной статьи, а также имеет определенную логику описания каждого отдельного слова стихотворения по лексикографическим параметрам, указанным в общей модели анализа (см. п. 3.1–3.4).

Словарная статья идеографического словаря языка поэта включает в себя следующие лексикографические параметры:

1. Заглавная единица — слово в начальной форме.
2. Часть речи.
3. Словарное значение.
4. При необходимости — указание стилистических, семантических, функциональных помет.
5. Контекстное значение лексемы.
6. Идеографический анализ слова.

Прокомментируем необходимость ряда параметров словарной статьи авторского идеографического словаря языка О. Э. Мандельштама. Указание минимальных грамматических характеристик анализируемых лексем способствует, во-первых, выделению предметной, процессуальной и признаковой и др. картин мира, репрезентированных в книге «Камень», во-вторых, изучению часто используемых грамматических форм в поэзии О. Э. Мандельштама, в-третьих, использованию словаря в учебных целях.

В словарной статье словаря языка О. Э. Мандельштама у многозначного слова указывается только то его значение, которое реализовано в анализируемом ПТ. Необходимость уточнения в ряде случаев контекстного значения слова определяется тем, что от этого зависит последующее отнесение лексемы к денотативной сфере, группе, подгруппе и т. д. Идеографический анализ служит для выявления сфер, формирующих ИАКМ исследуемого автора.

Для демонстрации модели статьи будущего словаря нами было выбрано знаковое для первой книги О. Э. Мандельштама стихотворение «Silentium», в котором он ведет диалог с В. А. Жуковским, Ф. И. Тютчевым и П. Верленом. В рамках данного раздела будет представлена сокращенная версия словарной статьи: мы сделаем акцент именно на выявлении фрагмента ИАКМ поэта, репрезентированного в анализируемом ПТ.

1. Текст стихотворения:

Silentium

Она еще не родилась,
Она и музыка, и слово
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день,
И пены бледная сирень
В мутно-лазоревом сосуде.

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту —
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста.

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито.

1910

2. Необходимый культурологический и текстоведческий комментарий.

Исследуемый ПТ впервые был опубликован в журнале «Аполлон» в 1910, он был включен в первое издании книги «Камень» в 1913 г. Поэтическая просодия: четыре четверостишия (катрены); четырехстопный ямб; рифмы смежные и опоясывающие, *мжжм*.

Название ПТ напрямую отсылает читателя к одноименному стихотворению Ф. И. Тютчева. Н. А. Струве отмечает связь ранней поэзии О. Э. Мандельштама с творчеством Ф. И. Тютчева, который был «одновременно и притягательным, и отталкивающим полюсом» [12, с. 186]. Т. Н. Бреева подтверждает эту мысль: «Тютчевский пласт играет одну из ведущих ролей в раскрытии мандельштамовской картины мира в сборнике “Камень”» [13, с. 17]. С одной стороны, в некоторых стихотворениях поэта мы можем увидеть даже прямые цитаты из поэта-предшественника, с другой, видна попытка преодоления суровости мира, в котором человек значит так мало [14, с. 187].

Однако не только Ф. И. Тютчев является собеседником для молодого поэта. Поль Верлен, основоположник французского символизма, «с середины 1910-х годов… становится устойчивым элементом мандельштамовской системы культурных ценностей, проецируемых в экзистенциальный, художественный и творческий планы» [Там же,

с. 158]. В первом издании «Камня» прямо он назван только в «типично жанровой сценке» [Там же] в стихотворении «Старик»: «Старик, похожий на Верлэна, / теперь твоя пора!» Однако представления Верлена о природе поэзии и задачах изящной словесности имплицитно присутствуют в стихотворении «Silentium», на это указывал еще Н. С. Гумилев, называя этот ПТ «смелым договариванием верленовского “L'Art poétique”» [14, с. 290]. Мандельштам видит в «пассивном выжидании» Верлена ту позицию, которая позволит преодолеть «космическое чувство» Тютчева [12, с. 188].

В стихотворении «Silentium» молодой поэт впервые формулирует свои представления о природе поэтического слова: «Мандельштам трактует слово как начало, “оформляющее вещь”, придающее ей статус единственного феномена в противопоставлении общему (родовому лону, стихии, музыке, “пучине мировой”), а поэт представляется тогда как угадчик “заветных имен” или своего рода камертон, звучащий в унисон реальному миру» [15, с. 14]. При анализе стихотворения «Silentium» особенно важно обратить внимание на концептуально важные лексемы, создающие его «онтологическую парадигму»: *рождение — музыка — слово — немота — вернуться — первооснова*. Для молодого О. Э. Мандельштама было важно подчеркнуть: «Поэтическая мысль тем и отличается от мысли непоэтической, что она не логически выстроена, а создана по неким музыкально-ритмическим законам, законам гармонического равновесия» [Там же].

3.1. Семантический анализ лексических значений и их контекстных реализаций.

Она, *мест.* Личное местоимение третьего лица, употребляемое в тексте в именительном падеже для того, чтобы заместить существительное *тишина*/*молчание*, представленное в названии: в тексте стихотворения поэт использует только лексему *немота* («да обретут мои уста первоначальную немоту»). Эта местоименная замена оправдана — если тишина/молчание «еще не родились», то у них нет названия. Местоимение развивает двуденотатность, поскольку тишина — состояние мира, молчание — выбор человека. Местоимение относится к денотативной сфере «Восприятие окружающего мира» («Акустическое восприятие» — «Характеристика звука») и к сфере «Язык и речь» («Речь»).

Еще, *нареч.* «До настоящего момента и в настоящий момент» — наречие формирует хронотоп стихотворения, появляется временная протяженность: от бесконечно далекой точки в прошлом до момента произнесения стихотворения. Сфера «Восприятие окружающего мира», группа «Время», подгруппа «Время относительно момента речи».

Не, *част.* Контекстное значение отрицательной частицы совпадает с основным словарным: «1. Выражает полное отрицание того, что

обозначает слово или сочетание, перед которым она стоит». Частица *не* относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Отрицание».

Рождаться/родиться, *гл.* Значение глагола (1. Получить/получать жизнь в результате родов, появиться/появляться на свет) в контексте претерпевает модификации: редуцируются семы «получить жизнь в результате родов». Контекстное значение: «Появиться на свет». Денотативная сфера «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппа «Начальная фаза бытия, существования».

Она, *мест.* Местоимение повторяется, относится к тем же денотативным сферам, однако стоит отметить, что поэт повторяет его для смыслового усиления, для того чтобы подчеркнуть: концептуальный центр этого стихотворения — *тишина*.

И, *союз.* Словарное значение: «1.0. Употр. для соединения слов, обозначающих однородные в определенном отношении предметы, признаки, действия и т. п., и придаёт перечислению эмоциональную выразительность (может стоять перед каждым словом, обозначающим перечисляемые предметы и т. п., в том числе и перед первым)». В стихе «она и музыка, и слово» союз *и* как соединяет, так и придает перечислению эмоциональную выразительность. Союз *и* относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Соединение».

Музыка, *сущ.* В контексте стихотворения лексема *музыка* (1. Искусство, воплощающееся в звуковых художественных образах; 3. Гармоническое, приятное для слушания звучание чего-л.) реализует контекстное значение «Гармония, воплощенная в звуковых образах». Музыка в стихотворении «Silentium» становится, с одной стороны, универсальным представлением, поэтизмом (сфера «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппа «Универсальные представления»), с другой, она сохраняет свою связь со звучанием («Восприятие окружающего мира» — «Звуки, их разновидности и источник») и формой искусства («Искусство» — «Формы искусства»).

Слово, *сущ.* Контекстное значение лексемы *слово* близко к словарному: «2. Речь. Язык». Однако слово здесь — не только метонимическое обозначение речи, но и при более узком понимании — поэтическое слово, а также поэтизм, встающий в один ряд с музыкой. Стоит вспомнить, что для дебютной книги О. Э. Мандельштама очень важен мотив обретения поэтом речи, способности словом творить мир. Денотативные сферы «Язык и речь» («Речь»), «Универсальные представления, смыслы и отношения» («Универсальные представления») и «Искусство» («Формы искусства»).

И потому, *союз.* Словарное значение союза: «Употр. для присоединения придаточной части сложноподчиненного предложения, в к-рой указывается причина, основание, предпосылка и т. п. того,

о чем говорится в главной части». Денотативная сфера «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппа «Причина».

Весь, *мест.* Контекстное значение совпадает со словарным: «Такой, к-рый рассматривается в полном объеме, без исключений относительно частей». Денотативная сфера «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппа «Совокупность, единство».

Живое, *субст. от* живой. Контекстное значение субстантива совпадает со словарным: «1. Такой, который живет, обладает жизнью (противоп.: мертвый)». Относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Бытие-существование в определенном времени и пространстве», а также к сфере «Живая природа», подгруппе «Общие представления, связанные с живой природой».

Не, *част.* Контекстное значение отрицательной частицы совпадает с основным словарным: «1. Выражает полное отрицание того, что обозначает слово или сочетание, перед которым она стоит». Относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Отрицание».

Нарушаемый *от* нарушить/нарушать, *гл.* Словарное значение глагола: «3. Разрушить, повредить». Контекстное значение лексемы *ненарушаемый* — «Тот, который невозможно повредить», то есть в картине мира молодого поэта тишина соединяет музыку и слово настолько крепко, что эта связь постоянна и неизменна. Относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Неизменяемость, постоянство».

Связь, *сущ.* Словарное значение: «1. Отношение взаимной зависимости, обусловленности. 2. Общность, взаимопонимание, внутреннее единство». Контекстное значение, реализуемое в первом катрене: «Нерасторжимое внутренние единство, взаимная зависимость». Относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Зависимость».

Мы привели подробный поэтико-идеографический анализ первого катрена, результат разбора всего стихотворения целиком представлен ниже.

Проведенный парадигматический анализ позволил выявить основные денотативные сферы, а в их составе — денотативно-идеографические группы слов, отображающие авторскую локальную картину мира, ее основные параметры и ориентиры, зафиксированные в этом стихотворении. К ним относятся следующие денотативные сферы и денотативно-идеографические группы:

Универсальные представления, смыслы и отношения: «Отрицание», «Начальная фаза бытия,

существования», «Соединение», «Универсальные представления», «Причина», «Совокупность, единство», «Бытие-существование в определенном времени и пространстве», «Неизменяемость, постоянство», «Зависимость», «Неинтенсивность», «Сравнение», «Интенсивность», «Побуждение», «Пребывание в каким-либо состоянии», «Совокупность, единство», «Онтологические, бытийные категории» (*не* (2), *родиться*, *и* (5), *музыка* (2), *слово* (2), *и потому*, *весь*, *живое*, *нарушить*, *связь*, *спокойно, как* (2)*, безумный*, перен., *да, обрести*, *первоначальный, рождение, остаться, вернуться, с, первооснова, жизнь, слиться*).

Восприятие окружающего мира: «Характеристика звука», «Время относительно момента речи», «Часть суток», «Проявление цветового признака (оттенки, качество цвета)», «Расположение в пространстве», «Характер зрительного восприятия», «Звуки, их разновидности и источник» (*она* (2), *еще*, *музыка* (2), *день, бледный, в* (2)*, мутно-лазоревый, кристаллический,* перен., *нота, от, чистый,* перен.).

Неживая природа: «Водное пространство, водные поток, их части и признаки», «Погода, климат и их признаки», «Оптические явления и их признаки» (*море*, *грудь,* перен., *светлый, пена* (2), *сирень,* перен., *сосуд*, перен.).

Язык и речь: «Речь» (*она* (2), *слово* (2), *немота*).

Человек как живое существо: «Физиологические состояния и процессы, характерные для человека», «Форма и строение организма человека», «Емкости, вместилища и их части», «Голова человека и ее части» (*спокойно*, *дышать, грудь*, *сосуд*, *уста*).

Человек и его внутренний мир: «Внутренний мир человека», «Стыд» (*сердце*, перен. (2), *стыд*).

Искусство: «Формы искусства» (*музыка* (2), *слово*).

Живая природа: «Общие представления, связанные с живой природой», «Деревья и кустарники» (*живое*, *сирень*).

* * *

Стихотворение «Silentium» — образец онтологический лирики. О. Э. Мандельштам, формируя индивидуально-авторскую картину мира, творит миф о поэтическом слове. Молодой акмеист был убежден: «Мы не летаем, мы поднимаемся только на те башни, какие сами можем построить» [16, с. 141]. Однако это утверждение будет сформулировано только через два года после написания «Silentium». В анализируемом ПТ мы видим проявление символистских представлений о природе искусства.

Среди денотативных сфер количественно доминирует лексика, относящаяся к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения». Концептуально важными оказываются лексемы подгруппы «Онтологические, бытийные категории» *первооснова* и *жизнь*, выступающие контекстными синонимами к отсутствующей в тексте лексеме *тишина*.

Обратим внимание в денотативной сфере «Восприятие окружающего мира» на подгруппу «Отсутствие звуков», которая была добавлена нами к классификации из Синопсиса. О. Э. Мандельштам развивает мотив *молчания*, который начал в русской поэзии В. А. Жуковский в стихотворении «Невыразимое» («Все необъятное в единый вздох теснится, / И лишь молчание понятно говорит») и продолжил Ф. И. Тютчев в стихотворении «Silentium» («Молчи, скрывайся и таи / И чувства, и мечты свои…»). С этим мотивом в первом издании «Камня» связаны лексемы *тишина* («Отчего так мало музыки / И такая *тишина*?»), *немой* («И стоит осиротелая / и *немая* вышина…»), *умолкнуть* («Твердь *умолкла*, умерла…») и др.

Значимой оппозицией для звуковой картины мира О. Э. Мандельштама, репрезентированной в первом издании книги «Камень», является *говорить — молчать*. Традиционно в русской поэзии образ поэта сближается с образом певца, то есть поэт не просто говорит, но *поет*. Петь — творить прекрасное, противопоставлять свой голос, свое слово *молчанию*, «первоначальной немоте», о которой О. Э. Мандельштам пишет в стихотворении «Silentium»: «Да обретут мои уста / первоначальную немоту — / как кристаллическую ноту, / что от рождения чиста». Однако в рамках звуковой картины мира поэта *молчание* и *пение* не только противопоставлены друг другу, но и образуют сочетания, основанные на оксюмороне (ср. стихотворение, которое поэт поместил в начало второго и третьего издания «Камня»: «Звук осторожный и глухой / плода, сорвавшегося с древа, / среди немолчного напева / глубокой тишины лесной…» — *немолчный напев тишины* — это развернутая метафора, демонстрирующая сложное единство тишины и пения поэта).

Лексема *музыка* в стихотворении «Silentium» развивает двуденотатность. Например, в стихотворении это слово встречается в двух контекстах: «Она еще не родилась, / Она и *музыка,* и слово… <…> Останься пеной, Афродита, / и, слово, в *музыку* вернись, и, сердце, сердца устыдись, / с первоосновой жизни слито». *Музыка*

обозначает и вид искусства, и изначальную гармонию мира, которую можно обрести только в тишине (развитие идей В. А. Жуковского и Ф. И. Тютчева).

---

1. *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография : Теория, история, современность. М., 2011. 464 с.

2. *Шестакова Л. Л.* Новое в русской авторской лексикографии: по материалам словарей последних лет // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2021. № 1. С. 35–49.

3. *Караулов Ю. Н.* Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX–XX веков : антология. М., 2003. С. 3–22.

4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. стер. М., 2017. 264 с.

5. *Бабенко Л. Г.* Большой словарь-тезаурус русского языка в контексте развития идеографической лексикографии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 8–10.

6. *Казарин Ю. В.* Идеография — зеркало языка и мира : К 40-летию кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133). С. 262–269.

7. *Бабенко Л. Г.* Интерпретация лексико-семантических множеств в контексте Уральской идеографической лексикографии // Новая Россия : традиции и инновации в языке и науке о языке : материалы докл. и сообщений Междунар. науч. конф., посв. юбилею засл. деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. М. ; Екатеринбург, 2016. С. 3–16.

8. *Бабенко Л. Г.* Эволюция идеографической интерпретации лексики в Уральской семантической школе : от словаря глаголов к Универсальному идеографическому словарю // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография : эволюция интерпретаций : тез. докл. и сообщений Междунар. науч. конф., посв. 40-летию образования и науч. деятельности каф. совр. рус. яз. и прикладной лингвистики Урал. федер. ун-та, 23–24 окт. 2014 г., Екатеринбург, Россия. М. ; Екатеринбург, 2014. С. 3–7.

9. *Кожевникова Н. А.* О принципах составления словаря писателя // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. М., 2004. С. 104–112.

10. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник : практикум для вузов по специальности «Филология». М, 2003. 496 с.

11. *Серебренников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988. 244 с.

12. *Струве Н. А.* Осип Мандельштам. Лондон, 1988. 336 с.

13. *Бреева Т. Н.* Художественный мир Осипа Мандельштама : учеб. пособие. 3-е изд., стер. М., 2018. 136 с.

14. *Мандельштам О. Э.* Камень / изд. подг. Л. Я. Гинзбург и др. Л., 1990. 398 с.

15. *Кихней Л. Г., Меркель Е. В.* Осип Мандельштам : философия слова и поэтическая семантика : монография. 2-е изд., стер. М., 2016. 200 с.

16. *Мандельштам О. Э.* Сочинения : в 2 т. / сост. и подг. текста С. Аверинцева и П. Нерлера ; коммент. П. Нерлера. М., 1990. Т. 2. Проза. 464 с.

2.2. Имена лиц в лексикографическом освещении

В научном наследии профессора Людмилы Григорьевны Бабенко особое место занимают лексикографические труды. Словари, созданные коллективом под ее руководством, широко известны академической общественности, так как олицетворяют собой комплексный подход к описанию лексики и содержат много разнообразной информации [1–4]. Являясь идеографическими (по содержательно-упорядоченному принципу расположения материала), они развивают научную проблему систематизации русской лексики как способа «категоризации и концептуализации мира с помощью системно организованных множеств языковых единиц» [2, с. 10]. В продолжение идей Л. Г. Бабенко обратимся к «Большому толковому словарю русских существительных: идеографическое описание, синонимы, антонимы» (далее — БТСРС) в связи с проблемой именования человека.

Несмотря на то, что лексико-семантическая группа «Имена лиц» является одной из самых изученных в русистике, эти номинации постоянно находятся в фокусе внимания лингвистов, так как названия лиц «представляют человека как носителя разнообразных признаков: физических и физиологических свойств, эмоциональных состояний, образа мыслей, взглядов, способа мышления, склонностей, вкусов, черт характера, привычек, знаний, умений, навыков, совершаемых действий, поступков, поведения, функций занятий, участия в чем-либо, положения в определенной ситуации, разнообразных связей, отношений и т. д.» [5, с. 134].

В современной лингвистике номинации лица рассматриваются в разных аспектах и описываются с разных точек зрения: по словообразовательным характеристикам (Е. А. Земская), по гендерным различиям (Е. П. Захарова, Е. А. Земская, Э. А. Столярова), по профессиональной деятельности (Е. И. Голованова). Один из важнейших аспектов исследования имен

лиц — лексикографический, цель которого — в первую очередь установить состав лексем, входящих в соответствующее лексическое множество, описать их значения, происхождение, функционирование и стилевое распределение.

Нарицательные наименования лиц — это очень разветвленная система, и в современной лингвистике существует ряд типологий, осуществленных на разных основаниях — от структурно-семантического до когнитивно-дискурсивного. Благодаря ситуации полипарадигмальности в лингвистике теория лексических множеств значительно продвинулась, «сформировались разные подходы к изучению множеств единиц языка и речи, получило обоснование выделение принципиально новых семантических объединений» [6], и не только на базе системной семантики (отношения семейного родства, иерархические, межличностные, возраст, сословные и профессиональные различия и др.), но и с учетом функциональных характеристик, лингвоконцептуальных единств, когнитивных сценариев. Изменения научных воззрений нашли отражение и в словарном представлении лексических множеств: существующие семантические словари реализуют разные концепции и типологии лексических единиц, в том числе имен лиц.

Одна из наиболее известных классификаций, в которой отражены все семантические группы и охвачено устойчивое ядро русских имен лиц, представлена в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой [7]. Его первый том включает лексику, называющую все живое, а также естественные природные образования и природные реалии. Предлагаемая здесь «классификация отражает не систематизацию конкретных объектов, а является собственно языковой классификацией именующих эти реалии словозначений: для обозначения таких реалий язык создал сложно организованные системы лексических единиц» [Там же, с. 59].

«Лексический класс “Названия лиц” (в первый том включено 6250 единиц) вычленяется из общего состава русской лексики на шестом шаге ее разбиения и охватывает обширный пласт слов, объединяемых значением ‘лицо, лица’. Абстрактный семантический компонент ‘лицо, лица’ в лексических значениях отдельных слов конкретизируется как 1) ‘человек, люди’; 2) ‘мифическое существо, уподобляемое человеку’, напр.: *ангел, бес, бог, фея, нечисть*; 3) ‘целенаправленно действующий субъект, приравниваемый к человеку — тот, кто’, например: *гарант* (ср.: *Президент — гарант Конституции* и *банк-гарант*), *фрахтовщик* (судна,

самолета), *спонсор, отправитель, получатель* (грузов). Все слова, содержащие в своем значении данные семантические компоненты, принадлежат к классу имен лиц. В современном русском языке есть ряд слов, которые могут называть как лицо, так и нелицо, напр.: *царь* в знач. ‘первый, лучший среди других’ (ср.: *человек — царь природы, лев — царь зверей, дуб — царь лесов*), *существо, альбинос*. Лексические значения подобных слов обращены одновременно к разным классам референтов и потому не входят в лексический класс имен лиц» [7, с. 59].

Таксономические различия традиционно описываются в рамках лексико-семантической группы путем дальнейшего разбиения ее единиц на семантические подгруппы типа «Названия профессий», «Названия по национальности», «По отношению к противоположному полу» и т. п. В этом специфика семантики имен лиц: «Лица всегда включаются одновременно во многие крупные и мелкие социальные, родственные и характерологические объединения, каждое из которых выделяется по одному или нескольким признакам» [8, с. 209].

Номинация лица имеет особое значение: «у предмета меньше особенностей, он менее разнообразен и в своих проявлениях, и его достаточно обозначить видовым названием. Разнообразие лиц более существенно» [9, с. 286]. Аналогичное замечание находим у Н. Д. Арутюновой: «Человек получает в языке множество разнообразных обозначений. Он может быть назван по своим общественным функциям, взглядам, моральному облику, нравственным склонностям и вкусам, по своим поступкам и поведению, семейному статусу, родственным связям, внешнему виду, участию в тех или иных событиях и происшествиях, отношению к нему говорящего и многому другому. Среди имен лица наблюдается достаточно определенная соотнесенность между коммуникативной функцией и способом номинации, среди названий предметов в общем случае такая связь ослаблена» [10, с. 347]. Внимание к коммуникативно-функциональным характеристикам стало основой классификации имен лиц по их референциальным возможностям.

В монографии А. Д. Шмелева «Русский язык и внеязыковая действительность» предложена классификация имен существительных, учитывающая «степень зависимости» постоянных референциальных свойств имен лиц от семантического класса слов [11]. В соответствии с референциальным потенциалом исследователь выделил следующие группы существительных со значением

лица: результативные имена (называют лицо по действию, имевшему место в прошлом, если результат действия сохранил свое значение), среди которых особое место занимают названия каузаторов — имена лица по действию, создавшему либо коренным образом изменившему существование своего объекта (*автор, создатель, убийца*); актуальные имена — агентивные существительные, обозначающие лицо по действию, совершаемому в момент, совпадающий с точкой отсчета (*всадник, роженица*); качественные имена — характеризуют лицо по признаку, который, по мнению говорящего, свойствен данному объекту (*болтун, крикун, гулякa*); функциональные имена — обобщенные наименования лица по не локализованным во времени признакам, не зависящим от субъективной оценки говорящего (*сварщик, токарь, директор*); реляционные имена — обозначают то или иное отношение (*брат, враг, чужеземец*) [Там же, с. 207–232]. Способность имен лиц приобретать или маркировать тот или иной тип референции имеет регулярный характер.

Оригинальная классификация и описание названий лиц представлены в БТСРС. Авторы опирались на комплексный подход, основанный на синтезе структурно-семантического метода ступенчатой идентификации и денотативно-идеографической методологии [6]. В основе концепции словаря лежит принцип системной организации лексики, но весь корпус лексических единиц распределяется по смысловым (денотативным) классам/сферам, то есть с учетом отображения того или иного фрагмента действительности.

В словаре представлена 41 денотативная сфера (*Живое существо; Родственные и семейные отношения; Нации; Интеллект; Эмоции; Быт; Питание; Одежда* и др.), каждая из которых объединяет существительные, называющие участников типовой ситуации. Именно понятие «типовая (денотативная) ситуация является основанием объединения имен существительных в одно семантическое множество слов» [2, с. 17]. И здесь открывается важная особенность словаря — антропологический подход к формированию структуры лексикографического описания, учитывающий «процесс освоения, осознания и ословаривания человеком окружающего мира действительности» [Там же]. Так, существительные, обозначающие лицо, формируют не только «специализированные» группы, в названиях которых имеется лексема *человек* (1. Существительные, обозначающие человека как живой организм; 1.2. Существительные, обозначающие периоды

жизни человека; 1.2. Существительные, обозначающие форму и строение организма человека). Самостоятельная денотативно-идеографическая группа «Человек» — участник «одной типовой ситуации», интегрирующей эту группу, выделяется в денотативных сферах, связанных с осознанием человеком себя как высокоразвитой личности: «Интеллект» (*догматик, знаток, изобретатель, мудрец, мыслитель, эрудит* и др.); «Эмоции» (*альтруист, весельчак, гордец, мизантроп, пессимист, страдалец* и др.); «Религия» (*верующий, католик, еретик, неофит, протестант, язычник, батюшка, жрец, настоятель* и др.); «Политика» (*анархист, демократ, диссидент, оппортунист, либерал, славянофил, реформист, шестидесятник, юдофоб* и др.); «Право» (*законодатель, инспектор, нотариус, таможенник, юрисконсульт, наследник, переселенец, правонарушитель, рецидивист, фальшивомонетчик* и др.); «Сверхъестественное» (*ведьма, волхв, ворожея, прорицатель, пророк, ясновидец* и др.); «Населенный пункт» (*абориген, горец, горожанин, иммигрант, новосел, островитянин*). Выделение группы «Человек» обусловлено ролью лица в осмыслении окружающего мира.

Последовательно выделены самостоятельные денотативно-идеографические группы существительных, обозначающих участников типовой ситуации с учетом их семантических функций и в составе сфер, отражающих различные виды социальной деятельности человека: «Охота и рыболовство» (*браконьер, егерь, птицелов, рыбак, соболятник* и др.); «Сельское хозяйство» (*агроном, бахчевод, жнец, зоотехник, коневод, косарь, льновод, пасечник, свинарь, фермер, цветовод* и др.); «Производство» (*валяльщик, верхолаз, горнорабочий, гранильщик, инженер, инструментальщик, коваль, макетчик, мебельщик, меховщик, наладчик, полиграфист, сварщик, сыровар, фальцовщик* и др.); «Техника» (*испытатель, машинистка, механик, паяльщик, радиотехник, электрик, энергетик* и др.); «Военная служба» (*адъютант, боевик, бронебойщик, военачальник, гвардеец, гренадер, зенитчик, кирасир, моряк, опричник, подрывник, разведчик, связист, танкист, юнкер* и др.); «Медицина» (*пациент, ветеринар, костоправ, массажист, невролог, провизор, фтизиатр* и др.); «Строительство» (*архитектор, кровельщик, монтажник, отделочник, штукатур* и др.); «Сфера обслуживания» (*билетер, гид, горничная, киномеханик, кулинар, печник, повар, портной, почтальон, сапожник, уборщица, швейцар* и др.); «Транспорт» (*авиатор, боцман, вагоновожатый, извозчик, капитан, кучер, лодочник, машинист, паромщик, путеобходчик,*

таксист, ямщик и др.); «Наука» (*академик, соискатель, исследователь, экспериментатор, антрополог, естествоиспытатель, кинолог, культуролог, музеевед, палеограф, текстолог, футуролог, энтомолог* и др.); «Образование» (*аспирант, ассистент, гимназист, гувернер, заочник, кадет, лицеист, магистр, педагог, репетитор, слушатель, учитель* и др.); «Спорт» (*альпинист, борец, велогонщик, гимнаст, двоеборец, дельтапланерист, мотогонщик, судомоделист, скутерист, фехтовальщик, яхтсмен* и др.); «Развлечения» (*вышивальщица, диск-жокей, картежник, путешественник, радиолюбитель, филателист, частушечник* и др.); «Искусство» (*авангардист, декадент, конструктивист, балетмейстер, драматург, мемуарист, мультипликатор, памфлетист, аккомпаниатор, иллюзионист, концертмейстер, виолончелист, танцовщик, шарманщик, сопрано, регент, капельдинер, реквизитор, продюсер* и др.); «Средства массовой информации» (*корреспондент, обозреватель, радиожурналист, издатель, фоторепортер, телеведущий* и др.); «Экономика» (*акционер, банкрот, благотворитель, вкладчик, дольщик, инвестор, концессионер, кредитозаемщик, налогоплательщик, промышленник, финансист, спонсор* и др.); «Управление» (*администратор, властитель, городничий, заведующий, патриарх, председатель, руководитель, султан, управляющий* и др.).

Денотативно-идеографический принцип организации лексического множества, положенный в основу классификации имен существительных, в частности имен лиц, высвечивает важные области наивной картины мира, отображающей ключевые фрагменты действительности.

В БТСРС, который по своему предназначению относится к учебным словарям, авторы старались включить «наиболее употребительную лексику современного русского литературного языка, в первую очередь общеупотребительную нейтральную лексику. Стилистически маркированная лексика представлена в нем крайне мало: оставлены только те стилистически маркированные лексемы, которые, на взгляд составителей, активно употребляются в живой речи и не имеют грубо-просторечной окраски» [2, с. 20].

Имена нарицательные, используемые при номинации лиц, это открытый и постоянно пополняемый класс слов, поскольку потенциальная вариативность речевых номинаций «особенно велика по отношению к объекту-лицу в силу его природной и социальной многогранности, а также в силу его способности

к действию и деятельности» [12, с. 308]. Состав имен лиц различается в разных функциональных стилях, в разных предметных областях, у разных авторов и т. п., то есть семантический словарь, созданный на базе литературного языка, не может зафиксировать все имена лиц в силу его очевидной неполноты. Предметом наблюдений должна стать речевая системность, речевая лексическая парадигматика, выявляемая на материале различных функциональных стилей речи.

В русской разговорной речи лексическая составляющая ономасиологической категории лица представлена обширным массивом. Обратимся к Толковому словарю русской разговорной речи под редакцией Л. П. Крысина, созданному в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (далее — ТСРРР) [13]. Это первый в отечественной лексикографии словарь, специально ориентированный на описание разговорной лексики. Материалом для него послужили записи устной русской речи второй половины XX — первой четверти XXI в., современная художественная литература, публицистика, пресса, теле- и радиопередачи, киносценарии, разные жанры интернет-общения (блоги, форумы, чаты и т. п.), а также НКРЯ. В пяти томах ТСРРР содержится около 1500 обозначающих человека лексических единиц, которые характеризуют лицо по признакам качественного типа, проявляющимся непосредственно в предмете, и признакам функционального типа, находящим реализацию в отношениях данного предмета с другими [14] (см. также противопоставленные В. Г. Гаком относительные семы, которые отражают отношения (пространственные, временные, функциональные и пр.) между предметами, и описательные семы, отражающие собственные внешние свойства объекта [15, с. 14–15]). ТСРРР является не только источником ценного языкового материала, но и уникальным инструментом для изучения парадигматических отношений в разговорной лексике.

Рассмотрим некоторые группы номинаций лиц в ТСРРР, опираясь на типологию существительных, предложенную в БТСРС, в основе которой лежит денотативная ситуация как стержень «когнитивного сценария» [16] — абстрактной ментальной структуры, представляющей собой «интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как типового (повторяющегося) динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и предполагающего набор участников с закрепленными социальными ролями» [17, с. 176]. Набор имен лиц в словниках БТСРС

и ТСРРР может совпадать, но наблюдаются расхождения по их принадлежности к денотативно-идеографическим классам.

Так, в разговорной речи многие термины родства утрачивают прямое значение и начинают употребляться для обращения к незнакомым людям или в ситуации фамильярного общения. Это свидетельствует о расширении семантики данных лексем в устно-бытовом общении. Происходит явление генерализации, результатом которого становится переход имени родства в другой денотативно-идеографический класс.

В ТСРРР такое явление зафиксировано для слов *брат, сестра, отец, мать, дядя, тетя, дед, бабушка,* которые регулярно используются для обозначения лиц, не состоящих в родстве с говорящим.

Брат — Дружеское обращение к ровеснику или старшего по возрасту к младшему. — *Можно вам показать? — Алик независимо усмехнулся. — В порядке шефства посмотрите мои работы? — Давай, брат, — снова вздохнул Иванов-Петров* (В. Аксенов. Звездный билет)*; Он пришел пахать землю/ а к нему пришли и сказали/ «Брат/ что ты делаешь? Русские убивают нас/ пойдём в горы!»* (Фонд «Общественное мнение», 2003);

Сестра — Обращение к посторонней женщине. *Сестра! Дай немножко денежек! Очень кушать хочется!* (Рассказ о неудачных переговорах с проводницей);

Отец — Обращение к незнакомому пожилому мужчине. — (В автобусе:) *Отец/ садись/ я щас выхожу//; Что ж ты/ отец/ так нагрузился-то? Помощь не требуется?; Отец/ закурить не найдется?* (Записи устной речи, 2011, 2013); *Что ж ты/ отец/ людей в заблуждение вводишь?* (К/ф «Тридцать три», 1965); *Тут его два стража порядка толкнули основательно в холеный бок да еще и наградили «отцом»: «А ты, отец, не базарь!»* (В. Аксенов. Таинственная страсть).

Мать — 1. Обращение к незнакомой (обычно немолодой) женщине. — (Проводник:) *А тётенька-то и не спит!* [женщина плачет] *Мать! Ты чего? Мамуль! Чё случилось? Чё случилось/ мать? Мать/ да чё случилось?* (К/ф «Кавказская рулетка», 2002); 3. Обращение к подруге. — (Женщина — подруге:) *Ты чего/ мать/ совсем хороша уже? Мы ж с тобой на четыре договорились!; Ох/ мать/ натерпишься ты с ним [с мужем-пьяницей]!* (Записи устной речи, 2007).

Дядя — 1. Мужчина. — *Дядя Юра/ сосед/ как-то всегда/ с тетей Таней/ то в магазин/ то на речку//; Вот дядя заберет/ если слушаться не будешь!; Шел бы отсюда/ дядя!* (Записи устной речи,

2010); 2. Кто-либо, неизвестно кто. — *Значит/ мы должны быть потребители/ которые/ нам должны кто-то/ кто-то придет/ хороший дядя и нам даст//* (Фонд «Общественное мнение», Москва, 2003). 3. О высоком, быстро подросшем подростке. — (Разговор родителей двух юношей 16 и 17 лет:) — *Сыну скоко? Тоже дядя? У меня семнадцать [лет]// Метр девяносто// Они за два года подтягиваются//; Смотришь на старшие классы// Думаешь/ неужели и мои такие будут? Это такие дяди!*

Тётя — Незнакомая женщина. (Бабушка — незнакомой женщине на бульваре о внучке:) — *Простите/ она вас не обременила? — Нет/ что вы// — Ты к тете не очень приставала/ а*? (К/ф «Любовь-морковь», 2007);

Дед — О пожилом мужчине или старике. — (В магазине:) *Слуш/ Этот дед заколебал уже/ отпусти ты ему!* (Запись устной речи, 2014); *Раз вот еду под Бориновым десятого мая девяносто пятого/ а там объезд был// И я немножко… Он говорит/ — Ну/ куда ты дед спешишь? Я говорю/ — Победа кончилась// — Ну и ладно/ езжай // Посмотрел права//* (Радиопередача, интервью с ветераном Великой Отечественной войны, 2005).

Бабушка — Пожилая или старая женщина. *Эта бабушка/ она старой закалки/ прошлого века ещё//; В автобусе одни бабушки/ а молодежь всё больше на маршрутках катаются//* (Записи устной речи, 2008, 2009); *Вот я еду в автобусе/ со мной садится бабушка/ я обязательно заведу разговор… где бы я ни была//* (Д/ф из цикла «Письма из провинции», 2008); (Бандит—Джонни:) *Сэр/ там вас спрашивает какая-то бабушка//* (К/ф «Человек с бульвара Капуцинов», 1987); *Все бабушки у доктора в компьютере, так что истории болезней ей хорошо известны* (Труд-7. 07.12.2007).

Батя — 2. Обращение к пожилому мужчине или упоминание о нем в разговоре. *Поужинали мы, значит, на тысячу сто старыми, а у самих ни копья. «Вот так, — говорим, — батя, обстоят дела». А батя, значит, то есть официант, нам: «Принесите, — говорит, — вечером в “Арагви”, не забудьте старичка»* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора); *Решим ваш вопрос, батя, — уверенно пообещал мэр* (С. Таранов. Черт за спиной). 3. Руководитель учреждения, предприятия и т. п., а также командир войскового подразделения. — *Вас так и называют — «шеф», — говорю я, — а иногда «батя», а иногда «слон»* (В. Аксенов. Звездный билет); *И росту изрядного, хотя без статной выправки, плечи не вразвёрт, голова прежде времени седая, и распорядительность разумная — его и другие комвзвода «батей» называли* (А. Солженицын. Адлиг

Швенкиттен); *Когда война кончилась, мне было тридцать шесть лет, а уже дивизией командовал, меня солдаты батей звали* (В. Войнович. Монументальная пропаганда).

Батька — 2. Глава вооруженного бандформирования во время Гражданской войны 1918–1922 гг. *Максим Горький не очень жаловал Волошина, сравнивал его с батькой Махно, а Коктебель — с Гуляй-полем* (Э. Розенталь. «Всех духов лития…»); *А в комнате орут: — В чека тебя отправим, как этого… Как батьку Махно… Там живо* (С. Довлатов. Заповедник); *Кого увидишь — всем расскажи: батька Щаравый — одна теперь сила на Украйне* (Д. Быков. Орфография).

Папаша — 2. Употребляется как обращение к незнакомому пожилому мужчине. — *Ну чё/ папаш/ неплохо дело идёт/ а? — Да какой я те папаша?// Ну/ нэрно/ на червонец всего старше-то!* (К/ф «Менялы», 1992); *Это ж моя машина! — Папаша! Тебе полезно ходить пешком (*К/ф «Небеса обетованные», 1991); *Алло!/ Папаша/ огоньку не найдётся/ а?// Ты что/ глухонемой/ что ли?* (К/ф «Бриллиантовая рука», 1968); *А чо, папаша, — дружески обращались они к деду, усаживаясь за столик у крыльца веранды, — давай, не жмись, подваливай сюда!* (М. Палей. Поминовение).

Опора на денотативно-идеографическую группу при характеристике значения существительного, когда говорящие используют лексику родства для номинации людей, не связанных кровными узами, позволяет выявить с социологической точки зрения те интерпретационные смыслы, которые связаны с образом говорящего и его оценкой ситуации, а с коммуникативной точки зрения — нормы поведения: с одной стороны, отцовская строгость и ответственность, с другой стороны — почтение и послушание второго по отношению к первому.

Рассмотрим еще одну группу зафиксированных в ТСРРР имен лиц, которые демонстрируют регулярный переход из одной денотативно-идеографической группы в другую. В разговорной речи представлены единицы, отмеченные стилистической пометой *школьное* и объединенные семантикой ‘преподаватель… в школе или вузе’: *биолог, географ, историк, литератор, математик, трудовик, физик, физкультурник, химик* (и также женские варианты: *географичка, математичка, физичка, химичка*). Кроме того, у них есть соответствующая информация о сфере употребления: PRAGM: *употребляется в школьной и в вузовской среде*.

Приведем некоторые примеры: *У нас новый географ/ такой зануда//; У Катьки в школе уже два месяца географии*

нет — не могут географа найти/ представляешь! У нас географ — классный [руководитель]/ *так что географию не прогуляешь*// (Записи устной речи, 2007, 2008, 2010);

Пока ей преподаватели нравятся… а от историка она просто в восторге (Форум, 2004); *Историк все-таки соизволил поставить мне 4 за полугодие, вот уж спасибо* (Блоги, 2012).

Математик у них парень совсем молодой/ токо в прошлом году окончил [институт]//; В восьмом классе уже второго математика за год сменили// Уходят/ зарплата маленькая// (Записи устной речи, 2011).

Согласно классификации БТСРС указанные разговорные лексемы относятся к сфере «Образование» и входят в группу «Существительные, обозначающие человека по роли в учебном процессе».

В литературном языке есть омонимичные единицы *биолог, географ, историк, литератор, математик, физик, химик*, которые зафиксированы в БТСРС с типовой семантикой «человек как специалист в какой-л. отрасли научного знания или научно-практической деятельности». Они представляют сферу «Наука» и входят в группу «Существительные, обозначающие человека по его научным интересам, специализации» наряду с такими единицами, как *астроном, геолог, дефектолог, кибернетик, лингвист, педагог* и др.

* * *

Таким образом, регулярные отношения, которые связывают денотативно-идеографические группы существительных в литературном языке и разговорной речи, позволяют выявлять тенденции развития класса существительных со значением лица.

Множественность классификаций одного класса слов — имен лиц — и интерпретации текстов различной дискурсивной природы обусловлена сменой научных парадигм и является яркой иллюстрацией динамики научной мысли.

Рассмотренные лексикографические источники опираются на разные концепции парадигматического описания лексических множеств, представляют результаты разных научных подходов — от структурно-семантического до когнитивно-дискурсивного. Они выполняют функцию многоаспектной интерпретации языковых и речевых единиц разного типа, дают возможность получить данные не только об отдельных лексемах, но и о типологии лексических множеств и их презентации в словарном виде,

о когнитивных функциях имен лиц, их роли в формировании наивной картины мира.

---

1. Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание, синонимы, антонимы, английские эквиваленты / под ред. Л. Г. Бабенко. 2-е изд. М., 2008. 576 с.

2. Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание, синонимы, антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2008. 864 с.

3. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2000. 784 с.

4. Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2014. 836 с.

5. Слово и грамматические законы языка. Имя / отв. ред. Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин. М., 1989. 349 с.

6. *Бабенко Л. Г.* Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций // Научный диалог. 2020. № 9. С. 9–47.

7. Русский семантический словарь / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 2002–. 807 с.

8. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.

9. *Гак В. Г.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация : Общие вопросы. М., 1977. С. 230–293.

10. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл : Логико-семантические проблемы. М., 1976. 383 с.

11. *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002. 496 с.

12. *Арутюнова Н. Д.* Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 304–357.

13. Толковый словарь русской разговорной речи : в 5 вып. / под ред. Л. П. Крысина. М., 2014–2022. 757 с.

14. *Янценецкая М. Н.* Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979. 242 с.

15. *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977. 264 с.

16. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004. 792 с.

17. *Плотникова А. М.* Когнитивные сценарии поведения человека и их репрезентация в словарях (на материале глаголов и глагольных фразеологизмов) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 175–179.

2.3. Словарная идеография и корпусная семантическая разметка: проблемы асимметрии

Идея пересекаемости лексико-семантических парадигм была заложена Л. Г. Бабенко в фундаментальные основания концепции УСШ и отражена в монографии 1997 г. [1]. За 30 лет развития школы были созданы десятки словарей, и одновременно разрабатывались проблемы дискурсивной семантики — в частности семантики художественных текстов. Фактически на каждом этапе жизни коллектива лексикографическая работа и текстовый анализ влияли друг на друга, как влияют друг на друга парадигматические и синтагматические аспекты в лингвистике. И неслучайно среди самых значимых достижений Л. Г. Бабенко в филологическом мире признают словарные проекты и работы по лингвистическому анализу художественного текста (см., например, очень известный учебник, по которому учатся студенты в России и за рубежом [2]).

Сегодня, рассуждая о внешней структуре и внутренней архитектонике идеографических словарей, среди их наиболее важных параметров Л. Г. Бабенко называет таксономию, полевую структуру, синопсис и когнитивно-языковую (или денотативно-идеографическую) карту [3]. Все они, но в большей степени таксономия и структура синопсиса, так или иначе связаны с принципами классификации лексических значений, объединения, пересечения и разведения лексических множеств.

На раннем этапе таким идеографическим принципом словарной группы «Русский глагол», ставшей ядром УСШ, был чисто семантический принцип, реализованный в Толковом идеографическом словаре русских глаголов [4]. В нем были сформированы лексико-семантические группы (ЛСГ) глаголов на основании общности категориально-лексической семантики слов. В пределах макроструктуры ЛСГ были объединены в более крупные классы вплоть до уровня лексико-семантических полей. Впоследствии Л. Г. Бабенко предложила трансформировать идеографию, указав на эффективность денотативно-идеографического подхода. В основе такой классификации лежат денотативно-идеографические сферы, связанные с экстралингвистическим устройством окружающей действительности. Это привело, с одной стороны, к делению и разведению некоторых ЛСГ в разные денотативные сферы (например, «Человек по роду занятий, профессии» — в сферы

«Образование», «Техника», «Религия» и т. д.), с другой стороны, к появлению в одной денотативно-идеографической группе (ДИГ) слов разных частей речи (*учитель, учительский, учительствовать*). Данная концепция была реализована в словарях [5–7 и др.]; с учетом значимого развития она и сейчас является актуальной для коллектива.

На сегодняшний день в лингвистическом мире существует множество идеографических классификаций слов, и разница между ними во многом обусловлена дальнейшим функционалом использования. Иначе говоря, в каком ресурсе будет задействован идеографический синопсис: классическом словаре, представленном в бумажном или электронном виде, корпусе, электронном тезаурусе типа ворднет, программе обработки естественного языка. К примеру, в редком корпусе можно в принципе встретить семантическую разметку, но даже в НКРЯ [8] таксономическая часть классификации глаголов, восходящая к словарю [4], включает всего 27 рубрик (от «Движения» до «Запаха») при том, что в исходном словаре глаголов более 120 наименований ЛСГ слов. Такое укрупнение классов легко объяснить объемом корпусной разметки, охватывающей сотни миллионов слов, и нерешенностью фундаментального вопроса снятия семантической омонимии.

Принципиальной проблемой любой семантической классификации является существование в языке значений комплексного типа (или «совмещенных» значений), которые не вписываются исключительно в один классификационный кластер. Так, глаголу *мечтать* тесно быть только в ряду интеллектуальной деятельности или только эмотивов; слову *ходьба* (в значении «вид спорта»), приписанному внутри денотативной классификации к социальной спортивной сфере, трудно оторваться от собственно движения, то есть семантического первоисточника. В НКРЯ принята идея так называемого «фасетного» принципа разметки [9, с. 159], который предполагает вхождение слова в разные классы, но при этом не различает разные значения слов и омонимы. Например, лексема *лук* семантически аннотирована в корпусе следующим образом:

Семантика: *оружие, совокупность, еда и напитки, дугообразные предметы, предметные имена.*

Семантика дополнительная: *растения, предметные имена, совокупность.*

Похожие слова: *порей, чеснок, колчан, черемша, укроп.*

В словарях УСШ значения слов, как и в других лексикографических источниках, различаются, при этом конкретное значение может попасть или в одну ведущую ДИГ, или более чем в одну, если определить ведущую затруднительно.

Все обозначенные вопросы понятны любому специалисту в области лексической идеографии. Для каждого создаваемого ресурса находятся свои, часто компромиссные решения, которые делают классификационную модель более гибкой, приближенной к формам языкового разнообразия. Однако разница между семантической классификацией в словаре и семантической разметкой дискурса связана еще и с принципиальными различиями между системно-словарной и функционально-текстовой контекстной семантикой слова. Особенно заметна эта разница при работе с художественными текстами, к анализу которых учениками профессора Л. Г. Бабенко также применяется денотативно-идеографический подход [10–12 и др.].

Во-первых, любой авторский тезаурус не равен по объему отражения действительности универсальному идеографическому словарю. Как правило, какие-то рубрики нуждаются для показательности в объединении, иначе классы станут слишком дробными, или в выделении некой актуальной части, как это было сделано в работе [12]. В творчестве Владимира Набокова среди прочих были выделены укрупненные группы «Развлечение, отдых, спорт», «Наука и образование», а в произведениях Андрея Платонова — «Техника, производство, транспорт», «Материя и вещество». Из большой сферы «Экономика» в романах Михаила Булгакова маркированной для идиостиля признана только группа «Финансы», то есть часть класса, выделенного в идеографическом словаре.

Во-вторых (и это самое важное!), семантика слова, испытывающая влияние ближайшего контекста, более крупных единиц текста и внетекстовых смыслов, может выходить далеко за пределы индексов идеографических словарей. Очевидный пример — существительные *лицо, глаза, голова, нога, рука* и т. п. Словарный маркер типа ‘часть тела’ в разных случаях никак не объяснит жестовые, эмотивные, физиологические моменты, которые могут определять дискурсивную семантику этих слов. Конечно, появление этих смыслов определяется контекстом, но в то же время приписывать их только контекстному окружению неправильно и неточно. Иными словами, если в произведениях А. П. Чехова с существительным *глаза* соотносятся слова *благодарные, золотые,*

искренние, ленивые, у И. А. Гончарова — *искрятся* или *с оттенком задумчивости*, у персонажей И. С. Тургенева глаза *погасшие, съёженные*, а у героев Л. Н. Толстого — *испуганные* или *правдивые*, то это не повод считать, что эмотивная и другая семантика реализуется в контексте исключительно благодаря контекстному окружению, а слово *глаза* в этом не участвует (см. подробнее об авторском синтагматическом материале в статье [13]).

Аналогичным образом слова *дорога* (как единица транспортной сферы), *мост* (как сооружение) или *лес* (как факт живой природы) могут потерять свою пространственную или иную нагрузку, которая связана с многоплановым восприятием мира и процессами художественной концептуализации. Семантическая (денотативная) статистика, основанная на базовых словарных значениях слов, может нам только приблизительно сказать, какие сферы действительности в большей степени актуальны для автора или его конкретного произведения, но никак не решит вопросы изучения индивидуального стиля, образности и тем более проведения концептуального анализа текста. Между тем, как пишет Л. Л. Шестакова, «потенциал идеографической авторской лексикографии в изучении творческой языковой личности, в исследовании мировидения, миропонимания писателя весьма значителен» [14, с. 69]. Значит, нужны хорошие словарные модели, отражающие идиостиль, и, наоборот, принципы разметки текста, учитывающих данные общеязыковых словарей.

Отличают дискурсивную работу от словарной также и проблемы разметки служебных слов, местоимений, а также имен собственных (в первую очередь топонимов и имен персонажей). В синопсисе УСШ служебные слова в основном входят в сферу, которая в более ранней редакции называлась «Универсальные представления, смыслы и отношения», а сегодня образует несколько классов «интерпретационных категорий»: «Универсальные представления», «Логико-семантические универсальные отношения», «Универсальные смыслы, модальность и модальные интерпретации». С точки зрения восприятия и описания системы языка это совершенно нормально и естественно. Но при корпусной разметке постоянная характеристика союза *а* (а не контекста в целом) как маркера противопоставления, а предлога *из-за* как причины избыточна и мешает восприятию текстовых смыслов. Статистика, построенная на такой разметке, явным образом исказит текстовые особенности, тем более что в языке предлогов и союзов немного, а в речи это самые частотные единицы.

Служебные части речи неслучайно обычно входят в перечень так называемых «стоп-слов» программ обработки естественного языка, так как принимают минимальное участие в формировании текстовой семантики.

Местоименные слова занимают в идеографических словарях очень разные позиции. В словарях УСШ мы встречаем их в рубриках «Структура речевой ситуации» (*я, ты, он*), «Вопрос» (*кто, что*), «Неопределенность» (*некто, он*), «Обозначение количества» (*сколько*), «Неограниченность» (*всякий*) (приведены случайно взятые примеры). И здесь опять расходятся системно-языковой и текстовый аспекты восприятия лексики. В тексте местоимение во многих случаях должно быть приписано к тому же классу, что и имя, с которым оно соотносится (*он* — это и ‘человек’, и ‘автомобиль’, и ‘шкаф’). А относительные и вопросительные местоимения, очевидно, создают те же проблемы, что и служебные слова. Именно по этим причинам в проектах [12; 15] служебные слова и местоимения были исключены из текстовой семантической разметки.

Что касается имен собственных, то в лингвистических словарях они традиционно не толкуются, и значит, в идеографической сетке вообще отсутствуют. При формировании литературного тезауруса такое решение вряд ли является правильным. Отсутствия служебных слов в семантической статистике можно и не заметить, а вот с именами персонажей это никак не пройдет. Значит, для топонимов необходимо выделение особого географического класса, а личные имена должны составлять особую рубрику в наименованиях человека. Надо понимать также, что различные обозначения человека по профессии, статусу и т. п. (*учитель, князь, король*), номинирующие персонажей, могут выполнять в тексте ту же функцию, что и имена собственные. В этом смысле и *кот* (Бегемот) у Булгакова не то же, что просто обозначение живого существа, особенно если еще учитывать особую сложность концепции этого образа.

Не станем здесь подробно обсуждать фундаментальную проблему разметки фразеологии (как собственно идиоматических выражений, так и коллокаций), просто упомянем ее. Как размечать единицы типа *уронить голову* (на стол), *поднять* (или *пожать*) *руку*, *заплакал как ребенок* (с запятой перед *как* и без нее), *иметь успех*? Если есть принципиальная установка аннотировать фразеологизмы — вручную или автоматически, — то меньше всего проблем будет с единицами, обладающими высокой степенью

устойчивости. Например, обороты *кот наплакал* и *куры не клюют* можно разметить целиком и уверенно отнести к сфере «Количество». А вот если персонаж М. А. Шолохова *уронил голову* на стол из-за усталости или сильного переживания, можно при разметке формально разрезать это сочетание на *уронить* («Перемещение объекта») и *голова* («Часть тела»), а можно приписать всему сочетанию один эмотивный или физиологический маркер. Впрочем, эта тема является общей и для словарного описания, и для текстовой разметки, и ее единственно правильного практического воплощения не существует.

Какие же можно предложить решения, связанные с использованием идеографической словарной классификации при осуществлении семантической разметки текстов — в нашем случае художественных?

Вариант 1. Использовать только словарную классификацию и игнорировать вторичную контекстную семантику. Приписывать один семантический маркер или более, если словарь фиксирует значение комплексного типа. В этом есть смысл для универсального по задачам корпуса, каким является НКРЯ, так как и без того сложное аннотирование не отягощается еще более трудоемким и размытым контекстологическим анализом. Разметка такого рода позволяет осуществлять разные виды поиска с семантическими характеристиками и судить о значимых направлениях лексико-семантической сочетаемости. Однако развитию текстового и идиостилевого семантического анализа она в полной мере способствовать не может.

Вариант 2. Игнорировать базовую словарную классификацию в тех случаях, когда на первый план выходит вторичная контекстная семантика. Путь сомнительный, так как если человек роняет голову от горя или машет рукой в знак безразличия, согласия или утвержденного решения, он все же производит это головой или рукой, а не другими способами. Исходная семантика слов может редуцироваться, но все же в контексте она существует.

Вариант 3. Приписывать слову в корпусе одновременно и словарные, и функционально-текстовые маркеры. Такая разметка уже больше говорит о семантике текста и стиле его автора, это более сложный и более точный путь, но на нем возникают проблемы возможного количества семантических характеристик и их смешения, а также прозрачности разметки для других пользователей корпуса, ее верификации.

Вариант 4 (возможно, самый продуктивный). Приписывать словарные и функционально-текстовые маркеры параллельно, пытаясь разделять их там, где это возможно. Это может решить задачу несовпадения единиц разметки (в сочетании *махнуть рукой* можно выделить две единицы согласно словарной семантической классификации и одну согласно контекстной семантике). Продуктивность такого вида разметки видится в перспективе постановки задачи пересечения семантических парадигм в словаре и дискурсе. Какие семантические и денотативные классы наиболее часто «сотрудничают» и, наоборот, не сочетаются при формировании контекстной семантики слова? Как можно уточнить и формально представить механизмы развития многозначности, их статистическую картину? С какими лексическими множествами чаще связаны имплицитные текстовые смыслы, и какого рода эти смыслы? Все это направления возможных исследований на основании корпуса с такой непростой по характеру разметкой.

* * *

Вопрос осуществления семантической разметки в корпусе до сих пор не является сугубо техническим в силу языковой и текстовой многозначности, наличия комплексных синкретических значений, существования разных классификаций. Для небольшого пилотного проекта такая разметка может быть осуществлена вручную силами студенческого и преподавательского краудсорсинга. Тогда корпус будет качественный, но маленький. Более крупные проекты требуют привлечения современных нейросетевых технологий, которые пока дают более грубый и малопредсказуемый результат. И опять выбор зависит от функционала создаваемого проекта, его объема и степени универсальности.

Взаимодействие словарных и дискурсивных аспектов семантического анализа имеет неограниченную перспективу, оно связано не только с отражением системно-языковых и речевых представлений в лингвистике, но и вообще с моделями восприятия действительности человеком. Если проводить лингвофилософские параллели, можно вспомнить взаимодействие бытовых представлений и научной картины мира, гипотез и их индуктивного порождения на основе конкретного материала, взаимовлияние наших знаний и опыта. Продолжим этот не совсем логически стройный ряд: именно сочетание качеств ученого-мыслителя и естественного, переживающего человека, как нам

кажется, и определяет успешность новаторских лексикографических и дискурсивных идей Людмилы Григорьевны Бабенко.

---

1. Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм : Памяти Э. В. Кузнецовой / отв. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997. 517 с.

2. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста : теория и практика : учебник, практикум. 4-е изд., испр. М., 2006. 495 с.

3. *Бабенко Л. Г.* Лексикографические форматы и параметры пространственного моделирования внешней структуры и внутренней архитектоники идеографических словарей // Научный диалог. 2026. Т. 15, № 3. С. 9–31.

4. Толковый словарь русских глаголов : идеографическое описание, английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. Москва, 1999. 693 с.

5. Большой толковый словарь русских существительных : свыше 15 000 имен существительных, идеографическое описание, синонимы, антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. 2-е изд. М, 2008. 862 с.

6. Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2014. 224 с.

7. Словарь-тезаурус синонимов русской речи : 600 ключевых понятий, 8 000 синонимических рядов, 47 000 слов-синонимов / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2008. 508 с.

8. Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 01.08.2026).

9. *Кустова Г. И., Ляшевская О. Н. и др.* Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 155–174.

10. *Глазырин В. А.* Индивидуально-авторская картина мира О. Э. Мандельштама в лексикографическом представлении: принципы создания авторского идеографического словаря : дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2024. 233 с.

11. *Казарин Ю. В.* Поэтический текст как система / науч. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1999. 259 с.

12. *Мухин М. Ю.* Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов. Екатеринбург, 2010. 230 с.

13. *Мухин М. Ю., Мухин Н. Ю.* Авторская лексическая синтагматика в системном представлении // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 103–110.

14. *Шестакова Л. Л.* Идеографические словари как *desiderata* авторской лексикографии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 2. С. 58–73.

15. Формализация индивидуальной лексической сочетаемости как средство описания идиостилей: корпусное сопоставительное исследование классической прозы XIX в. // Уральский федеральный университет : [интернет-портал]. URL: https://urgi.urfu.ru/formalization/?ysclid=mt9qdj2qt6123866016 (дата обращения: 01.08.2026).

2.4. Семантические расстояния между когнитивно-идеографическими сферами как результат действия центробежных и центростремительных сил

Пересекаемость концептов и их репрезентаций как корпуса языковых и дискурсивных средств их объективации [1, с. 36] является сложной и до конца не решенной проблемой современной когнитивной семантики, связанной с исследованием результатов мыслительных процессов категоризации и концептуализации мира в сознании человека, одним из путей изучения которых выступает идеографический подход. Денотативно-идеографический подход как способ описания и группировки лексики представляет собой методологическую парадигму, суть которой заключается в систематизации лексики не по формальным признакам, а по денотативным (предметно-понятийным) сферам, отражающим фрагменты языковой картины мира носителей языка [см.: 2, с. 31; 3, с. 20]. Данный подход позволяет не только фиксировать в лексикографической практике то, как слово номинирует, наделяет названием явления, свойства и процессы окружающего мира, но и эксплицировать концептуальные связи слова с другими единицами в рамках когнитивно-дикурсивных концептуальных комплексов, по мысли Л. Г. Бабенко, объединяющих всю «совокупность выявленных единиц языка и речи, связанных с репрезентацией общего концепта» [4, с. 35].

Целями данного исследования стали выявление когнитивных признаков, отражающих взаимные отношения концептов когнитивно-идеографической сферы «Питание» с другими когнитивными сферами в национальной концептосфере как совокупности ключевых концептов, «систематизированных по отображаемым денотативным сферам» [5, с. 268], а также анализ степени близости различных связанных с заявленной проблематикой когнитивных сфер на основе определения семантических расстояний между ними. Основным материалом для исследования выступили словарные статьи словаря ключевых концептов [6].

Методами изучения материала выступили концептуальный анализ по методике Л. Г. Бабенко, основанный на формировании на базе лексических репрезентаций концепта его ментальной структуры как совокупности когнитивных признаков разного статуса и ранга, организованных по принципу поля [5, с. 268];

когнитивный анализ метафоры (для определения центробежных пространственных векторов метафорических ассоциативных переносов); лексикографический анализ словарных дефиниций ключевых концептов русской культуры из словаря концептов; компонентный анализ лексических значений репрезентаций концептов; идеографический анализ (для установления денотативной спецификации пересекающихся когнитивных сфер); количественный анализ.

Теоретические основы исследования составили, кроме концепции идеографической лексикографии Ю. Н. Караулова, когнитивно-дискурсивный поход к понятию концепта Е. С. Кубряковой, концепции строения ментального поля концепта и пространственного моделировании лексических множеств Л. Г. Бабенко, теория метафорического моделирования А. П. Чудинова, а также теория семантических расстояний А. И. Новикова и Е. И. Ярославцевой.

Концепты, составляющие концептосферу «Питание» в концептуальном пространстве лингвокультуры (как совокупности «ключевых концептов, аккумулирующих знания о мире действительности в семантике языковых знаков, соотносимых с определенными концептуализированными сферами, участвующими в формировании концептосферы» [7, с. 13]), пересекаются между собой и с концептами других когнитивно-идеографических сфер на основе общей семантики их репрезентаций, реализованной на уровне лексем в рамках лексико-семантического пространства («совокупность лексем… с учетом их значений, структурно организованных в различные по рангу лексико-семантические множества слов» [Там же, с. 12]), а на уровне их значений — в рамках семантического пространства («совокупность сем и семем, структурно организованных в семантические комплексы определенных лексических множеств, репрезентирующих их типовую семантику» [Там же]).

Концепт как оперативная содержательная единица памяти, коллективного знания и составная часть концептуальной системы, по определению Е. С. Кубряковой, включает в себя когнитивные признаки как «кванты информации» в виде одновременно составляющих концептуальной системы и общеизвестных обобщенных вербализованных смыслов, представленных языковыми реализациями [8, с. 89]. Семантические связи концептов, сигнализирующие о специфике их вербализации и реализующиеся в процессах их взаимодействия и взаимопереходов при осмыслении

и понимании в порождении и восприятии речи, выступают наряду с репрезентациями концепта средством доступа к концептуальному знанию, концептуальной системе.

Л. Г. Бабенко, говоря о пространственном моделировании лексических множеств, использует понятие «денотативно-идеографическая карта мира». По мнению ученого, денотативное пространство — это отображаемые в семантике языковых или речевых знаков внешний мир действительности и внутренний мир человека, «знания о которых закрепляются в качестве определенных семантических макрокомпонентов — денотатов» [7, с. 13]. На денотативно-идеографической карте в наглядном виде можно представить «связи между элементами языка, опосредованные связью соответствующих концептов» [9, с. 84].

Исследованию закономерностей, лежащих в основе содержательных связей различных группировок единиц языка, и выявлению формальных методов, с помощью которых определяется степень сходства между языковыми единицами и устанавливается их смысловая близость, посвящена работа А. И. Новикова и Е. И. Ярославцевой [9]. Говоря о понятии «семантическая пересекаемость», ученые пишут: в семантическом пространстве как области существования и функционирования лексических значений слова вступают в определенные отношения и связи, при этом значения связанных между собой слов, в чем-то сходных по содержанию, близких, подобных друг другу, демонстрируют отношения пересечения [Там же, с. 15]. «Представление о близости слов или их удаленности связано с идеей существования некоторых расстояний между ними», «семантическое расстояние — это… оценка связи между словами с точки зрения ее “интенсивности” или “силы”, выраженная в виде соответствующих количественных показателей» [Там же, с. 6, 39], причем «сила связи и степень близости слов зависят от величины области пересечения их значений, то есть того общего, что в них содержится» [Там же, с. 33].

По мысли Л. Г. Бабенко, пересекаемость лексических множеств, а следовательно, и репрезентируемых ими когнитивных сфер — один из ключевых системообразующих факторов лексики: «система парадигм не является жесткой, границы парадигм открыты, подвижны, что является основанием их взаимосвязи», вследствие чего «пересекаемость — существенный признак организации лексической системы, который обычно проявляется в наличии формальных, формально-смысловых и смысловых связей между лексическими парадигмами» [7, с. 26, 27].

Определение проявлений семантической связи осуществляется на основе наличия или отсутствия близости лексических значений лексем: «в основе связи слов лежит определенная общность их лексических значений», «поскольку эта общность может быть большей или меньшей, то и связь между соответствующими словами может характеризоваться большей или меньшей степенью интенсивности или “силы”» [9, с. 27].

«Совокупность концептов и связывающих их отношений» осмысляется как отдельная концептуальная область — «область семантического означивания, в которой происходит соотнесение означаемого с единицами области знаний, выступающими в качестве элементов концептуальной модели действительности» [Там же, с. 70, 72]. Оно осуществляется на основе сопоставления семантики слов, поскольку семантическими «можно считать только те отношения, которые позволяют от плана выражения перейти к плану содержания, то есть осуществить переход из сферы языка в концептуальную сферу и/или сферу реалий» [Там же, с. 98].

Когнитивная сфера «Питание» как «совокупность концептов и связывающих их отношений» [Там же, с. 72] в словаре ключевых концептов русского языка выделена как когнитивно-идеографическая сфера «Концептуализация питания» и включает в себя восемь концептов (БЛИНЫ, ГОЛОД, КАША, КВАС, КИСЕЛЬ, ПИРОГ, ХЛЕБ, ЧАЙ (ЧАЕПИТИЕ)), все слои концептосфер которых напрямую связаны с семантикой еды и питья. Внутрипарадигматические связи этих концептов, детерминирующие их взаимные отношения и пересечения, были проанализированы на первоначальном этапе исследования [см.: 10].

При изучении результатов пересекаемости концептов когнитивно-идеографической сферы «Питание» с концептами других когнитивно-идеографических сфер с целью выявления внешнепарадигматических связей их лексических репрезентаций в основу классификации семантических расстояний и когнитивных признаков может быть положена концепция структуры концептосферы как ментального поля конкретного концепта Л. Г. Бабенко [11]. По мысли ученого, а также согласно исследованиям других когнитологов (см. работы Ю. С. Степанова, З. Д. Поповой и И. А. Стернина и др.) ментальное поле концепта имеет слоистое строение, а сам концепт реализован в специфической форме и имеет внутреннюю организацию, включающую центр или ядро и структурные зоны: приядерную зону, зоны ближайшей и дальнейшей периферии [5, с. 266].

Логично предположить в качестве гипотезы, что степень близости концептов различных когнитивно-идеографических сфер также зависит от того, в какой зоне их концептосферы находятся пересекающиеся когнитивные признаки: в том случае, если они наблюдаются в ядерной и приядерной зонах, степень близости будет больше, если в зонах ближайшей и дальнейшей периферии — семантические расстояния между концептами будут более отдаленными.

Анализ показал, что взаимные отношения, характеризующиеся наибольшей степенью близости, устанавливаются между конфептосферой «Питание» и следующими концептами когнитивной области «Концептуализация растительного мира», обозначающими объекты, которые являются или могут стать пищей в результате обработки: ГРИБ, КАРТОФЕЛЬ (КАРТОШКА), ЯБЛОКО, ЯГОДА. Семантические связи с когнитивной областью «Питание» наблюдаются у этих концептов на всех структурных уровнях ментального поля их концептосфер.

К примеру, когнитивная зона, которая позволяет отнести концепт ЯБЛОКО к когнитивно-идеографической области «Концептуализация растительного мира» — это ядро концепта, обобщающее признаки, отображенные в словарных дефинициях ключевого слова в его основном значении: «Сладкий или кисло-сладкий плод яблони, имеющий шаровидную форму» [6, с. 112]. Профилирование в ядерной зоне концепта ЯБЛОКО когнитивного признака «способность употребляться в пищу» позволяет переформулировать ядро концепта следующим образом: «Пищевой продукт, представляющий собой сладкий или кисло-сладкий плод яблони, имеющий шаровидную форму». На основании этого концепт ЯБЛОКО может быть отнесен и к когнитивно-идеографической области «Концептуализация питания», в частности, к микроконцептосфере «Пищевые продукты». Подобным образом и другие вышеперечисленные концепты при условии актуализации когнитивного признака «способность употребляться в пищу» в ядерной зоне их концептосферы могут быть включены в когнитивную область «Питание», что свидетельствует о пересекаемости когнитивных областей и наибольшей их семантической близости.

В случае проявления ближайших семантических расстояний между концептами средством выражения взаимосвязей выступают когнитивные признаки, включенные в приядерную зону концептов, содержащую его основные лексические репрезентации [11, с. 15].

Необходимо понимать, что концептосфера «Питание» является комплексной макроконцептосферой и включает в себя в качестве составных частей микроконцептосферы «Добывание пищи», «Приготовление пищи», «Процесс еды/питья», «Процесс кормления/поения», «Гостеприимство», выделение которых обусловлено денотативной сложностью и многоаспектностью ситуации поглощения пищи и некоторые из которых, в свою очередь, представляют собой комплекс отдельных микроконцептосфер (например, в концептосферу «Добывание пищи» входят концептосферы «Собирательство», «Охота и рыбная ловля», «Земледелие», «Животноводство», «Торговля», см. об этом подробнее в [12]).

Анализ показал, что когнитивно-идеографическая сфера «Питание» через приядерную зону концептов связана со следующими когнитивными областями (рис. 14):

— «Охота и рыболовство» — по когнитивному признаку «намерение, желание, смысл предпринимаемого, его целевая направленность» (*Охота — это… **необходимый способ добычи животных для жизнеобеспечения с целью заготовки продуктов животного происхождения: мяса, жира**, меха, костей* (концепт ОХОТА) [6, с. 664]);

— «Животный мир» — по когнитивному признаку «функциональное предназначение»: *Корову, дающую молоко, называют **дойной (дойная корова)*** (КОРОВА) [Там же, с. 131];

— «Обонятельное восприятие» — по когнитивному признаку «способность человека воспринимать явления окружающего мира органами чувств» (*Употребляемые в пищу плоды и корнеплоды (редька, земляника и др.), приправы (пряность, гвоздика, горчица, корица, тмин, укроп и т. п.) имеют характерный запах. <…> Запах (горький, кислый, едкий) может влиять на вкусовые ощущения человека* (ЗАПАХ) [Там же, с. 890]);

— «Родственные отношения» и «Процесс жизненного существования человека» — по когнитивному признаку «обеспечение существования и развития человека», зеркально находящему выражение и в концептах МАТЬ и ОТЕЦ, и в концепте ДЕТСТВО: *После появления ребенка на свет… **мать кормит его*** (МАТЬ) [Там же, с. 280]; *Ребенка, который находится в раннем детском периоде жизни от рождения до одного года, **мать обычно кормит грудью (грудничок, грудничковый)**, или в случае отсутствия у матери молока его **переводят на искусственное вскармливание (искусственник)*** (ДЕТСТВО) [Там же, с. 197];

— «Сфера обслуживания», «Социальная деятельность», «Охота и рыболовство» — по когнитивному признаку «пища или то, что может ею стать», например: *те, кто парятся, делают несколько заходов в парилку, отдыхая после парной в предбаннике, где могут* ***выпить чай, квас, пиво и др. напитки*** (БАНЯ) [6, с. 743];

— «Населенный пункт» и «Сфера обслуживания» — по когнитивному признаку «помещение, предприятие общественного питания» (*В городах развита служба быта — это* ***предприятия общественного питания (кафе, рестораны)*** (ГОРОД) [Там же, с. 273]).

Рис. 14. Сильные семантические связи концептов сферы «Питание» с другими когнитивно-идеографическими сферами и концептами

Близкие семантические расстояния между когнитивной областью «Питание» и концептами других когнитивных

областей находят отражение в зоне ближайшей периферии концептов, формируемой, согласно Л. Г. Бабенко, совмещенными лексическими репрезентациями и отображаемыми ими комплексными когнитивными признаками концептов. А. И. Новиков и Е. И. Ярославцева отмечают: «размытый характер лексической системы выражается в возможности различных степеней близости между словами, в реальности двоякого отнесения некоторых единиц в разные группы, в нежесткости классификаций» [9, с. 62].

Анализ также показал, что когнитивно-идеографическая сфера «Питание», состоящая из перечисленных выше микроконцептосфер, закономерно связана в сознании носителей языка с другими областями. В составе микроконцептосферы «Добывание пищи» концептосфера «Собирательство» пересекается с когнитивной областью «Растительный мир», см., например: *Некоторые виды деревьев приносят* ***съедобные плоды: ягоды*** *(****вишня, рябина, черешня*** *и др.),* ***фрукты*** *(****апельсин, груша, яблоко*** *и др.),* ***орехи*** *(****миндаль, фисташка*** *и др.). Из кофейного дерева и дерева какао* ***получают зерна, которые в результате дальнейшей обработки позволяют приготовить напиток. Из семян дерева какао готовится шоколад*** (ДЕРЕВО) [6, с. 90].

Взаимные логические связи наблюдаются также между следующими ментальными областями (рис. 15): «Охота» ↔ «Концептуализация животного мира» (для указания на взаимоотношения когнитивных сфер здесь и далее используется знак ↔, обозначающий двойную взаимонаправленную семантическую связь их лексических репрезентаций в зонах ближайшей периферии), см. к примеру: ***Заяц****… **добывается ради** шкурок и **мяса*** (ЗАЯЦ) [Там же, с. 128]; «Рыбная ловля» ↔ «Транспорт»: *Рыбаки используют лодки* ***для ловли рыбы*** (ЛОДКА) [Там же, с. 642]; «Земледелие» ↔ «Земная поверхность»: *Городские жители…* ***занимаются выращиванием садово-огородных культур*** (ЗЕМЛЯ) [Там же, с. 618]; «Животноводство» ↔ «Животный мир»: *Коров разводят* ***для получения молока, мяса (говядина, телятина),*** *кожи* (КОРОВА) [Там же, с. 131]; «Торговля» ↔ «Охота и рыболовство»: *Россия экспортирует* ***красную (лососевую) и черную (осетровую и севрюжью) икру*** (РЫБАЛКА) [Там же, с. 678]; «Приготовление пищи» ↔ «Населенный пункт»: *Центром крестьянского жилища являлась печь,* ***служащая для*** *отапливания помещения и* ***приготовления пищи*** (ДЕРЕВНЯ) [Там же, с. 275–276]; «Внешнее проявление эмоций»: *Слезы… могут выделяться… под действием… летучих веществ, содержащихся в растениях, таких как* ***лук или***

хрен (ПЛАЧ) [6, с. 352]; «Осязательное восприятие»: *Имеются особые* ***способы приготовления пищи****, предполагающие обработку объектов, способных стать пищей, с использованием высоких температур (****горячее копчение****)* (ГОРЯЧИЙ) [Там же, с. 903]; «Процесс еды/питья» ↔ «Погодные явления»: *От воздействия высокой температуры воздуха* ***продукты питания могут стать испорченными и в результате этого непригодными к употреблению в пищу*** (ЖАРА) [Там же, с. 69]; «Обонятельное восприятие»: «*Человек… может распознавать кого-, что-либо по запаху* (*…****дегустировать***) (ЗАПАХ) [Там же, с. 892]; «Процесс поения/кормления» ↔ «Сфера обслуживания»: *Услуги могут быть включены в стоимость номера… (например,* ***завтрак, пользование… мини-баром****)* (ГОСТИНИЦА) [Там же, с. 750]; «Эмоциональное состояние»: *Радость может быть следствием* ***физиологического состояния — алкогольного опьянения*** (РАДОСТЬ) [Там же, с. 347]; «Гостеприимство» ↔ «Развлечение и отдых»: *Празднество готовится заранее…* ***закупаются…*** ***продукты к столу, приглашаются гости*** (ОТДЫХ) [Там же, с. 705] и др.

В параметрах дальних семантических расстояний можно проинтерпретировать соотношение когнитивных признаков концептов когнитивно-идеографической сферы «Питание» с когнитивными признаками, отраженными в зоне дальнейшей периферии других концептов, которую, по концепции структуры концепта Л. Г. Бабенко, представляют национально-культурные знания, ассоциативно-образные и модально-оценочные смыслы [11, с. 18]. Так, отдельную зону словарной статьи концептов составляют национально-культурные фоновые знания, формирующие когнитивные признаки, касающиеся распространенных народных примет (*Различные поверья связаны с падающими звездами. Например, падение звезды* ***может указывать на… голод*** (ЗВЕЗДЫ) [6, с. 53]; *Большинство примет касаются сельскохозяйственной деятельности и* ***указывают****, например,* ***на плодородие, неурожай*** (НЕБО) [Там же, с. 34]), связанных с едой ритуалов и обычаев, указание на которые содержится в первую очередь в концепте ОБЫЧАЙ (*В русской традиции как проявление гостеприимства при встрече гостей…* ***им подают на подносе каравай хлеба с солонкой, наполненной солью (встречать хлебом-солью): гость должен отломить кусочек хлеба, обмакнуть в соль и съесть*** [Там же, с. 775]), а также в зоне национально-культурных ассоциаций других концептов: *Один из наиболее распространенных* ***ритуалов в день рождения — приготовление***

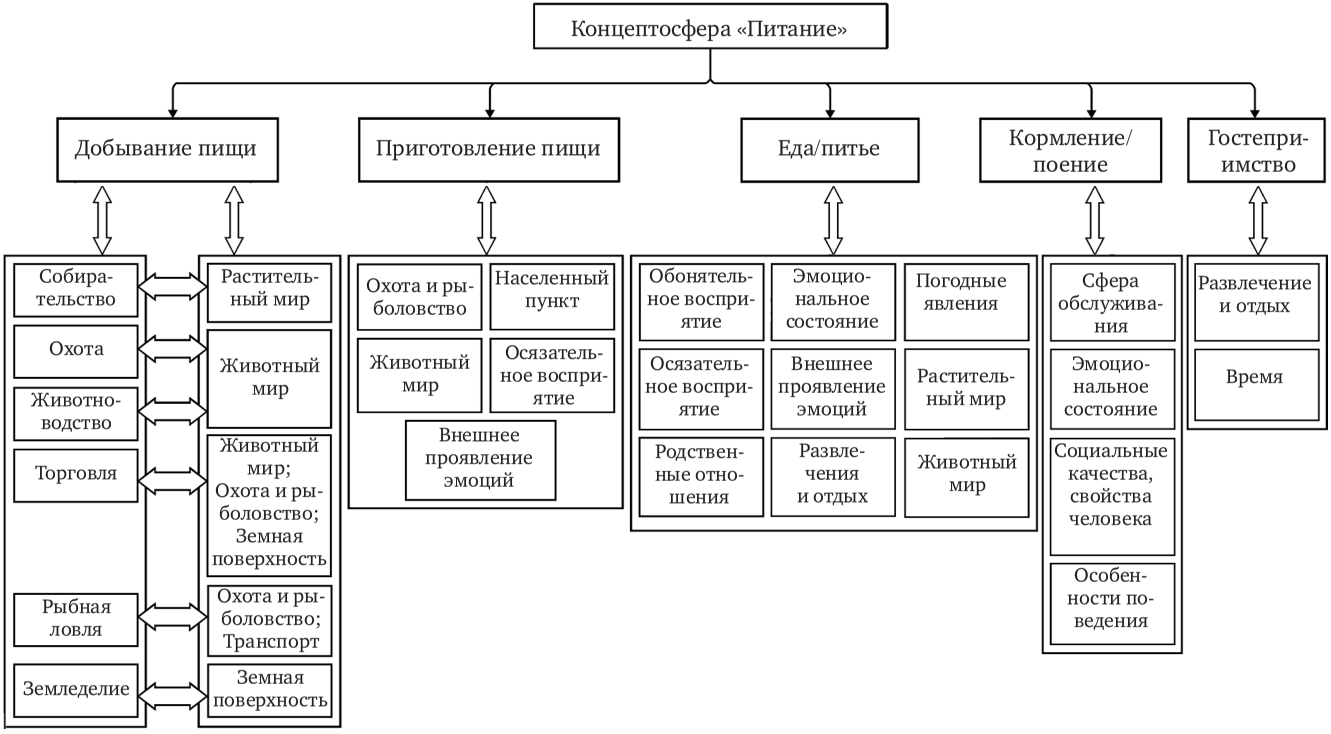


Рис. 15. Взаимодействие микроконцептосфер в составе макроконцептосферы «Питание» с другими когнитивно-идеографическими сферами

торта *со свечами по количеству лет, исполняющихся имениннику* (РОЖДЕНИЕ) [6, с. 76].

В фокусе внимания носителей языка находятся также лексические репрезентации концептов, указывающие на целебные свойства продуктов питания (*Широко известна песенка… «****Пейте, дети, молоко****, будете здоровы»,* ***отражающая веру в целебные свойства коровьего молока*** (КОРОВА) [Там же, с. 132]) и их символическую сущность (*В славянской мифологии* ***яблоко выступало символом плодородия*** (ЯБЛОКО) [Там же, с. 113]; *Ощущения, связанные с запахами, могут символизировать приближение какого-либо события (****мандаринами,*** *хвоей* ***пахнет Новый год; запах куличей ассоциируется с Пасхой)*** (ЗАПАХ) [Там же, с. 893]), в том числе и в религиозной сфере (*…****в Масленицу****… принято печь блины, в Пасху — красить яйца и печь куличи, в Яблочный Спас — освящать яблоки и другие плоды в церкви. <…> Главными праздниками в России считаются Новый год и Рождество… когда ставится елка,* ***накрывается новогодний или рождественский стол с традиционными блюдами*** (ОБЫЧАЙ) [Там же, с. 774]).

В зоне дальнейшей периферии концептов находят отражение реалии советского времени (*В советское время* ***для уборки картофеля*** *сельскохозяйственные предприятия… привлекали городских жителей… Даже если происходил* ***сбор не картофеля, а других культур (свеклы, моркови, капусты),*** *осенние сельскохозяйственные работы все равно назывались «картошкой»* (КАРТОФЕЛЬ (КАРТОШКА)) [Там же, с. 97]), а также современные традиции, связанные не просто со сферой питания, а именно с добыванием пищи как процессом заготовления ее впрок (*Собранные в лесу ягоды и грибы используются в пищу, они заготавливаются впрок в расчете на долгую русскую зиму* (ЛЕС) [Там же, с. 101]), одновременно это является деятельностью, которая помогает восстанавливать силы после работы и утомления (*Любители сбора грибов… отправляются в лес… на поиск съедобных грибов.* ***Собирание грибов, или грибная охота, является популярным видом активного отдыха в России*** (ГРИБ) [Там же, с. 87]).

На концептуальном уровне в зоне дальнейшей периферии концептов важные для русских культурные феномены подвергаются ассоциативному осмыслению через связь с когнитивно-идеографической сферой «Питание» посредством искусства (живописи, литературы) (рис. 16), как, например, в следующих случаях: *В западной живописной традиции* ***осень*** *обычно* ***персонифицируется***

как дама в украшениях из фруктов, овощей, злаков (ОСЕНЬ) [6, с. 991]; ***Скупой человек изображается*** *в фольклоре и художественной литературе* ***как худой*** (СКУПОСТЬ) [Там же, с. 552].

Рис. 16. Когнитивные признаки, отображаемые лексико-фразеологическими репрезентациями, связанными с питанием, в зоне национально-культурных и ассоциативно-образных смыслов концептов

В целом в приядерной зоне, зонах ближайшей и дальнейшей периферии концептов, не относящихся к когнитивно-идеографической области «Питание», проявляются центростремительные силы, отображающиеся в наличии в структуре значений их лексических репрезентаций семантических компонентов, связанных с составляющими когнитивно-пропозициональной структуры общей ситуации еды или питья (субъект еды или питья, объект — пищевой продукт, кушанье или напиток, приспособления и помещения, используемые при приготовлении пищи, цель и т. д.).

Основное пространство выражения центробежных сил, проявляющихся в том, что лексемы сферы «Питание» используются в качестве образных номинаций, служащих лексико-фразеологическими репрезентациями концептов других сфер, это зона дельнейшей периферии концептов, в которой находят отражение ассоциативно-образные смыслы. Проведем описание

основных используемых при этом метафорических моделей с привлечением теории метафорического моделирования [13, с. 131], через, во-первых, определение исходной понятийной области, содержащей неметафорические смыслы компонентов модели, или сферы-источника — в нашем случае это всегда когнитивно-идеографическая область «Питание»; во-вторых, через выявление новой понятийной области, или сферы-мишени, включающей метафорические смыслы; в-третьих, дадим обоснование метафорического переноса, связывающего неметафоричные и метафоричные смыслы.

Проявления внешнепарадигматических связей когнитивно-идеографической сферы «Питание» реализуются в виде следующих метафорических моделей: пищевой продукт → часть небесного пространства: *Метафорически звезды сравниваются с различными мелкими предметами (например, горохом)* (ЗВЕЗДЫ) [6, с. 52], общий когнитивный признак — круглая форма и небольшой размер; кушанье → универсальный смысл, отражающий отрицательно оцениваемые неблагоустроенность, неорганизованность, неправильное расположение, ненадлежащий вид чего-либо: *Беспорядок уподобляется смешению нарезанных овощей (винегрет), густому вязкому кушанью (каша)* (БЕСПОРЯДОК) [Там же, с. 361], общие когнитивные признаки — структура в виде совокупности, соединения разнородных предметов, частей; напиток → осязательное восприятие: *Горячий имеет температуру, которая… близка к температуре кипения воды (кипяток)* (ГОРЯЧИЙ) [Там же, с. 901]; свойство пищевых продуктов и кушаний → универсальные представления: *судьба-вещь обладает физическими характеристиками: она имеет вкус (горькая судьбина)* (СУДЬБА) [Там же, с. 1014–1015], общие когнитивные признаки — способность вызывать сильные негативные эмоции и отрицательная оценка; связанное с едой физиологическое состояние человека → плохое материальное положение как социальное явление: *Бедность часто ассоциируется с отсутствием нормальной сытной пищи (перебиваться с хлеба на квас; сидеть на хлебе и воде)* (БЕДНОСТЬ) [Там же, с. 530], общий когнитивный признак — испытываемое человеком острое ощущение потребности в пище; устройство, используемое для хранения пищи → холодное пространство, помещение: *Место, где очень холодно, уподобляется специальному устройству для охлаждения чего-либо или для хранения скоропортящихся продуктов (холодильник)* (ХОЛОД) [Там же, с. 74], общий когнитивный признак — осязательное восприятие низкой температуры воздуха.

Ниже представлены взаимные отношения между компонентами когнитивно-пропозициональной структуры концептов сферы «Питание» (второй круг), служащих источниками для метафорического переноса в лексических репрезентациях зоны ассоциативно-образных смыслов отдельных концептов (четвертый круг) других когнитивных сфер (третий круг) (рис. 17).

Рис. 17. Компоненты когнитивно-пропозициональной структуры концептов сферы «Питание» в лексических репрезентациях зоны ассоциативно-образных смыслов концептов других когнитивных сфер

Как мы видим, наибольшее количество ассоциативно-образных метафорических связей наблюдается у когнитивно-идеографической сферы «Питание» с когнитивной областью «Эмоции», что проявляется при концептуализации различных эмоциональных состояний человека и осуществляется на основании следующих

метафорических переносов: свойство пищевых продуктов или кушаний переносится на обозначение эмоционального состояния человека (*Для обозначения горя используются образные номинации с семантикой… горького, жгучего вкуса (горькая доля, жгучее горе)* (ГОРЕ) [6, с. 300]; *Грусть характеризуется как нечто, имеющее вкус (горькая — сладкая*) (ГРУСТЬ) [Там же, с. 314]), а также употребляется для характеристики человека, испытывающего эмоциональное состояние: *Человек, испытывающий грусть, его вид образно соотносятся со вкусовыми пищевыми характеристиками (кислый, кислолицый, постный)* (ГРУСТЬ) [Там же, с. 315]; *Скучающий человек и его внешность уподобляются пище, приготовленной без приправ (пресный, постный, остылый)* (СКУКА) [Там же, с. 320], основаниями для переноса в этих случаях выступают способность вызывать негативные эмоции и отрицательная оценка.

О наличии формирующих образные репрезентации центробежных сил свидетельствует также существование следующих метафорических моделей, включающих в качестве сферы-источника понятия когнитивно-идеографической сферы «Питание»:

— связанное с едой и питьем физиологическое состояние → эмоциональное состояние человека: *Состояние скуки уподобляется физиологическому состоянию чрезмерного пищевого пресыщения (разг. приедаться/приесться; сыт по горло чем)* (СКУКА) [Там же, с. 320], основание для переноса — вызываемые данными состояниями негативные эмоции; действия человека в состоянии алкогольного опьянения → характеристика человека по его поведению: *Неотвязный человек… метафорически осмысляется как кто-то, опирающийся на что-либо верхней частью тела (липнуть, как пьяный к плетню)* (СКУКА) [Там же], общий когнитивный признак — вызываемые человеком или его действиями, поведением негативные эмоции;

— физиологическое действие употребления чего-либо в пищу → обусловленное эмоциональным состоянием поведение человека: *Агрессивное поведение людей, доставляющих другим страдания, уподобляется физиологическому действию поедания кого-либо (поедом есть; заедать век (жизнь); заедать чужой век (чужую жизнь))* (СТРАДАНИЕ) [Там же, с. 309], общий когнитивный признак — интенсивность и чрезмерность удовлетворения своих физиологических или эмоциональных потребностей.

В зоне ассоциативно-образных смыслов концептов, кроме центробежных, действуют и центростремительные силы,

реализующиеся в тех в целом немногочисленных случаях, когда различные когнитивные зоны концептов, напрямую связанных с когнитивно-идеографической сферой «Питание», метафорически осмысляются через лексические репрезентации — реалии других когнитивно-идеографических сфер, к примеру, когда действия когнитивно-идеографической сферы «Военная служба» указывают на временной период уборки урожая сельскохозяйственных культур: *Уборка урожая сравнивается с военными действиями:* ***битва за урожай*** (УРОЖАЙ) [6, с. 625]; номинации пищевых продуктов, кушаний и напитков, а также их свойства осмысляются в качестве результата осязательного (*Для живых существ, неживых объектов, температуры воздуха существуют разные представления об их нагретом состоянии…* ***горячая пища (горячее)***; *кипящая или только что вскипевшая вода (****кипяток****)* (ГОРЯЧИЙ) [Там же, с. 902]) и обонятельного восприятия (*Продукты питания, кушанья, напитки могут иметь какой-либо посторонний дополнительный запах, обычно неприятный (****отдавать, припахивать****), а также в результате долгого хранения утратить свежесть, испортиться и издавать запах гнили (****несвежий, залежалый****), напитки могут потерять запах (****выдохнуться****)* (ЗАПАХ) [Там же, с. 894]).

Что касается последней зоны дальнейшей периферии в концептосферах отдельных концептов — зоны модально-оценочных смыслов, было выявлено, что предметы или явления когнитивно-идеографической сферы «Питание», как правило, оцениваются носителями русской лингвокультуры как особо ценные (*Отдыхать можно, только…* ***удовлетворив насущные потребности в пище*** (ОТДЫХ) [Там же, с. 706]; ***Ценность картофеля*** *подчеркивается его сравнением с хлебом.* ***Картофель называют вторым хлебом*** (КАРТОФЕЛЬ (КАРТОШКА) [Там же, с. 97]), но могут получать и отрицательную оценку (*…отдых, связанный с продолжительным застольем, необузданным весельем и обильной выпивкой… признается одной из черт русского человека… и оценивается отрицательно* (ОТДЫХ)) [Там же, с. 707]; *Как неприятный обычно воспринимается… алкогольный перегар* (концепт ЗАПАХ) [Там же, с. 894]), в этом случае такие оценки обычно связаны с состоянием алкогольного опьянения.

Употребление в пищу пищевых продуктов и кушаний воспринимается также с той точки зрения, имеет ли оно благоприятные или неблагоприятные последствия для человека, так, *яблоки оцениваются как очень полезный для здоровья… фрукт*

(ЯБЛОКО) [6, с. 113], а *картофель часто оценивается как не слишком полезная и не способствующая похудению пища* (КАРТОФЕЛЬ (КАРТОШКА)) [6, с. 98].

* * *

Таким образом, при изучении организации лексики «основной для рассмотрения становится проблема связей слов, измерения этих связей в параметрах “близкое — далекое”» [7, с. 11]. Исследование семантических связей, существующих между концептами когнитивно-идеографической сферы «Питание» и концептами других когнитивно-идеографических сфер, позволило сделать следующие выводы:

— В процессе исследования гипотеза о том, что степень близости концептов находится в зависимости от того, в какой зоне концептосферы наблюдается пересечение, то есть формируют ли общие когнитивные признаки концептов их ядерную и приядерную зоны или зоны ближайшей и дальнейшей периферии, нашла свое подтверждение.

— Изучение семантической пересекаемости концептов когнитивно-идеографической сферы «Питание» с другими концептами на основе общих когнитивных признаков показало, что можно установить определенную градацию «величины пересечения» [9, с. 15] путем определения общего семантического содержания, поскольку такая градация как «величина… общего повторяющегося содержания определяет и силу связи» [Там же].

— Семантические расстояния наибольшей степени близости устанавливаются между концептами сферы «Питание» и других когнитивных сфер, лексические репрезентации которых соотносятся в основном с микроситуацией «Добывание пищи» в комплексной концептосфере «Питание», а именно с концептосферой «Сельское хозяйство» — на уровне ключевых концептов УРОЖАЙ, КАРТОФЕЛЬ (КАРТОШКА), ЯБЛОКО и с концептосферой «Собирательство» — на уровне концептов ГРИБ, ЯГОДА, ЯБЛОКО, что обусловлено соотнесенностью составляющих когнитивно-пропозициональной структуры этих концептов с таким ее компонентом, как пищевой продукт.

4. Сильные семантические связи у когнитивно-идеографической сферы «Питание» наблюдаются с ключевыми концептами из концептуальных областей «Охота и рыболовство», «Развлечение и отдых», «Государственная сфера», «Животный мир», «Социальная

деятельность», «Обонятельное восприятие», «Родственные отношения», «Процесс жизненного существования человека», «Сфера обслуживания», «Населенный пункт», «Экономика», «Сельское хозяйство», а значит, в этом случае проявляют себя и ближайшие семантические расстояния между соответствующими концептами.

— Наибольшую степень пересечения с концептами других когнитивно-идеографических сфер в зоне ближайшей периферии соотносящихся концептов демонстрируют такие микроконцептосферы общей ситуации питания, как «Процесс еды или питья» и «Приготовление пищи», которые пересекаются с концептами ряда других когнитивно-идеографических сфер.

— Дальнее перекрещивание концептов отражается в репрезентируемых ими ассоциативно-образных смыслах, касающихся, например, символической сущности продуктов питания, обозначения национальных русских кушаний и связанных с ними народных примет, ритуалов и обычаев, культурных феноменов советского времени и современных традиций, которые можно обобщить как проявления внешнепарадигматических связей, реализующихся на основе действия центробежных сил в том случае, когда реалии сферы «Питание» становятся важными лексическими репрезентациями концептов других когнитивно-идеографических сфер.

— В зоне дальнейшей периферии концептов, к которой относятся когнитивные признаки, отражающие ассоциативно-образные смыслы, ярко проявляются центробежные силы, детерминирующие метафорическое осмысление лексем сферы «Питание» при формировании структуры других концептов. Определено, что метафоризации, в результате которой возникают лексико-фразеологические и паремиологические репрезентации других концептов, подвергаются пищевые продукты, кушанья, напитки, их части и свойства, связанное с едой физиологическое состояние человека, а также устройства, используемые для хранения пищи.

— В приядерной зоне концептов основанием для пересечения являются общие когнитивные признаки, в зоне ближайшей периферии на первый план в этом отношении выходят компоненты когнитивно-пропозициональной структуры ситуации питания (субъект, объект, предприятие общественного питания и т. п.), а в зоне дальнейшей периферии к общим когнитивным признакам в качестве оснований для метафорического переноса

и формирования ассоциативно-образных и модально-оценочных смыслов присоединяются фоновые знания в сознании носителей языка.

---

1. *Бабенко Л. Г.* Репрезентация как ключевое понятие когнитивной лингвистики: динамика осмысления термина в современном научном дискурсе (на материале лексикографических данных) // Когнитивные исследования языка. 2023. №. 4. С. 35–39.

2. *Бабенко Л. Г.* Когнитивно-дикурсивные множества как комплексные парадигмы языковых и речевых единиц в аспекте категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3. С. 30–35.

3. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976. 354 с.

4. *Бабенко Л. Г.* Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций // Научный диалог. 2020. № 9. С. 9–47.

5. *Бабенко Л. Г.* Пространственное моделирование лингвистической семантики в структуре идеографических словарей // Когнитивные исследования языка. 2023. № 5 (56). С. 263–269.

6. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : словарь / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2017. 1020 с.

7. *Бабенко Л. Г.* От редактора. Изучение лексики в пространственном измерении (вместо введения) // Русская глагольная лексика: денотативное пространство : монография / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1999. С. 7–21.

8. *Кубрякова Е. С.* Концепт // Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков и др. ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. С. 89–93.

9. *Новиков А. И., Ярославцева Е. И.* Семантические расстояния в языке и тексте. М., 1990. 136 с.

10. *Мухина И. К.* Соотношение базовых когнитивных признаков концептов сферы «Питание» (на материале словаря ключевых концептов русского языка) // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва — Магнитогорск — Новосибирск. Июль — Август — Сентябрь. 2014. № 3 (45). С. 205–207.

11. *Бабенко Л. Г.* Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : словарь / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2017. С. 11–21.

12. *Миронова И. К.* Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозициональные структуры и их лексические репрезентации : автореф. … дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 20 с.

13. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие. М., 2012. 256 с.

2.5. Дискурсивный словарь-справочник терминов когнитивистики по данным российских медиаисточников[1]

В 2022 г. научно-учебной группой, проводившей исследование в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”» [1], был создан корпус научных источников [2], на основе которого был составлен и издан «Проектный словарь-справочник когнитивных терминов» [3]. Тогда же на перспективу была поставлена задача рассмотрения функционирования когнитивных терминов не только в профессиональном научном дискурсе, но и в междискурсивном аспекте на примере «чужого» медийного дискурса, и осознана необходимость разработки соответствующего словаря, чему и посвящен описываемый проект.

СМИ являются участниками процесса трансфера профессионально-научного знания в общественную среду, при этом активно взаимодействуют научный и медийный дискурсы. Одним из результатов этого взаимодействия является включение терминологического аппарата когнитивистики в массмедийный дискурс. Ключевые понятия когнитивистики важны для всех членов социума, осваивающих содержание термина не по словарю, а по текстам публичных дискурсов. Зачастую медийные толкования когнитивных терминов отличаются от их профессиональной интерпретации, что может способствовать формированию некорректного представления об их содержании в сознании читателей. В процессе реализации названного проекта исследуются включение научного терминологического аппарата в массмедийный дискурс, результаты семантической и прагматической трансформации терминов, отличия медийных толкований когнитивных терминов от их профессиональной интерпретации и проблема лексикографического представления этих отличий.

Терминологических словарей дискурсивного типа в отечественной лексикографической практике недостаточно, в то время как медиаречь и язык медиа как предмет описания и источник материала для лексикографических и грамматических изданий

[1] Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект 26-00-025 «Термины когнитивистики по данным российских СМИ XXI века: дискурсивный словарь-справочник») в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)”».

представляют собой актуальный современный объект наблюдения. В отечественной лексикографии наблюдается интерес к данной проблеме, о чем свидетельствуют разрабатываемые в научной среде идеи и проекты словарей, которые представляют функционирование лексем, в том числе терминов, в медиадискурсе. Это, в частности, проект СПбГУ *DataSlov*, содержащий ключевые слова, соответствующие значимым событиям общественной жизни России [4], ассоциативный словарь медиадискурса, где в качестве стимулов выступают, например, медицинские термины [5]; О. Н. Кондратьева и Ю. С. Игнатова (Кемеровский государственный университет) активно разрабатывают идею словаря юридических терминов в медиадискурсе [6]; рядом специалистов изучаются процессы медиатизации политической терминологии [7; 8 и др.].

Лексикографической интерпретации когнитивной терминологии, функционирующей в медиадискурсе, ранее не проводилось, однако, поскольку массмедиа активно ее используют, зачастую существенно видоизменяя ее содержание, разработка подобного издания представляется одной из первостепенных задач современной лингвистики.

Проект посвящен исследованию происходящих под влиянием массмедиа семантических и прагматических трансформаций терминов, а также проблеме их лексикографической интерпретации. Основной гипотезой исследования является следующая: лексикографическая интерпретация когнитивной терминологии, функционирующей в медиадискурсе, позволит зафиксировать те семантические и прагматические трансформации, которые приобрели статус узуальных. Кроме того, необходимо подтвердить частные гипотезы, а именно:

— Новый дискурс предполагает следующие семантические трансформации: детерминологизация, развитие оценочных компонентов значения, переосмысление, переход значений, формирование диффузно-размытой семантики, сужение или расширение значения, приращение смысла, развитие противоположных значений.

— Для некоторых терминов наблюдается тенденция к сохранению терминологического значения.

Актуальность исследовательской проблемы связана с изучением активных коммуникативных процессов, приводящих к изменениям в языке. Эти процессы продуктивно отражаются в языке массмедиа. Современная эпоха характеризуется возрастанием

влияния медиа на общественную жизнь, что позволяет говорить в том числе и о медиатизации языка и терминологии как его подсистемы. В результате коммуникативно-когнитивной деятельности в медийном пространстве меняется семантическая структура термина. Представленные в массмедиа семантико-прагматические трансформации (семантические сдвиги) терминов отражают онтологическую способность языка к изменению. Некоторые изменения стали узуальными, но не зафиксированы в лексикографических источниках. Таким образом, значимость исследования обусловлена следующими факторами:

1) необходимость изучения терминов в рамках когнитивно-дискурсивного подхода как единиц знания, сознания и коммуникации;

2) активизация процесса медиатизации терминосистем, в том числе терминосистемы когнитивистики, которая приобрела общенаучный статус и в некоторых случаях даже утратила свою терминологичность;

3) динамичное развитие дискурсивной лексикографии, фиксирующей не нормативное, а реальное употребление языковых единиц и отражающей специфику функционирования терминов в не свойственных для них дискурсах.

Как указывает Е. И. Голованова, «эвристическая ценность когнитивных терминов состоит в установлении связей между понятиями естественных и гуманитарных наук, смежных и удаленных друг от друга отраслей знания, в их систематизации, уточнении границ познанного… Систематизирующая функция — главная в ряду эвристических функций термина… <…> …Эвристический ресурс понятия на языковом уровне соотносится с деривационным и сочетаемостным потенциалом соответствующих терминов» [9, с. 21–22]. При этом термин изучается не как статическая единица, а с позиций его функционирования в дискурсе: каждый тип дискурса накладывает свои ограничения на форму и содержание языковых знаков, которые в нем взаимодействуют [Там же, с. 19]. Методологически важным при этом является замечание Д. Е. Галковского, утверждающего, что термин «исследует язык, но не разрушает его» [цит. по: 10, с. 95].

Авторы проекта руководствуются еще и конкретной методической задачей создания вспомогательного пособия к учебным вузовским дисциплинам «Когнитивная лингвистика», «Функциональная и когнитивная лингвистика», «Теория языка», «Медиалингвистика», «Дискурсивный анализ разных сфер коммуникации»,

«Семантика» и др. Для учебных и научных целей будет полезен дискурсивный словарь терминов когнитивной лингвистики, отражающий современное функционирование терминологического аппарата когнитивистики в медийной коммуникации.

Назрела также необходимость развития корпусных технологий и создания новых лингвистических корпусов, материал которых отражает современную речевую практику и состояние языка, а именно корпуса современных медийных текстов, включающих элементы специального дискурса (в частности, когнитивные термины). Существующие русскоязычные медийные корпуса (газетный подкорпус НКРЯ, сервис *Taiga* и др.) не в полной мере отражают активный процесс медиатизации: не включают тексты за последние несколько лет (например, газетный подкорпус НКРЯ содержит тексты до 2021 г.), состоят в основном из текстов общественно-политических газет, имеющих широкую аудиторию, без учета научно-популярных, социальных, образовательных, отраслевых медиа (например, блогов на психологическую тематику). Создаваемый корпус будет специализированным, то есть фиксирующим не медийный дискурс в целом, а конкретный процесс включения элементов специального дискурса в медийные тексты.

Сфера употребления термина иллюстрируется в словаре примерами из массмедийного дискурса. Терминосистема когнитивистики будет представлена по данным, собранным и обработанным при помощи технологий корпусной и компьютерной лингвистики (парсинга электронных ресурсов научных библиотек; сплошного поиска ключевых слов и сортировки материала в соответствии различными мерами ассоциативности — *T-score*, *Z-score*, *loglikelihood*; автоматической морфологической разметки с помощью стандарта *Universal Dependencies*), тем самым проект решает задачу развития корпусных технологий и создания новых лингвистических корпусов, материал которых отражает современную речевую практику и состояние языка.

Еще на этапе создания корпуса был составлен список медиа, отвечающих таким параметрам, как значимость в медийном пространстве и тематико-стилистические особенности. Изучены данные медиааналитики информационных ресурсов «Медиалогия» и *TGStat*. Отобраны СМИ и социальные медиа, занимающие высокие позиции в рейтингах по цитируемости и охвату аудитории, в которых употребляются когнитивные термины.

При анализе семантических преобразований лексемы и определении ее семантических связей используются также данные

словарных источников — словарей когнитивных терминов [3], лингвистических терминов [11], толковых словарей [12; 13], словарей иностранных слов [7; 14; 15], словаря синонимов [16].

На основе медийных источников членами научной группы был составлен словник когнитивных терминов для будущего словаря:

> Антропоцентризм, гештальт, идеологема, импликация, инференция, искусственный интеллект, картина мира, категоризация, категория, когнитивизм, когнитивная лингвистика, когнитивная метафора, когнитивный, когнитология, когниция, концепт, концептосфера, концептуализация, концептуальная система, концептуальная структура, концептуальный, концептуальный анализ, матрица, менталитет, ментальность, ментальные структуры, ментальный, метафора, мифологема, нарратив, пропозиция, прототип, репрезентация, референция, скрипт, стереотип, схема, сценарий, тезаурус, формат знания, фрейм, языковая картина мира, языковая личность.

Схема описания термина в словарной статье выглядит следующим образом:

1. Когнитивная интерпретация.
2. Медийная интерпретация.
3. Метаданные (медиаисточники примеров, частота употребления — IPM в газетном подкорпусе НКРЯ, IPM в собранном корпусе).
4. Значения. Контексты употребления.
5. Коммуникативно-тематические сферы употребления.
6. Коллокаты, мера ассоциативности (в газетном подкорпусе НКРЯ, в собранном корпусе).
7. N-граммы: левый/правый контексты (в газетном подкорпусе НКРЯ, в собранном корпусе).
8. Пропозициональные структуры употребления.
9. Метонимические замены. Контексты.
10. Метафоризация. Контексты.
11. Другие виды переноса значений. Контексты.
12. Синонимия. Контексты.
13. Квазисинонимия (гипонимы, гиперонимы, конкретизация, спецификация). Контексты.
14. Способы ввода/объяснения содержания термина. Контексты.

Представим прототипы будущих словарных статей для терминов *гештальт и фрейм*.

ГЕШТАЛЬТ

▪ **Когнитивная интерпретация термина**

(От нем. Gestalt — целостная форма, образ, структура) — целостный образ, целостная структура, формирующаяся в сознании человека при восприятии объектов, при представлении о них (Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина. М. : Рус. яз., 1998).

▪ **Медийная интерпретация термина**

В медиа термин функционирует в профессиональном психотерапевтическом дискурсе (*гештальт-терапия, гештальт-институт*) и непрофессиональном психологическом, где приобретает значение ‘незавершенное переживание’ (*незакрытый гештальт, закрыть гештальт*).

▪ **Метаданные (частота употребления)**

НКРЯ Газетный — 49 контекстов, IPM = 0,06, НКРЯ Социальные сети — 473 контекста, IPM = 2,85. КТМ (корпус собранных при выполнении проекта контекстов употребления когнитивных терминов в медиа) — 502 контекста, IPM = 648,6.

▪ **Значения. Контексты употребления**

1) Подход в психологии и психотерапии: *гештальт-терапия, гештальт-институт, гештальт-подход, гештальт-психология; А еще забрала свой сертификат по* ***гештальту*** [НКРЯ Газетный // Амосова Анастасия. Путь сердца. 09.2024].

2) Незавершённое дело/переживание: *«Цикл опыта» помогает найти и закрыть* ***гештальт*** [КТМ // VC.ru. 13.06.2023], *Wildberries, боль и закрытый аналитический* ***гештальт*** [КТМ // VC.ru. 03.08.2022]. Словосочетание употребляется в медиатекстах бытовой тематики, где *закрыть гештальт* приобретает значение ‘исполнить мечту’ или ‘осуществить желание’: *еще наконец-то закрыла свой* ***гештальт*** *в виде «хочу много масочек для лица»* [НКРЯ Газетный // Элис Корнякова. Спорт. 2022]; *С удовольствием закрыла очередной* ***гештальт*** *— заценила летнее пристанище Маннов и Будденброков* [НКРЯ Социальные сети // vk.com. 20.03.2016].

▪ **Коммуникативно-тематические сферы употребления**

Термин употребляется в текстах, посвященных психотерапии и психологическому консультированию, а также в медиатекстах бытовой тематики, в социальных медиа — в рассказах о личном опыте. Коммуникативно-тематические сферы употребления: психология, бизнес, маркетинг, рассказы о личном опыте.

▪ **Дистрибуция/коллокаты**

НКРЯ — коллокаты: *незакрытый* (8.346), *закрывающий* (7.359), *закрыт* (7.359), *центра* (10.407), *института* (7.359), *терапия* (7.359), *терапией* (7.359), *незавершенный* (7.359), *психотерапевта* (7.359), *открытый* (7.359), *литературный* (7.359).

НКРЯ — N-граммы: *гештальт-институт* (2), *незакрытый гештальт* (2), *гештальт центра* (2), *гештальт-консалтинг* (2),

гештальт-подход (1), *гештальт прошлого* (1), *гештальт-психолог* (1), *гештальт-психология* (1).

КТМ — коллокаты: *незавершенный* (9.682), *незакрытый* (8.682), *закрыл* (8.682), *открываемый* (8.682), *достались* (8.097), *закрытый* (7.834), *терапевта* (7.789), *закрыть* (8.403), *закрывать* (6.834), *завершить* (6.834), *появились* (6.180), *институт* (6.682), *терапии* (5.520), *терапия* (5.212), *гештальта* (5.824), *самостоятельно* (5.539), *специалист* (4.612), *техники* (5.512).

КТМ — N-граммы: *закрыть гештальт* (84), *гештальт это* (20), *гештальт-терапии* (19), *незакрытые гештальты* (15), *незакрытый гештальт* (14), *незавершенные гештальты* (13), *незакрытым гештальтом* (13), *незавершенных гештальтов* (8), *незакрытого гештальта* (8), *незакрытых гештальтов* (8), *гештальт-терапия* (10), *гештальт-терапевт* (7), *гештальты встречаются* (4), *гештальт-институт* (3).

- **Пропозициональные структуры употребления**
  - Термин функционирует преимущественно в позиции прямого дополнения при глаголах с семантикой завершения: *закрыть гештальт, завершить гештальт, закрывать гештальт: Реклама в TelegramAds: дешевый способ **закрыть гештальт** для тех, кто опоздал* [КТМ // VC.ru. 15.02.2024]; *«Цикл опыта» помогает найти и **закрыть гештальт*** [КТМ // VC.ru. 13.06.2023].
  - Используется как экспириенцер при глаголе *появляться*: *Это причина, по которой потребность остаётся неудовлетворённой, и появляется незакрытый **гештальт*** [КТМ // VC.ru. 12.04.2024].
  - В дискурсе психотерапии употребляется в составе атрибутивных сочетаний: *гештальт-терапия, гештальт-подход, гештальт-институт*.
- **Метонимические замены**

Метонимический перенос с обозначения когнитивного механизма на его эмоциональный результат: *гештальт* ‘целостная перцептивная структура’ → ‘незавершенное дело или переживание’ [КТМ, Газетный подкорпус НКРЯ].

- **Метафоризация**
  - Структурная метафора: *закрыть гештальт*.

Метафора ‘нереализованная потребность’: *Каждый год я об этом думала и в этом году решила наконец закрыть этот **гештальт*** [КТМ // VC.ru. 23.03.2025].

- **Синонимия. Антонимия (оппозиция)**

Синоним: *незаконченная ситуация*: *Жизнь является бесконечным рядом **незаконченных ситуаций**, т. н. неполных **гештальтов*** [КТМ // VC.ru. 12.04.2024].

Сочетание *закрыть/закрытый гештальт* приобретает контекстуальные позитивно-оценочные синонимы *воплотить мечту, утолить разочарование*: *Но, чтобы **закрыть** этот **гештальт** или*

воплотить *свою* ***мечту****, вам нужно построить Звездный Мост* [НКРЯ Социальные сети // vk.com. 02.06.2016]; *Но сейчас случайное нажатие клавиш в моем кармане решило* ***закрыть*** *этот мой* ***гештальт*** *и* ***утолить разочарование*** [НКРЯ Социальные сети // vk.com. 11.03.2016].

▪ **Квазисинонимия (гипонимы, гиперонимы, конкретизация, спецификация)**

Гипероним *психологическая теория*: *Для практики будущему специалисту необходимо изучить хотя бы одну из основных* ***психологических теорий*** *(гипноз,* ***гештальт****, экзистенциализм),для усвоения которой уходит от 2 до 8 лет* [НКРЯ Газетный // Труд-7. 03.03.2010].

Спецификация: *Закрываем* ***PR-гештальты*** *российского ИТ на РИФ* [КТМ // VC.ru. 02.06.2023]; *Пройдет лет сто, и историки будут гадать: то ли знамена в нашей стране были цвета пиджаков, то ли пиджаки — цвета знамен, то ли все это рок-н-ролл и* ***русско-сибирский гештальт*** [НКРЯ Газетный // Комсомольская правда. 29.08.2005]; *незакрытый* ***литературный гештальт*** *прошлого сезона*. [НКРЯ Газетный // Новая газета. 30.05.2018]; *И никакая косметика не скроет национальный характер, который находит свое выражение на голубом экране, ибо в простодушном ситкоме или рекламном ролике проявляются* ***гештальт нации****, ее этикет, неписаные законы и этические нормы* [НКРЯ Газетный // Новая газета. 03.08.2018].

▪ **Способы ввода/объяснения содержания термина**

• дефиниция: *Таким образом,* ***гештальт*** *— это любой цельный образ, который составлен из разделенных частей* [КТМ // VC.ru. 22.12.2023];

• перифраз: *Жизнь является бесконечным рядом незаконченных ситуаций, т. н. неполных* ***гештальтов*** [КТМ // VC.ru. 12.04.2024].

ФРЕЙМ

▪ **Когнитивная интерпретация термина**

Структура данных для представления стереотипных ситуаций, особенно при организации больших объемов памяти. Понятию Ф. соответствуют такие понятия, как «схема» в когнитивной психологии (Barlett, 1932; Minsky, 1980), «ассоциативные связи» (Bower, 1972), «семантическое поле». Сцены ассоциированы с определенными языковыми Ф. [Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. ф-т МГУ, 1996. С. 187].

Для термина свойственна междисциплинарная полисемия: в компьютерных науках *фрейм* интерпретируется как «структуры данных, включающие в себя лингвистические переменные» [Лысых В. В., Мочалкин И. А., Назаренко А. Р., Зайцева Т. В. Создание экспертной системы на базе экспертной оболочки ESWIN // Теория и практика современной науки. 2024. № 5 (107). С. 103], «фрейм в языке HTML,

веб-дизайне: область окна браузера для представления отдельной веб-страницы» [Гатауллин Т. М., Малыхин В. И., Гончаров Л. Л. Знания, их количество, операции над ними // Вестник ГУУ. 2015. № 11]. Термин в когнитивных и компьютерных науках имеет общую этимологию (от англ. *frame*) и вводится со ссылкой на концепцию М. Минского.

▪ **Медийная интерпретация термина**

В медиа *фрейм* используется в близких к когнитивным значениях ‘интерпретационная рамка’ и ‘схема поведения’, но теряет терминологическую точность. В медиа отражена междисциплинарная полисемия: лексема *фрейм* используется и как термин ИТ-технологий.

▪ **Метаданные (частота употребления)**

НКРЯ Газетный — 178 контекстов, IPM = 0,22; НКРЯ Социальные сети — 124 контекста, IPM = 0,75.

КТМ — 110 контекстов, IPM = 138,06.

▪ **Значения. Контексты употребления**

1) Интерпретационная рамка, способ подачи информации: *фрейм власти, фрейм оппонента; Наше сознание состоит из набора* ***фреймов*** *(англ. frame — рамка), рамочных представлений… выловить в мутной воде общественного сознания какие-то* ***фреймы****, которые обеспечат устойчивость власти* [НКРЯ Газетный // NEWS.ru. 30.07.2019]; *поведенческая психология, mindfulness-подход и теория реляционных* ***фреймов*** *(RFT), объясняющая, как язык влияет на мысли и поведение* [КТМ // Psychologies. 04.2026].

2) Схема, шаблон поведения: *Это так называемые «****фреймы****» (рамки), и если человек в них попадает, он начинает вести себя соответственно этим рамкам, играть определенную роль* [НКРЯ Социальные сети // sforza_mcintosh. liveinternet.ru sforza_mcintosh. 2013].

3) Структура представления информации в веб-технологиях: *Это могут быть и* ***фреймы*** *(одна интернет-страница встраивается во фрагмент другой страницы), перезагрузка дважды одной страницы* [НКРЯ Газетный // Новая газета. 02.06.2017].

4) Рамочное представление визуальной информации: *По сути, это рамка,* ***фрейм****, отделяющая одну сценку в комиксе от другой* [НКРЯ Газетный // Лента.ru. 10.02.2017].

▪ **Коммуникативно-тематические сферы употребления**

Лексема употребляется в текстах о политике, культуре, ИТ-технологиях.

▪ **Дистрибуция/коллокаты**

КТМ — коллокаты: *заливаем* (11.606), *дата* (8.173), *новизны* (10.606), *временной* (9.606), *miro* (9.284), *блоки* (8.436), *волны* (7.436), *создаем* (7.606), *сообществе* (7.798), *объект* (7.021), *фактор* (6.962).

КТМ — N-граммы: *фрейм данных* (3), *фрейм новизны* (2), *фрейм волны* (2).

▪ **Пропозициональные структуры употребления**

В позиции пациенса с предикатами семантики ‘установления и управления’: *установить фрейм, подрывать фрейм, регулировать фрейм,*

задать фрейм [Подкорпус социальных сетей НКРЯ]: *Еще один* ***фрейм, выявляемый*** *коллострукционным анализом в каузативной конструкции…* [НКРЯ Социальные сети // vk.com. 22.04.2015].

В позиции инструмента с глаголом *ограничить*: *Значит ли это, что я* ***ограничена*** *рутинным* ***фреймом*** *собственной потребительской истории и он не дает мне осуществить мечту?* [НКРЯ Социальные сети //vk.com. 05.11.2014].

Конструкции с посессивными определениями: *фрейм власти, фрейм оппонента* — указание на принадлежность интерпретационной рамки субъекту: *Как изменить ситуацию? Заявить более сильный* ***фрейм****. Ваш контр****фрейм*** *—* ***Фрейм*** *оппонента.* ***Фрейм****, подрывающий власть —* ***Фрейм*** *власти.* ***Фрейм*** *ограничения во времени —* ***Фрейм*** *времени.* ***Фрейм****-интрига —* ***Фрейм*** *аналитика. В нашей ситуации оппонент сразу занял позицию* ***фрейма*** *власти (что происходит в подавляющем большинстве питчей)* [НКРЯ Социальные сети // vk.com. 27.03.2016].

▪ **Метафоризация**

• Структурная метафора (*фрейм* как конструкция): *подрывать фрейм, сломать фрейм.*

Сема ‘конструкция’: ***Подрываем фрейм власти.*** *На одной презентации Клаффа его оппонент продемонстрировал откровенную скуку: начал рисовать прямо на резюме проекта… Бывает не так просто переубедить оппонента на уровне аргументации,* ***сломать фрейм*** *аналитика* [НКРЯ Социальные сети // vk.com. 27.03.2016].

▪ **Синонимия. Антонимия (оппозиция)**

Синонимы: *привычка, представление*: *Почему мы не относимся к себе с сочувствием и заботой? У многих из нас нет этого* ***фрейма*** *— относиться к себе с сочувствием: не у кого было этому учиться, не сложилось* ***привычки*** [КТМ // Psychologies. 19.12.2021]; *Ну, скажем,* ***фрейм*** *прогресса* ***— представление*** *о том, что будущее должно быть лучше прошлого, что жизнь должна улучшаться* [НКРЯ Газетный // NEWSru.com. 30.07.2019].

Оппозиция *непонятное действие, вдохновение, инсайты*: *Другими словами, чтобы осознать, а затем принять или, наоборот, протестовать, необходимо свести* ***непонятное действие к знакомому фрейму*** [НКРЯ Газетный // Лента.ru. 05.12.2015]; *В креативе не может быть линейного производства и важно уметь находить авторские подходы. Потому что* ***вдохновение, инсайты*** *и создание трендов плохо вписываются в классические* ***фреймы*** [КТМ // Собака.ру. 14.04.2026].

▪ **Квазисинонимия (гипонимы, гиперонимы, конкретизация, спецификация)**

Спецификация: *фрейм власти, фрейм оппонента, фрейм ограничения, фрейм новизны, контрфрейм, временной фрейм, коммуникационный фрейм* [Подкорпус социальных сетей НКРЯ]. *В исследовании «Sounds novel or familiar? Entrepreneurs' framing strategy in the venture capital market» описывается* ***коммуникационный фрейм*** *«новизны»*

и «узнавания», который используют предприниматели, чтобы привлечь внимание инвесторов к тем или иным аспектам своего продукта и его перспектив [КТМ // VC.ru. 11.12.2023].

- **Способы ввода/объяснения содержания термина**
  - дефиниция: *Фрейм — это способ интерпретации и организации информации, который влияет на наше восприятие и поведение* [КТМ // VC.ru. 29.10.2023];
  - этимология, метафора: ***Фрейм** в переводе с английского — рамка, то есть, по сути, тоже окно. Так что идея Джозефа Овертона в определенном смысле вторичная* [КТМ // Аргументы и факты. 23.02.2025];
  - метаязыковая рефлексия: *У социальных ученых есть дурная привычка: они вцепятся в какое-нибудь слово и начинают его постоянно использовать без разбору. В последние десятилетия такая неприятная судьба постигла слово «**фрейм**». Его исследуют кто угодно — от этологов до программистов. Более того, людям, которым это одно и то же слово, кажется интуитивно, что они должны иметь в виду одну и ту же вещь, они хотят записать друг друга в союзники, а когда обнаруживают, что это сложно, потому что слово-то используется в разных смыслах, превращаются в непримиримых соперников* [КТМ // Постнаука. 17.06.2015].

* * *

Таким образом, даже первичный анализ медийных источников в сравнении с данными научного дискурса позволяет предположить, что в результате коммуникативно-когнитивной деятельности меняется семантическая структура термина. Это в первую очередь связано с формированием дискурсивных значений, определяющихся контекстом, что и должно быть отражено в новом справочнике. Разработанная методика в перспективе будет использована и для анализа других сфер медиакоммуникации: планируется проектное исследование ключевых слов социально ориентированных дискурсивных сфер по данным интернет-медиа (IT-сферы, образования, социальных практик гражданского активизма и др.).

---

1. Проект учебного словаря-справочника терминов когнитивной лингвистики / НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде : [сайт]. URL: https://nnov.hse.ru/human/linguistics/slovar/seminar (дата обращения: 02.02.2025).

2. Специализированный корпус научных источников : [сайт]. URL: https://github.com/KhomenkoAnna/voc/tree/main (дата обращения: 11.05.2026).

3. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов : учеб. пособие / Т. В. Романова, О. Н. Колчина и др. ; под общ. ред. Т. В. Романовой. Ниж. Новгород, 2022. 216 с.

4. Медиасловарь ключевых слов текущего момента / Лаборатория ключевых слов текущего момента, Ин-т Высш. шк. журналистики и медиакоммуникаций СПбГУ // DataSlov : [сайт]. URL: https://dataslov.ru/nauchno-metodicheskij-seminar-yazyk-v-dejstvii-klyuchevye-slova-tekushhego-momenta (дата обращения: 11.04.2026).

5. *Дударева Я. А., Шпильная Н. Н., Москвитина Т. В.* Ассоциативный словарь медиасобытий начала XXI века: концепция лексикографического издания нового типа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020 № 22 (4). С. 1069–1076.

6. *Игнатова Ю. С.* Лексикографическая интерпретация юридической терминологии, функционирующей в российском медиадискурсе : автореф. дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2024. 24 с.

7. *Кондратьева О. Н.* Словарь политических терминов в СМИ как новый лексикографический продукт // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6 (44) С. 38–47.

8. *Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г.* Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 65–77.

9. *Голованова Е. И.* Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. 4-е изд., стер. М., 2024. 224 с.

10. *Колесов В. В.* Основы концептологии. СПб., 2019. 776 с.

11. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань, 2010. 485 с.

12. Большой толковый словарь русского языка : авторская редакция / под ред. С. А. Кузнецова. [СПб.], 2000. 1536 с.

13. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : Азбуковник, 1999. 939 с.

14. *Епишкин Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., 2010. 5140 с.

15. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. А. Н. Чудинов. СПб., 1894. 502 с.

16. Словарь синонимов / сост. В. Н. Тришин. 2013 // Наука. Искусство. Величие : [сайт]. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm (дата обращения: 16.08.2024).

2.6. Идеографический подход к анализу материала сводного авторского словаря: названия растений в языке поэзии Серебряного века

«Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП) — словарь-тезаурус языка поэзии конкретной эпохи (Серебряного века в широком понимании) [1], определяемый как «конкорданс комментирующего типа», или «объяснительный конкорданс» [2]. Словарь носит сводный характер — описывает поэтический язык десяти авторов: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой.

В СЯРП получили развитие идеи В. П. Григорьева, который специально отмечал важность изучения поэтического языка для всестороннего описания общенационального языка в его динамике [3; 4]. Многотомный лексикографический проект принципиально включает всю лексику (в том числе служебные слова, имена собственные, иноязычные вкрапления) по выбранным источникам (см. подробнее: [5]). Более полное представление о языке эпохи дает сопоставление материала словаря и данных НКРЯ [6], прежде всего поэтического корпуса в его составе (ПК НКРЯ). Можно напомнить, что СЯРП публикуется начиная с 2001 г., и после того, как в 2008 г. был открыт ПК НКРЯ, появилась возможность интегрирования лексикографического и корпусного подходов в исследовательской работе.

С одной стороны, выбранный авторским коллективом принцип исчерпывающей полноты описания лексики поэтического языка во многом близок корпусному подходу и дает широкую исследовательскую перспективу. С другой, и для читательского восприятия, и для тематических исследований полезна возможность избирательного ограничения массива данных, что также соотносится с корпусной методикой.

Масштабы «большого» словаря, где отдельные словарные статьи (на ключевые для языка поэзии лексемы или, напротив, на предлоги и союзы) могут занимать десятки страниц, а слова одной тематической, лексико-семантической и других групп рассредоточены по разным томам, создают определенные трудности для читателя и исследователя.

В процессе работы над многотомным проектом параллельно составлялись так называемые «малые» словари. Работа над ними позволяла решать частные исследовательские задачи, а также обеспечивала предварительную более глубокую разработку отдельных групп лексики на всем материале: по мере составления очередных томов группы статей на соответствующие алфавитные отрезки после необходимой доработки включались в «большой» словарь. Кроме того, на опыте создания «малых» словарей тестировались возможности преобразования СЯРП в цифровую форму, см. электронные словари: «Словарь новых слов», «Словарь редких слов», «Словарь имен собственных», «Словарь поэтических цитат» [7]. Сейчас, когда основной проект близится к завершению (опубликованы девять томов, идет работа над заключительным десятым томом), проблема его цифровизации становится особенно актуальной. Как представляется, именно электронная форма могла бы дать возможность читателю и исследователю структурировать материал, работать с отдельными выборками, осуществлять поиск по заданным параметрам [8]. Но и другие форматы аспектных словарей кажутся полезными, ср. словарь «Собственное имя в русской поэзии XX века: словарь личных имен» [9]. В настоящее время авторский коллектив рассматривает возможности создания новых «малых» словарей, в том числе с использованием идеографических методов. Так, в формате «малого» словаря можно было бы объединить личные местоимения [10], числительные [11], дискурсивные слова и пр.

Остановимся на проекте «Словарь названий растений», нацеленном на описание единиц одной тематической группы — группы фитонимов. Эта группа сравнительно компактна и обозрима, что делает ее привлекательной для изучения. В то же время значимость растительной лексики в языковой картине мира трудно переоценить, ср. соответствующий раздел в РСС [12]. Показательно, что в новаторском лексикографическом труде в ряду тематических групп существительных одним из первых стоит раздел «РАСТЕНИЯ И ГРИБЫ» [13, с. 81–102]. Следует отметить, что работы Л. Г. Бабенко и ее коллег оказали существенное влияние на концепцию системы «малых словарей», составляемых на основе СЯРП (в частности, [14] и др.).

Научных публикаций, посвященных отдельным лексемам, частным случаям их лексикографического описания или функционирования в художественном тексте, имеется множество, однако системного описания и лексикографического представления этой

тематической группы, можно сказать, не существует. Подчеркнем, что именно в сфере авторской лексикографии разрабатываются словарные проекты, описывающие функционирование фитонимов в художественной речи [15–18] (см. об этом подробнее: [19]).

Поскольку новые «малые» словари создаются на этапе, когда основной проект, как говорилось, близок к завершению, их приоритетной задачей должна стать унификация материалов разных томов, а для самых ранних из них — дополнительное редактирование и корректировка с учетом опыта работы над последующими томами, в том числе исправление неизбежных для столь масштабного издания ошибок и недочетов. Кроме того, для анализа тематической группы перспективно перекрестное сопоставление, с одной стороны, с данными авторитетных толковых словарей, с другой — с корпусными данными, позволяющими оценить реальную употребительность лексических единиц.

СЯРП, охватывающий творчество десяти поэтов Серебряного века, содержит 50,8 тыс. словарных статей (т. 1–10), притом что однотомный словарь Ожегова (1-е изд., 1949) включал около 50 тыс. слов, СУ — 85 тыс. [20], МАС (2-е изд.) — более 90 тыс. слов [21].

При существенном отличии в формировании словника (в СЯРП в отдельные словарные статьи выносятся некоторые грамматические формы — причастия, деепричастия и др., приобретающие в языке поэзии особую значимость, индивидуально-авторские лексемы, онимы разных классов) словарь поэтического языка сопоставим по охвату лексики с общеязыковыми толковыми словарями, что делает его важным и представительным лексикографическим источником.

«Словарь названий растений» строится на базе опубликованных томов и материалов заключительного десятого тома СЯРП, однако словарные статьи доработаны и дополнены, прежде всего расширена зона значения, уточнены и расширены поэтические контексты (напомним, что зона значения в словаре носит факультативный характер, при необходимости в нее вводятся разного рода лингвистические сведения, а также энциклопедическая информация). В некоторых случаях статьи, напротив, сокращены: из словарных статей, включающих названия растений опосредованно, выбраны только соответствующие контексты (например, *заячья капуста* в статье ЗАЯЧИЙ).

Добавим к сказанному, что на протяжении многолетней работы над словарем уточнялась его концепция, видоизменялись

некоторые принципы составления словарных статей, в частности, касающиеся подачи поэтических контекстов. В силу этого словарные статьи приводятся в модифицированном виде. Переработке прежде всего подверглись статьи из более ранних томов (отредактированы статьи из т. 1–5, уточнены статьи из т. 6–9, составлены статьи для т. 10).

Выборку из СЯРП составляют словарные статьи на 363 единицы (в ряде случаев с добавлением словообразовательного гнезда, то есть всех производных, в том числе индивидуально-авторских, а также близких по значению слов).

Рассматриваются только собственно названия растений (фитонимы), а также их производные (иногда пограничные случаи: например, название растения, пересекающееся с обозначением продукта, материала, блюда и пр.).

Не включались единицы, обозначающие общие понятия (*дерево*, *куст*, *трава*), части растений (*лист*, *травинка*, *цветок*), другие понятия (*клумба*, *лес*, *сад*), а также их производные, хотя такие единицы, безусловно, интересны для анализа. См., к примеру, словообразовательное гнездо *ТРАВА* (приведены заголовочные слова с зоной значения):

ТРАВА [*вин. ед. тж* тра́ву; *тв. ед*. траво́й и траво́ю; *тж мн*.; *тж* в сочет.: тише воды, ниже травы, *тж* тише вод и ниже трав Цв923 (II, 221.2)]

[ТРАВА] *см.* КОВЫЛЬ-ТРАВА, ПЛАКУН-ТРАВА, РАЗРЫВ-ТРАВА, СОН-ТРАВА, ТРЫН-ТРАВА, ЩЕБНЕМ-ТРАВОЙ

ТРАВА-МУРАВУШКА [*нар.-поэт*.]

ТРАВИНКА

ТРАВИНОЧКА

ТРАВИЩА [*разг*.; *увелич*. к ТРАВА]

ТРАВКА [*уменьш.-ласк. к* ТРАВА]

ТРАВНЫЙ

ТРАВУШКА [*мн*. тра́вушки Цв922; *нар.-поэт.*]

ТРАВЦА [*нов.*]

ТРАВЫ-МЕДОНОСЫ

ТРАВЯНОЙ.

В словарных статьях используются условные обозначения СЯРП — в частности, пометы, сокращения, шифры, указывающие на автора и год создания произведения: *Анн* — Анненский, *Ахм* — Ахматова, *АБ* — Блок, *Ес* — Есенин, *Куз* — Кузмин, *ОМ* — Мандельштам, *М* — Маяковский, *П* — Пастернак, *Хл* — Хлебников, *Цв* — Цветаева.

Материал СЯРП перспективно сопоставить с двумя авторитетными толковыми словарями, которые описывают близкие Серебряному веку хронологические срезы: СУ — язык первой трети XX в. [20] и МАС — середины столетия [21] (ср. также более новый АТОС [22]).

Сопоставление толковых словарей показывает, что названия растений описываются в них противоречиво. С одной стороны, в словарях принято описывать эту группу лексики через призму терминологичности. С другой, такой подход оказывается слишком узким: за пределы словаря вытесняются «недостаточно научные» лексические единицы (устаревшие, областные, обиходные и пр.), но мало включаются более новые или «слишком специальные».

Наукоцентричность приводит и к обеднению семантики: в словарях лишь фрагментарно указываются семантические отношения (синонимия и омонимия, многозначность), редко описываются культурно-образные смыслы и коннотации.

Ограниченно показывается словообразовательный потенциал растительной лексики: относительно системно приводятся только прилагательные, очень редко — производные, несущие дополнительную стилистическую или экспрессивную нагрузку.

Терминологическая интерпретация фитонимов приводит к обеднению иллюстративной зоны словарной статьи, поскольку словарные статьи на термины традиционно позволялось оставлять без иллюстраций. Но даже при наличии текстовых примеров крайне редко они выбирались из поэтических текстов.

Таким образом, словарь поэтического языка позволяет восполнить лакуны традиционного лексикографического описания, рассматривая лексическую единицу именно в тех аспектах, которые в толковой лексикографии зачастую минимизировались или игнорировались.

Как было сказано, в СЯРП мы находим 363 фитонима, тогда как в СУ — 582 и в МАС — 616.

Вполне очевидно, что СЯРП содержит значительную часть ядерной лексики этой группы, зафиксированной обоими толковыми словарями:

а) традиционные поэтизмы — *лилия* (*лилея*), *роза*, *чинара*;

б) названия:

— деревьев — *берёза*, *дуб*, *ель* (*ёлка*), *ива*, *клён*, *липа*, *лиственница*, *ольха*, *осина*, *пихта*, *рябина*, *сосна*, *тополь*, *ясень*;

— кустарников — *боярышник*, *бузина*, *калина*, *сирень*, *черёмуха*;

— плодовых культур — *абрикос*, *вишня*, *слива*, *яблоня*;

— сельскохозяйственных культур — *гречиха*, *горох*, *капуста*, *картофель*, *свекла*;

— культурно значимых растений — *кедр*, *кипарис*, *лавр*, *магнолия*, *маслина*, *миндаль*, *олеандр*, *олива*, *платан*, *смоковница*;

— экзотических растений — *ананас*, *бамбук*, *банан*, *кактус*, *маис*, *манго*, *пальма*, *пиния*;

— декоративных растений — *азалия*, *бегония*, *гортензия*, *жасмин*;

— садовых цветов — *астра*, *гвоздика*, *ирис*, *мальва*, *маргаритка*, *тюльпан*;

— дикорастущих цветов и трав — *василёк*, *донник*, *зверобой*, *иван-да-марья*, *подорожник*;

— сорняков — *крапива*, *лебеда*, *осот*, *чертополох* и др.

Очевидно также, что из лексики, зафиксированной в толковых словарях, в СЯРП отсутствуют единицы более специальные, устаревшие, слишком новые или в той или иной степени периферийные. Так, только в МАС обнаруживаются следующие названия (112 из 616):

— заимствования, сравнительно поздно вошедшие в широкое употребление: *авокадо*, *аралия*, *батат*, *грейпфрут*, *кокос*, *криптомерия*, *опунция*, *пекан*, *секвойя*, *фейхоа*, *физалис*;

— названия хозяйственных культур: *кориандр*, *паприка*, *патиссон*, *рапс*, *томат*, *турнепс*, *фенхель*, в том числе текстильные: *канатник*, *рами*, каучуконосные: *бересклет*, *гваюла*, *эвкоммия*, а также региональные: *алыча*/*ткемали*, *баклажан*, *джугара*, *чумиза*;

— названия декоративных растений: *амариллис*, *аспарагус*, *гардения*, *гладиолус*, *глоксиния*, *драцена*, *ипомея*, *календула*, *пеларгония*, *традесканция*;

— специальные номинации: *бадан*, *белозор*, *белоус*, *вероника*, *вороний глаз*, *гравилат*, *девясил*, *ежа*, *житняк*, *заманиха*, *звездчатка*, *золотарник*, *иглица*, *истод*, *калужница*, *лабазник*, *лапчатка*, *любисток*, *люпин*, *марь*, *мелколепестник*, *мятлик*, *печёночница*, *полевица*, *поручейник*, *прострел*, *пустырник*, *резак*, *ремнецветник*, *сераделла*, *фацелия*, *ферула*, *чубушник*, *щетинник*, *щитовник*, *элодея*;

— обиходные названия: *огуречник*, *черноплодная рябина*, в том числе функционировавшие как специальные, но сейчас менее употребительные: *борец* ‘аконит’, *красавка* ‘белладонна’, *конопель* ‘конопля’, *остропёстр*/*остропестро* ‘расторопша’.

Только в СУ встречаются единицы, в настоящее время устаревшие: *алой* ‘алоэ’, *бородач*, *букс* ‘самшит’, *голубки*/*орлики* ‘водосбор, аквилегия’, *ирный корень* ‘аир’, *метлика* ‘метлица’, *огнецвет* ‘иван-да-марья’, *пламенник* ‘флокс’, *самбук* ‘бузина’, *стародубка*, *тимофеева трава* ‘тимофеевка’, *шишковник* ‘мушмула’, *ясмин* ‘жасмин’, а также специальные: *вербейник*, *жабник*, *ипекакуана*, *крестовник*, *лакфиоль*, *рогульник*, *торица*, *черноголовка*, *ярутка*, *ясенец*, *ясколка*, *яснотка*.

Обращение к ПК НКРЯ подтверждает сложившуюся картину: действительно, поэтический язык в целом избегает употребления периферийных единиц — фитонимов слишком новых, слишком устаревших, слишком специальных. Кроме того, препятствием для вхождения в поэтический текст можно считать недостаточную выразительность или узнаваемость лексической единицы, а также ее недостаточную «пригодность» для версификационных целей. Так, не только в СЯРП, но и в ПК НКРЯ отсутствуют примеры на зафиксированные в толковых словарях лексемы *адиантум*, *аконит*, *аралия*, *аспарагус*, *бадан*, *батат*, *белозор*, *вербейник*, *водяника*, *гваюла*, *глоксиния*, *волосатик*, *ворсянка*, *гравилат*, *дигиталис*, *драцена*, *звездчатка*, *золотарник*, *золототысячник*, *ипекакуана*, *канареечник*, *канатник*, *кендырь*, *кизильник*, *клопогон*, *кок-сагыз*, *кольраби*, *крестовник*, *лапчатка*, *лимонник*, *льнянка*, *мелколепестник*, *метлика*, *молодило*, *мыльнянка*, *норичник*, *опунция*, *ослинник*, *остропестро*, *паприка*, *переступень*, *печёночница*, *подъельник*, *пустырник*, *райграс*, *ремнецветник*, *сабельник*, *самбук*, *сераделла*, *солодка*, *стародубка*, *сурепица*, *тернослива*, *традесканция*, *фацелия*, *физалис*, *хондрилла*, *черноголовка*, *чубушник*, *щитовник*, *эвкоммия*, *элеуторококк*, *язвенник*, *ярутка*, *яснотка*, *ятрышник* и др.

С другой стороны, ПК НКРЯ демонстрирует, что многие вполне привычные сейчас фитонимы отсутствуют в СЯРП, отражающем язык поэзии Серебряного века, не случайно, поскольку вошли в широкое употребление позднее, некоторые — только в последние десятилетия, ср.: *секвойя* (первое употребление в ПК НКРЯ — Д. Андреев, 1955), *белокрыльник* (Л. Мартынов, 1956), *аквилегия* (Н. Заболоцкий, 1957), *чабер* (В. Соснора, 1959), *стрелолист* (А. Штейнберг, 1963), *фейхоа* (Ю. Мориц, 1964), *календула* (А. Адалис, 1966), *люпин* и *гладиолус* (Л. Мартынов, 1967), *сорго* (И. Бродский, 1975), *клещевина* (А. Тарковский, 1976), *дёрен* (Г. Айги, 1976), *грейпфрут* (Б. Ахмадуллина, 1985), *гинкго* (Д. Бобышев, 1986), *кровохлёбка* и *наперстянка* (С. Кекова, 1995),

нивяник (О. Седакова, 1996), *мелисса* (Ю. Мориц, 1998), *элодея* (Б. Кенжеев, 2003), *топинамбур* (Н. Байтов, 2009), *борщевик* (М. Айзенберг, 2011), *актинидия коломикта* (О. Чухонцев, 2016). Таким образом, фитонимы продолжают включаться в поэтический язык по мере их вхождения в общеязыковое употребление, в том числе это касается и достаточно специальных лексических единиц.

Возвращаясь к материалу СЯРП, следует отметить, что для поэзии Серебряного века включение в стихотворный текст специальных номинаций очень характерно, и фитонимы хорошо отражают эту тенденцию. Ср. словарные статьи СЯРП:

> **БЕГОНИЯ** Это огненный тюльпан, Полевой огонь бегоний Жадно нюхает толпа, Заслонив ладонью. *П917 (I,156.1)*; О, его не догоните! В домовитом поддоннике Бог — ручною бегонией На окне не цветет! *Цв922 (II,158)*
>
> **БЕЛЛАДОННА** То атропин и белладонну Когда-нибудь в тоску вкропив, И я, как ты, взгляну бездонно, *П916 (I,104)*
>
> **ГАОЛЯН** [хлебный злак, разновидность сорго] Вышед в вей, Допроси строевых журавлей, В г. — Допроси столбовых каторжан! *Цв925 (III,77)*
>
> **РДЕСТ** [водное растение] Как топи укрывает р., Так никнут над мечтою веки… Сородичем попутных звезд Уйду однажды и навеки. *П913 (I,438)*.

«Словарь названий растений» позволяет расширить и дополнить словарные статьи СЯРП, с одной стороны, уточняя информацию собственно о растениях, а с другой — подчеркивая специфику поэтического словоупотребления. Таким образом, могут расширяться все зоны словарной статьи — основная зона контекстов, зона значения, зона комментария к конкретному контексту.

Дополнение зоны значения не может осуществляться через воспроизведение формулировок толкового словаря: не вся информация, приводимая в толкованиях, актуальна для конкретных поэтических контекстов, кроме того, в поэтическом употреблении встречаются фитонимы, отсутствующие в общеязыковых словарях. Ср. словарные статьи из БТСРС (слова *гаолян*, *рдест*, *росянка* в нем отсутствуют):

> **АЗА́ЛИЯ**, -и, *ж.* Южное кустарниковое растение семейства вересковых небольшой высоты с крупными цветами белой, розовой, красной или желтой окраски, разводимое как декоративное. *На окне зацвели азалии.*

БЕГО́НИЯ, -и, *ж.* Декоративное тропическое и субтропическое растение с крупными пестрыми красивыми листьями разной формы и мелкими красивыми цветками. *Почти круглый год дугообразные побеги бегонии радуют нас прелестными розовыми или коралловыми цветками.*

БЕЛЛАДО́ННА, -ы, *ж.* Травянистое ядовитое растение семейства пасленовых с черными блестящими ягодами, употребляемое в медицине и косметике; ***син.*** красавка. *В Древнем Риме белладонна была косметическим средством: женщины закапывали ее сок в глаза, отчего зрачки расширялись.*

ВЕ́РБА, -ы, *ж.* Дерево или кустарник семейства ивовых с гибкими ветвями буро-красного цвета и пушистыми бело-серыми почками. *А вот широкая старая верба с громадным дуплом, а на ней вороньи гнезда (Ч.).*

Приведем статьи из разрабатываемого «Словаря названий растений»:

АЗАЛИЯ

[декоративный кустарник, садовая разновидность рододендрона; *тж* о цветах]

Ровно в полночь гонг унылый Свел их тени в черной зале, Где белел Эрот бескрылый Меж искусственных азалий. // Там, качаяся, лампады Пламя трепетное лили, Душным ладаном услады Там кадили чаши лилий. *Анн900-е (66.2)*; (ПРИ ПОСЫЛКЕ БЕЛОЙ АЗАЛИИ) *Подзаг. АБ903 (I,529.1)*; Мне кажется, меж вас одно недоуменье Всё будет жить мое, одна моя Тоска... <...> В венке из тронутых, из вянущих азалий Собралась петь она... Не смолк и первый стих, Как маленьких детей у ней перевязали, Сломали руки им и ослепили их. *Анн909 (158)*; Выходят. На вязах, на кленах Цветные дрожат фонари, Две дамы в одеждах зеленых С монахами держат пари. // И бледный, с букетом азалий, Их смехом встречает Пьеро: «Мой принц! О, не вы ли сломали На шляпе маркизы перо?» *Ахм[909] (40.2)*; Сегодня мы исполним грусть его — Так, верно, встречи обо мне сказали, Таков был лавок сумрак. Таково Окно с мечтой смятенною азалий. *П911,28 (I,49)*

ПК НКРЯ (33 примера): *На азалии смотрел я, как на райские кусты, А лиловый рододендрон был пределом красоты*. [Саша Черный. В оранжерее (1912)]. *Зеркалит небо синее тугую высоту. Азалии, глицинии, магнолии — в цвету*. [Н. Н. Асеев. Абхазия (1933)].

ГАОЛЯН

[хлебный злак, выращиваемый преимущ. в Китае, разновидность сорго]

Ох, сини́м-синё око твое, окоём! // Вышед в вей, Допроси строевых журавлей, В гаолян — Допроси столбовых каторжан! *Цв925 (III,77)*

ПК НКРЯ (22 примера): *Гаоляны высоки, В гаолянах зреет злость, Ест акульи плавники В бронепоезде наш гость* [С. Н. Марков. Уссурийская баллада (1930)]. *Стеклом зеленым движется река. Шуршит головками созревший гаолян. И сумерки, плывя издалека, Свежи и ароматны, как кальян* [В. Ю. Янковская. Земной покой (1943)].

РОСЯНКА

[болотное насекомоядное растение]

Жужжал угрозой синий шмель, Летя за взяткой в дикий хмель. Осока наклонила ось, Стоял за ней горбатый лось. Кричал мураш внутри росянки, И несся свист златой овсянки. *Хл912 (222)*

ПК НКРЯ (2 примера).

Обратим внимание на то, что в приведенных статьях акцентируется звуковая форма названий растений, в частности, постановкой их в сильную позицию конца строки. Ср. рифменные пары: *зале — азалий, азалий — перевязали, азалий — сломали, сказали — азалий; гаолян — каторжан; росянки — овсянки*.

Наибольший интерес представляют семантические приращения, переносные и образные значения, которые в толковых словарях зачастую не отражаются, даже если являются регулярными и узуальными. Но и зафиксированные в толковом словаре значения не всегда выглядят убедительными, если не подтверждаются текстовыми примерами, тогда как художественный текст такие примеры может предоставить. Ср. словарные статьи:

БЕЛЛАДОННА

[ядовитое травянистое растение сем. пасленовых (лат. *Atropa belladonna*)]

Когда ж твоя стократ прекрасней Убийственная красота, И только с ней и до утра с ней Ты отчужденьем облита, // То, атропин и белладонну Когда-нибудь в тоску вкропив, И я, как ты, взгляну бездонно, И я, как ты, скажу: терпи [атропин — лекарственное средство на основе белладонны] *П916 (I,104)*

ПК НКРЯ (15 примеров): *А внизу монашеские кипарисы, / цветов тяжелых роса да ладан, / и в беловатых парах болота / в поисках белены да белладонны / шарит воздушными руками / Беда — колдунья — малярия* [С. В. Петров. Галилей (1939)]. *…детский смех / чередуется с криками, и право слово, неважно / в чём их смысл, белладонны довольно еще в зрачке* [Б. Ш. Кенжеев. «Старые фильмы смотреть, на февральское солнце щуриться…» (2003–2005)].

Ср. в МАС:

БЕЛЛАДО́ННА, -ы, *ж.* **1.** Травянистое ядовитое растение сем. пасленовых с черными блестящими ягодами; красавка. **2.** Лекарство из листьев и корней этого растения.

Рассмотрим словарное гнездо из «Словаря названий растений»:

ВЕРБА

ВЕРБА

[в. и В.; название некоторых видов ивы; *тж* ветки вербы как символ праздника; *тж* о ярмарке]

Боярышни тихо идут в терема. По улице веет, гуляет весна. // На улице праздник, на улице свет, И свечки, и вербы встречают зарю. Дремотная сонь, неуловленный бред — Заморские гости приснились царю… *АБ903 (I,290)*; Углами торчала мебель, валялись окурки, бумажки, Всех ужасней в комнате был красный комод. // И вдруг влетели звуки. Верба, раздувшая почки, Раскачнулась под ветром, осыпая снег. В церкви ударил колокол. Распахнулись форточки, И внизу стал слышен торопливый бег. *АБ904 (II,139)*; Прохожих стало всё меньше. Только тощие псы попадались навстречу, Только пьяные бабы ругались вдали. Над равниною мокрой торчали Кочерыжки капусты, березки и вербы, И пахло болотом. *АБ905 (II,26)*; Весна, весна! Как воздух пуст! Как вечер непомерно скуден! Вон — тощей вербы голый куст — Унылый призрак долгих буден. *АБ905 (II,166)*; Уплывала Вербная неделя На последней, на погиблой снежной льдине; <…> Стал высоко белый месяц на ущербе, И за всех, чья жизнь невозвратима, Плыли жаркие слезы по вербе На румяные щеки херувима. *Анн907 (91.1)*; Вербы — это весенняя таль, И чего-то нам светлого жаль, Значит — теплится где-то свеча, И молитва моя горяча, И целую тебя я в плеча [обращ. к Л. А. Дельмас] *АБ914 (III,235)*; Сохнет стаявшая глина, На сугорьях гниль опенок. Пляшет ветер по равнинам, Рыжий ласковый осленок. // Пахнет вербой и смолою. Синь то дремлет, то вздыхает. У лесного аналоя Воробей псалтырь читает. *Ес914 (I,133)*; В том краю, где желтая крапива И сухой плетень, Приютились к вербам сиротливо Избы деревень. *Ес915 (I,179)*; И вновь вернусь я в отчий дом, Чужою радостью утешусь, В зеленый вечер под окном На рукаве своем повешусь. // Седые вербы у плетня Нежнее головы наклонят. И необмытого меня Под лай собачий похоронят. *Ес915-16 (I,200)*; Рано Вам начинать С любовью. // Помню первый Ваш шаг в мой недобрый дом, — С пряничным петухом И вербой. // Отрок чахлый, Вы жимолостью в лесах, Облаком в небесах — Вы пахли! *Цв915 (I,249.1)*; В зеленой церкви за горой, Где вербы четки уронили, Я поминаю просфорой Младой весны младые были. *Ес916 (I,216)*; Бовари! Без нее б бакалее Не пылать за стеклом зеленной. <…> Колокольня лекарствами с ложки По Посту не поила бы верб, И Страстною по лужам дорожки Не дрожал гимназический герб. *П916 (I,512)*; Вижу тебя из окошка, Зиждитель щедрый, Ризою над землею Свесивший небеса. // Ныне Солнце, как кошка, С небесной вербы Лапкою золотою Трогает мои волоса.

Ес917 (II,16.1); В золоченой утлой лодке По зеленому пространству, По лазури изумрудной Я ждала желанных странствий. И шафранно-алый парус Я поставила по ветру, У кормы я прикрепила Вешний пух пушистой вербы. <…> Я, распятая невеста, А зовут меня — София! *НАР Куз917 (213.1)*; Когда случилось петь Офелии, А горечь грез осточертела, С какими канула трофеями? С охапкой верб и чистотела. *Аллюз. П917 (I,133)*; Серебристая дорога, Ты зовешь меня куда? Свечкой чисточетверговой Над тобой горит звезда. <…> Дай ты мне зарю на дровни, Ветку вербы на узду. Может быть, к вратам господним Сам себя я приведу. *Ес918 (II,61)*; Ариадна, Ариадна, Уплывает твой Тезей! // Лепесток летит миндальный, Цепко крепнет деревцо. Опускай покров венчальный На зардевшее лицо! // Не жалей весны желанной, Не гонись за пухом верб: Все ясней в заре туманной Золотеет вещий серп. *Куз921 (250.2)*; Давно ль <…> Мирянин-март украдкою пропитывал Тропинки парка терпкой синевой? // Его грехи на мне под старость скажутся, Бродивших верб откупоривши штоф, Он уходил с утра под прутья саженцев, В пруды с угаром тонущих кустов. *П921 (I,215.2)*; И скажешь ты: Не та ль, Не ты, Что сквозь персты: Листы, цветы — В пески… <…> Индус, а может, Златоуст Вер — без навек, И без корней Верб, И навек — без дней… // (Бедней Тебя!) И вот Об ней, Об ней одной. *Цв922 (II,131.2)*; Встает, ровно в дрёме Тяжкой, неведомой. — Брат у меня помер. — Бедная! Бедная! // Серая ты верба! — Люлькают, пестуют. И мóлодец первый: — Царство небесное! *РП Цв922 (III,291)*; Руки крестом, / крестом / на вершине, / ловлю равновесие, / страшно машу. / Густеет ночь, / не вижу в аршине. / Луна. / Подо мною / льдистый Машук. / Никак не справлюсь с моим равновесием, / как будто с Вербы — / руками картонными. / Заметят. / Отсюда виден весь я. / Смотрите — / Кавказ кишит Пинкертонами. *М923 (443)*; Буду брать — труднейшую ноту, Буду петь — последнюю жизнь! // Жалобу труб. Рай огородов. Заступ и зуб. Чуб безбородых. // День без числа. Верба зачахла. Жизнь без чехла: Кровью запахло! *Цв923 (II,187.2)*; По дорогам усохшие вербы И тележная песня колес… Ни за что не хотел я теперь бы, Чтоб мне слушать ее привелось. // Равнодушен я стал к лачугам, И очажный огонь мне не мил, Даже яблонь весеннюю вьюгу Я за бедность полей разлюбил. *Ес925 (III,68)*; Свет луны, таинственный и длинный, Плачут вербы, шепчут тополя. Но никто под окрик журавлиный Не разлюбит отчие поля. *Ес925 (III,79)*; Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий, Не дойду до дома с дружеской попойки. // Там вон встретил вербу, там сосну приметил, Распевал им песни под метель о лете. // Сам себе казался я таким же кленом, Только не опавшим, а вовсю зеленым. // И, утратив скромность, одуревши в доску, Как жену чужую, обнимал березку. *Ес925 (III,127)*; На Вербе черно От разной забавы. Гуляют шары — Надутые павы. // На всех продавцов Не хватит копеек: Пять тысяч скворцов, Пятьсот канареек.

Детск. ОМ926 (327); На Вербе черно От разной забавы. Гуляют шары, Надутые павы. Идет голован Рядами, рядами, Ныряет буян Ларями, ларями. *Детск. ib.*; Сынок порожённый, Бе — ре — женый! // Уж ты по младенцу — Новобранцу — Слеза деревенска, Океанска! <…> Сколько б вас, Егорок, Ни ложила — // В землю. Большеротый, Башка — вербой Вьется. Людям — сотый, А мне — первый! *Цв928 (II,272)*; С капелью говорит апрель. Он знает тысячи историй Про человеческое горе, И по заборам стынут зори, И тянут эту канитель. // И та же смесь огня и жути На воле и в жилом уюте, И всюду воздух сам не свой, И тех же верб сквозные прутья, И тех же белых почек вздутья И на окне, и на распутье, На улице и в мастерской. *П947 (III,534)*;

ВЕРБОЧКА

ВЕРБОЧКИ *Загл. АБ906 (II,95)*; Мальчики да девочки Свечечки да вербочки Понесли домой. // Огонечки теплятся, Прохожие крестятся, И пахнет весной. *ib.*; С вербочкою светлошерстой — Светлошерстая сама — Меряю Господни версты И господские дома. // Вербочка! Небесный житель! — Вместе в небо! — Погоди! — Так и в землю положите С вербочкою на груди. *Цв918 (I,396.2)*;

ВЕРБНЫЙ

[в. и В.; в назв.; Вербная неделя — последняя неделя Великого поста, предшествующая Страстной неделе; Вербное воскресенье — христианский праздник, Вход Господень в Иерусалим]

ВЕРБНАЯ СУББОТА *Загл. АБ903 (I,290)*; Мальчики да девочки Свечечки да вербочки Понесли домой. // Огонечки теплятся, Прохожие крестятся, И пахнет весной. // Ветерок удаленький, Дождик, дождик маленький, Не задуй огня! // В Воскресенье Вербное Завтра встану первая Для святого дня. *НАР АБ906 (II,95)*; ВЕРБНАЯ НЕДЕЛЯ *Загл. Анн907 (91.1)*; В желтый сумрак мертвого апреля, Попрощавшись с звездною пустыней, Уплывала Вербная неделя На последней, на погиблой снежной льдине; // Уплывала в дымах благовонных, В замираньи звонов похоронных, От икон с глубокими глазами И от Лазарей, забытых в черной яме. *ib.*; А вечером в Вербную субботу, Из церкви придя, я сестре сказала: «На́ тебе свечку мою и четки, Библию нашу дома оставлю. Через неделю настанет Пасха, И мне давно пора собираться, — Верно, царевич уже в дороге, Морем за мной он сюда приедет». *Ахм914 (265)*; Ждала его напрасно много лет. Похоже это время на дремоту. Но воссиял неугасимый свет Тому три года в Вербную субботу. Мой голос оборвался и затих — С улыбкой предо мной стоял жених. [возм., обращ. к Б. В. Анрепу или Н. В. Недоброво] *Ахм916 (133.1)*; Между воскресеньем и субботой Я повисла, птица вербная. На одно крыло — серебряная, На другое — золотая. // Меж Забавой и Заботой Пополам расколота, — Серебро мое — суббота! Воскресенье — золото!

Цв919 (I,504.1); Наслаждайтесь! — Скоро-скоро Канет в страны дальние — Ваша птица разноперая — Вербная — сусальная. *ib.*; Золотого взамен Кремля — // Крым. Зовет же вас Вся Русь богова — Добровольцами! Волю ж *добрую*, Братья! В вечный град — // *Вербный* въезд! Крепко меч держа, Крепче — крест, Ветвь… Не вóроном В белом кителе, Божьим воином, А не мстителем — В бой! *РП Цв928,29–38 (III,172)*;

ср. в СУ: **ВЕ́РБА**, -ы (*верба́*, *-ы́* обл.), *ж.* **1.** Ива различных видов, большей частью с ярко пурпурными ветками и блестящими белыми волосками на почках. || Ветка этого дерева с цветковыми почками, употр. при церковном богослужении в Вербную субботу. **2.** *перен.* Торг, базар в Вербную субботу (дореволюц.). *Купить на Вербе игрушку.*

По материалам словарного гнезда *ВЕРБА*, объединяющего фитоним *верба* и его производные, хорошо видно, что для языка поэзии Серебряного века характерно словоупотребление, существенно отличающееся от современного, но при этом близкое описанному в словаре Ушакова. Так, в значительной части контекстов слово *верба* выступает в значении ‘ветка ивы с серебристыми почками, обычно как символ праздника’: *Ваш шаг в мой недобрый дом, — С пряничным петухом И вербой*; *С охапкой верб и чистотела*, — а также ‘праздничная ярмарка’: *На Вербе черно От разной забавы*.

Отметим также, что идеографический подход позволяет объединить в гнезде на один фитоним словарные статьи «большого» словаря, расположенные соответственно алфавитному порядку, дистантно, иногда в разных томах, включая редкие и индивидуально-авторские единицы, не отражаемые толковыми словарями, а также опосредованно связанные лексемы. Ср. словарные статьи, содержащие словообразовательные гнезда:

ДЫНЯ
ДЫНЯ [плод]
ДЫНКА [*уменьш. к* ДЫНЯ]
ДЫННЫЙ
ХОЛОДНО-ДЫННЫЙ [*нов.*]
ЯНТАРНО-ДЫННЫЙ [*нов.*]

КЛЁН
КЛЁН
КЛЕНЁНОЧЕК [*нов.*]
КЛЕНОВЫЙ
БЕСКРОВНО-КЛЕНОВЫЙ [*нов.*]

КОВЫЛЬ
КОВЫЛЬ
КОВЫЛЬ-ТРАВА [*нар.-поэт.*]
ВОСТОК-КОВЫЛЬ [*нов.*]
КОВЫЛЬНИЦА [*обл.*]
КОВЫЛЬНЫЙ
КОВЫЛЕННЫЙ [*нов.*]

ОЛЬХА
ОЛЬХА [*тж* о́льха Хл[913]]
ОЛЬХОВЫЙ
ОЛЬШАНИК
ОЛЬШИНА [*обл.*; ольха]
ОЛЬШАНЫ [топоним Рязанского края]

РОЖЬ
РОЖЬ
РЖИЦА [*ласк. к* РОЖЬ]
РЖАНИЦА [*обл.*; рожь]
РЖАНОЙ
АРЖАНОЙ [*обл.*; *вар. к* РЖАНОЙ].

* * *

Анализ поэтических контекстов показывает, что фитонимическая лексика не только широкоупотребительна — она включена в ткань общенационального языка, на ее базе легко создаются образные переносные употребления, новые значения, производные лексические единицы.

При сопоставлении толкового словаря и словаря поэтического языка видно, что в поэтическом преломлении используется основной массив слов этой лексической группы (за исключением лексем более специальных или более новых, не вполне укоренившихся в языке или, напротив, выходящих из употребления). Поэтические контексты позволяют проиллюстрировать многие значения, отмеченные в толковых словарях, но не подтвержденные примерами, вследствие чего неактуальные или малоубедительные для современного носителя языка. Кроме того, поэтический язык фиксирует и другие лексические единицы, значения и оттенки значений — как специфические для поэтического языка (образно-выразительные, в том числе индивидуально-авторские), так и «пропущенные» толковой лексикографией.

В поэтическом словоупотреблении названия растений показывают более широкий спектр семантических отношений: помимо вполне ожидаемого расширения переносных значений, более

активного использования культурно-символически нагруженных единиц, в стихотворном тексте могут проявляться семантические связи, в целом нетипичные для языковой системы. Так, лексические единицы, называющие растения, легко обрастают новыми значениями — для них характерны разветвленная полисемичность, синонимия; заслуживает особого внимания омонимия (в частности, грань между многозначностью и омонимией). Показательно, что, в отличие от общеязыкового употребления, в поэтическом языке для этой лексической группы возможны и антонимические отношения (ср.: *роза — резеда*). Контекстная омонимия, формирующаяся стихотворным текстом, дает возможность взглянуть на это языковое явление с новой стороны, анализировать механизмы его функционирования.

Корпусные данные позволяют расширить охват материала, уточняя материал СЯРП и добавляя диахронический аспект.

Таким образом, создаваемый «Словарь названий растений», один из семейства «малых» словарей, представляет собой не выборку из «большого» проекта — «Словаря языка русской поэзии XX века», а новый лексикографический продукт.

---

1. СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1–9– / сост. В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.) и др. М., 2001–.

2. *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография : Теория, история, современность. М., 2011. 464 с.

3. *Григорьев В. П.* Поэтика слова. М., 1979. 343 с.

4. Поэт и слово : опыт словаря / под ред. В. П. Григорьева. М., 1973. 455 с.

5. *Шестакова Л. Л., Кулева А. С.* Современный авторский словарь как инструмент для адекватного понимания поэтического текста // Лингвистическая семантика в пространственном измерении : Словарь. Дискурс. Корпус / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург ; М., 2024. С. 126–137.

6. НКРЯ — Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 15.06.2026).

7. Словари русской поэзии Серебряного века : информ.-поиск. система : [сайт]. URL: https://lexrus.ru/default.aspx?p=2675 (дата обращения: 10.06.2026).

8. *Шестакова Л. Л., Кулева А. С.* Авторская лексикография в электронно-цифровую эпоху // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 3. С. 94–113.

9. *Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л.* Собственное имя в русской поэзии XX века : словарь личных имен. М., 2005. 448 с.

10. *Шестакова Л. Л., Кулева А. С.* Местоимение «Я» в поэтическом языке Серебряного века по данным сводного авторского словаря // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 28–54.

11. *Шестакова Л. Л., Кулева А. С.* Числительные и их производные в «Словаре языка русской поэзии XX века»: из опыта наблюдений // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2025. № 2 (44). С. 170–179.

12. РСС — Русский семантический словарь / под общ. ред. акад. Н. Ю. Шведовой. М., 1998–. Т. 1.

13. БТСРС — Большой толковый словарь русских существительных : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005. 864 с.

14. *Бабенко Л. Г.* Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении : динамика интерпретаций // Научный диалог. 2020. № 9. С. 9–47.

15. *Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: Растения. М., 2015. 448 с.

16. *Faircloth N., Thomas V.* Shakespeare's Plants and Gardens : A Dictionary (Arden Shakespeare Dictionaries). London ; N. Y., 2014. 414 p.

17. *Judd W. S., Judd G. A.* Flora of Middle-earth: Plants of J. R. R. Tolkien's legendarium. N. Y., 2017. 406 p.

18. *Quealy G., Hasegawa-Collins S.* Botanical Shakespeare : An Illustrated Compendium of All the Flowers, Fruits, Herbs, Trees, Seeds, and Grasses Cited by the World's Greatest Playwright. N. Y., 2017. 208 p.

19. *Кулева А. С.* Названия растений как часть поэтического лексикона (на материале «Словаря языка русской поэзии XX века») // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 3 (8). С. 61–72.

20. СУ — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

21. МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984.

22. АТоС — Академический толковый словарь русского языка. М., 2016–. Т. 1. А — Вилять. Т. 2. Вина — Гяур / отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2016. 680 с. Т. 3. Д — Залпом / под ред. А. Э. Цумарева, Л. Л. Шестаковой. М., 2026. 784 с.

Глава 3

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ

3.1. Лингвопоэтика экфрасиса вокала в рассказе Татьяны Толстой «Река Оккервиль»

Рассказ «Река Оккервиль» в том или ином аспекте рассматривается в каждом исследовании, посвященном идиостилю малой прозы Татьяны Толстой. Выбор этого произведения как объекта комплексного лингвопоэтического анализа обусловлен уникальностью его субжанровой природы: оно от заголовка до финальных слов представляет собой музыкальный экфрасис (точнее — экфрасис вокала). Задаче словесной передачи граней вокального искусства в их восприятии слушателем подчинены его композиция, форма повествования, организация хронотопа и субъектная структура.

Основными теоретическими посылками исследования являются следующие:

Интермедиальность. Из многочисленных определений этого понятия более всего отвечает задачам исследования определение, данное Н. В. Тишуниной: «интермедиальность — это наличие в художественном произведении таких образных структур, которые заключают информацию о другом виде искусства» [1, с. 154]. В обширной литературе по проблематике интермедиальности активно обсуждается вопрос о типологии ее разновидностей. В приложении к предмету этого исследования целесообразно сфокусироваться на описании так называемой конвенциональной интермедиальности — «использовании языка, кодов и приемов других искусств в литературном произведении» [2, с. 68].

Экфрасис. А. А. Хаминова и Н. Н. Зильберман, иллюстрируя классификацию явлений интермедиальности, прочерчивают

путь от общей проблематики взаимодействия искусств к экфрасису: Взаимодействие искусств → Внутрикомпозиционное взаимодействие искусств → Интермедиальность (перевод языка текста одного искусства в систему другого — усложнение семиотической системы доминирующего искусства) → Трансформация → Инкорпорация (включение образов, мотивов, сюжетов произведений одного искусства в структуру другого — *экфрасис*) [3, с. 43]. Л. Геллер расширяет перечень объектов, подлежащих экфрасису («Назовем экфрастичными словесные описания не только "застывших" пространственных объектов, но и "временных": кино, танца, пения, музыки») и приводит очень важную характеристику этого интермедиального явления: «экфрасис — иконический образ не картины, а ви́дения, постижения картины» [4, с. 10, 13].

Суммируя версии типологизации музыкального экфрасиса в литературном произведении, выделяют следующие его виды:

— прямой экфрасис (цитирование текстов вокальных жанров в литературных произведениях);

— косвенный экфрасис (характеризующий звучание музыки/голоса и/или выражающий оценочное восприятие слушателя);

— нулевой экфрасис (выражающийся в упоминании в литературном произведении названий музыкальных произведений);

— миметический экфрасис (сфокусированный на реально существующих произведениях);

— немиметический экфрасис («обращенный к неназванной либо импровизируемой музыке» [5, с. 30]).

М е т а ф о р и к а. Экфрастичное литературное описание инструментального или вокального исполнения музыкального произведения обычно представляет собой текст, насыщенный тропами (прежде всего компаративными), центральное место среди которых занимает метафора, трактуемая в самом общем виде как «уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [6, с. 177–178].

Н. Д. Арутюнова, характеризуя классическую метафору, говорит о питающей ее почве («чувственно воспринимаемой реальности»), когнитивной природе и способности быть уникальной, индивидуально-авторской: «Классическая метафора — это

вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) в зону понятия, воображения в зону интеллекта, единичного в зону общего, индивидуальности в страну классов. Однако метафора и здесь знакома с ограничениями: устанавливаемые ею отношения не выходят за пределы чувственно воспринимаемой реальности, иначе она бы утратила главное из своих свойств — образность» [7, с. 19–20]. «Структура метафоры включает основной субъект метафоры, метафоризатор, т. е. ее вспомогательный субъект, некоторые свойства основного субъекта и некоторые свойства вспомогательного субъекта» [8, с. 163].

Под метафорикой какого-либо литературного произведения условимся понимать совокупность функционирующих в нем метафор, сравнений и близких, но не тождественных полуотмеченных структур — катахрез и перенесенных эпитетов. Как известно, катахреза — троп, образованный в результате семантического сдвига в согласовании компонентов словосочетания. Перенесенный эпитет (другие наименования этого тропа — смещенный эпитет, метонимический эпитет) возникает, когда «предмету или понятию приписывается признак, характеризующий не этот предмет, а какой-то другой, находящийся с первым в определенной связи метонимического характера» [9, с. 157].

Эмотивность. Многие труды Л. Г. Бабенко, посвященные проблематике эмотивности, способствуют интерпретации метафоры как «некоего сводного образа чувства… подчиненного особой логике мира души» [10, с. 397]. Безусловно продуктивной для анализа экфрасиса является концепция метафорического эмотивного пространства — «целостной совокупности лексических единиц с метафорическим эмотивным значением» [11, с. 27]. Признавая эмотивные смыслы важнейшими компонентами содержания художественного текста, ученый отмечает: «В случае с текстовыми эмотивными смыслами возрастают… роль и влияние общетекстовой семантики, оплодотворяющей и обогащающей семантику отдельных слов, которые в результате этого включают в свою лексическую семантику новые смыслы и приобретают статус ключевых единиц» [12, с. 114].

Заглавие как компонент экфрасиса вокала

В отрыве от текста рассказа пространственное, природное, «водное» заглавие «Река Оккервиль» представляется никак не связанным с певческой тематикой. Согласно энциклопедической

информации, *Оккервиль* — река на восточной окраине Петербурга. В XIX в. она была судоходной, но в настоящее время по ней запрещено движение даже маломерных судов. Легендарно гидроним *Оккервиль* мотивирован фамилией владельца когда-то расположенной в этой местности мызы, то есть оним *Оккервиль* сначала прошел путь от антропонима до комонима, а затем и до гидронима.

Заметим, что для читателя, вообще не знающего о существовании такой реки, гидроним *Оккервиль* звучит топографически неопределенно, экзотично, фонетически привлекательно. И эта неопределенность, некоторая загадочность геонаименования сохраняется в рассказе до той поры, пока повествование не доходит до внутритекстового сюжетного рубежа: выясняется, что мимо дома главного героя рассказа ходит трамвай *до конечной остановки, манившей названием «Река Оккервиль»*: *Но Симеонов туда никогда не ездил. Край света, и нечего там было ему делать, но не в том даже дело: не видя, не зная дальней этой, почти не ленинградской уже речки,* ***можно было вообразить себе все что угодно***… (с. 411)[1].

И Семионов вообразил, представил себе, как силой воображения можно создать пространство обитания, достойное его кумира, певицы Серебряного века Веры Васильевны: *…замостить брусчаткой оккервильские набережные, реку наполнить чистой серой водой, навести мосты с башенками и цепями, выровнять плавным лекалом гранитные парапеты, поставить вдоль набережной высокие серые дома с чугунными решетками подворотен — пусть верх ворот будет как рыбья чешуя, а с кованых балконов выглядывают настурции, поселить там молодую Веру Васильевну* (412).

Так в контексте рассказа гидроним *Оккервиль* переживает очередное перерождение — становится географическим именем воображаемой местности. Иначе говоря, в рассказе происходит «обусловленное контекстом употребления изменение референтной отнесенности реального топонима путем частичного стирания присущей ему энциклопедической информации и приписывания “опустошенному” в известной степени топониму фикциональной референтной отнесенности» [14, с. 312].

Двойная жизнь онима *Оккервиль* (как языкового гидронима и как речевого индивидуально-авторского наименования

[1] Здесь и далее цитаты из анализируемого рассказа приводятся по изданию [13] с указанием страниц в круглых скобках.

воображаемого места) интерпретируется нарратором в таких высказываниях: *Оккервиль… никак не может выбрать себе устойчивого облика* (с. 413) — то есть колеблется в референции, в идентификации себя с рекой или городом. *Узким ручьем шумел (шумела? шумело?) Оккервиль, бился в гранитные берега, берега крошились, как песчаные, оползали в воду* (418). Лингвопоэтический прием родовой неопределенности существительного *Оккервиль* имеет целью подчеркнуть средствами грамматики тройственную (*Оккервиль* — некая местность? река? город?) референтную отнесенность онима в контексте рассказа.

То, что «водное» заглавие «Река Оккервиль» содержит отношение к экфрасису вокала, оставаясь до поры «адресом на невскрытом пакете» (С. Д. Кржижановский), читатель осознает постепенно, в процессе знакомства с содержимым «пакета». Принадлежность к семантической зоне воды парадигматически связывает заглавие с картиной осеннего ненастья, представленной в экспозиционном фрагменте, и тем самым делает заглавие периферийным элементом певческого экфрасиса.

Интерпретации начального эпизода рассказа уделяют внимание все исследователи черт постмодернистской поэтики в идиостиле Т. Толстой, но нам важно подчеркнуть, что важнейшая художественная функция этого фрагмента — выдвижение на первый план повествования Воды как стихии, без которой нельзя себе представить Город: *Когда знак зодиака менялся на Скорпиона, становилось совсем уж ветрено, темно и дождливо. Мокрый, струящийся, бьющий ветром в стекла город… казался тогда злым петровским умыслом, местью огромного, пучеглазого, с разинутой пастью, зубастого царя-плотника, все догоняющего в ночных кошмарах с корабельным топориком в занесенной длани своих слабых, перепуганных подданных. Реки, добежав до вздутого устрашающего моря, бросались вспять… и быстро поднимали спины в музейных подвалах* (с. 406).

Под любым именем (Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград) этот Город — прекрасное *Петра творенье*. Творенье или умысел? Петр — созидатель (царь-плотник), или Петр — тиран, преследующий слабых? Может, симбиоз того и другого (огромный, пучеглазый, с разинутой пастью и корабельным топориком в занесенной длани)?

Метафорическая картина осеннего наводнения (*струящийся, бьющий ветром в стекла город; реки, добежав… бросались вспять… поднимали спины*) побуждает читателя к апперцепции,

подготавливает, предрекает рождение ключевой метафоры певческого экфрасиса — развернутой водной метафоры вокала.

Хронотопические характеристики

Как известно, «в художественном тексте находит свое выражение авторское видение реального мира и при этом создается некий вымышленный мир, при восприятии которого осуществляется референция не к объективной действительности, а к фиктивному универсуму. Назовем его условно-реальным миром (сокращенно — УРМ) художественного текста. Избранные персонажи литературного УРМ могут… становиться творцами возможных миров (сокращенно — ВМ) другого порядка — персональных, рожденных мечтой и фантазией личности» [15, с. 69]. Между УРМ произведения и его ВМ возникают, развиваются и устанавливаются отношения взаимопритяжения, взаимопроницаемости или взаимоотторжения.

Хронотопические характеристики УРМ рассказа «Река Оккервиль» таковы: место действия — Ленинград. Время — глубокая осень (*знак зодиака менялся на Скорпиона*), 80-е гг. XX в.

Место действия ВМ рассказа — созданное фантазией главного героя воображаемое пространство с названием *Оккервиль*. Время — Серебряный век.

Центром пространства УРМ рассказа являются не знаковые площади, набережные и сады города, не архитектурные ансамбли Северной Пальмиры, а *маленькая квартирка* главного персонажа, за запертой дверью которой он проводит лучшие часы своей жизни, включая граммофон и наслаждаясь чарующим голосом любимой певицы.

Центр пространства ВМ — набережные, мосты и улицы Оккервиля, по которым порой проходит мечта-фантазия главного героя — исполнительница русских романсов Вера Васильевна.

Стрела диктумного времени УРМ рассказа направлена в будущее персонажей.

Время существования ВМ (модусное время) может длиться, пока существуют творцы искусства и его подлинные ценители.

Персонажи двух миров

Главный герой произведения Симеонов — *носатый и лысеющий* петербуржец *нестарых лет,* убежденный холостяк, переводчик с редких языков, но главное — коллекционер музыкальных

пластинок начала прошлого века, тонкий ценитель прекрасного и большой мечтатель.

О. В. и Е. А. Богдановы предлагают интересную версию семантизации фамилии главного героя рассказа: «Художественный “стык” в поименовании героя — еще одна черта исторической (временнóй) трансформации: сегодня “маленький” герой по фамилии Симеонов в прошлом мог происходить от великого князя Симеона Гордого (Симеонов — сын Симеона), стойкость и гордость которого накрепко соединены национальным сознанием в его прозвище. Сегодняшний “маленький” Симеонов — сплав несоединимого, “оксюморонный” образ, вбирающий в себя противоречащие друг другу разнополюсные начала» [16, с. 151]. Возможно ли счесть Семионова очередным «маленьким человеком» в русской литературе, и так ли уж мал и слаб этот персонаж — вопрос открытый, поскольку сложна его оценка «внутритекстовым» автором: именно этот нерешительный, даже *смиренный*, тонущий в рефлексии человек способен глубоко чувствовать и ценить прекрасное, мечтать и быть преданным мечте. При этом высокая оценка душевных качеств героя рассказа сочетается с авторской иронией над фантазиями Симеонова. Например, вот как передается любование героя воображаемыми прелестями Веры Васильевны: *Вера Васильевна представала томной наядой — неспортивной, слегка полной наядой начала века — о сладкая груша, гитара, покатая шампанская бутыль!* (с. 408). Ироничность, хлесткость оценок — очевидные черты личного стиля Толстой, но они же отвечают установке автора ставить заслон мелодраматичности и манерности речеведения.

Приведем свою версию семантизации фамилии Симеонов: она мотивирована антропонимом Симеон, происхождение которого отсылает нас к древнееврейскому слову, означавшему ‘внимающий’. Так обращение к этимологии делает фамилию говорящей, а сюжет рассказа поддерживает этот вариант семантизации: Симеонов, услышав когда-то граммофонные записи романсов в исполнении певицы начала XX в., стал ее преданным «внимателем», поклонником, влюбленным в голос и певческий образ певицы.

УРМ рассказа населяют (помимо Симеонова) *кухонная Тамара* (земная женщина, полная противоположность безбытной, *бесплотной* Вере Васильевне) и — ближе к финалу — коллекционер Поцелуев, опекающий *Верунчика* — оказавшуюся здравствующей Веру Васильевну, тучную усатую старуху с голосом, *как у дьякона*.

А также 15 участников застолья по поводу очередного дня рождения той, которая была когда-то молодой и прекрасной царицей русского романса.

Героиней ВМ — мира музыки и грёз — является молодая исполнительница русских романсов Вера Васильевна, говорящие имя и отчество которой О. В. и Е. А. Богдановы интерпретируют так: «Вера Васильевна означает для героя “веру, надежду и любовь”, единую триаду в ее почти божественных сущностях… ее отчество — Васильевна — тоже “говорящее”. <…> Отчество оказывается частью “петербургского пространства”, связывает ее имя с городом, а ее голос — с водной стихией, охватывающей городской остров, на котором она живет» [16, с. 152].

Вера Васильевна — главное лицо экфрасиса вокала, поскольку она субъект пения, ей принадлежит гиперроль агенса (если посмотреть на рассказ с точки зрения концепции семантических ролей в высказывании), описанию ее вокала посвящена ключевая метафорика экфрасиса.

Симеонов — персонаж не только УРМ рассказа, но и ВМ, ему отведено в субъектной структуре рассказа несколько ролей: как персонаж УРМ, создающий ВМ *Оккервиля*, он агенс. Включая граммофон, Симеонов переносится из УРМ в ВМ мечты и, внимая пению Веры Васильевны, исполняет роль пациенса. Глубоко чувствуя, переживая пение и все происходящее, он предстает экспериенцером, а как *блаженствующий* получатель эстетического наслаждения — бенефициаром.

Обратимся к фоновой затекстовой информациии о романсовом контексте начала XX в. в поисках ответа на вопрос, кто из блестящего собрания певиц Серебряного века, которыми была создана культура русского романса, мог послужить прототипом героини рассказа. Надежда Плевицкая? Анастасия Вяльцева? Надежда Обухова? Может, Изабелла Юрьева? По воспоминаниям Вадима Козина, именно для Юрьевой был написан романс «Изумруд», поисками пластинки с записью которого так занят второстепенный персонаж рассказа. Несомненно одно: для читателя (думается, и для затекстового биографического автора тоже) Вера Васильевна, обитающая на (в?) *Оккервиле*, собирательный образ.

Лингвопоэтика прямого экфрасиса

При исследовании репрезентации вокального экфрасиса в литературном тексте особо актуальным становится рассмотрение

цитации текстов романсов, песен, арий, поскольку певческим жанрам свойственно слияние, единение музыкальной и словесной составляющих.

В рассказе цитируются строки четырех романсов: «Нет, не тебя так пылко я люблю» на слова М. Лермонтова, «Отцвели уж давно хризантемы в саду» на слова В. Шумского, «Не для меня придет весна» на слова то ли А. Молчанова, то ли Н. Девитте, и «Тихо, так тихо» на слова М. Исаковой (Перроте). Прием цитирования строк того или иного романса используется в шести сюжетных ситуациях и в большинстве случаев создает эффект виртуальной лирической коммуникации. Нижеприведенные цитаты представляют собой совокупный, но фрагментарный текст, составляющим которого свойственна общность следующих характеристик:

1) тематика душевных переживаний;

2) минорная текстовая тональность как «основная эмоциональная настроенность произведения» [12, с. 127];

3) интимная текстовая интонация;

4) высокая степень экспрессивности.

Цитаты приведены в порядке их появления в тексте рассказа:

1. *— Нет, не тебя! так пылко! я! люблю!.. нет, не его так пылко любила Вера Васильевна, а все-таки, в сущности, только его одного, и это у них было взаимно* (с. 407–408).

2. *…снова слушал, томясь, об отцветших давно, щщщ, хризантемах в саду, щщщ, где они с нею встретились…* (с. 408).

3. *…будут деньги, и Симеонов купит у одного крокодила за большую цену редкую пластинку, где Вера Васильевна тоскует, что не для нее придет весна, — романс мужской, романс одиночества, и бесплотная Вера Васильевна будет петь его, сливаясь с Симеоновым в один тоскующий надрывный голос* (с. 409).

4. *…она (душа) выбегает за Верой Васильевной, вслед за ее юбками и веером, из светлого танцующего зала на ночной летний балкон, на просторный полукруг над благоухающим хризантемами садом, впрочем, их запах, белый, сухой и горький — это осенний запах, он уже заранее предвещает осень, разлуку, забвение, но любовь все живет в моем сердце больном, — это больной запах, запах прели и грусти, где-то вы теперь, Вера Васильевна, может быть, в Париже или Шанхае, и какой дождь — голубой парижский или желтый китайский — моросит над вашей могилой, и чья земля студит ваши белые кости? Нет, не тебя так пылко я люблю! (Рассказывайте! Конечно же меня, Вера Васильевна!)* (с. 410).

5. [Симеонов узнал у продавца пластинок, что] *старуха еще жива… живет где-то в Ленинграде, в бедности… и безобразии… <…> …поставил на вертушку выщербленное сокровище… выстроил, как обычно, кусок гранитной набережной, перекинул мост, — и башенки нынче отяжелели… и ветер… волновал серую гладь реки Оккервиль, и Вера Васильевна заламывала руки и склоняла… головку к… плечику, — тихо, так тихо светит луна, а дума тобой роковая полна, — луна не поддавалась. Мылом выскальзывала из рук, неслась сквозь рваные оккервильские тучи…* (с. 415).

6. *…разыскать Веру Васильевну — подслеповатую, бедную, исхудавшую, сиплую, сухоногую старуху, разыскать, склониться к ее почти оглохшему уху и крикнуть ей через годы и невзгоды, что она — одна-единственная, что ее, только ее так пылко любил он всегда, что любовь всё живет в его сердце больном…* (с. 416).

В соответствии с авторскими интенциями только две цитаты не подверглись в тексте рассказа семантической и грамматической трансформации: см. 1-й, 4-й и 5-й примеры. Но и в этих примерах цитаты оказываются внедрены в контекст, который дистанцирует их от полного текста романса, встраивает в воображаемую историю отношений Симеонова и Веры Васильевны.

В примере 1 нетрансформированная строка *Нет, не тебя! так пылко! я! люблю!* приписывается Вере Васильевне и осмысливается экзегетическим всезнающим нарратором, который приходит к выводу, что *это* (любовь) *у них* (у Веры Васильевны и Симеонова) *было взаимно*.

В примере 4 та же самая строка встроена во вполне здравые размышления Симеонова о месте упокоения не вечно молодой Веры Васильевны его мечты, а реальной Веры Васильевны. Причем раздумья о вечном посещают героя на фоне звучания грустного романса «Отцвели уж давно» и собственной театрализованной фантазии о ночном свидании с любимой. В ответ на реплику виртуальной возлюбленной *Нет, не тебя…* Симеонов отвечает прямым высказыванием (с «запальчивой» стилистической окраской), но внутренней речью: *Рассказывайте! Конечно же меня, Вера Васильевна!*

В примере 6 строка *Нет, не тебя…* (уже в статусе ключевой романсовой цитаты рассказа) усечена до синтагмы *пылко люблю* (с изменением формы времени и лица местоимения), дополнена цитатой из эмоционально созвучного романса «Отцвели уж давно…» и включена в любовное признание, адресантом которого

является Симеонов, адресатом — *подслеповатая, бедная, исхудавшая, сиплая, сухоногая старуха* Вера Васильевна. Функция пересказа признания в любви возложена на всеведущего нарратора.

В примере 3 цитата из «мужского» романса «Не для меня» подается с грамматической «поправкой», приводящей текст в соответствие с полом исполнителя: *не для нее придет весна*. А Симеонов мечтает слить в один *тоскующий, надрывный* голос два одиноких голоса — свой и Веры Васильевны — и так воссоединиться с ней.

В примере 5 точная цитата из романса «Тихо, так тихо» участвует в реализации лингвопоэтического приема контрастного сопоставления пейзажей романса (*тихо, так тихо светит луна*), ВМ (*ветер… волновал серую гладь реки Оккервиль, и Вера Васильевна заламывала руки*) и УМР (вид из окна квартиры Симеонова в сторону реальной реки Оккервиль: *…луна не поддавалась. Мылом выскальзывала из рук, неслась сквозь рваные оккервильские тучи*).

Итак, цитаты как средства формирования так называемого прямого экфрасиса функционируют в рассказе в активном режиме, устанавливают межцитатные связи, контактные и дистантные связи с нецитатным контекстом рассказа, а также специфически влияют на читателя: встречая строку из хорошо знакомого романса, читатель мысленно «пропевает» ее или слышит «ухом и сердцем», как это делают певицы.

Лингвопоэтика косвенного экфрасиса

Рассмотрим лингвопоэтику так называемого косвенного экфрасиса, предполагающего выбор языковых средств, позволяющих описать свойства певческого голоса и передать впечатления слушающего.

Прибегнув к контекстно-вариативному членению текста, выделим первый сегмент экфрастичного описания звучания голоса Веры Васильевны и его немузыкального звукового сопровождения: *— Нет, не тебя! так пылко! я! люблю! — подскакивая, потрескивая и шипя, быстро вертелась под иглой Вера Васильевна; шипение, треск и кружение завивались черной воронкой, расширялись граммофонной трубой, и, торжествуя победу над Симеоновым, несся из фестончатой орхидеи божественный, темный, низкий, сначала кружевной и пыльный…* (с. 407).

Средством графической передачи индивидуальной музыкальной фразировки певицей первой строки романса «Нет, не тебя так пылко я люблю» служит восклицательный знак. Читатель,

следуя пунктуационному регулятиву, про себя прочитывает строку «с нажимом» — с мышечным напряжением, усиливающим экспрессивность и паузировку пения, то есть по мере возможностей воспроизводит певческий прием.

Средствами передачи немузыкальных шумов, сопровождающих вращение старой пластинки и накладывающихся на пение Веры Васильевны, являются слова, лексическим значением и фонетикой которых эксплицируются звуки (*потрескивая, шипя, шипение, треск*). Эти слова вкупе с девербативом *кружение* участвуют в рождении перцептивной метафоры — видимой и слышимой *черной воронки,* будто затягивающей взгляд героя и его самого в другое пространство и другое время.

Функцию характеристики голоса, звучащего из *фестончатой орхидеи* (именная образная метафора, спровоцированная сходством формы цветка и трубы граммофона), в контексте всего текста выполняют качественные и окачествленные прилагательные *божественный, дивный, низкий, темный, кружевной, пыльный, грозовой*.

Если прилагательные *божественный, дивный* выражают высшую эстетическую оценку вокала Веры Васильевны, то катахреза *темный голос* выступает одновременно и как контекстуальный синоним тембрально-тональной характеристики *низкого голоса* (так как низ ассоциируется с темнотой), и как компонент ряда тематически близких полуотмеченных структур *кружевной голос* и *пыльный голос*. Заметим, что описательное словосочетание *низкий голос* имеет и анатомическое обоснование, поскольку чем ниже расположена гортань, тем ниже голос.

Изначально относительное прилагательное *кружевной* (в словаре В. И. Даля приводится только релятивное значение этого прилагательного — ‘сделанный из кружев’ [17, т. 2, с. 202]) в свое время пережило процесс окачествления, что зафиксировано современными толковыми словарями: «кружевной — 2. перен. ‘узорчатый, сетчатый, подобный кружеву’» [18, т. 2, с. 181]. Это значение семантически модифицируется в контекстном окружении словосочетания *кружевной голос* и эксплицирует в рассказе Толстой окказиональное значение ‘производящий голосовые модуляции, подобные изысканным узорам кружева’.

Полуотмеченную структуру *пыльный голос* можно интерпретировать двояко: как катахрезу (если считать, что относительное прилагательное *пыльный* приобретает в рассказе контекстуально обусловленное переносное перцептивное значение

‘приглушенный, нечетко звучащий’) или как перенесенный эпитет (если признать, что окачествленное прилагательное *пыльный* эксплицирует признак старости, «припорошенности» временем и что этот признак характеризует не столько голос, сколько его предметное окружение — старую пластинку, ветхий конверт, из которого ее извлекает Симеонов, антикварный граммофон *с хромым уголком*).

Грозовой голос — перцептивная катахреза, актуализирующая в экфрасисе вокала мощную экспрессию звучащего голоса и родство со стихией воды, эксплицированной ключевой метафорой рассказа: *…несся из фестончатой орхидеи голос… набухающий подводным напором, восстающий из глубин, преображающийся, огнями на воде колыхающийся, — пщ-пщ-пщ, пщ-пщ-пщ, — парусом надувающийся голос, — все громче, — обрывающий канаты, неудержимо несущийся, пщ-пщ-пщ, каравеллой по брызжущей огнями ночной воде — все сильней, — расправляющий крылья, набирающий скорость, плавно отрывающийся от отставшей толщи породившего его потока, от маленького оставшегося на берегу Симеонова, задравшего лысеющую босую голову к гигантски выросшему, сияющему, затмевающему полнеба, исходящему в победоносном кличе голосу* (с. 407–408).

Метафора представлена 14 сочетаниями существительного *голос* с одиночными причастиями и причастными оборотами, формирующими динамичный образ звучания вокала. 13 из 14 определений голоса — действительные причастия настоящего времени в значении настоящего живописного. Функции звукоподражания *пщ-пщ-пщ* можно интерпретировать по-разному: во-первых, как еще одно средство выражения мотива старости музыкальных предметов, заявленного в левом контексте употребленного звукоподражания; во-вторых, ономатопея может служить средством передачи звучания прибоя, его голоса и мелодики, а значит, может иметь прямое отношение к экфрасису вокала, что подтверждается в правом контексте рассказа. Ведь все характеристики голоса (повышение/понижение тона, сила, гибкость, подвижность, акцентирование звучания) эксплицированы в рассказе водными компаративными тропами. Их массированное употребление строит образ певческого голоса, отсылая нас к архетипической метафорике стихии воды.

По наблюдениям Г. Н. Скляревской, «семантическое поле с архилексемой Вода обладает сдвоенной структурой: первичное поле (исходное, номинативное) отражает естественные, реальные

связи между объектами действительности. Практически каждый член исходного поля может подвергаться метафоризации, образуя метафорический пучок. Совокупность метафорических пучков формирует вторичное метафорическое поле, отражающее метафорические связи» [19, с. 138]. Метафорическое поле (или пространство) анализируемого экфрасиса, безусловно, является эмотивным и оценочным: эмоции, переживаемые персонажем, выражаются не только ингерентно эмотивными лексическими средствами, но и нейтральной вне контекста лексикой, обретающей эмотивность в результате метафоризации.

Повторим: именно водная стихия, заявленная в заглавии, актуализированная в экспозиционном фрагменте экфрасиса, является источником практически всей тропеистики рассказа. Причем вода в макроконтексте произведения аксиологически и эмотивно амбивалентна: экспозиционная картина наводнения окрашена отрицательными эмоциями и оценкой, водной метафорикой экфрасиса вокала выражаются исключительно высокая оценка голоса певицы и исключительно положительные эмоции воспринимающего. Пересечение границы ВМ и УМР рассказа резко меняет аксиологический и эмотивный плюс на минус. Так, если в ВМ Симеонова Вера Васильевна предстает *наядой* — нимфой, божеством *чистых вод* Оккервиля, то в УРМ рассказа образ наяды подвергается травестии, разрушительной «перелицовке» в образ реальной Веры Васильевны, принимающей ванну в квартирке Симеонова — убежище его мечты: *Симеонов против воли прислушивался, как кряхтит и колышется в тесном ванном корыте грузное тело Веры Васильевны, как с хлюпом и чмоканьем отстает ее нежный тучный налитой бок от стенки влажной ванны, как с всасывающим звуком уходит в сток вода, как шлепают по полу босые ноги и как наконец, откинув крючок, выходит в халате красная распаренная Вера Васильевна: «Фу-ух. Хорошо»* (с. 423).

По мнению Л. О. Чернейко, «выбор метафоризатора персонажем, который является субъектом сознания и субъектом речи, определяется… мировоззрением субъекта речи и его психоэмоциональным состоянием в момент говорения» [20, с. 16]. Функция речеведения в анализируемом рассказе возложена не на персонажа, а на всеведущего экзегетического нарратора, транслирующего все оттенки восторга, испытываемого главным персонажем, аудиально воспринимающим и визуально представляющим образ вокала Веры Васильевны.

Структура ключевой метафоры создается за счет одновременной реализации приемов стилистической конвергенции, представляющей собой «концентрацию средств художественной выразительности, участвующих в выполнении одной и той же стилистической функции» [21, с. 251]), и синтаксической конвергенции, выражаемой «группой из нескольких совпадающих по функции элементов, объединенных одинаковым синтаксическим отношением к подчиняющему их слову или предложению» [22, с. 256].

Метафорическая концовка экфрасисного описания вокала выполнена в той же лингвопоэтической технике, что и ключевая метафора: …*слышен был дивный нарастающий грозовой голос, восстающий из глубин, расправляющий крылья, взмывающий над миром, над распаренным телом Верунчика, пьющего чай с блюдечка, над согнувшимся в своем пожизненном послушании Симеоновым, над теплой кухонной Тамарой, над всем, чему нельзя помочь, над подступающим закатом, над собирающимся дождем, над ветром, над безымянными реками, текущими вспять, выходящими из берегов, бушующими и затопляющими город, как умеют делать только реки* (с. 424).

* * *

Таким образом, индивидуально-авторская концептуальная, перцептивная, эмотивно-оценочная метафорика рассказа-экфрасиса Т. Толстой «Река Оккервиль» является и ориентационной, поскольку утверждает непреложность победы культурной вертикали: *дивный грозовой голос* (как искусство, как мастерство, как дар души душам) *взмывает над миром*, над судьбами его персонажей, над их радостями и бедами, мечтами и разочарованиями. По словам Ю. М. Лотмана, «чем глубже ситуация непереводимости между двумя языками, тем острее потребность в общем для них метаязыке, который перекидывал бы между ними мост, способствуя установлению эквивалентностей» [23, с. 56]. Компаративные тропы становятся таким мостом.

---

1. *Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык. М., 2002. 384 с.

2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998. 895 с.

3. *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М., 1990. С. 5–32.

4. *Бабенко Л. Г., Романова М. А.* Метафорическое пространство эмоций в русском языке: структура и когнитивные стратегии моделирования // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 6. С. 9–30.

5. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. 184 с.

6. *Бабенко Н. Г.* Лингвопоэтика русской литературы эпохи постмодерна. СПб., 2007. 410 с.

7. *Бабенко Н. Г.* Лингвопоэтика «легких миров» Татьяны Толстой // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. № 3. С. 68–74.

8. *Богданова О. В., Богданова Е. А.* «Петербургский текст» Татьяны Толстой (мотивный комплекс рассказа «Река Оккервиль») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 4 (36). С. 150–155.

9. *Геллер Л.* Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе : тр. Лозанн. симп. М., 2002. С. 5–22.

10. *Глазунова О. И.* Логика метафорических преобразований. СПб., 2000. 190 с.

11. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1978–1980.

12. *Долинин К. А.* Стилистика французского языка. Л., 1978. 289 с.

13. *Доманский В. А.* Интермедиальность произведений русской классики (на материале творчества И. С. Тургенева) // Мир русского слова. 2020. № 2. С. 82–87.

14. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. СПб., 2015. 416 с.

15. МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957.

16. *Сергеева Л. А.* Метафора как когнитивный механизм формирования аксиологических концептов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 12. С. 163–166.

17. *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 1993. 151 с.

18. *Тишунина Н. В.* Западноевропейский символизм и проблемы взаимодействия искусств : Опыт интермедиального анализа. СПб., 2001. 159 с.

19. *Толстая Т. Н.* Река Оккервиль // Толстая Т. Ночь : рассказы. М., 2001. С. 406–424.

20. *Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С.* Общая риторика : курс лекций : словарь ритор. приемов : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Филология». 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д, 1999. 316 с.

21. *Хаминова А. А., Зильберман Н. Н.* Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38–45.

22. *Чернейко Л. О.* Языковая метафора и метафорическое мышление // Язык, сознание, коммуникация. М., 2021. Т. 63. С. 40–61.

23. *Яценко Е. В.* «Любите живопись, поэты…». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47–57.

3.2. Краткая история, современное состояние и перспективы развития теории текста

Текстоцентризм и антропоцентризм современного гуманитарного знания стимулируют особое внимание к тексту и стоящей за ним языковой личности, включенной в текстовую деятельность в процессе коммуникации. Текст и все, что с ним связано, становятся основными объектами изучения в гуманитарных науках: филологии (лингвистике и литературоведении), социологии, психологии, истории и т. д. Согласно модели речевой коммуникации Р. О. Якобсона, это *автор, адресат*, *канал связи, язык (код), действительность*, стимулирующая автора к текстовой деятельности и так или иначе отраженная в тексте [1].

Текстоведение относится к интегративной области знания, включающей *общую и частную теорию текста.* Первая связана с комплексом наук, каждая из которых содержит разные направления исследования, имеющие свои более узкие цели и задачи. При этом жестких границ между ними нет ввиду общей тенденции в современной науке к интеграции и дифференциации. *Общая теория текста* нацелена на выявление его универсальных закономерностей, свойственных всем типам текста, его статуса (языкового или речевого), общих качеств, организации структуры, семантики, функций. *Общая теория текста* включает *текстологию, лингвистику текста* (*семантику, синтактику, прагматику текста*), *стилистику текста* (*стилистику декодирования*, *стилистику текста, функциональную стилистику, коммуникативную стилистику текста*). *Частная теория текста*, согласно нашей концепции, посвящена исследованию отдельных вопросов и текстов какого-либо одного типа (например, художественных, публицистических и др., см. подробнее: [2]).

Все области знания, нацеленные на изучение текста, так или иначе связаны с рассмотрением текстовой деятельности — первичной (процессами порождения текста) или вторичной (процессами восприятия, интерпретации и понимания). Современная когнитивно-дискурсивная научная парадигма акцентирует особое внимание в данном процессе на коммуникативно-когнитивных и дискурсивных аспектах текстовой деятельности. На это и направлены в последнее время усилия ученых, изучающих разные виды текста.

В 2003 г. Н. С. Валгина подчеркивала неразработанность теории текста, включая его типологию, определение отдельных

понятий и категорий [3, с. 5], и писала: «Теория текста как научная и тем более учебная дисциплина в настоящее время еще недостаточно сложилась как непротиворечивая и всесторонняя система знаний о тексте» [Там же, с. 269]. Изменилась ли ситуация в последние годы?

Очевидно, что заметно расширилась эмпирическая и теоретическая база исследования в данной области, появляются новые типы текстов (например, сгенерированные нейросетью) и новые жанры, особенно в медиа [4], разрабатываются новые методы исследования, включая разные виды компьютерного анализа и методы, основанные на использовании НКРЯ, усиливается синкретизм стилей и жанров, а также связь теории текста со смежными областями знания. Текст по-прежнему интересен исследователям как сложный многоаспектный феномен, имеющий свои тайны и загадки. Тем не менее, с начала 2000-х гг. многое сделано в области теории текста. Осветить все многообразие научных достижений в этой сфере за прошедшие годы не представляется возможным, остановимся лишь на некоторых вехах в разработке этого важнейшего направления русистики.

Долгое время считалось, что наиболее изученными являются художественные тексты. Действительно, им были посвящены работы выдающихся исследователей в области филологии (М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, Л. В. Щербы, Ю. М. Лотмана, Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского и др.). На разных этапах в разные годы особенно актуализировались отдельные области филологического знания — литературоведения, стилистики художественной речи, лингвистической поэтики, стилистики текста, лингвистики текста (см. подробнее с учетом хронологии об истории изучения текста, например: [3; 5–10]).

Кроме особого внимания к художественным текстам, в разные годы акцент смещался на изучение других видов текстов: *разговорных* и *диалектных* (исследования Е. А. Земской, О. Б. Сиротининой, В. Е. Гольдина, О. И. Блиновой и ученых ее школы и т. д.), *научных* (труды Пермской научной школы функциональной стилистики М. Н. Кожиной, М. П. Котюровой, Е. А. Баженовой и др.), *публицистических* (работы В. Г. Костомарова, Г. Я. Солганика, И. П. Лысаковой, В. А. Салимовского и др.). В эпоху Интернета в связи с появлением новых информационно-компьютерных технологий повышается интерес к медиатекстам и медиадискурсу (труды Г. Я. Солганика, Т. Г. Добросклонской, М. Ю. Казак, Л. Р. Дускаевой, Н. И. Клушиной и др.).

Вместе с тем *художественный текст* как один из наиболее сложных в плане интерпретации объектов исследования по-прежнему остается актуальным. Среди исторически сложившихся научных центров его лингвостилистического изучения можно назвать Москву (В. В. Виноградов, М. М. Бахтин, Л. Ю. Максимов, Н. А. Николина и др.), Санкт-Петербург (Б. А. Ларин, И. В. Арнольд, К. А. Долинин, З. Я. Тураева, Е. А. Гончарова, К. А. Рогова и др.), Саратов (А. П. Скафтымов, М. Б. Борисова, И. А. Тарасова и др.), Екатеринбург (Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин, Н. А. Купина, Т. В. Матвеева, М. Ю. Мухин и др.), Томск (Н. С. Болотнова, А. А. Васильева, С. А. Иванченко, О. В. Исаева, О. Л. Кабанина, С. М. Карпенко, Н. Г. Петрова, А. В. Шутова и др.). Стимулом к этому не только в области теории текста, но и в сфере образования стали работы Л. В. Щербы [11] и Н. М. Шанского [12–13] в связи с введением в образовательную практику вузов дисциплин «Лингвистический анализ художественного текста», «Филологический анализ текста», а в некоторых вузах и различных спецкурсов по текстоведению. Это нашло отклик в трудах ученых в 2000-е гг. Одним из первых стал учебник по лингвистическому анализу художественного текста под редакцией Л. Г. Бабенко [7].

В 1999 и 2001 гг. вышли учебные пособия «Основы теории текста» [14], «Основы текстоведения в школе» [15], «Филологический анализ текста» [16], в которых с учетом достижений предшественников, включая работы Е. В. Сидорова [17], О. Л. Каменской [18] и др., была развита концепция коммуникативно-деятельностного подхода к тексту, получившая дальнейшую разработку в рамках коммуникативной стилистики текста. В 2001–2005 гг. вышли новые части пособия «Филологический анализ текста» [16], позднее объединенные в издание 2006 г., включающее алгоритмы разных видов лингвистического, стилистического и филологического видов анализа текстов разных типов [2].

В 2003 г. Н. С. Валгиной были обобщены методологические принципы анализа текста, его категории (время/пространство); в качестве единиц текста рассмотрены высказывание и сверхфразовое единство, описана специфика единиц композиционно-стилистической сферы (абзац, глава, раздел и т. д.); среди видов текста выделены художественные/нехудожественные, монологические/диалогические, креолизованные; описаны специфика авторской модальности в тексте, виды информации, типы фоновых знаний, важных для создания и восприятия текста; рассмотрен образ автора [3]. В определении текстовых категорий был реализован

коммуникативно-прагматический принцип. Важно, что еще раз было акцентировано определение текста как «динамической коммуникативной единицы высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение» [3, с. 271].

В 2003 г. увидели свет пособия Н. А. Николиной и Н. А. Купиной [6; 19], в которых с учетом достижений предшественников акцентируется взаимодействие литературоведческого и лингвистического подходов к изучению художественного текста, подчеркнута особая роль читателя, в качестве этапов анализа предложено изучение жанра и пространственно-временной организации произведения, архитектоники, структуры повествования, системы образов, элементов интертекста с последующей характеристикой идейно-эстетического содержания текста [6, с. 9]. Среди особых признаков художественного текста названы его креативный и условный характер, системная организация, представляющая различные коды, особая роль поэтического слова, взаимосвязь всех элементов и их изоморфизм, связь с другими текстами, наличие не только прямой, но и неявной информации [Там же, с. 11–21]. Это и другое издание [см.: 19] нацелены на реальную практику филологического анализа текстов.

Особое место в исследовании художественных текстов занимают труды ученых УрФУ в целом и представителей Уральской семантической школы Л. Г. Бабенко в частности. Поражают и радуют научный потенциал и выдающиеся успехи в разных областях русистики ученых этой школы, внесших значительный вклад в развитие семантики, отечественной лексикографии, когнитивной лингвистики, теории текста (работы Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарина, М. Ю. Мухина и др.). Остановимся на вкладе ученых этой научной школы в современное изучение теории художественного текста и практику его лингвистического и филологического анализа.

Л. Г. Бабенко в учебнике [8] разработана концепция комплексного филологического анализа художественного текста на лингвистической основе с акцентом на его семантическом, структурном и коммуникативном аспектах организации, представлена история его изучения в аспекте лингвистики текста и смежных с ней областей знания, охарактеризованы основные направления его изучения (психолингвистическое, деривационное, когнитивное), отмечено, что «окончательно сформировавшейся когнитивной теории текста пока еще нет» [Там же, с. 26]. Выделены основные подходы к его изучению: *функционально-лингвистический* с рассмотрением сложного синтаксического целого

как основной единицы текста; *функционально-коммуникативный* (системно-деятельностный). Определены основные признаки и категории художественного текста (целостность, завершенность, связность, абсолютная антропоцентричность, социологичность, диалогичность, единство внешней и внутренней формы, развернутость и последовательность, статичность и динамичность, напряженность, эстетичность, интерпретируемость, образность), предложен алгоритм его анализа, который успешно используется в учебной практике, что подтверждено многочисленными переизданиями учебника. Акцент, таким образом, в данной работе сделан на изучении художественных текстов.

Учебник Ю. В. Казарина, посвященный филологическому анализу поэтического текста, органично дополняет учебник Л. Г. Бабенко. Поэтический текст рассмотрен автором как «функционально-эстетическая система невербальной, паравербальной и собственно языковой природы» [9, с. 2], с учетом специфики данного текста определены единицы «культурного, эстетического и духовного макрокомпонентов» его организации. Текст при этом представлен как «знак истории, эстетики, языка и культуры в целом» [Там же, с. 3], то есть рассмотрен комплексно, многоаспектно, с учетом его различных составляющих, участвующих в формировании эстетического смысла в сознании читателя. Особое внимание автор обращает на такие особенности, как графическая, дискурсная, фонетическая, языковая формы стихотворения [Там же, с. 18]. Среди признаков поэтического текста выделены комплетивность, экспериментальность, герметичность (наличие устойчивых формально-смысловых индивидуально-авторских кодов), репродуктивность, цельнооформленность и идиоматичность (способность выражать бытийную или культурную ситуации) [Там же, с. 38–41]. Характерно, что исследователь в соответствии со своей концепцией выделил *текстовую личность* (в научной литературе по стилистике ее еще называют *поэтической языковой личностью*): «это личность текстотворца, выраженная в языковом, эстетическом и духовном пространствах (поэтического) текста и реконструированная на базе языковых, культурных, эстетических и духовных средств языка» [Там же, с. 105].

Новаторским стал и подход М. Ю. Мухина к изучению концептуальной системы писателей [20]. На основе рассмотрения тематической структуры текстов и слов с учетом их частотности в текстах разных авторов и использования компьютерно-статистического анализа автору удалось по-новому подойти к проблеме

выявления смысла художественного текста и идиостиля писателя благодаря сравнительному анализу идиолектов разных авторов.

В дополнение к сказанному об исследованиях в области теории текста отметим работы в рамках коммуникативной стилистики — научного направления, разрабатываемого в течение 30 лет в Томском государственном педагогическом университете [21; 22]. Еще в работах начала 1990-х гг. был обозначен коммуникативно-деятельностный подход к тексту с опорой на его лексическую организацию и с учетом ключевой роли слов в текстообразовании и восприятии и интерпретации текста [23; 24]. С учетом достижений *функциональной лексикологии* (работы В. В. Степановой, Н. Е. Сулименко, В. Д. Черняк и др.), *функциональной стилистики* (труды М. Н. Кожиной, М. П. Котюровой, Е. А. Баженовой, В. А. Салимовского, Л. Р. Дускаевой и др.), *лингвистической прагматики* и *психолингвистики* (исследования Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, И. А. Зимней, А. А. Залевской и др.), *филологической герменевтики* (работы Г. П. Щедровицкого, Г. А. Богина и др.) в последующие годы были определены три основных вектора в разработке коммуникативной стилистики текста — *теории регулятивности, текстовых ассоциаций* и *смыслового развертывания текста,* связанные между собой в рамках первичной и вторичной текстовой деятельности.

В русле этих направлений сейчас и развивается коммуникативная стилистика текста, в которой акцентируется внимание не только на художественных текстах, по-прежнему находящихся в поле зрения ученых (исследования Н. С. Болотновой, Н. Г. Петровой, О. Л. Кабаниной, А. В. Шутовой, С. А. Иванченко, Н. В. Захарчевской и др.), но и на эпистолярных (работы А. В. Курьянович, Н. В. Щитовой), рекламных, публицистических, медиатекстах (труды О. В. Орловой, И. А. Пушкаревой, А. В. Болотнова, Н. С. Болотновой, А. А. Каширина, Ю. А. Хомченко, Ю. Б. Извековой) при явном усилении медийного и когнитивно-дискурсивного векторов исследований [22].

Остановимся на ключевых вопросах, важных для теории текста, с учетом цели данной работы. Под текстом в коммуникативной стилистике понимается «коммуникативно ориентированный, концептуально обусловленный продукт реализации языковой системы в рамках определенной сферы общения, имеющий информативно-смысловую и прагматическую сущность» [2, с. 159; 23, с. 22].

В коммуникативной стилистике текста важной стала концепция Е. В. Сидорова, определившего *коммуникативность* как

совокупное качество любого текста и выделившего четыре его основных универсальных системных качества: *информативность, структурность, интегративность* и *регулятивность* [17]. Связанные между собой и свойственные любому тексту, они были уточнены в рамках данного направления (на следующем уровне абстракции после *коммуникативности* выделены *концептуальность* (наличие ключевого концепта, идеи, отражающих авторский замысел) и *прагматичность* (способность воздействовать на адресата), соотносящиеся, согласно принятой концепции, с двумя основными уровнями в структуре любого текста — *информативно-смысловым* и *прагматическим*. Понятия «концептуальность» и «прагматичность» были конкретизированы применительно к художественному тексту с учетом его особенностей и коммуникативной природы: выделены *эстетически ориентированная концептуальность* и *эстетически обусловленная прагматичность* [2; 21]. Выявленные И. Р. Гальпериным, Г. В. Колшанским, Ю. А. Сорокиным, А. И. Горшковым и др. текстовые качества — *цельность, связность, смысловая завершенность, отдельность, прагматичность, членимость, модальность, эмотивность, экспрессивность, проспекция* и *ретроспекция* — были структурированы с учетом системных качеств текста и коммуникативности как его совокупного качества [2; 14; 15; 23 и др.]. Так, информативность как системное качество на другом уровне абстракции в условной схеме текстовых качеств представлена как особенно тесно связанная со *смысловой завершенностью, отдельностью, цельностью (целостностью)*, структурность — со *связностью, членимостью, цельностью*; связность, в свою очередь, с *проспекцией* и *ретроспекцией*; интегративность — со *связностью, когезией (сцеплением), модальностью;* регулятивность — с *модальностью, экспрессивностью, эмотивностью* текста.

Отметим многообразие точек зрения на проблему сущности и типов текстовых категорий (работы И. Р. Гальперина, М. Н. Кожиной, З. Я. Тураевой, С. Г. Ильенко, И. Я. Чернухиной, Т. В. Матвеевой и др.; см. историю вопроса и обзор: [2, с. 190–225]): от отсутствия, по мнению некоторых ученых, разницы между признаками текста и категориями, до признания текстовых категорий как его типовых особенностей, отражающих обобщенные признаки текста, и трактовки категорий как выражающих его внутреннюю сущность с учетом отраженных в нем универсальных смыслов. В свете коммуникативно-деятельностного подхода к тексту в рамках коммуникативной стилистики текстовые категории

были рассмотрены как специфические признаки целого, отличающие текст от других языковых явлений (С. Г. Ильенко), имеющие полевое устройство, обусловленное репрезентацией текстовых категорий разноуровневыми текстовыми единицами (Т. В. Матвеева). Ключевыми универсальными текстовыми категориями, учитывая коммуникативную природу любого текста, необходимо считать глобальные категории *диалогичности*, включая субкатегории *субъектности* и *адресованности*, а также *время, пространство, событие*. Именно они прежде всего важны для понимания сущности текста, его функций, организации и закономерностей в первичной и вторичной текстовой деятельности.

В коммуникативной стилистике в рамках системно-деятельностного подхода к тексту с учетом его главных функций (информативной и прагматической) в нем выделены *информативно-смысловой* и *прагматический уровни,* а в качестве их единиц рассмотрены *прагмемы* и *информемы* [21, с. 70–73; 23]. Они определяются как динамичные текстовые элементы в единстве их формы и содержания, соответствующие различным подуровням текста. Граница между прагмемами и информемами подвижна и определяется доминированием в них информативной или прагматической функций и наличием/отсутствием в языковой единице коннотации (экспрессивности, эмоциональности, оценочности и/или стилистической маркированности).

Информемы и прагмемы рассмотрены *в лингвистическом аспекте* с точки зрения средств их материализации (с выделением единиц фонетического, морфологического, лексического и синтаксического уровней текстовой организации) и в *экстралингвистическом аспекте* — как квантов знаний — когнитивных единиц ментального уровня, включенных в текстовую деятельность личностей автора и адресата, стоящих за текстом. На *информативно-смысловом уровне* в этом плане выделяются следующие подуровни: *предметно-логический* (с денотатом, их подсистемой и системой денотатов как единицами, связанными иерархическими отношениями); *тематический* (с выделением в качестве единиц элементов микротем, микротем, темы, тематического блока, дискурса) и *сюжетно-композиционный* (его единицы — элемент ситуации, фрагмент ситуации, ситуация (событие), куст ситуаций (эпизод), система эпизодов).

Эмоциональный, образный и *идейный подуровни* выделены в рамках *прагматического уровня* текстовой организации с соответствующими единицами. В лингвистическом аспекте в рамках

прагматического уровня текста выделены два подуровня: *экспрессивно-стилистический* с соответствующими единицами — экспрессемами и *функционально-стилистический* (в качестве его единиц рассмотрены стилемы). На *эмоциональном подуровне* в качестве единиц выделены эмотема, система эмотем, эмоциональный тон, динамика эмоционального тона; на *образном подуровне* это микрообраз, система микрообразов, художественный образ, система художественных образов; на *идейном подуровне* это микроидея, система микроидей, система идей.

Формами выражения прагмем и информем разных уровней являются языковые знаки и знаковые последовательности, передающие разные по объему кванты знания и прагматический заряд. Содержательный план прагмем и информем определяется их проекцией на разные уровни текста и зависит не только от узуальной семантики соответствующих языковых знаков и своеобразия текстовой организации, но и от информационного тезауруса адресата, воспринимающего текст, от специфики его концептуальной картины мира [21, с. 31].

Теория регулятивности в коммуникативной стилистике нацелена на изучение одного из системных качеств текста — его регулятивности, «управляющей» познавательной деятельностью адресата (Е. В. Сидоров) и включающей анализ различных *регулятивных средств и структур* (прагмем и информем разных уровней текста) как его отдельных элементов и их взаимосвязи на уровне *текстовых парадигм, стилистических приемов* и *типов выдвижения*, выделения *регулятивных доминант* и *способов регулятивности* (принципов их организации на основе *регулятивных стратегий разного типа*) [2; 21; 25].

В аспекте речевой деятельности прагмемы и информемы — это не только лингвистические единицы разных уровней текста, но и стимулированные ими и коррелирующие с ними структуры сознания воспринимающего текст субъекта (кванты знания), то есть когнитивные единицы. Материализованные лингвистически в тексте и отражаемые в сознании читателя, прагмемы и информемы стимулируют ассоциативную деятельность, порождая ассоциации разного типа [24], и приобретают статус «смыслов» разных рангов и уровня обобщения. Это стало основой для разработки в коммуникативной стилистике *теории текстовых ассоциаций* (см. работы Н. С. Болотновой, С. М. Карпенко, А. А. Васильевой, А. В. Болотнова) и *теории смыслового развертывания текста*, направленной на выявление ключевых смысловых признаков

и изучение отношений *дополнения, усиления и контраста* между ними, являющихся универсальными (см., например: [26]).

Таким образом, общая концепция коммуникативной стилистики фокусирует разные аспекты текста как основной формы коммуникации и единицы культуры, реализуя системно-деятельностный подход к его изучению с акцентом на его форме, содержании и функциях, учитывая также многоаспектные связи с лингвистическими и экстралингвистическими факторами текстообразования на уровне выделенных единиц (прагмем и информем) и их организации с учетом стоящих за текстом *языка (кода)*, *действительности*, *канала связи* и *языковых личностей автора* и *адресата*. Изучение идиостиля языковых личностей на основе их текстовой деятельности является ключевой проблемой в коммуникативной стилистике с момента ее существования.

В целом перспектива дальнейшей разработки теории текста может быть связана, во-первых, с *изучением лингвокогнитивных механизмов организации* разных типов текстов с учетом их специфики и особенностей их лексической структуры [27]. Данные механизмы определяются как речемыслительные процессы, формирующие обобщенный смысл текста (гиперконцепт), стимулированные общей системой текста, включающие когнитивные операции анализа, сравнения, синтеза с опорой на ассоциативную деятельность и имеющийся у индивида опыт [Там же, с. 38]. Среди них в поэтических текстах в русле коммуникативной стилистики с опорой на теорию регулятивности и лексическую структуру текста были выявлены некоторые *лингвокогнитивные механизмы формирования гиперконцепта*, отражающего идею и творческий замысел автора:

1) *сквозной усилительно-конвергентный*, связанный с последовательным усилением ключевого концепта различными регулятивными средствами и структурами в рамках индуктивно-дедуктивной лексической макроструктуры текста, с повтором как способом регулятивности и регулятивной стратегией поэтапного усиления семантических признаков ключевого концепта;

2) *замкнутый последовательно-дополнительный*, проявляющийся в поэтапной художественно-образной конкретизации разных признаков гиперконцепта на основе использования сильной регулятивной стратегии однородного эксплицитного типа и повтора как основного способа регулятивности;

3) *сопоставительно-парадоксальный*, стимулированный регулятивной стратегией парадоксально-контрастивного типа,

контрастом как основным способом регулятивности и текстовыми парадигмами антонимического типа как регулятивной доминантой;

4) *сопоставительно-синтезирующий*, отражающий синтез (обобщение) на основе ассоциативно-смыслового развертывания разных граней (признаков) ключевого концепта, стимулированных ступенчатой лексической макроструктурой индуктивно-дедуктивного типа [27, с. 38].

Данные механизмы выявлены применительно к поэтическим текстам, но они актуальны и для других типов текстов, включая медиатексты, однако регулятивность текстов разных видов будет различаться с учетом специфики сферы коммуникации, используемых регулятивных средств и структур.

Во-вторых, перспектива в разработке теории текста может быть связана с выявлением *различных кодов к тексту* с учетом его типа (о кодах текста говорилось и в рассмотренных ранее работах Н. А. Николиной и Ю. В. Казарина применительно к художественным текстам). Актуально это и для любого текста.

Так, выделены следующие *коды к медиатекстам*:

— *языковой* — концептуально и прагматически обусловленная система лингвистически выраженных сигналов репрезентации авторской интенции и всего содержательного плана текста;

— *предметный* — лингвистически и/или аудио или визуально материализованные, концептуально и коммуникативно обусловленные сигналы, актуализирующие различные эксплицированные в тексте реалии (денотаты), их связи и отношения, отражающие описываемое событие (информационный повод);

— *образно-культурологический* — система прагматически обусловленных, лингвистически и/или аудио и визуально выраженных сигналов культурной информации, формирующих образы в сознании читателя в соответствии с интенцией и картиной мира автора, коммуникативной стратегией СМИ как информационной площадки, на которой размещается медиатекст;

— *композиционный* — система сигналов содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации, репрезентирующих ее благодаря особому композиционному развертыванию текста, когда не только языковые средства, но и монтаж сюжетно-композиционных частей текста, включая рисунки, фотографии, эмотиконы, несет адресату дополнительную информацию и может формировать прагматический эффект;

— *коммуникативный* — лингвистически и экстралингвистически выраженные, концептуально и прагматически обусловленные сигналы определенных речевых стратегий, тактик, коммуникативных ролей, речевого поведения автора, которые актуализируют содержание текста, авторскую интенцию и создают прагматический эффект;

— *эмотивный* — лингвистически и/или экстралингвистически (аудио и визуально) выраженная, концептуально и прагматически обусловленная система сигналов (эмотем) различных эмоций, отражающая авторскую интенцию, формирующая эмоциональную тональность медиатекста на основе динамики эмотем и экстралингвистических сигналов (рисунков, фотографий, эмотиконов);

— в качестве интегрального (доминантного) можно, по-видимому, выделить *смысловой код,* имеющий синкретичный информационно-прагматический характер, учитывая в качестве основных информационную и воздействующую функции массмедиа с возможным акцентом в разных типах медиатекстов на его разных составляющих: в PR-текстах и рекламе — с доминированием *прагматического кода* (манипулятивно-прагматического), в журналистских текстах разных жанров — при общем синкретизме — с доминированием в разной степени *информативно-смыслового* и *прагматического кодов* [28, с. 33–36].

* * *

Подводя итоги, отметим важность и актуальность дальнейших разработок в сфере теории текста, которая будет динамично развиваться дальше вместе с появлением текстов новых типов, новых жанров, с гибридизацией жанров и стилей, усилением новых связей со смежными дисциплинами, расширением методологической базы, а главное — с меняющейся действительностью и речевой практикой разных типов языковых личностей, участвующих в текстовой деятельности в новых условиях. Текстоведение было и останется одним из ведущих направлений лингвистики нового тысячелетия.

---

1. *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.

2. *Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста : учеб. пособие. 2-е изд. Томск, 2006. 631 с.

3. *Валгина Н. С.* Теория текста : учеб. пособие. М., 2003. 280 с.

4. Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справ. / под ред. Л. Р. Дускаевой. М., 2018. 440 с.

5. *Болотнова Н. С.* Краткая история стилистики художественной речи в России (к истокам коммуникативной стилистики текста). Томск, 1996. 48 с.

6. *Николина Н. А.* Филологический анализ текста : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. М., 2003. 256 с.

7. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В., Васильев И. Е.* Лингвистический анализ художественного текста : учебник для вузов. Екатеринбург, 2000. 534 с.

8. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов. М. ; Екатеринбург, 2004. 464 с.

9. *Казарин Ю. В.* Филологический анализ поэтического текста : учебник для вузов. М. ; Екатеринбург, 2004. 432 с.

10. *Болотнова Н. С., Болотнов А. В.* Актуальные проблемы стилистики в современном и историческом освещении // Вестник Томского государственного педагогического университета = Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2024. Вып. 3 (233). С. 56–64.

11. *Щерба Л. В.* Опыт лингвистического толкования стихотворений // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 97–109.

12. *Шанский Н. М.* Лингвистический анализ художественного текста. М., 1990. 170 с.

13. *Шанский Н. М., Махмудов Ш. А.* Филологический анализ художественного теста. СПб., 1999. 317 с.

14. *Болотнова Н. С.* Основы теории текста : пособие для филологов. Томск, 1999. 100 с.

15. *Болотнова Н. С., Безменова Л. А. и др.* Основы текстоведения в школе : кн. для учителя / отв. ред. Н. С. Болотнова. Томск, 2000. 244 с.

16. *Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста : [в 4 ч.]. Томск, 2001–2005.

17. *Сидоров Е. В.* Проблемы речевой системности. М., 1987. 140 с.

18. *Каменская О. Л.* Текст и коммуникация. М., 1990. 152 с.

19. *Купина Н. А., Николина Н. А.* Филологический анализ текста : практикум. М., 2003. 408 с.

20. *Мухин М. Ю.* Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, А. Платонов. М. Шолохов : монография. Екатеринбург, 2010. 232 с.

21. *Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика текста : словарь-тезаурус. Томск, 2008. 384 с.

22. *Болотнова Н. С., Болотнов А. В., Карпенко С. М.* Коммуникативная стилистика текста : биобиблиогр. указ. по науч. направлению. Томск, 2024. 316 с.

23. *Болотнова Н. С.* Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992. 312 с.

24. *Болотнова Н. С.* Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994. 212 с.

25. *Болотнова Н. С.* Методика анализа поэтического текста на основе теорий текстовых ассоциаций и регулятивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2025. Т. 24, № 3. С. 19–28.

26. *Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика текста: теория смыслового развертывания и перспектива ее развития // Русская речевая культура и текст : материалы XIV Междунар. науч. конф. (Томск, 15–16 мая 2026 г.) / под общ. ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск, 2026. С. 32–38.

27. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика: лингвокогнитивные механизмы смысловой интерпретации поэтического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета = Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2021. Вып. 6 (218). С. 38–48.

28. *Болотнова Н. С.* Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста : учеб. пособие. 2-е изд., стер. М., 2019. 156 с.

3.3. О возможности лексикографирования восклицательных «слов» в текстах Ф. М. Достоевского

Сочетание «восклицательное “слово”» (далее — ВС) Ш. Балли использовал равнозначно понятию «междометие» [1, с. 311], сам же термин «междометие» во многих европейских языках — производное от лат. «interiectio», то есть ‘восклицание’ и ‘размещение между, вставка’. Употребленное Ш. Балли в кавычках «слово» отражает взгляд ученого на то, что такие единицы нельзя в полном смысле считать словами, поскольку они выходят за пределы частеречной классификации [Там же, с. 312].

Наиболее распространенные толкования категории «междометие» следующие:

> Класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность. Междометия не являются ни знаменательной, ни служебной частью речи. От знаменательных слов они отличаются отсутствием номинативного значения (выражая чувства и ощущения, междометия не называют их); в отличие от служебных частей речи, междометиям не свойственна связующая функция [2, с. 290]; Лексико-грамматический класс неизменяемых слов, не относящихся ни к служебным, ни к знаменательным словам и служащих для выражения (но не называния) чувств, экспрессивных оценок, волевых побуждений, призыва [3, с. 230]; Письменные фиксации вокальных жестов, собственно междометия — это *иконические знаки, звукоподражательные слова*, передающие звучание

> вокальных жестов графически, средствами алфавита (курсив автора. — *И. Р.*) [4, с. 15].

Все эти и подобные им определения различаются лишь незначительными нюансами и основаны в целом на двух исконных свойствах междометия — являться восклицанием, возгласом, выражающим, но не называющим чувства, эмоции и т. п. (отсюда и разнообразные словарные дефиниции, использующиеся для толкования междометий: «выражает…», «возглас, выражающий…», «употребляется для выражения/обозначения…», «употребляется для обозначения звуков, издаваемых при…», «употребляется звукоподражательно для обозначения…», «передает…», «служит для воспроизведения/передачи…», «воспроизведение *чего-л.*», «возглас *чего-л.*» и др.), и быть вне какой-либо группы в частеречной классификации, находиться «между». Ничего необычного в существовании такого рода языковых единиц нет: в любой системе, в том числе и языковой, непременно должны быть асистемные элементы, без них система перестает функционировать. Кроме того, имеются все основания полагать, что именно возгласы стали первоосновой также знаменательных частей речи, «полнозначных» слов [см.: 5, с. 23–34; 6].

Оставляя в стороне вопрос о том, считать ли междометие самостоятельной частью речи (подчас споры о частеречной принадлежности некоторых лексических единиц носят чисто спекулятивный характер — «Современная лингвистика не очень хорошо понимает, что она сама говорит» [6, с. 180–181]), скажем, что в отдельных гипотетических ситуациях функцию междометий может в разной степени выполнять любое слово, служебное или знаменательное, и не только слово, но и невербализованный звук, выражающий эмоцию, оценку, волеизъявление и т. п. В известном мультфильме «Маша и Медведь» одна Маша произносит слова и фразы, а Медведь проявляет эмоции, чувства, дает оценку и т. д. исключительно посредством мимики, жестов или каких-то звуков, не всегда членораздельных, но в целом абсолютно понятных зрителю, в первую очередь ребенку. Посредством междометий вполне можно выражать примитивные мысли и желания, как это делает известный персонаж Ильфа и Петрова. Несомненна также связь изложенного выше тезиса с теорией панэмоциональности, согласно которой любое слово языка потенциально эмотивно [см., например: 7], и с вопросом об узуальности и окказиональности в использовании ВС. Кроме того,

в определенных случаях необходимо учитывать употребление ВС в связи с отсутствием звука, паузами. Не случайно в отдельных словарях синонимов в качестве семантического эквивалента слова «междометие» приводятся *молчание, тишина, запятая, точка* и т. п.

Сказанное вовсе не означает, что понятия «междометие» и «восклицательное слово» следует рассматривать как синонимы. ВС, на наш взгляд (данную точку зрения разделяют далеко не все лингвисты), один из разрядов междометий, другие их группы — это, к примеру, междометия-звукоподражания: *га-га, динь-динь-динь, ква-ква, кряк, кхе, кхе-кхе-кхе, кхе-кхе-кхе-кх, кхи, кхи-кхи, му-му, ох-хо-хо, пуф, пуф-пуф, тук-тук* и т. п., глагольные междометия типа *бряк, бух, мах, прыг, стук-стук* и др. Все перечисленные слова встречаются в текстах Ф. М. Достоевского, однако в настоящем исследовании мы сосредоточим свое внимание только на ВС, на их функциях. ВС — не любые междометия, но вполне конкретная группа «эмотивов-экспрессивов», к которой в принципе может быть отнесено любое слово-возглас или сочетание слов, выражающее, но не называющее эмоцию или оценку. Важно, что это слова, эксплицирующие в контексте, языковом и/или внеязыковом, эмосему, сему эмотивности [3, с. 84].

Говоря о функциях ВС, нельзя не отметить их сильную обусловленность контекстом, размытость и возможность совмещения, что, безусловно, представляет колоссальную проблему для лексикографирования междометий данного типа, как и вообще дискурсивных лексических единиц:

> Эти мелкие малозаметные слова, надо сказать, страшно трудно описывать. Чтобы внятно объяснить значение такого слова, бывает, нужен целый текст. Иногда хорошее научное описание одной такой единицы занимает несколько страниц. Причем для ее описания необходимо использовать очень сложные понятия: «межличностное взаимодействие», «коммуникация», «иерархия», «вежливость», «память», «внимание» и тому подобное — огромный арсенал лингвистических, психологических и других терминов [8].

Как следствие, толковые словари, а также немногочисленные словари служебных слов далеко не всегда удовлетворяют потребностям пользователей лексикографических изданий, особенно если решается задача лексикографирования дискурсивных слов, используемых конкретным автором литературного произведения. Функция ВС часто зависит от создаваемого

художественного образа, и нет никакого сомнения в том, что, если говорить, в частности, о Достоевском, писатель сознательно вкладывает в речь своих героев то или иное слово, в том числе и междометие, определяя тем самым языковой облик персонажа (или нескольких персонажей, объединенных на основе какого-то их общего свойства, — шутов, докторов, «демонических злодеев» и др.). Описывать и объяснять индивидуальное всегда сложнее, чем коллективное и узуальное: толпа, масса всегда более понятна и управляема, чем конкретная личность, если это, конечно, личность. Достоевский с самых ранних лет поставил перед собой задачу познать человека, не человечество, но именно человека. И не «общечеловека»: такое новообразование для Достоевского инвектива, бранное слово, в общечеловеке нет никакой индивидуальности, он лишь элемент, часть толпы.

Сделаем два предварительных замечания, непосредственным образом связанных с разработкой системы лексикографических параметров словарного описания восклицательных слов, встречающихся в текстах Достоевского.

Пунктуационное оформление восклицательных слов в текстах Ф. М. Достоевского

Ни в коем случае не следует полагать, что после ВС или в конце предложения, начинающегося с ВС, обязательно ставится восклицательный знак. В текстах Достоевского после междометий этой группы встречается вообще любой знак — и восклицательный, и точка, и многоточие, и знак вопроса, и восклицательный или вопросительный знак с многоточием, и даже точка с запятой. Тем не менее, высокая частота употребления восклицательного и вопросительного знаков, в первую очередь в ранних произведениях Достоевского, не может не обратить на себя внимания. Так, в первом романе писателя «Бедные люди» в первых двух письмах персонажей — Макара Девушкина и Вареньки Доброселовой — в общей сложности 46 раз употребляется восклицательный знак (27 раз в письме Девушкина и 19 раз в меньшем по объему письме Доброселовой); 27 раз — вопросительный знак (14 раз в письме Девушкина, 13 раз в письме Доброселовой). Точка в обоих письмах — 107 раз. Частое употребление вопросительного и восклицательного знаков (о формах восклицательности, которые встречаются в текстах Достоевского, см., например: [9, с. 87–91]) придает тексту диалоговый характер, служит одним из способов

воспроизведения разговорного стиля и выражает настроение взволнованности или восторженности героев романа.

Разумеется, не может не возникнуть вопрос о том, с чьей пунктуацией мы сталкиваемся, читая Достоевского, — самого писателя, редакторов его сочинений, корректоров, наборщиков или наконец А. Г. Достоевской, которая начиная с «Игрока» имела довольно сильное влияние на редактирование произведений мужа. Цель осуществить издание Достоевского, где была бы сохранена авторская пунктуация, представляется практически недостижимой, хотя такую задачу и пытается решить, например, В. Н. Захаров, указывая при подготовке к публикации «канонических текстов» Достоевского, в частности, на следующее:

> Для Достоевского пунктуация была интонационной и интуитивной. Его знаки препинания являются знаками авторской интонации, авторского ритма. Читать тексты Достоевского по знакам его пунктуации — все равно что по нотам читать партитуру композитора. Эта интонационная партитура постепенно исчезала и исчезла в посмертных изданиях [10, с. 194–199].

Бесспорным является тот факт, что пунктуация в том или ином издании может сильно отличаться от авторской, о чем пишет П. А. Дружинин, анализируя различные публикации «Записок из Мертвого дома» [см.: 11]. Да и если бы даже в нашем распоряжении были все рукописи текстов Достоевского, то и они бы отражали авторскую волю только на момент создания произведения, что вовсе не означает невозможности дальнейших корректур и изменений, сделанных писателем. Интересен в связи со сказанным часто цитируемый текстологами Достоевского его диалог с В. В. Тимофеевой, корректором типографии, где в 1873 г. печатался «Дневник писателя»:

> Свидания наши в первое время ограничивались только взаимными приветствиями при входе и выходе или краткими замечаниями его мне по поводу той или другой корректурной поправки. Я ссылалась тогда на грамматику, а он раздражительно восклицал:
>
> — У каждого автора свой собственный слог и потому своя собственная грамматика… Мне нет никакого дела до чужих правил! Я ставлю запятую перед *что*, где она мне нужна; а где я чувствую, что не надо перед *что* ставить запятую, там я не хочу, чтобы мне ее ставили!
>
> — Значит, вашу орфографию можно только угадывать, ее знать нельзя, — возражала я, стараясь лучше понять, чего от меня требуют.

— Да! *Угадывать*. Непременно. Корректор и должен *уметь* угадывать! — тоном, не допускавшим никаких возражений, сердито сдвигая брови, решал он.

Я умолкала и старалась, насколько умела, угадывать, но внутренне испытывала что-то вроде разочарования. <…> Вначале же почти все раздражало его. То зачем поставили в статье его твердый знак на конце слова *однакожъ*, когда у него стоит мягкий — *однакожь*. То зачем вводное предложение *может быть* поставлено в запятых, вместо того чтобы — как у французов и в «Русском вестнике» — поставить с черточкой посредине [12, с. 142].

Слова Достоевского в его разговоре с корректором Тимофеевой очень понравились бы современным школьникам, некоторым учителям и даже отдельным лингвистам, особенно они понравились бы новаторам в области пунктуационного оформления текста в мессенджерах, однако ни в коем случае нельзя полагать, что Достоевский не следовал никаким правилам пунктуации. Раздражение писателя в его беседе с Тимофеевой вызвано скорее постоянной спешкой, необходимостью как можно быстрее издать свое произведение, тратить время на разговоры с корректорами и издателями писатель считал слишком большой роскошью. И, если говорить о так называемой авторской пунктуации, следует иметь в виду следующее:

…у нас почти никогда нет уверенности, что в данном журнальном тексте или даже в отдельном издании отражена авторская воля. Для произведений большей части авторов, в особенности XIX века, мы сплошь и рядом сталкиваемся не столько с орфографической и пунктуационной системой автора, сколько с навыками писаря или корректора. Эта орфография и пунктуация, в свою очередь, редко была следствием научной эрудиции, а чаще всего результатом обычаев. <…> Большинство писателей XVIII–XIX и XX вв. относились к расстановке знаков препинания совершенно равнодушно, перелагая эту работу на корректоров и спокойно принимая проведенную ими правку [13, с. 51].

Касательно пунктуации в текстах Достоевского приведем еще одну цитату:

Пунктуация в прижизненных изданиях Достоевского являет собой уровень понимания текста наборщиком, с которым соглашается писатель, просматривая гранки, где он сосредоточивался в основном на лексическом составе своего текста. Второй фактор расстановки знаков препинания без участия писателя — его жена Анна Григорьевна, стенографировавшая под его диктовку очередные

> главы с последующим переводом на письменный русский язык, именно ей принадлежат пунктуационные знаки в текстах романов писателя (начиная с «Игрока», 1867 г.), в стенографической записи пунктуация отсутствует, она возникала только при переписывании набело. Откуда взялась та или иная запятая в тексте Достоевского, возникла ли она по воле писателя, с помощью Анны Григорьевны или «творческим усилием» наборщика и корректора в типографии? [14, с. 34–48].

Итак, мы полностью согласны с П. А. Дружининым, который указывает: «говоря о произведениях Ф. М. Достоевского, дошедших до нас в виде печатных изданий, [отметим, что] авторская воля в вопросах пунктуации скорее гадательна, чем очевидна» [11, с. 170].

Как же в таком случае «услышать» Достоевского? А услышать очень хотелось бы, не просто «услышать», но и сделать так, чтобы словарь дискурсивных слов в этом помог. Позволим себе в связи с этим небольшое лирическое отступление, касающееся отношения Достоевского к музыке, что мы находим, например, в мемуарах А. Г. Достоевской:

> Эту арию шарманщика [из оперы «Риголетто»] и пение Федора Михайловича я слышала и в следующие два дня и удивлялась верности, с которою он следовал мотиву. Очевидно, у него был хороший музыкальный слух [15, с. 118].

> Не будучи знатоком музыки, муж мой очень любил музыкальные произведения Моцарта, Бетховена “Fidelio”, Мендельсона-Бартольди “Hochzeitsmarsch”, Россини “Air du Stabat Mater” и испытывал искреннее наслаждение, слушая любимые вещи. Произведений Рихарда Вагнера Федор Михайлович совсем не любил [Там же, с. 172].

В произведениях писателя можно встретить и пение под шарманку, и скрипичные концерты, и концерты Ф. Листа, И. Штрауса, и симфонии Г. Берлиоза, и итальянскую оперу, и оперы М. И. Глинки, и фортепианную музыку Ф. Шопена, и др. Знакомство с известными композиторами и музыкантами, частые посещения концертов и т. д. имели место еще до встречи с А. Г. Достоевской, поэтому ее слова о том, что Достоевский был «музыкально необразован», вряд ли можно принимать за истину, нет никакого сомнения в том, что музыка звучала в душе Достоевского, особенно в молодые годы. Правда, возможно, Анна Григорьевна сравнивала Достоевского с собой, со своим музыкальным образованием, которое, несомненно, было лучше, чем у мужа. Она хорошо играла на фортепиано,

и Достоевский даже купил ей органчик и вместе с детьми танцевал под исполняемую женой музыку.

То, что ритм и мелодика прозаического текста связаны со смыслом изображаемого в произведении, не подлежит никакому сомнению. Можно с большой долей уверенности предположить, что и пристрастие Достоевского к использованию частиц и междометий, а также прагмем других типов обусловлено не только стремлением к стилизации речи, но и, по крайней мере в произведениях художественной прозы первого и второго периодов творчества писателя, то есть приблизительно до 1866 г., с особой ролью музыкальной интонации и ритма в создании текста. Полагаем, что Достоевский часто сначала слышал музыку, а уже потом на музыку ложились слова. Большей частью такое «музыкальное настроение» связано с восторженностью, с эмоциональной возбужденностью, взволнованностью, отсюда и некоторая торопливость речи многих персонажей. Текст у Достоевского подчиняется музыке, а в языковой реализации такого «музыкального настроения» важнейшее место занимают частицы и междометия, в отдельных случаях передающие, кроме того, возможное патологическое, раздвоенное состояние персонажа. Не вызывает никакого сомнения и то, что сам Достоевский уделял колоссальное внимание тому, как звучит текст. Многие, кто присутствовал на публичных чтениях, на которых выступал Достоевский, причем не только со своими произведениями, но и с произведениями других авторов (любимым было стихотворение «Пророк» А. С. Пушкина), вспоминали потом, что Достоевский своей декламацией не просто сильно воздействовал на аудиторию, но как-то подчинял себе слушателей, они становились как бы частью его самого.

Междометия и интонация

Сразу же оговоримся, что часто используемое при обсуждении функционирования междометий в речи сочетание «восклицательная интонация» мы исключаем по причине его почти полной бессодержательности. Если, например, под «восклицательной интонацией» понимать ИК-5 (пятую интонационную конструкцию) в классификации Е. А. Брызгуновой [см.: 16], как это подчас делается, то полагать, что все восклицательные слова должны произноситься именно с такой интонацией, будет грубейшей ошибкой. Сама предложенная Е. А. Брызгуновой система ИК является далеко не идеальной, причем ее основные противоречия

обнаружились как раз тогда, когда была поставлена задача оформления эмоциональных типов ИК [см.: 17].

Во-первых, ИК намного больше, чем семь. Во-вторых, четкой классификации эмоций не существует, по подсчетам психологов, их более 500. Безусловно, следует также помнить о таком явлении, как полисемия «знаков эмоций» [см.: 18], следствием чего является сложность определения эксплицирующего контекста, языкового и неязыкового, то есть контекста ситуации. Решая задачу словарного представления междометий, мы оставляем в стороне обсуждение такого теоретического вопроса, как разделение чувств и эмоций, считая их эквивалентными обозначениями «имеющих место в действительности психических состояний, переживаний, ощущений человека» [Там же, с. 6]. Соответственно, возникает и сложность языковой, в том числе и интонационной интерпретации эмоций.

В-третьих, эмоции часто пересекаются друг с другом, одна может накладываться на другую, чувства и эмоции бывают примитивными и сложными и т. д. Даже такая яркая эмоция, как страх, может сопровождаться, казалось бы, абсолютно противоположными радостью, наслаждением и т. п. Не говоря уже о любви… Если говорить об эмоциях, выражаемых междометиями, то, к примеру, *ну* может выражать и радостное удивление, и удивление, сопровождаемое огорчением, и т. д.

В-четвертых, помимо таких признаков, как повышение/понижение тона, соотношение ударной и предударной частей высказывания, важную роль при выражении эмоций играют долгота ударного гласного, паузы хезитации и др., даже тембр голоса может иметь значение, что отражают, в частности, глаголы введения речи, используемые Достоевским: можно просто *сказать*, а можно *сказать с сомнением*, а также *взвизгнуть, воскликнуть, вскинуться, вскрикнуть, закричать во все горло, нахмуриться, подскочить, пробормотать, прокричать скороговоркой, удивиться* и т. д. Причем *взвизгнуть* подчеркивает различные эмоции, выражаемые тем или иным междометием-восклицанием (*ай, ах, ох*), — испуг, восторг, раздражение:

> — Ах нет, может! — взвизгнула Татьяна Павловна. — Да говори ты, матушка, не прыгая, руками-то не махай; что ж они там хотят? (Пд 440)[2].

[2] Расшифровку сокращений адресов названий произведений Ф. М. Достоевского см. в конце главы.

— Ай! — взвизгнула в испуге Грушенька, заметив его первая. (БрК 376).

— Ах, какие у вас мысли! — взвизгнула в восторге Лиза, — это у монаха-то? Вы не поверите, как я вас уважаю, Алеша, за то, что вы никогда не лжете. (БКа 23).

— Ах, кажется, молодой человек! — взвизгнула Авдотья Игнатьевна… (Бб 47).

Отметим, что в приведенных выше примерах в конце высказываний, начинающихся с междометия, всегда стоит восклицательный знак, тем не менее весьма слабо помогающий нам определить, с какой интонацией следует произнести всю фразу.

И последнее, если говорить об интонационном оформлении высказываний с восклицательными словами. По всей видимости, при их описании в словаре языка писателя при вводе такого параметра, как интонация, следует отказаться от традиционной системы ИК или аналогичных способов иллюстрации интонационного оформления высказывания и воспользоваться каким-нибудь прецедентом — звучащим текстом. Система ИК вряд ли облегчит пользователю восприятие материалов словаря, в котором описываются междометия и другие дискурсивные слова.

Наши довольно пространные вступительные замечания обусловлены прежде всего необходимостью учитывать при лексикографировании междометий тот факт, что описание этих дискурсивных единиц требует разработки новых подходов и системы их представления в словаре, о чем пойдет речь ниже.

Лексикографическое представление эмотивно-рефлексивных междометий в текстах Ф. М. Достоевского

Проектируемый «Толковый словарь междометий и междометной фразеологии Ф. М. Достоевского» (далее — ТСМД) является продолжением работы над конструированием дифференциально-распределительной лексикографической серии «Словарь языка Достоевского», методологической основой которой послужили идеи Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга [19, с. XXIX].

Произведения художественной прозы Достоевского насыщены дискурсивными словами, в том числе междометиями, играющими ключевую роль в создании эмоционального фона текста, и, несомненно, многие междометия, междометные фразеологизмы и междометные комплексы характеризуют идиостиль писателя. Более того, определенные междометия как своего рода показатель

принадлежности к ключевым семантическим полям, например, относящиеся в соответствии с предлагаемой нами классификацией к смеховым и рефлексивным, могут рассматриваться как вход в авторский тезаурус. В ТСМД лексикографируются все междометия и наиболее частотные или характерные для авторского идиостиля междометные фразеологизмы, встречающиеся в произведениях художественной прозы, публицистике и письмах писателя. Отметим, что разрабатываемый словарь ни в коем случае не предполагает создания какой-либо новой теории междометий, в том числе лексикографической, его авторы (И. В. Ружицкий, М. М. Коробова, Е. В. Потёмкина) опираются на результаты уже выполненных исследований с учетом специфики задач, связанных с составлением словаря языка писателя.

Проектирование ТСМД осуществляется с опорой прежде всего на следующие положения:

— словарная дефиниция, зависящая от типа междометия, должна учитывать не только языковой контекст, но и контекст ситуации, в которой употребляется описываемое междометие, в частности, статусный фактор участников диалога, общие для участников диалога знания или понимание ситуации и др.;

— при выделении значений междометия необходимо учитывать связь их употребления с рефлексией, осознанием какого-либо факта и последующей реакцией на него;

— принципиально важным оказывается учет текстовых ассоциативных связей;

— в словарной статье необходимо отразить тип речи, в которой используется междометие, то есть в диалогической или во внутреннем монологе;

— следует принимать во внимание возможность объединения междометий в различные комбинации, одновременно выполняя несколько функций, которые могут быть аналогичны функциям модальных частиц, союзов и т. д.;

— лексикографическое представление междометий требует введения в структуру словарной статьи дополнительных параметров, таких, как, например, жест, часто сопровождающий употребление междометия, и связь употребления междометия с вполне определенными глаголами введения прямой речи;

— в качестве факультативного параметра в структуру комментария словарной статьи следует ввести зону, в которой сопоставляется употребление междометий в текстах Достоевского и других авторов XIX в.;

— словник должен отличаться максимальной полнотой, в него целесообразно вынести все типы междометий, встречающиеся в текстах Достоевского, а также те лексические единицы, которые, как полагают многие лингвисты, к междометиям не относятся, — звукоподражания, междометные фразеологизмы и т. п.

Сказанным выше во многом определяется структура словарной статьи в проектируемом ТСМД. С одной стороны, поскольку ТСМД является продолжением работы над лексикографической серией «Словарь языка Достоевского», многие из используемых параметров описания функций междометий в текстах писателя коррелируют с параметрами базового словаря серии — «Идиоглоссария» [20], с другой — имеет некоторые принципиальные отличия — характер дефиниции, величина контекста, расширение зоны текстовых ассоциаций комментария словарной статьи, введение новых зон, приложения со звуковыми файлами и др.

В словник ТСМД входит более 250 единиц — междометий, междометных фразеологизмов и междометных комплексов. Междометия распределяются по разрядам (классам): эмотивные (аффективные) и эмоционально-оценочные междометия (в том числе и те, которые используются в рефлексивной (когнитивной) функции, например, междометия догадки), к которым как раз относятся восклицательные слова; междометия-директивы (в том числе и глаголы в форме императива в междометном значении, а также прохибитивы и этикетные междометия) и междометия-апеллятивы; звукоподражания (воспроизведение криков животных, других звуков, детской речи и др.); междометные предикаты (глагольные междометия); междометия-аффирмативы и междометия отказа. Наиболее частотными в текстах Достоевского (более ста употреблений) являются междометия первой группы — *о, ах, гм, эх, а, хе-е, ха-ха, э*. В пилотном выпуске ТСМД, издание которого запланировано на 2027 г., описываются междометия *ай, ба, вишь, гм, ишь, ой, ох, тьфу* и «смеховые слова» — *ха, ха-ха, ха-ха-ха, хе, хе-хе* и т. п.

Структура словарной статьи включает в себя два раздела — корпус и лингвистический комментарий.

Корпус словарной статьи включает в себя следующие рубрики:

1. Вход словарной статьи. Им является в первую очередь слово, выполняющее междометную функцию — эмоционально-оценочную, рефлексивную, этикетную, побудительную и др. Если лексикографируются знаменательные лексемы,

использующиеся в междометном значении, например слово *черт*, то в таком случае интерпретируется только это значение. При лексикографировании дискурсивного слова, междометная функция которого не является основной, описываются все его значения. Обязательный параметр входа словарной статьи — количественные характеристики, которые приводятся под заголовочным словом и обозначаются символом «Σ». Первой цифрой в угловых скобках полужирным шрифтом перед двоеточием отмечается общее количество словоупотреблений, второй — количество словоупотреблений в произведениях художественной прозы, третьей — в публицистических текстах, четвертой — в личных письмах. При отсутствии употребления ставится знак «–» (минус). Другие частотные характеристики описываемого междометия представлены в словоуказателе, а также в примечании к зоне комментария ПВТР (см. ниже). После знака «||» (две вертикальные черты) даются варианты входящего слова.

2. Словоуказатель. В нем в хронологической последовательности и с распределением по жанрам приводятся адреса произведений Достоевского, в которых встречается описываемое слово, нижним индексом обозначается частота употребления в конкретных произведениях. В квадратных скобках приводится общая частота употребления в произведениях того или иного жанра, при необходимости дается примечание, характеризующее частотные параметры описываемого междометия.

3. Значение (функция) — описание значения междометия, ориентированное на широкий контекст его употребления, — является обязательным и следует сразу за словоуказателем. Оно включает следующие характеристики:

— Номер. Последовательность подачи значений определяется в первую очередь частотными характеристиками описываемого междометия и полнотой представленности в текстах разных жанров. Омонимичные употребления междометия фиксируются как его самостоятельные функции, то есть без каких-либо специальных помет, что это слова-омонимы, что, помимо облегчения восприятия материала ТСМД, обусловлено в некоторых случаях сложностью и даже невозможностью разграничения в случае описания междометий омонимии и полисемии.

— Дефиниция, характер которой зависит в первую очередь от того, к какому разряду относится междометие, внутри разряда — от выполняемой междометием функции. В пилотном выпуске ТСМД приводятся в основном примеры словарных

статей междометий наиболее сложной для лексикографирования группы — выполняющих эмотивную и/или рефлексивную (когнитивную) функции, характерной чертой употребления которых является тесная связь с контекстом ситуации и рефлексией, что и отражено в дефиниции. Из этого следуют и три основные функции междометия или междометного фразеологизма, фиксируемые в словарной статье: чисто эмоциональная, без какой-либо явной связи с рефлексией, то есть, по классическому определению, междометие описывается здесь как эмоциональная, часто рефлекторная реакция на что-либо; эмоционально-рефлексивная (когнитивная), когда выражаемая междометием эмоция сопровождается рефлексией, или, наоборот, рефлексия сопровождается эмоцией; вводящая какое-либо слово или высказывание — контексты, в которых и эмоция, и рефлексия практически исчезают, а употребление междометия может стать избыточным. Другая особенность дефиниций в ТСМД состоит в том, что интерпретация функций междометия дается с указанием на ситуации его употребления. Если для словаря общелитературного языка такой подход вряд ли возможен, поскольку набор таких ситуаций потенциально бесконечен, то для словаря языка писателя не просто возможен (перечень ситуаций ограничен), но и целесообразен. Справедливости ради следует отметить, что в некоторых толковых словарях русского языка ситуация также обозначается в дефиниции. Факультативно в дефиниции отмечается тип речи, в котором в текстах Достоевского используется междометие, — диалог или внутренняя речь, внутренний монолог. В качестве «слов-идентификаторов» [см.: 21] для толкования эмоционально-рефлексивных междометий в дефиниции служат «вокальные жесты» с опорой на их общую классификацию, предлагаемую И. А. Шароновым [4; 22–24], однако с необходимой, на наш взгляд, корректировкой — возглас, восклицание, вскрик, взвизгивание, «мычание», вздох или стон. «Возглас» и «восклицание» дифференцируются в зависимости от выполняемой междометием функции: первый «вокальный жест» — когда междометие выражает намеренное и контролируемое действие, второй — импульсивное, рефлекторное и спонтанное. При этом «возглас» чаще служит для выражения чувств, а «восклицание» — эмоций, хотя, безусловно, различение чувств и эмоций довольно часто проблематично.

— Примеры (иллюстрации). Требования к приводимым в качестве иллюстраций контекстам следующие: обязательное указание имени персонажа, которому принадлежит высказывание, или

того, что высказывание относится к авторской речи, а также, если используется контекст из личных писем Достоевского, адресата письма; цитаты приводятся для каждого из периодов творчества Достоевского и для каждого из жанров. Количество иллюстраций зависит в первую очередь от частотных характеристик междометия и особенностей его функционирования. В пределах каждого жанра расположение примеров хронологическое. При объединении абзацев внутри примера на их границе используется знак «|». В начале примера в квадратных скобках в обязательном порядке указываются имена персонажей, которым принадлежит высказывание, авторская речь специально не маркируется. В тексте примера в квадратных скобках раскрываются анафорические местоимения. При необходимости, чтобы в полной мере отразить описываемую ситуацию, дается более широкий языковой контекст или контекст с пояснениями.

— Примечания (факультативно) — наблюдения составителя словарной статьи над употреблением слова в данном значении.

4. Употребление в составе фразеологических единиц. Лексикографирование фразеологических единиц, в состав которых входит описываемое междометие, дается после маркера ◊. Если фразеологических единиц несколько, они располагаются в алфавитном порядке, для каждой приводится как минимум по одной иллюстрации из текстов каждого жанра. Фразеологическая единица в текстах Достоевского может быть представлена вариативно, в этом случае вариант дается через косую черту («/»). Лексическая вариативность фиксируется в круглых скобках. В квадратных скобках факультативно комментируется значение фразеологической единицы.

В структуру словарной статьи, помимо ее корпуса, входит лингвистический комментарий, позволяющий благодаря вводу дополнительных лексикографических параметров давать более объективное и максимально полное описание междометия.

Зоны комментария являются факультативными разделами словарной статьи, допускается их отсутствие или неполное представление:

— Графическое, прежде всего пунктуационное оформление (ГРАФ). В нем отражена в первую очередь вариативность в текстах Достоевского знаков препинания, употребляемых с описываемым в словарной статье междометием. В задачи составителей словарной статьи ни в коем случае не входит решение проблемы пунктуационного оформления междометий вообще в текстах

Достоевского, они лишь в некоторых случаях ограничиваются целью представить возможную пунктуационную и др. вариативность оформления междометия в изданиях Достоевского. Последовательность рубрик в ГРАФ обусловлена частотой употребления того или иного знака препинания. Для каждого знака препинания приводится по одному контексту, не вошедшему в корпус словарной статьи. В ГРАФ фиксируются также другие особенности графического оформления описываемого междометия. Факультативно даются примечания, касающиеся, в частности, пунктуационного оформления междометий в прижизненных изданиях Достоевского.

— Повтор (ПВТР). В нем отмечаются наиболее яркие контексты, в которых междометие многократно повторяется в одном значении. В качестве обязательного дается также примечание, в котором фиксируются адреса произведений Достоевского с указанием номеров страниц, наиболее насыщенных описываемым междометием.

— Употребление в параллельных конструкциях (ПРЛЛ). В него выносятся синтаксические и лексические параллелизмы, в которых используется описываемое междометие. В текстах Достоевского восклицательное предложение, в котором есть междометие, часто находится в непосредственном контакте с другими восклицательными предложениями, что при наличии трех и более восклицательных предложений также фиксируется в ПРЛЛ.

— Словообразовательное гнездо (СЛБР). Здесь дается фрагмент словообразовательного гнезда, содержащий словообразовательную парадигму, вершиной которой является описываемая единица. Приводятся только члены словообразовательной парадигмы, представленные в текстах Достоевского.

— Ассоциативное окружение слова (АССЦ). Описываемое слово в контексте может находиться с другими лексическими единицами в синтагматических, парадигматических, тематических и др. отношениях, что фиксируется в АССЦ комментария словарной статьи. Существует несколько формальных правил включения слов из контекста в ассоциативное поле выбранного стимула — описываемого слова: синтаксическая связь стимула и его ассоциата, синонимические, антонимические и др. отношения между словом-стимулом и его контекстным ассоциатом и др. В АССЦ в максимальной полноте, то есть, в отличие от [20], с учетом не только используемых в словарной статье иллюстраций, но и всех текстов Достоевского, в которых зафиксировано вхождение описываемого

междометия, представлены его текстовые ассоциации, не входящие в зону СЛБР. Зона сопровождается обязательными примечаниями *С глаг. введения прямой речи* и *В сочинительном ряду*.

— Кинесика (ЖЕСТ). Здесь фиксируются контексты, в которых употребление междометия сопровождается описанием какого-либо телодвижения. В приводимых иллюстрациях жест выделен разрядкой.

— Автонимное употребление (АВТН). Под ним в широком смысле подразумевается авторская рефлексия над его значением, например, контексты, в которых писатель соотносит свое понимание слова с общепринятым, дает этимологическую справку и др. В АВТН также фиксируются примеры, в которых функция описываемого междометия эксплицируется контекстом, схожим со словарной дефиницией.

— Неразличение значений (НРЗН). Здесь приводятся примеры неоднозначного употребления междометия в одном контексте. Объединение функций междометия фиксируется следующим образом: **1**v**3**, **2**v**3** и т. д. Цифры являются порядковыми номерами значений в корпусе словарной статьи. Возможное неразличение представленных в дефиниции ситуаций отмечается в примечаниях к значению.

— Использование в одном контексте двух или нескольких междометий, выполняющих различные функции (КОМБ1). Здесь фиксируются случаи комбинированного употребления междометия в двух или в нескольких значениях в пределах минимального контекста (одного или двух предложений), а также случаи комбинированного употребления в самостоятельном и одновременно во фразеологически связанном значении.

— Использование в одном контексте двух или нескольких междометий того же словообразовательного гнезда (КОМБ2). Здесь зафиксированы примеры использования междометия в контекстах, содержащих как непосредственно производные от него, так и однокоренные слова, не входящие в словообразовательную парадигму с вершиной, представленной описываемым словом. Однокоренные слова выделяются разрядкой. Если контекст полностью представлен в корпусе словарной статьи или в другой зоне комментария, в КОМБ2 он приводится в сокращении с соответствующей ссылкой.

— Употребление междометия в составе тропа (ТРП). Само по себе междометие в силу специфики своего значения не может образовать троп, тем не менее в текстах Достоевского встречаются

яркие случаи, когда междометие употребляется в составе сравнения, метонимии или метафоры. Подобного рода контексты фиксируются в ТРП.

— Эвфемизация (ЭФМЗ). Под эвфемизацией междометия понимается замена им какой-либо другой полнозначной или служебной лексической единицы, причем по контексту, особенно литературного произведения, не всегда можно однозначно определить, какой. Сама полифункциональность междометий, частая диффузность их значения открывают богатый потенциал для их использования в качестве эвфемизмов. Междометия часто (однако далеко не всегда) в печатном, изданном тексте заменяют инвективы или слова, представляющиеся автору литературного произведения или какому-либо из его персонажей по каким-то причинам нежелательными. Так, с большой долей вероятности допустимо предположить, что слово *черт* в междометной функции в текстах Достоевского нередко употребляется вместо другой бранной лексики, табуированной, запрещенной к печати в XIX в. Мы придерживаемся широкого подхода к определению эвфемизма, согласно которому это слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для какой-либо ситуации.

— Употребление в ироническом контексте (ИРОН). Здесь оно фиксируется помимо тех случаев, когда ирония отмечена в дефиниции (например, при описании междометий *ай, ба, вишь, ишь, ох, ха-ха-ха, хе-хе-хе-хе, хи-хи-хи*).

— Игровое употребление (ИГРВ). Фиксируются случаи игрового употребления междометия — прежде всего с целью создания комического эффекта. Контексты игрового употребления слова частично распределяются по другим зонам комментария словарной статьи, в первую очередь КОМБ2 и ИРОН.

— Употребление в составе чужой речи (ЧЖР). Фиксируются контексты вхождения описываемого в словарной статье междометия в отсылки к прецедентным текстам эпохи Достоевского, прежде всего прямые и непрямые цитаты.

— Речевой портрет персонажа (ПРТР). Здесь отражено использование описываемого междометия в качестве одного из способов создания речевого портрета персонажей, их идиостилевого маркера. Во внимание принимается в первую очередь частота употребления междометия, а также в некоторых случаях роль междометия в формировании речевого типа.

— Сравнительные данные (СРВН). Основная статистическая информация — относительная частота употребления

междометия в текстах Достоевского и других авторов XIX в. с опорой на [25] представлена в одном из приложений к ТСМД. В СРВН фиксируются только наиболее характерные отличительные характеристики.

Кроме того, словарные статьи ТСМД сопровождаются приложением со звуковыми файлами — «озвучкой» контекстов, допускающих вариативное произношение.

В качестве заключения приведем иллюстрацию всего сказанного выше — словарную статью *ай* (в сокращенном варианте) в проектируемом ТСМД.

АЙ

Áй да + (Adj) Ǹ$_1$/Adj

Σ <**59:**57,–,2>

🕮 **ай** Дв$_4$ Ср 41$_1$ ЧЖ$_8$ НН$_1$ МГ$_1$ ДС$_1$ УО$_1$ ЗМ$_1$ Иг$_1$ ПН$_1$ Ид$_7$ Бс$_7$ Пд$_2$ БрК$_{13}$ ММ$_4$ **ай-ай** 🕮 ММ$_1$ **ай-ай-ай** 🕮 Ср$_1$ ПН$_1$ **ай-люли** 🕮 БКа$_1$ **[57]** ✉ **ай** lg$_2$ **[2]** *Пс 30.1*

1. Инстинктивный, непроизвольный вскрик, взвизгивание при внезапном возникновении (1) страха, испуга; (2) боли.

С-1 ‘страх, испуг’ 🕮 — Глафира! где твои клятвы? — вскричал молодой человек в бекеше, хватая за руку даму. | — **Ай,** кто это? Это вы, Творогов? Боже мой! что вы делаете? | — С кем вы здесь были? | — Но это мой муж, уйдите, уйдите, он сейчас выйдет оттуда… от Половицыных; уйдите, ради бога, уйдите. | — Половицыны три недели как переехали! Я всё знаю! | — **Ай!** — Дама бросилась на крыльцо. Молодой человек догнал ее. | — Кто вам сказал? — спросила дама. | — Муж ваш, сударыня, Иван Андреич; он здесь, он перед вами, сударыня… | Иван Андреич действительно стоял у крыльца. | — **Ай,** это вы? — закричал господин в енотовой шубе. (ЧЖ 60) [Неточка] С минуту стоял он [Ефимов] как потерянный. Наконец глаза его запрыгали и забегали по сторонам; он как будто искал чего-то, вдруг схватил скрипку, взмахнул ею надо мною… еще минута, и он, может быть, убил бы меня на месте. | — Папочка! — закричала я ему, — папочка! | Он задрожал как лист, когда услышал мой голос, и отступил на два шага. | — Папочка! — закричала я снова, — не пугай меня ради бога! мне страшно! **ай!** | Мой плач поразил его <…> | — Папочка! — говорила я ему, терзаясь от страха, — не смотри так, папочка! Уйдем отсюда! уйдем скорее! уйдем, убежим! (НН 184–185) <…>

С-2 ‘боль’ 🕮 [Ставрогин Лизе] Ты не оставишь меня, — продолжал он почти с отчаянием, — мы уедем вместе, сегодня же, так ли? Так ли? | [Лиза] **Ай,** не жмите руку так больно! Куда нам ехать вместе сегодня же? Куда-нибудь опять «воскресать»? Нет, уж довольно проб… (Бс 399) <…>

2. Возглас, употребляемый в ситуациях, когда говорящий (1) выражает порицание, упрек, недовольство, возмущение, раздражение, вызванные чьими-л. действиями; (2) показывает свое восхищение, одобрение.

С-1 ‘порицание, упрек, недовольство, раздражение, негодование’ 🕮 Измученный Аркадий Иванович прилег, чтоб пораздумать о деле опять, и проснулся перед рассветом. | — **Ай,** черт! опять! — закричал он, посмотрев на Васю; тот сидел и писал. | Аркадий бросился к нему, обхватил его и насильно уложил в постель. Вася улыбался: глаза его смыкались от слабости. Он едва мог говорить. (Ср 41) <…>

Примечания. *В простонародной речи как слово-эмотив в причитании* — см. ММ 48 в ‖.

С-2 ‘восхищение, одобрение’ 🕮 [А. Карамазов об отношении Катерины Ивановны к Д. Карамазову] Нет. Только это, может, не любовь была. | — Алешка, — засмеялся Иван, — не пускайся в рассуждения о любви! Тебе неприлично. Давеча-то, давеча-то ты выскочил, **ай!** Я еще и забыл поцеловать тебя за это… (БрК 212)

3. Рефлексивный возглас, выражающий удивление (1) при неожиданном понимании, осознании какого-л. факта; (2) при проявлении внимания к чему-л.

С-1 ‘неожиданное понимание, осознание какого-л. факта’ 🕮 [Д. Карамазов Ипполиту Кирилловичу и Николаю Парфеновичу] Опять поймали лисицу! — проговорил наконец Митя, — прищемили мерзавку за хвост, хе-хе! Я вижу вас насквозь, прокурор! Вы ведь так и думали, что я сейчас вскочу, уцеплюсь за то, что вы мне подсказываете, и закричу во всё горло: «**Ай,** это Смердяков, вот убийца!» Признайтесь, что вы это думали, признайтесь, тогда буду продолжать. (БрК 427)♫ <…>

С-2 ‘проявление внимания к чему-л.’ 🕮 — **Ай,** что он делает! — крикнул он [Лембке], заметив вдруг на кровле пылавшего флигеля пожарного, под которым уже прогорела крыша и кругом вспыхивал огонь, — стащить его, стащить, он

провалится, он загорится, тушите его… Что он там делает? | [Квартальный] Тушит, ваше превосходительство. | — Невероятно. Пожар в умах, а не на крышах домов. Стащить его и бросить все! Лучше бросить, лучше бросить! Пусть уже само как-нибудь! **Ай,** кто еще плачет? Старуха! Кричит старуха, зачем забыли старуху? (Бс 395–396) <…>

|| АЙ, АЙ / АЙ-АЙ

Возглас, выражающий (1) досаду, разочарование при узнавании говорящим не соответствующего его ожиданиям какого-л. факта; (2) ироническое осуждение.

С-1 ‘досада, разочарование’ 🕮 [Неизвестный под кроватью] Милостивый государь! я трепещу от ужаса. Боже мой! что я слышу? Это как вчера; решительно как вчера!.. | [Шабрин] Тсс. | [Муж Лизы] Да, да, да! вспомнил: преплутовочка! Глазенки такие… в голубой шляпке… | [Неизвестный под кроватью] В голубой шляпке! **Ай**, **ай!** | — Это она! У ней есть голубая шляпка. Боже мой! — закричал Иван Андреич… | — Она? кто она? — прошептал молодой человек [под кроватью], стиснув руки Ивана Андреевича. | — Тсс! — сделал в свою очередь Иван Андреевич. — Он [муж Лизы] говорит. | [Шабрин] Ах, боже мой! боже мой! | [Неизвестный под кроватью] Ну, да, впрочем, у кого ж нет голубой шляпки… ну! | — И такая плутовка! — продолжал старик. — Она тут к каким-то знакомым приходит. Всё глазки делает. А к тем знакомым тоже ходят знакомые… | — Фу! как это скучно, — перебила дама [Лиза], — помилуй, чем ты интересуешься? (ЧЖ 71)

С-2 ‘ироническое осуждение’ ✉ [А.Г. Достоевской о В.В. Жакларе, муже А.В. Корвин-Круковской, который «приударил за Рохельшей»] Каков Жаклар, **ай, ай!** Молодец, впрочем. Вот это человек как следует, рвет цветы удовольствия, не то, что мы — народ забитый и запуганный. (*Пс 30.1* : 114)

Примечания. *В простонародной речи как слово-эмотив в причитании*: Δ[Марей Рассказчику] Что ты, что ты, какой волк, померещилось; вишь! Какому тут волку быть! — бормотал он, ободряя меня. Но я весь трясся, еще крепче уцепился за его зипун и, должно быть, был очень бледен. Он смотрел на меня с беспокойною улыбкою, видимо боясь и тревожась за меня. | — Ишь ведь испужался, **ай-ай!** — качал он головой. — Полно, родный. Ишь малец, ай! | Он протянул руку и вдруг погладил меня по щеке. | — Ну, полно же, ну, Христос с тобой, окстись. — Но я не крестился; углы губ моих вздрагивали, и, кажется,

это особенно его поразило. Он протянул тихонько свой толстый, с черным ногтем, выпачканный в земле палец и тихонько дотронулся до вспрыгивавших моих губ. — Ишь ведь, ай, — улыбнулся он мне какою-то материнскою и длинною улыбкой, — господи, да что это, ишь ведь, **ай, ай!** (ММ 48)Δ♬

|| АЙ–АЙ–АЙ!

1. Возглас, выражающий (1) порицание, упрек; (2) обеспокоенность.

С-1 ‘порицание, упрек’ 🕮 <…> Что если не кончишь? — закричал Аркадий [Васе], вскочив. — А он [Юлиан Мастакович] же тебе сегодня дал награждение! Ты же тут женишься… **Ай-ай-ай!** <…> (Ср 21)

С-2 ‘обеспокоенность’ 🕮 [Порфирий Петрович — Раскольникову] Да-с, был такой почти точно случай, психологический, в судебной практике нашей-с, болезненный такой случай-с <…> Тоже наклепал один на себя убийство-с <…> и как узнал про то, что он убийцам дал повод, затосковал, задурманился, стало ему представляться, повихнулся совсем, да и уверил сам себя, что он-то и есть убийца! Да правительствующий сенат, наконец, дело-то разобрал, и несчастный был оправдан и под призрение отдан <…> Эх-ма, **ай-ай-ай!** Да этак что же, батюшка? Этак можно и горячку нажить <…> (ПН 266)

Комментарии

ГРАФ *С запятой* — см., например, Бс 458 в **с-1** зн. **1** и др. *С восклицательным знаком* — см., например, ЧЖ 75–76 в **ПВТР** и др.

ПВТР ΔПоследовала борьба, и Иван Андреевич высвободил свои руки. Собачка заливалась от лая; вдруг она перестала лаять и завизжала. | — **Ай!** — закричала дама <…> Боже! — прошептала дама, вглядевшись в молодого человека. — Кто же вы такой? А я думала… | — Тот изверг [Шабрин] остался, — прошептал молодой человек. — Он виновник Амишкиной смерти! | — **Ай!** — вскрикнула дама. | Но молодой человек уже исчез из комнаты. | — **Ай!** здесь кто-то есть. Здесь чей-то сапог! — закричал муж, поймав за ногу Ивана Андреевича. | — Убийца! убийца! — кричала дама. — О Ами! Ами! (ЧЖ 75–76) — **Ай** скажу, **ай,** голубчик Дмитрий Федорович, сейчас всё скажу, ничего не потаю, — прокричала скороговоркой насмерть испуганная Феня. (БрК 357)Δ См. также ЧЖ 60 в **с-1** зн. **1**. Примечания. Обращает на себя внимание высокая относительная частота употребления межд. ***ай*** в Дв 212 ЧЖ 60–76 ММ 48.

ПРЛЛ См. НН 184–185 в **с-1** зн. **1** <…>

АССЦ а-а-а, аль, ах, ах боже мой, ба, бледен, бледнеть, боже, больно, больной палец, боясь, бросить, броситься на крыльцо, виновник смерти,

вишь, волк, вон, вот и, вскричать, господи, да вон, да тут, делать, ей-богу, завизжать, заметить вдруг, здесь кто-то есть, испужаться, ишь, ишь ведь, кто еще, кто это, муж, насмерть испуганный, ну, ну вот, ох, плач, посмотри, прошептать, пугать, ради бога, скандал, сломать пальцы, спрятаться, страшно, терзаясь от страха, тревожиться, тронуть больной палец, трястись, убежать, убийца, убить на месте, уж не прибили ли, уйти, хе-хе. Примечания. (1) *С глаг. введения прямой речи*: взвизгнуть в испуге, вскрикнуть, закричать, закричать во всё горло, засмеяться, крикнуть, прокричать скороговоркой. (2) *В сочинительном ряду* ΔЭх-ма, **ай-ай-ай** ПН 266 господи, да что это, ишь ведь, **ай**, **ай** ММ 48Δ

ЖЕСТ См. Δ — Глафира! где твои клятвы? — вскричал молодой человек в бекеше, хватая за руку даму. | — **Ай,** кто это? <…> (ЧЖ 60)Δ в **с-1** зн. **1**; Δ[Лиза — Ставрогину] **Ай,** не жмите руку так больно! <…> (Бс 399) [П. Верховенский Эркелю] **Ай,** вы мне больной палец тронули (Эркель неловко пожал ему руку) <…> (Бс 478) [Калганов] **Ай,** как вы [Д. Карамазов] крепко пожали! <…> (БрК 376)Δ в **с-2** зн. **1** <…>

КОМБ1 Δ[Лиза Ставрогину] Я вам должна признаться, у меня тогда, еще с самой Швейцарии, укрепилась мысль, что у вас что-то есть на душе ужасное, грязное и кровавое, и… и в то же время такое, что ставит вас в ужасно смешном виде. Берегитесь мне открывать, если правда: я вас засмею. Я буду хохотать над вами всю вашу жизнь… **Ай** <зн. **3**>, вы опять бледнеете? Не буду, не буду, я сейчас уйду, — вскочила она со стула с брезгливым и презрительным движением <…> Бедная собачка [о Даше]! Кланяйтесь ей. Знает она, что вы еще в Швейцарии ее себе под старость определили? Какая заботливость! Какая предусмотрительность! **Ай** <зн. **1**>, кто это? | В глубине залы чуть-чуть отворилась дверь; чья-то голова просунулась и торопливо спряталась. | — Это ты, Алексей Егорыч? — спросил Ставрогин. | — Нет, это всего только я, — высунулся опять до половины Петр Степанович. (Бс 401–402)Δ

ИГРВ Δ — А не верь [И. Карамазов], — ласково усмехнулся джентльмен [Черт]. — Что за вера насилием? Притом же в вере никакие доказательства не помогают, особенно материальные. Фома поверил не потому, что увидел воскресшего Христа, а потому, что еще прежде желал поверить. Вот, например, спириты… я их очень люблю… вообрази, они полагают, что полезны для веры, потому что им черти с того света рожки показывают. «Это, дескать, доказательство уже, так сказать материальное, что есть тот свет». Тот свет и материальные доказательства, **ай-люли!** И наконец, если доказан черт, то еще неизвестно, доказан ли бог? Я хочу в идеалистическое общество записаться, оппозицию у них буду делать: «дескать реалист, а не материалист, хе-хе!» (БКа 71)Δ [*?Ай-люли* в речи Черта — иронически-игровое искажение *аллилуйя* — *греч*. ‘хвала Господу’; слово *аллилуйя* встречается также в публицистике Достоевского и в письме А. Н. Майкову, причем оба раза в ироническом контексте <…>]

ЧЖР ΔВ особенности с жаром подплясывал [Максимов] за припевом: | Свинушка хрю-хрю, хрю-хрю, | Телочка му-му, му-му, | Уточка ква-ква,

ква-ква, | Гусынька га-га, га-га. | Курочка по сенюшкам похаживала, | Тюрю-рю, рю-рю, выговаривала, | **Ай, ай,** выговаривала! (БрК 397)Δ [часть припева народной песни]

ПРТР Межд. ***ай*** характеризует прежде всего речь Лизы (ЧЖ), Лизы (Бс), Марея (ММ).

◊ *В составе синтаксического фразеологизма*

Áй да + (Adj) Ǹ$_1$/Adj

<**19:** 19,–,–>

🕮 Дв$_3$ МГ$_1$ ДС$_1$ ЗМ$_1$ ПН$_1$ Ид$_7$ Пд$_2$ БрК$_3$ **[19]**

Восклицание, употребляемое в ситуации, когда говорящий выражает (1) восхищение, одобрение, похвалу; (2) удивление чьими-л. действиями или словами, часто с насмешкой, иронией или при разочаровании в ком-, чем-л., легком осуждении кого-л.

С-1 ‘восхищение, одобрение, похвала’ 🕮 <…> [Марья Александровна] «Зина согласна [выйти замуж за Князя], значит, половина дела сделана, и тут — оборваться! Вздор! **Ай да Зина!** Согласилась-таки наконец! Значит, и на твою головку действуют иные расчетцы! Перспективу-то я выставила ей заманчивую! Тронула! Но только ужас как она хороша сегодня! Да я бы, с ее красотой, пол-Европы перевернула по-своему! Ну, да подождем… Шекспир-то слетит, когда княгиней сделается да кой с чем познакомится. Что она знает? Мордасов да своего учителя! Гм… Только какая же она будет княгиня!» (ДС 334) <…>

С-2 ‘ироническое удивление’ 🕮 [Голядкин о Кларе Олсуфьевне] **Ай да барышня,** ай, сударыня вы моя! **ай да благонравного поведения девица! ай да хваленая наша.** Отличилась, сударыня, нечего сказать, отличилась!.. А это всё происходит от безнравственности воспитания; а я, как теперь порассмотрел да пораскусил это всё, так и вижу, что это не от иного чего происходит, как от безнравственности. (Дв 212)

Комментарии

ГРАФ В изданиях XIX века возможна вариативность пунктуационного оформления ***ай да*** <…>

ПВТР Обращает на себя внимание высокая относительная частота употребления синтаксического фразеологизма **Áй да + (Adj) Ǹ$_1$/Adj** в Дв (с. 212) и в Ид.

ПРЛЛ Δ<…> [Татьяна Павловна — Аркадию] Ах да! Да что ж это я! — воскликнула она вдруг, ударяя себя по лбу, — да что ты говоришь:

старик князь у вас на квартире? Да правда ли? | [Аркадий] Уверяю вас. | — Ах боже мой! Ох, тошно мне! — закружилась и заметалась она по комнате. — И они там с ним [с Николаем Ивановичем] распоряжаются! Эх, грозы-то нет на дураков! И с самого с утра? **Ай да Анна Андреевна! Ай да монашенка!** (Пд 434)Δ <…>

АССЦ ах боже мой, ах да, бесенок, браво, ведь, воскликнуть, восторг, гм, завопить в каком-то восторге, задумчиво заметить, закричать, закружиться и заметаться по комнате, как это не понимать, какой, какой колодезь сумели выкопать, кричать, кто бы подумать мог, лихо, лицо сияло счастьем, молодец, насквозь прочитать, ну, отличиться, ох, подхватить, рукоплескания, согласиться, суметь, так вот какой, ура, хваленая наша, хохотать, эвона, эх. П р и м е ч а н и я. (1) *С глаг. введения прямой речи*: завопить, закричать, прибавить. (2) *Позицию переменного компонента в структуре* ***Áй да + (Adj) Ǹ$_1$/Adj*** *занимают*: Анна Андреевна, барышня, благонравного поведения девица, генерал, грядущее поколение, дача, Зина, князь, Красоткин, молодец, монашенка, Нина Александровна, отцы, последний в роде князь Мышкин, Соня, схимник, тихонький.

ПРТР Синтаксический фразеологизм **Áй да + (Adj) Ǹ$_1$/Adj** характеризует прежде всего речь Голядкина (Дв) и Фердыщенко (Ид).

СРВН Можно с полным основанием предположить, что структура **Áй да + (Adj) Ǹ$_1$/Adj** стала продуктивной в русском литературном языке еще с конца XVIII — начала XIX века, о чем говорят многочисленные примеры <…>

П р и м е ч а н и я. Возможна этимологическая связь с *тюрк*. ***ай*** — ‘красивый, ценный; святой; чистый, светлый, лучистый; умный; дорогой; обильный; счастливый; полный’.

Условные сокращения и обозначения

|| модификации, варианты входящего слова
Σ суммарная частота употреблений в текстах Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 30 т.
🕮 примеры из художественной прозы
🗐 примеры из публицистики
✉ примеры из эпистолярного наследия (личные письма)
| граница между абзацами, объединяемыми в примере
♫ указание на наличие примера в приложении-озвучке
◊ фразеологические сочетания
Δ<…>Δ блок примеров, включенных в комментарий Δ
v указание на альтернативные варианты значения

Бб — «Бобок»
БрК — «Братья Карамазовы». Кн. 1–10
БКа — «Братья Карамазовы». Кн. 11–12
Бс — «Бесы»
Дв — «Двойник»

ДС — «Дядюшкин сон»
ММ — «Мужик Марей»
НН — «Неточка Незванова»
Пд — «Подросток»
ПН — «Преступление и наказание»
Ср — «Слабое сердце»
ЧЖ — «Чужая жена и муж под кроватью»

---

1. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961. 394 с.

2. Междометия / И. Н. Кручинина // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 290.

3. Междометия / Н. Ю. Шведова // Русский язык : энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 2008. С. 230.

4. *Шаронов И. А.* Междометия в речи, тексте и словаре. 2-е изд., испр. и доп. М., 2024. 349 с.

5. *Бибихин В. В.* В поисках сути слова // Новое литературное обозрение. 1996. № 14. С. 23–34.

6. *Бибихин В. В.* Внутренняя форма слова. СПб., 2008. 420 с.

7. *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. 190 с.

8. *Плунгян В. А.* FAQ: Дискурсивные слова : 7 фактов о богатстве значений слов-паразитов // Постнаука : [сайт]. 2013. 17 янв. URL: https://postnauka.org/faq/8572 (дата обращения: 24.08.2026).

9. *Иванчикова Е. А.* Синтаксис художественной прозы Достоевского. М., 1979. 287 с.

10. *Захаров В. Н.* Достоевский для XXI века // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 3. С. 194–199.

11. *Дружинин П. А.* Текст Достоевского : Историко-филологические разыскания. М., 2025. 312 с.

12. *Тимофеева В. В. (Починковская О).* Год работы с знаменитым писателем // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2 т. / сост. и коммент. К. И. Тюнькина. Т. 2. М., 1990. С. 137–196.

13. *Рейсер С. А.* Основы текстологии. Изд. 2-е. Л., 1978. 176 с.

14. *Баршт К. А.* О текстологии произведений Ф. М. Достоевского, интонационной пунктуации XIX века и грамматической норме современного русского языка (на материале 9-го тома полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 35 т. СПб.: Наука, 2020. 1029 с.) // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2023. Т. 82, № 6. С. 34–48.

15. *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1987. 544 с.

16. *Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи. 3-е изд., перераб. М., 1977. 279 с.

17. *Брызгунова Е. А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984. 117 с.

18. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. 182 с.

19. *Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л.* Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1. Предисловие. М., 2001. 442 с.

20. СЯД — Словарь языка Достоевского : идиоглоссарий : в 6 т. / под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2008–2025.

21. *Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка : учеб. пособие для филол. ф-тов ун-тов. М., 1982. 152 с.

22. *Шаронов И. А.* Толкование эмоциональных междометий как знаков восприятия // Russian Linguistics. 2002. Т. 26, № 2. С. 235–254.

23. *Шаронов И. А.* О новом подходе к классификации эмоциональных междометий // Труды междунар. конф. «Диалог 2006». М., 2006. С. 561–566.

24. *Шаронов И. А.* Междометия в языке, в тексте и в коммуникации : дис. … д-ра филол. наук. М., 2009. 320 с.

25. ДССЯРП — *Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А.* Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870 гг. М., 2013–. Т. 2. 848 с.

3.4. Лексикографическое представление формульной паронимии

Паронимические связи, которые возникают как в художественных текстах, так и в живой речи, уже более века находятся в центре внимания исследователей. В цифровую эпоху они обретают существенную особенность: непреднамеренное смешение близкозвучных слов провоцирует возникновение «спонтанных ассоциаций», или on-the-spot suggestions, в терминах Т. Пристли [1, с. 219; ср.: 2, с. 95], в результате чего корреляция семантизируется, нередко приобретая воспроизводимый характер. Соответственно, актуальным становится системное лексикографическое описание таких явлений, выходящих за рамки традиционного понимания паронимии и звукосмысловых связей. Существующие словари паронимов в большинстве своем описывают однокоренные слова [3–5], не учитывая (за редким исключением [6]) современной дискурсивной практики, в которой чаще смешиваются разнокорневые слова, обладающие сходными «квазиморфами». В то же время «Материалы к словарю паронимов русского языка» В. П. Григорьева, Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой, которые представляют собой попытку исчисления общеязыковых консонантных «скорнений», ограничиваются формальными показателями квазиоснов без обращения к синтактике и семантике [7]. Актуальным в этом

контексте представляется переход от фиксации отдельных паронимических пар к описанию лексико-семантических парадигм (гнезд), объединенных общими квазиморфемами (эвфоническими этимонами), с интеграцией формального и содержательного их описания (с учетом синтаксических параметров корреляций, предикативных отношений аттрактантов, конкретных преобразований смыслов). Необходимо также расширить иллюстративную базу за счет привлечения не только поэтических текстов, но и прозы, публицистики, разговорной речи, включающих как преднамеренные (игровые), так и спонтанные (ошибочные) контаминации, интерпретируемые как проявления языковой рефлексии.

Объектом лексикографического исследования при таком подходе будут паронимические лексико-семантические парадигмы, представляющие собой устойчивые, воспроизводимые в различных текстах разных авторов сопоставления сходнозвучных слов-аттрактантов (так называемые формульные корреляции), представленные в лексической системе русского языка и дискурсе. Предметом же станут принципы и параметры лексикографического представления формульной паронимии, включая формальную типологию квазиморфем, синтагматическую структуру корреляций (контактное/дистантное расположение, синтаксические роли), семантические преобразования (операции над смыслами, метафорические и метонимические переносы), а также способы моделирования этих отношений в словарных статьях с выделением ядерных и периферийных реализаций.

Исследования паронимических формул, зафиксированных в результате включенного наблюдения примеров эксплицитных и имплицитных контаминаций паронимов в обыденной речи и фильмах, песнях, рекламных интеграциях, проведенные ранее на материале НКРЯ (включая поэзию, прозу, нон-фикшн, социальные сети и устную речь) [8–10], позволяют сделать первые шаги к словарю нового типа.

Паронимию определим вслед за Ю. А. Бельчиковым как «явление частичного звукового сходства слов (паронимов) при их семантическом различии (полном или частичном)» [11, с. 368]. При этом к паронимам будем относить как однокоренные (*невежа — невежда*), так и разнокорневые (*апелляция — эпиляция*) слова, поскольку глубокое созвучие в речевых корреляциях неизбежно «морфологизируется» [12; 13], оформляясь как «квазиморфема».

Методологически важным, разделяя точку зрения С. С. Иванова [14, с. 6], будем считать разграничение *паронимии* — системного

парадигматического отношения, *парономасии* — определенных моделей, актуализирующих языковое «бессознательное» на парасинтагматическом уровне, и *паронимической аттракции*, семантизирующей системные отношения и модели уже в синтагматике, выявляя в конкретной речевой ситуации представления, характерные для индивидуального языкового сознания.

Устойчивые корреляции паронимов, комбинируемых разными способами в текстах разных авторов, но при этом представляющих собой лексико-семантические парадигмы, члены которых в силу близости контекстуальных значений при определенных условиях взаимозаменимы [15, с. 85], могут быть названы формульными.

Выявленные паронимические формулы [16, с. 160–161], что можно показать на следующих примерах, в равной степени характерны и для поэзии: ***Ветер*** *жизни тебя не* ***тревожит*** (С. Маршак); *Отпускаю с* ***ветрами*** *тревоги,* / *Выливаю с дождями печаль…* (Т. Тимошевская); ***Тревожный ветер*** *дул со всех сторон.* / *Дни становились злее и короче* (А. Артемьев); и для художественной прозы: ***Ветер тревожно*** *шелестел в кронах деревьев, и деревья вздыхали, раскачивались и выворачивали листья изнанками вверх* (Т. Янсон); ***Ветер тревоги*** *веет над лесом* (World of Warcraft. com), и для нон-фикшн: ***Тревогу*** *и депрессию может вызывать шум от* ***ветра****. <…> Паранойю и чувство* ***тревоги*** *формируют* ***ветровые*** *турбины* (Pravda.ru. Наука); *При сильном* ***ветре*** *кожа начинает подавать в мозг сигналы* ***тревоги****…* (Neurology.ru); и для обыденной речи: *Бывает подолгу* ***ветер****… ощущение* ***тревоги****, дискомфорта вызывает* (Woman.ru).

Поэзия в целом чаще обращается к паронимии, чем обыденная речь и проза. Она использует все возможности языковой системы и в силу этого менее шаблонна и предсказуема. Но вместе с тем именно поэзия определяет модели, которые, с одной стороны, позволяют прогнозировать возможные речевые ошибки, а с другой — повышают экспрессивность и изобразительность речи при использовании паронимической аттракции как сознательного приема языковой игры.

Корпусный анализ, направленный на поиск реализации выявленных поэтических формул в непоэтических контекстах с последующей оценкой частотности корреляций, семантический анализ, определяющий актуализацию сем словарных значений аттрактантов и спектр смысловых приращений, семантико-синтаксический анализ, устанавливающий синтаксические роли

паронимов-аттрактантов (субъект, предикат, объект, атрибут, сирконстант), выявляющий парасинтаксические предикативные единства и пропозициональную структуру формулы, наконец, интерпретация конкретных дискурсивных реализаций формульной паронимии с учетом контекста, тропеических переносов (метафор, сравнений, метонимий) и стилистической функции паронимической аттракции, позволяют формализовать словарное описание каждой из устойчивых корреляций. Представляется, наиболее полно отразит специфику рассматриваемого языкового феномена модель словарной статьи, включающая указание паронимической квазиморфемы, типа расподобления, контактного/дистантного расположения и актантных характеристик аттрактантов, модели смыслового взаимодействия, ядерные и периферийные контексты, пропозициональные схемы формульной корреляции. Таким образом, фиксируются и системные основания аттракции, и расширение значений паронимов, значительно повышающее их коммуникативный потенциал.

Расширение значений происходит в результате обмена смыслами, при котором один из аттрактантов выступает в роли модификатора, управляющего одним из семантических процессов, которые отражены в формализованной модели И. И. Ревзина [8]. В условиях паронимической аттракции чаще всего имеют место следующие:

1. ***C / a:*** в смысле *C* сема *a* акцентируется, приобретая больший вес, чем это предписано словарем.

2. ***C + a***: к смыслу *C* присоединяется сема *a*, являющаяся для его факультативной.

3. ***C \ a***: в смысле *C* подавляется некоторая существенная сема *a*.

4. ***C U P***: смыслы *C* и *P* объединяются, хотя каждый сохраняет некоторую самостоятельность: значения как бы просвечивают одно через другое (возникает семантическая интерференция, которая может основываться на актуализации сем, входящих в словарное значение аттрактантов).

5. ***C U P / e***: одновременно объединяются смыслы *C* и *P* при приобретении большего веса общими для них семами *e*.

6. ***C vs P / a***: при противопоставлении смыслов подчеркиваются контрастные семы *a*; признак, определяющий сближение, остается значимым.

7. ***C vs P / a \ e***: подчеркиваются контрастные семы *a* и одновременно подавляются семы *e*, общие для *C* и *P* [9, с. 207–208].

Продемонстрируем, как перечисленные параметры учитываются при лексикографировании устойчивой паронимии, на трех показательных примерах.

1. **Паронимическая формула с ядром *вьюга — вьюк*, включающая и производные от обоих аттрактантов** [16, с. 162–163]. Заметим, что в языковом сознании «наивных» носителей русского языка корни рассматриваемых паронимов связаны «этимологически»: ***Как правильно писать слово — «навъючила» или «навьючила»?*** *— НавЬючила — в этом слове одна приставка НА, а ВЬЮЧ — корень, и — суффикс, л — суффикс прошедшего времени, а — окончание. —* ***От слова «вьюга» значит?*** (Otvet.mail.ru). «Народная» этимология имеет мало общего с реальной. *Вьюк* — древнерусское заимствование из тюркских языков, ср. тат. *юк* ‘ноша’ (в русском — *вьюк* ‘упакованная поклажа, перевозимая на спине животного’), а начальное «в» возникло из-за смыслового сближения с *вить*; слово *вьюга* образовано от *вьять* ‘виться, веять’ (не сохранившийся глагол *вьять* родствен глаголам *вить*, *веять*) [17]. Однако по смыслу одно слово ассоциируется с другим через глагол *вить*, и реальный этимон *вьюги* связывает ее и *вьюк* через семантический компонент ‘круговое движение’, актуализируемый паронимической аттракцией. Она возникает в следующих паронимических корреляциях: 1) ***вьюга — вьюжный — вьюк***: *Казалось, что стучится в наши терема* / *Татарска бабушка, сама падера* ***вьюга,*** / *Несуща* ***вьюжный вьюк,*** *что стужей стянут туго…* (Л. Мартынов); *Снова* / *С неба* / *Сброшен* ***вьюжный вьюк*** (Л. Мартынов); 2) ***вьюга — вьючить***: ***вьюга вьючила*** / *груз снегов на плечи нам* (Н. Асеев); *Воду водишь,* / *Грязи грузишь,* / *Рожь рожаешь,* / ***Вьюгами вьючишь,*** / *Озими зимами* (С. Третьяков); 3) ***вьюга — вьюжный — навьючить***: ***Вьюга навьючила*** *юные дюны в юные* ***вьюжные*** *южные дни* (А. Воловик); ***Вьюгу навьючив*** *снегов гулом,* / *нервный февраль вновь, —* / *невозмутимый, как переулок* / *без фонарей, разлетясь, — дунул,* / *ветром задрал бровь…. —* // *и закружил в городах-гротах!* (Г. Вороненко); *Пуститесь-ка* ***вьюгой,*** / ***Навьючьте*** *завалов…* (А. Теплухин); *На юге!.. где* ***вьюги****!..* ***навьЮчь****… вЪ-я-вЬ!.. ишака!.. И он!.. потащит!.. и седока!.. и три!.. его!.. мешка!..* (В. Петрак); 4) ***вьючный — вьюга***, при том, что один из аттрактантов является элементом тропа, в данном случае сравнения: *Сиверко — Полуночник то, как мул* ***вьючный, вьюгу*** *на себе тянет — ёлки-палки заколюченные, вишь ты, замерзнут, то дожди на бечеве бурлаком волочет — как же, там кто-то где-то завял да поник!*

А назад, так по самой верхотуре пробирается — «Не застудить бы кого!» — говорит (Аланат). Как следует из приведенных примеров, на периферии возникает еще один вектор аттракции: ***вьюга, вьюжный — юг, южный***.

В словаре эти корреляции можно отобразить следующим образом:

> **ВЬЮГА — ВЬЮК** (**<вью(г/к)>**, консонантное расподобление, смысловое взаимодействие по модели **C U P / e** ‘круговое движение’).
>
> Ядерные контекстные реализации — контактные: 1) *вьюга — вьюк* (**<вью(г/к)>**, Subj. — Obj.); 2) *вьюжный — вьюк* (**<вью(ж/к)>**, Atr. — Subj.); 3) *вьюга — (на)вьючить* (**<вью(г/ч)>**, Subj. — Pred., Obj. — Pred., Instr.Obj. — Pred.); дистантные: 4) *(на)вьючить — вьюжный* (**<вью(ч/ж)>**, Pred. — Sirc.); в тропеической позиции: 5) *вьючный (мул) — вьюга* (**<вью(ч/г)>**, $\mathbf{C}_1$ / $\mathbf{a}_1$ ‘вьюк’ → $\mathbf{C}_2$ \ $\mathbf{a}_2$ ‘снежный вихрь, метеорологическое явление’ + $\mathbf{a}_1$ ‘вьюк’ → *вьюга* ‘снежный вьюк’).
>
> Периферийная аттракция: *вьюга/вьюжный — юг/южный* (**<(вь)ю(г/ж)>**, аугментативное расподобление с консонантным чередованием, **C vs. P / a** ‘холод vs. тепло’).
>
> Пропозициональная структура паронимической формулы: *вьюга* (Subj.) ↔ *вьюжить/вьючить, вьюк* (Pred.) ↔ *вьюк* (Obj.).

2. **Паронимическая формула *дом — дым — дума*** [10, с. 85–87]. Самая очевидная, мотивированная денотативными связями и основанная на метонимии ассоциация *дом — дым* представлена наиболее широко: ***Дым*** *из-за* ***дома*** *догонит нас длинными дланями…* (В. Маяковский); ***Дома*** *ушли в себя. Лишь* ***дым*** *из красных труб* / *Свободно катится, пропитываясь небом* (Н. Матвеева); *Девочка рисует* ***дом,*** / *А над домом идет* ***дым*** (Е. Клячкин) и др. При этом *дому* может сопоставляться *дым* не из печных труб, а то, что называется *дымкой*: ***дым*** *огней бессилен Распрямить* ***дома,*** *полегшие вповал* (Б. Пастернак); *В распахнутую дверь,* / *В добротный запах* ***дома,*** / *В* ***дымок*** *младенческого сна…* (Э. Багрицкий). Благодаря паронимической аттракции в значении лексемы *дым* появляется сема ‘(не)отъемлемая принадлежность дома’. Общей для значения слов-аттрактантов оказывается сема ‘домашний очаг’, которая благодаря актуализации переносного значения слов *дым* ‘о чем-то призрачном, существующем лишь в мечтах или быстролетном, быстротечном, быстро исчезающем’ и *дымка* ‘о том, что затуманивает мысль, сознание, взгляд и т. п.’ и ‘едва уловимое проявление какого-л. настроения, состояния,

заслоняющего что-л. другое’ может обогащаться (как и значение слова *дом*) компонентами ‘мечта’, ‘призрак’, ‘мысль’, ‘неустойчивость’, ‘эфемерность’.

Другая, не менее устойчивая паронимическая корреляция *дом — дума* представлена прежде всего в форме разнообразных *дум* о *доме*: *Люди* ***думают*** *о* ***доме****,* / *О зеленом абажуре,* / *Чашке чая и жене* (Вс. Рождественский). *Дом* присутствует в *думах* как мыслеобраз: *О прошлом вдруг нахлынут* ***думы****:* / *Разлука с* ***домом****,* / *пыльный шлях* / *И слезы матери, угрюмо* / *Так и застывшие в глазах* (К. Симонов) или эмоция: *Я грущу, товарищи, по* ***дому****,* / ***Дума*** *мучает меня одна…* (М. Светлов). *Думы* могут начинаться и за порогом *дома*, и чаще — в нем самом (не обязательно собственном), что подчеркивается генетивной метафорой *дом дум* со значением неотторжимой принадлежности.

Иногда две звукосмысловые линии пересекаются в одном контексте: *Из* ***дома****, как из черепной коробки, где много* ***дум****, и* ***дыма****, и забот, мы вышли в сад* (С. Петров); *Ждут приема.* ***Думают*** *о* ***доме****…* / *Кто-то сигарету закурил,* / *Струйка* ***дыма*** *в лестничном проеме…* (А. Межиров); *дом* предстает как вместилище, «жилище» *дум* и *дыма*, транслируя значениям последних сему ‘витальность’, при этом *дым* согласуется с *думой* через компоненты ‘мечта’, ‘мысль’. В устойчивых паронимических формулах *дым* и *дума* связаны разнонаправленными отношениями включения: зарегистрированы и *думы в дыму*, и *дым в думах*.

Отметим еще одно формульное сочетание, в равной степени присутствующее в обыденной речи, фольклоре и поэзии: *родимый дом*. Паронимическая аттракция консонантного метатетического типа, связывающая корни *-род-* и *-дом-*, поддерживается вокалическим расподоблением квазиморфем *-дим-* и *-дом-* с сильным консонансом, что помогает словосочетанию превратиться в знак единого понятия.

Эти связи универсальны, но могут по-разному актуализироваться и иметь уникальные расширения в конкретных идиолектах, развиваясь от индивидуального к универсальному. Например: *Здесь, меж вами:* ***домами****, деньгами,* ***дымами****,* / ***Дамами****,* / ***Думами****…* (М. Цветаева), ср.: *Ни* ***дома****, ни* ***дыма****, ни* ***думы****, ни* ***дамы****,* / *Ни* ***даты****, отбитой былыми годами…* (П. Антокольский). С одной стороны, в обоих случаях представлена стандартная цепочка *дом — дым — дума*, с другой — индивидуальное ее «наращение», продолженное в цитирующем тексте: ([*д***о***м — д***ы***м — д***у***ма*] — *да***м***а*) — *да***т***а*, вокальное расподобление дополняется консонантным.

Попробуем смоделировать эти корреляции.

ДОМ — ДЫМ — ДУМА (**<д(о/ы/у)м>**, вокалическое расподобление, смысловое взаимодействие по модели **C U P / e** ‘очаг / эфемерность, мечта, мысль’).

Ядерные контекстные реализации — контактные: 1) *дом — дым* (**<д(о/ы)м>**, *дым над домом* / *из(-за) дома* / *в доме*: Subj. — Obj., *дым дома*: Subj. ↔ Atr.; **C U P / e** ‘неотъемлемая принадлежность’; в тропеической позиции: *дом — дым(ка)/дым(ок)* ‘нечто призрачное, мимолетное, существующее в мечтах’); 2) *дом — дума* (**<д(о/у)м>**, *дума о/в доме*: Subj. — Obj.), 3) *дом — дым — дума* (**<д(о/ы/у)м>**, *дом с дымом и думами* Subj. — Atr.; в тропеической позиции: Мтф. *дом* ‘черепная коробка’= Мтн. *думы* ‘мысли’ + *дым* ‘мечты’); **C + a_1** ‘ментальное пространство’ **U P / e** ‘мыслимый объект’; дистантные: *дом (и) дым* (**<д(о/ы)м>**, Subj. — Subj.), *дом (и) дума* (**<д(о/у)м>**, Subj. — Subj.), *дума о доме (и) дым* (**<д(о/ы/у)м>**, (Subj. — Obj.) — Subj.); **C U P / e** ‘неотъемлемая принадлежность’ **+** a_2‘мыслимый объект’.

Периферийная аттракция: 1) *дом — родимый* (<до(**м**/**р**)од> + <д(**о**/**и**)м>, наложение двух квазиморфем — метатетического типа с консонантным расподоблением и вокалического типа расподобления, смысловая модель **C U P / e** ‘родное пространство’, контактная: *родимый дом*: Atr. — Subj.); 2) *дом — дым — дума — дама — дата* (**<д(о/ы/у/а)м(/т)>**, расширение парадигмы за счет переключения вокалического расподобления на консонантное, смысловая модель **C U P / e** ‘призрачность, эфемерность’).

Пропозициональная структура паронимической формулы: *дом*/*дым*/*дума* Subj. ↔ (Pred.: *дым(ить)* ‘давать дым, придавать витальность’/*дум(ать)* ‘мыслить, мечтать, воображать’) ↔ *дом*/*дым*/*дума* Obj.

3. Паронимическая формула с ядром *женщина — нежность* [18, с. 63–69]. В этой паронимической корреляции *нежность* актуализируется как неотторжимая принадлежность и конституирующий признак гендера. Об этом говорит и сформировавшееся во время Н. Карамзина и использующееся в современной публицистике устойчивое словосочетание *нежный пол*, которое закрепило имплицитную паронимическую корреляцию *женщина — нежность* на уровне языковой системы. В рассмотренном материале эта смысловая связь проявляется в атрибутивных конструкциях с генитивом: *В форме каждого злого пальчика —* / ***Нежность женщины,*** *дерзость мальчика* (М. Цветаева); или с прилагательным: *Есть* ***нежность женская*** (А. Несмелов); *Слишком* ***женщиной, нежной*** *и теплой, была ты* (Н. Коржавин), в том

числе с прилагательным в сравнительной степени в составе сравнения: *И снилась* ***женщина, нежнее, чем*** *сестра* (Г. Голохвастов); а также в сочетании с наречием образа действия: *Но* ***нежно женщины*** *страны поют теперь…* (А. Несмелов). *Нежность* в тропах функционирует как признак, а *женщина* — как образ сравнения: *Руки…* ***нежные,*** *как* ***женщина*** *на заре* (А. Мариенгоф); *Луна* ***нежная,*** *как* ***женщина*** (Д. Андреев). При дистантной аттракции образ *женщины* кристаллизуется из *нежности*, разлитой в окружающем человека мире: *В* ***нежном*** *свете гаснущего газа мелькают* ***женщины,*** *как летучие мыши* (И. Г. Эренбург).

На периферии возникают корреляции *женщина — жизнь,* в том числе и при имплицитной аттракции в сочетании с эксплицитной, **женщина — жизнь, нежн(ость)*: ***жизни нежный*** *гений* у К. Бальмонта, ***жизни нежное*** *дыханье* у А. Платонова, ***жизни нежный*** *волосок* у С. Петрова и др.; а также *женщина — нужно,* эксплицитная: *Кому еще* ***нужны*** *мы, кроме* / *любимых* ***женщин*** *по ночам?* (Г. Семенов); и имплицитная — в формуле *нежн(ость) — нужно*: *Милый-милый, бедный —* ***нежный!*** *—* ***нужный*** *друг* (Д. Кнут); *Ведь только ты одна всегда, всегда* ***нежна,*** / *В печальной осени душе всегда* ***нужна*** (И. Северянин).

Представим эти корреляции в словарной статье.

ЖЕНЩИНА — НЕЖНОСТЬ (— НУЖНОСТЬ — ЖИЗНЬ) (**<жен/н(е/у)ж/жизн>**, метатетический тип с вокалическим расподоблением, осложненный эпентезой, смысловое взаимодействие по модели **C U P / e** ‘слабость, мягкость, ласковость’).

Ядерные контекстные реализации — контактные: 1) *женщина — нежн(ость)* (**<неж/жен>**, зеркальная метатеза, **C U P / e** ‘основной гендерный признак’), *нежность женщины,* Atr. — Subj.; *женщина — нежная,* Subj. — Atr. / *нежна,* Subj. — Pred.; *женщина — нежно,* Subj. — Sirc.(Pred.); в конструкциях сравнения: *женщина* (предмет Ср.) *нежнее* (признак Ср.)*, чем* X*,* и X *нежный* (признак Ср.)*, как женщина* (образ Ср.); 2) *женщина — нужный/нужно* (**<жен/нуж>**, метатеза, осложненная вокалическим расподоблением, **C + a**$_1$ ‘непреложность’ **U P / e** ‘необходимость, востребованность’), *женщина нужна*, Sub. — Pred., *нужно женщине*, Pred. — Obj.; дистантные: 1) *нежн(ость) — нужн(ость)* (**<н(е/у)жн>**, вокалическое расподобление, **C U P / e** ‘необходимость, востребованность’; Atr.); 2) **женщина — нежн(ость) — нужн(ость)* (**<жен/н(е/у)жн>**, **C U P / e** ‘необходимость, востребованность женственности’, Sub. — Pred.).

Периферийная аттракция: 1) *жизнь — нежность* (**<жизн/неж>**, метатеза, осложненная эпентезой и вокалическим

расподоблением, **C U P / e** ‘витальность’, Sub. — Atr.); 2) *жизнь — нежность — женщина* (**<жизнь/неж/жен>**, **C U P / e** ‘витальность нежности’, Sub. ↔ (Atr.) ↔ Obj.); 3) *женщина — жизнь* (**<жизнь/жен>**, **C U P / e** ‘витальность женственности’, Sub. — Sub.)

Пропозициональная структура паронимической формулы — макропропозиция: *Женщина* (Sub.) есть *нежность* ($Pred_1$), *нужность* ($Pred_2$) *и жизнь* ($Pred_3$); микропропозиции: *Женщина нежна* (Sub. — Pred.); *Нежность нужна женщине* (Sub. — Pred. — Obj.); *Жизнь нежна* (Sub. — Pred.); *Женщине нужна жизнь* (Sub. — Pred. — Obj.).

* * *

Таким образом, формульные паронимические корреляции можно назвать и маркерами мифокультурных архетипов, лежащих в основе образов, которые не существуют изолированно, а объединяются в лексико-семантические парадигмы. Системные языковые связи паронимов обозначают векторы их развития по линиям звуковых метонимий и метафор, поскольку парасинтаксические связи аттрактантов всегда активизируют отношения предикации.

Как можно было заметить, от устойчивого ядра отходят векторы, формирующие ядерные контекстные реализации (включающие и производные основных аттрактантов) и периферию паронимического поля и отсылающие к новациям и синонимичным, также поддержанным паронимической аттракцией «перифразам» ядерных связей. Возможно, при лексикографическом представлении стоит это учитывать и дополнять линейное описание цепочек паронимов схемой, которая отражала бы не только актуальные, но и потенциальные, не противоречащие системе корреляции.

Базируясь на предельном исчислении возможных общеязыковых квазиморфем-этимонов, словарь формульных паронимических корреляций обладал бы большой прогностической силой в отношении не только развития поэтической паронимии, но и появления новых корреляций и смешений паронимов в разных видах дискурса.

---

1. *Priestly T. S. M.* One Idiosyncratic Strategy in the Acquisition of Phonology // The Emergence of Phonology: Whole-word Approaches and Cross-linguistic Evidence / eds. M. Vihman, T. Keren-Portnoy. Cambridge, 2013. P. 217–237.

2. *Лаврова Н. А.* Контаминация и паронимическая аттракция // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 3. С. 93–99.

3. *Вишнякова О. В.* Словарь паронимов русского языка. М., 1984. 352 с.

4. *Красных В. И.* Паронимы в русском языке : Самый полный толковый словарь : более 3500 паронимов, около 1500 паронимических рядов. М., 2010. 590 с.

5. *Снетова Г. П., Власова О. Б.* Словарь паронимов русского языка. М., 2021. 415 с.

6. *Колесников Н. П.* Словарь паронимов. Тбилиси, 1971. 346 с.

7. *Григорьев В. П., Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю.* Материалы к словарю паронимов русского языка. М., 1992. 293 с.

8. *Ревзин И. И.* Современная структурная лингвистика : Проблемы и методы. М., 1977. 263 с.

9. *Северская О. И.* Содержание семантических процессов в условиях паронимической аттракции // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 4. С. 204–211.

10. *Северская О. И.* Думы о доме и дыме: семантика «формульной» паронимии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2023. № 2. С. 83–90.

11. Паронимия / Ю. А. Бельчиков // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. С. 368.

12. *Векшин Г. В.* Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 229–250.

13. *Meul C.* Variable conditioning of a morphological mechanism // The Boundaries of Pure Morphology. Diachronic and Synchronic Perspectives / eds. S. Cruschina, M. Maiden, J. Ch. Smith. Oxford, 2013. Pp. 68–94.

14. *Иванов С. С.* Лингвистический статус и функциональные возможности паронимии в системе современного английского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ниж. Новгород, 2010. 21 с.

15. *Павлович Н. В.* Образование поэтических парадигм // Проблемы структурной лингвистики 1983. М., 1986. С. 74–87.

16. *Северская О. И.* Принципы лексикографического представления паронимических формул // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 1. С. 157–167.

17. *Крылов Г. А.* Этимологический онлайн-словарь : [сайт]. URL: https://lexicography.online/etymology/krylov/ (дата обращения: 30.07.2026).

18. *Северская О. И.* О женщинах, нежности и нужности в паронимических формулах русской поэзии // Мир русского слова. 2022. № 4. С. 61–70.

3.5. Любовь как парадокс: когнитивно-дискурсивный анализ (на материале Поэтического корпуса русского языка)

Вопрос о репрезентации эмоций в речи давно вызывает интерес как у лингвистов, так и у философов. В частности, Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях» говорит о трудностях выражения индивидуальных переживаний с помощью «общего» языка: «Ну а как обстоит дело с языком, описывающим мои внутренние переживания и понятным лишь мне одному? Как я обозначаю свои ощущения словами? Так, как это делается обычно? То есть связывая слова, передающие мои ощущения, с естественными проявлениями этих ощущений? В таком случае мой язык не является “приватным”. Другой может понять его так же, как я. А допустим, у меня нет никаких естественных проявлений ощущения, а есть только само ощущение? И я просто ассоциирую имена с ощущениями и пользуюсь ими при описании» [1, с. 174]. Имена эмоций не являются точным, исчерпывающим описанием внутренних переживаний человека, поскольку сами по себе они не позволяют передать индивидуальный характер чувства. Следствием стремления уточнить, индивидуализировать переживание при его репрезентации нередко становятся парадоксальные, внутренне противоречивые высказывания.

В качестве материала для наблюдений были выбраны фрагменты поэтических текстов, в которых содержится парадоксальное переосмысление такого чувства, как любовь. Выбор обусловлен тем, что любовь — одно из базовых эмоциональных переживаний, обладающее при этом особой ценностью. С. Г. Воркачев утверждает: «Из всех проявлений морального сознания, наверное, ни одно так не привлекало внимание человека и не оценивалось им столь высоко, как любовь» [2], что подтверждается широкой репрезентацией данного чувства в поэтической речи.

Источником материала исследования выступил Поэтический корпус, являющийся составной частью НКРЯ [3]. В ходе анализа в подкорпусе поэтических текстов, датированных периодом 1975–2025 гг., обнаружено 507 фрагментов поэтических текстов, представляющих собой парадоксальные высказывания и включающих в себя эмотивы-номинативы в количестве 773 единиц. При этом было выявлено, что наиболее распространенная эмоция, получающая парадоксальное осмысление в поэтической речи, это

любовь, причем по частотности она значительно превосходит прочие эмоции (144 случая, около 19 % от всего объема материала).

Такая частотность упоминаний любви в парадоксальных контекстах в значительной степени обусловлена ее высокой встречаемостью в поэтической речи в целом. В то же время можно заключить, что любовь обладает значительным потенциалом для парадоксальной репрезентации, что объясняется рядом причин. Во-первых, по словам Э. Фромма, «вряд ли какое-нибудь слово окружено такой двусмысленностью и путаницей, как слово “любовь”», поскольку оно применяется для обозначения широкого спектра эмоциональных переживаний — «его используют для обозначения почти каждого чувства, не сопряженного с ненавистью и отвращением» [4, с. 82]. В связи с этим как в психологии, так и в лингвистике появляется значительное количество классификаций, учитывающих различные признаки данного чувства — например, характер объекта-источника или же силу и глубину переживания.

Во-вторых, потенциальная парадоксальность любви обусловлена ее двойственным характером. Так, Л. Г. Бабенко отмечает: «Это чувство может быть как легким и кратким, светлым, доставляющим счастье и радость, так и чрезвычайно сильным, глубоко захватывающим душу и сердце человека, мучительным и долгим» [5, с. 97]. Любовь представляет собой противоречивое чувство, и именно обращение к стратегии парадоксальности позволяет авторам поэтических текстов передать его глубину и сложность.

В связи с этим цель настоящего исследования — не столько описать концепт ЛЮБОВЬ, сколько вскрыть внутреннюю противоречивость данного чувства и выявить особенности его парадоксальной репрезентации в поэтической речи. В ходе анализа выявлены три основных механизма такой репрезентации: парадоксальная характеризация, совмещение несовместимого (в частности, противоположных эмоций), а также парадоксальная реализация метафорической модели. Рассмотрим, как эти механизмы применяются для репрезентации любви в поэтическом дискурсе.

Парадоксальная характеризация

Парадоксальность может быть обусловлена противоречием между когнитивными признаками концепта и индивидуально-авторской интерпретацией эмоции в поэтической речи. Любовь,

объединяющая «широкий круг эмоциональных явлений, характеризующихся положительным отношением к другому» [6, с. 28], в языковой картине мира интерпретируется преимущественно положительно; это обусловлено, в частности, тем, что «для многих квинтэссенцией смысла жизни представляется любовь» [Там же]. В то же время признается, что любовь может служить источником страданий, в связи с чем можно говорить о потенциальной парадоксальности данной эмоции: «Обзор энциклопедических, “периферийных” признаков любви свидетельствует о крайней противоречивости восприятия этого морального чувства паремиологическим сознанием, дающим ему самому и последствиям его воздействия на человека диаметрально противоположные оценки» [Там же, с. 46].

Нестандартная модально-оценочная интерпретация любви оказывается распространенным приемом ее парадоксальной характеризации, например: *Солнышко вставало* / *С песнею утешной,* / *Ведь оно не знало* / ***О любви кромешной*** (Е. Шварц). В этом отрывке любовь, которая обычно оценивается положительно и воспринимается как светлое чувство, характеризуется метафорическим эпитетом *кромешная*, то есть мрачная, тягостная. Следует также отметить, что эпитет *кромешный* противопоставлен идее света, которая репрезентирована лексемой *солнышко*. Парадоксальная оценочная характеристика позволяет создать образ эмоции, противоречащий представлению о любви в языковой картине мира.

В стихотворении С. Кековой любовь оказывается включена в однородный ряд с явлениями, которые обычно оцениваются негативно (*тоска, хвороба, Колыма, казенный дом*), благодаря чему выражение *любовь до гроба* воспринимается не столько как вечная, бессмертная любовь, сколько как опасное, губительное чувство: *воробей, тоска, хвороба,* / *словно смерть,* ***любовь до гроба,*** */ Колыма, казенный дом,* / *в темном небе свет тревожный,* / *гость нездешний, невозможный,* / *гость с оторванным крылом…*

Помимо приписывания эмоции нехарактерного для нее признака, парадоксальность может основываться также на наделении эмоции противоречивыми характеристиками. Наиболее репрезентативными оказываются те контексты, в которых противоречивые оценки одной и той же эмоции существуют одновременно. Так, например, в другом поэтическом тексте этого же автора совмещаются оппозитивные оценочные смыслы: ***Прими, как дар, любви ужасной бремя,*** */ в кладбищенских деревьях*

заблудись / *и в зеркало бегущее глядись —* / *поверх могил вода течет, как время*. Любовь здесь характеризуется как *ужасная*, а ее переживание осмысляется как *бремя*; одновременно с этим оказывается возможным принять ее *как дар,* что предполагает ее положительную оценку. Тем не менее в целом автор тяготеет к отрицательной оценочной интерпретации этого чувства, приобретающего гибельный характер, на что может указывать следующее за строчкой *Прими, как дар, любви ужасной бремя* высказывание с побудительной семантикой (*в кладбищенских деревьях заблудись*). То же происходит в стихотворении Ю. Мориц, где любовь одновременно может характеризоваться как сладостью, так и горечью: *как притворство ей отравит* / *в двадцать лет* / ***сладость горькую любви***…

У А. Штейнберга также обнаруживаем слияние оппозитивных оценочных смыслов: *О, награди меня утратою,* / *Лиши меня свободы вновь,* / *Пошли мне вновь* ***любовь проклятую,*** / ***Благословенную любовь!*** Любовь здесь одновременно характеризуется и как *проклятая*, и как *благословенная*, что представляет собой различные полюса ее оценочной интерпретации. Интересны парадоксальные стремления лирического субъекта, который отказывается от свободы, но при этом желает утраты; сюда же примыкает и его жажда *любви проклятой*, на что указывает формула *Пошли мне вновь*… Модальная интерпретация любви, таким образом, склоняется в сторону положительной оценки. Признавая негативные стороны любви, ее способность причинить боль и лишить свободы, лирический субъект все же видит ее высшей ценностью и стремится к ней.

Парадоксальная репрезентация эмоции может осуществляться посредством приписывания ей нестандартного внешнего выражения. Так, для любви как чувства, связанного с особым отношением к кому-либо, наиболее характерными проявлениями оказываются либо эмоциональные действия, непосредственно направленные на объект — источник эмоции (поцелуи, объятия и т. п.), либо иные показатели положительного отношения к этому объекту (например, *пылкий взгляд, воркующий голос* и др.). В поэтическом дискурсе достаточно распространенными внешними выражениями любви оказываются слезы и плач: *любви великой маленькие плачи*; *До чудных слез любви в зрачках* (Б. Ахмадулина); *Слеза любви первоначальной* (Ю. Кузнецов); *за листиком новый листок* / *роняя, что слезы любви* (Б. Рыжий); *И слезы первые — любви!..* (Л. Губанов) и др.

Обратимся к отрывку из стихотворения С. Липкина: *Погаси во мне память преданья,* / *С разумением связь разорви,* / ***Дай не белую боль состраданья,*** / ***Дай мне черные слезы любви!*** Несмотря на то, что любовь нередко сопровождается негативными переживаниями и может причинять душевную боль, она воспринимается скорее как положительная эмоция. В данном же случае проявлением любви оказываются слезы, которые чаще сопровождают негативные эмоции, причем они характеризуются как *черные*, что усиливает негативную оценочность. Стоит также отметить, что любовь здесь оказывается противопоставлена состраданию, что подчеркивается с помощью оппозитивных цветовых характеристик. Соответственно, внешнее проявление эмоции оказывается нехарактерным сразу по двум основаниям: с точки зрения направленности на объект и с точки зрения оценочной интерпретации. При этом модальная интерпретация эмоции также нестандартна: лирический субъект стремится к такой любви, что сопряжена с болью, на что указывает конструкция с побудительным значением (*Дай мне черные слезы любви!*).

Совмещение несовместимого

Эмоции как явления внутреннего мира человека могут не существовать дискретно, а взаимодействовать с другими переживаниями. При таком сопряжении отдельные эмоции способны варьироваться, приобретая отличный он конвенционального характер, получая нестандартную оценку и специфические когнитивные признаки.

Л. Г. Бабенко, описывая типовую семантику лексики денотативно-идеографической группы ЛЮБОВЬ, особо отмечает варианты ее сопряжения с иными чувствами, преимущественно предполагающими положительное отношение к объекту-источнику; например, «разновидности чувства любви сопрягаются с другими эмоциями: восхищением, уважением, благодарностью, благоговением, самоотверженностью и др.» [5, с. 97]. Соответственно, в парадоксальных контекстах любовь будет соединяться с теми эмоциями, для которых характерна отрицательная оценочная интерпретация.

Наиболее явно противопоставленной любви эмоцией является ненависть. Эта оппозиция является одной из базовых, глубоко укорененных в русской лингвокультуре. Так, Л. Г. Бабенко пишет:

«душа человека бьется между полюсами любви — ненависти, добра — зла, радости — горя и других чувств» [7, с. 28]. В поэтической речи возможны случаи, когда эти полюса сближаются. В парадоксальных контекстах обнаруживаем следующие варианты совмещения любви и ненависти:

— Изолированность: *Вдвоем, руслом одним, не смешивая воды,* / *Любовь и ненависть текут в душе моей* (М. Волошин).

— Взаимообусловленность и взаимообратимость: *Покуда ненависть сменяется любовью* (Б. Рыжий); *и превратилась в ненависть любовь* (Е. Евтушенко); *Нет творчества без разрушенья —* / *Без ненависти нет любви…* (И. Северянин).

— Сближение вплоть до неразличимости: *Свою ненависть или любовь Обвевал по весне ароматом* (Ю. Кузнецов); *Ей все равно — холодный сумрак гроба,* / *Позор ли, слава, ненависть, любовь* (Н. Некрасов).

— Слияние в единое комплексное чувство: *Святая Ненависть-Любовь* / *В свой рай тебя возьмет* (К. Эрберг).

Противопоставленные с точки зрения оценочного знака, любовь и ненависть обладают рядом схожих когнитивных признаков. Они представляют собой особое эмоциональное отношение к объекту-источнику, а также отличаются высокой интенсивностью: «Чувства любви и ненависти, точнее эмоциональные состояния, переживаемые субъектом под влиянием этих чувств, характеризуются сильным эмоциональным напряжением» [8, с. 57]. Наличие общих когнитивных признаков делает возможным сближение любви и ненависти, например: ***Ненависть похожа на любовь,*** / *Вино пролитое — на кровь* (Г. Сапгир). Подобное сближение противоположностей находим и у И. Лиснянской, в интерпретации которой любовь и ненависть оказываются высшей степенью проявления друг друга: любовь, достигшая крайней точки, оборачивается ненавистью, а ненависть — любовью: *Змею истории голубим,* / *Но, как словами ни криви,* / ***Себя до ненависти любим*** / ***И ненавидим до любви.***

Возможны также случаи сближения любви с иными эмоциями. В стихотворении Н. Горбаневской устанавливается тождество любви и боли, и в то же время страсть и любовь оказываются не просто нетождественны, но и противопоставляются друг другу. Так, любовь соотносится со страданием и душевной болью, а страсть представляет собой явление «физическое», плотское, что подчеркивается использованием предикативной лексики:

Если страсть — это пасть и припасть, / *то* ***любовь — это боль,*** *и любой,* / *кто не жил ни вслепую, ни всласть,* / *подтвердит, что земная юдоль* / *есть то место, какое болит…*

Менее явно противопоставленными любви оказываются те эмоции, которые предполагают отрицательное отношение к их объекту-источнику: *Своим же детским сожаленьем* / *Кажусь себе, мой друг — о, научи любить,* / ***Любовь мешая с омерзеньем*** (Б. Рыжий). Здесь обнаруживается пример совмещения любви, то есть положительного отношения к объекту-источнику, и омерзения — крайней неприязни и даже отвращения по отношению к нему же. В данном случае можно говорить об интеграции противоположных эмоций в комплексное, внутренне противоречивое переживание.

Подобная ситуация обнаруживается в следующих строках: *Как усталость умеет* ***любовь с раздраженьем связать*** / ***В чудный узел один:*** *вот я счастлив, несчастен опять!* (А. Кушнер). Любовь и раздражение обычно не воспринимаются как оппозитивные эмоции, хотя они могут быть противопоставлены на основании различного отношения к объекту-источнику — с положительной оценкой и с отрицательной. В приведенном отрывке соединение этих эмоций предстает в метафорическом образе узла, который характеризуется как *чудный*, что указывает на нестандартность такого их слияния. Парадоксальность контекста поддерживается фразой *Вот я счастлив, несчастен опять!,* в которой утверждается последовательная смена противоположных эмоциональных состояний.

Рассмотрим еще один пример: *Но это же сердце — грохочет там кровь —* / *Наводит надежду, что* ***в гневе сокрыта любовь*** (Е. Шварц). Как и в случае с ненавистью, в качестве интегрального признака, обеспечивающего возможность сближения различных эмоций, здесь выступает интенсивность чувств, на которую указывает внешнее проявление (*грохочет там кровь*).

В стихотворении И. Чиннова любовь сопровождается безжалостностью, причем объект-источник у этих чувств оказывается общим: *Между пореем и морковью* / *Не докучали бы плебеям* / *Своими правдами кривыми,* / *Своей* ***безжалостной любовью***. *Безжалостная любовь* — это такой же оксюморон, как *кривая правда*. Одной из характеристик любви является желание блага для объекта-источника, в данном случае народа, но представления о благе у субъекта и объекта эмоции не совпадают, на что указывает другой фрагмент из того же текста: *А людям-то совсем не нужно* / *Того, что счастьем вам казалось*.

Парадоксальная реализация метафорической модели

По словам С. Г. Воркачева, «лингвоконцепты-абстракции более или менее высокого уровня “обрастают” в языковом сознании образно-метафорическими и сочетаемостными ассоциациями» [6, с. 23]. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что концепты эмоций «не определены четко нашим непосредственным опытом прямого взаимодействия с объектами, а потому должны в основном пониматься косвенно, через метафору», при этом в качестве примера они приводят именно любовь [9, с. 119]. В связи с этим неудивительно, что метафоры любви привлекают особый интерес лингвистов. В частности, исследователи выделяют наиболее характерные метафорические модели любви, преимущественно опираясь на характер сферы-источника [см., например: 6, с. 59–67; 9, с. 80–83; 10; 11]. Рассмотрим, как некоторые из этих моделей могут быть реализованы в поэтической речи.

Распространенной метафорической моделью является отождествление эмоции и живого существа. Так, например, у С. Кековой метафорический перенос строится на основе сходства образа действия эмоции и живого существа: *Купец торгует, рыба воду пьет,* / ***и вьет любовь (так птица гнезда вьет) / из наших душ пеньковые веревки***. Здесь любовь предстает в образе птицы, вьющей гнездо, но модально-оценочная интерпретация этого образа оказывается нестандартной. Этому способствует авторская трансформация выражения *вить веревки:* за счет включения лексемы *пеньковые* происходит расширение состава фразеологизма, что способствует переосмыслению его значения. В данном случае любовь не только целиком подчиняет себе любящего, но и оказывается разрушительным чувством, ведущим его к трагическому финалу. Использование приема синтаксического параллелизма (*Купец торгует, рыба воду пьет*) позволяет рассматривать губительное воздействие любви на человека как ее стандартную неотъемлемую характеристику.

Еще одна модель переноса — это фитоморфная метафора, обнаруживающаяся в тех случаях, когда эмоция предстает в образе растения. В поэтическом дискурсе такая метафора также может характеризоваться парадоксальностью. С. Г. Воркачев, анализируя метафоры любви в стихотворной речи, отмечает «поэтический образ “любовь — цветок”, реифицирующий красоту» [6, с. 160]; рассмотрим пример, где этот же образ интерпретируется иначе: *Плотоядная чашечка, роза сосуща глотающа* / *Вне метафизики, мистики —* / *живоглотный, животный цветок* / ***Роза любви***

беспросветной, / *ночная насильница, роза* / *В биореторте души* (С. Стратановский). Выбор этого цветка в качестве источника метафорического переноса неудивителен. Роза в «Словаре символов» Дж. Трессидера трактуется как «безукоризненный образцовый цветок, символ сердца, центра мироздания, космического колеса, а также божественной, романтической и чувственной любви» [12]. При этом в стихотворении С. Стратановского любовь выглядит мрачным гнетущим чувством (*любви беспросветной*), а символизирующий ее цветок — хищным и крайне опасным (*плотоядная чашечка, живоглотный, животный цветок*). Парадоксальность здесь обусловлена тем, что основанием для метафорического переноса оказывается не красота, а потенциальная опасность для человека.

В поэтической речи также встречаются случаи, где источником метафорического переноса оказывается какое-либо вещество: *Мое лицо, немое, как амеба,* / ***любви немного источает меда*** (Н. Байтов). Здесь языковая метафора *мед любви* употреблена в юмористическом контексте. Совмещение этой метафоры, изображающей любовь в положительном ключе, а также глагола с книжным оттенком *источать* со сравнением разговорного характера (*как амеба*) способствует созданию комического эффекта.

У В. Чиннова метафора эмоции как вещества создается при помощи окказионализмов *полуяд* и *полумед*: *Ну что же — не любо, не слушай.* / ***Любовь — полуяд, полумед***… Метафора в этом случае образуется слиянием эмотивного концепта *любовь* с концептами, относящимся к совершенно иному ментальному пространству. Мед и яд как вещества в некоторой степени противоположны, поскольку яд предстает как то, что причиняет мучения, а мед, напротив, связан с удовольствием, наслаждением. Оба эти образа (*любовь как яд* и *любовь как мед*) по отдельности выглядят стандартными поэтическими формулами, ср.: *Напоила любовью, как ядом* (Ю. Домбровский); *А любовь — это яд* (А. Вертинский); *Яд бессмертья и любви* (С. Соловьев); *Как мед любви, сладчайший мед!* (Н. Языков); *Ты пьешь любви коварный мед* (А. Бестужев-Марлинский) и т. д. Парадоксальность здесь заключается в их одновременном присутствии, что создает двойственный, противоречивый образ любви, которая, с одной стороны, несет человеку страдания, с другой — является источником наслаждения. В целом для данной эмоции характерен «признак амбивалентности/антиномичности любовного чувства, лежащий в основе уподобления любви болезни, пытке, борьбе, обузе и неволе, отождествления

ее с чудовищем и ядом» [6, с. 82], вследствие чего репрезентация любви в поэтической речи нередко осуществляется за счет обращения к стратегии парадоксальности.

В интерпретации Ю. Мориц любовь метафорически изображается как хомут. Подобная метафора может считаться парадоксальной, поскольку положительная эмоция репрезентируется с помощью образа, обладающего негативными коннотациями, что приводит к нестандартной модальной трактовке любви как чего-то нежеланного: *Делай все, чтоб других понимали,* / *Чтоб, любовью заездив своей,* / *Не тебя, а других* ***обнимали*** / ***За мозги хомутами любвей*** (Ю. Мориц). Метафоры подобного типа, в которых происходит «уподобление любви грузу, который может раздавить и который нельзя с себя сбросить, и обузе, от которой нельзя избавиться» [6, с. 65], нередко встречаются в поэтической речи. Конвенциональная метафорическая модель здесь получает нестандартную реализацию: обычно любовь оказывается такой обузой, бременем для ее субъекта, а не объекта-источника, как в приведенном примере, поскольку для нее характерно «желание добра объекту, причем объект этот занимает центральное место в аксиологической области субъекта» [Там же, с. 27–28]. Еще одно противоречие здесь заключается в том, что метафора любви-хомута создает образ любви, тягостной для ее объекта, но в то же время здесь используется предикат *обнимать*, связанный с внешним проявлением положительного отношения к объекту-источнику. Следует также отметить наличие грамматического окказионализма *любвей,* способствующего выражению скептического отношения к этому чувству.

В языке любовь образно осмысляется как огонь (см., например, метафорическую лексику любви в словаре «Алфавит эмоций»: *жар, кипеть, кипучий, пламенеть, огонь, пламя, пылкий, распаленный* и пр. [5, с. 96]). Исследователи отмечают продуктивность такой метафоры: согласно С. Г. Воркачеву, «фототермическая» метафора, то есть «отождествление любви, огня и света» [6, с. 63], оказывается одной из наиболее частотных моделей и составляет около пятой части всех метафор любви. Но в поэтической речи можно обнаружить и нестандартную, противоположную этой метафорическую модель, где любовь уподобляется холоду: *На сердце вечная злая* ***пурга-любовь*** / *Взметнула оледеневшую кровь. Ведьма-пурга, бей! Лютей!* / *Дуй в глубину, в высоту!* / *Любовь эта хуже семи смертей,* / *От нее привкус крови во рту* (А. Баркова). Здесь любовь предстает в метафорическом образе пурги, который

может считаться парадоксальным, но при этом позволяет передать значимые когнитивные признаки любви — например, интенсивность чувства, которая подчеркивается использованием императивов (*Ведьма-пурга, бей! Лютей!* / *Дуй в глубину, в высоту!*), а также его губительность для человека.

Интересно, что этот случай не единичен; у И. Лиснянской также обнаруживается метафорическое уподобление любви холоду: *Снег смахну с твоих усталых ног* / *И снежинку с поседелой брови.* / *Только б ты однажды* ***не продрог*** / ***От моей пылающей любови***. Образ любви здесь парадоксален: несмотря на то, что она характеризуется эпитетом *пылающая,* связанным с огнем и теплом, ее воздействие на объект-источник оказывается противоположным: от такой любви можно *продрогнуть,* что подчеркивается употреблением лексем, которые ассоциативно связаны с холодом (*снег*, *снежинка*).

Эмоции в целом воспринимаются как то, что не вполне подвластно человеку и не может быть полностью рационализировано; это, разумеется, справедливо и для любви: «с точки зрения нашей конвенциональной понятийной системы эмоциональные стороны любви фактически почти никогда не рассматриваются как поддающиеся контролю со стороны любящих» [9, с. 171]. Д. Самойлов, обращаясь к теме поэтического творчества и отображения в нем внутреннего мира человека, создает двойственный, противоречивый образ эмоциональных переживаний, которые в определенной степени поддаются контролю: *Лаборатория поэта — Его черновики.* / *На них есть верная замета* / *Его души, его руки.* / ***Священнодействует над темой,*** / ***Колдует над своей*** / ***Периодической системой*** / ***Любвей и нелюбвей***. Метафорический образ периодической системы создает впечатление упорядоченности внутренних переживаний и дает возможность рассматривать любовь и нелюбовь как объекты научного интереса; использование нестандартных грамматических форм (*любвей и нелюбвей*) «приземляет» эти эмоции и в целом снижает пафос текста. С другой стороны, здесь обнаруживаются предикаты, связанные с оккультной деятельностью (*колдует, священнодействует*), за счет чего чувства воспринимаются как то, что недоступно рациональному познанию и выходит за его рамки. Поэтическое творчество предстает одновременно как наука и магия, как явление рациональное и иррациональное.

Схожая метафора обнаруживается в следующих строках И. Лиснянской, где психические процессы представлены через

образ химической реакции: ***В душе, перенасыщенной любовью,*** / ***Дитя мое, внезапно выпадает*** / ***Кристалл глагола — пламени кристалл,*** / *И ты его увидишь в изголовье* / *Глухой скалы, когда едва светает*. Душа здесь предстает как своего рода раствор, содержащий эмоцию (здесь это *любовь*) или их смесь; этот раствор характеризуется как *перенасыщенный*, что можно интерпретировать как высокую интенсивность переживания. Для такого раствора свойственно выпадение осадка, которым оказывается кристаллическое вещество, в данном случае *глагол,* в чем можно увидеть отсылку к пушкинскому «Пророку» (ср.: *Глаголом жечь сердца людей*). Это позволяет предложить следующую интерпретацию: сильные эмоции, в частности любовь, могут оказаться слишком интенсивными, и в таком случае они требуют выхода в виде *глагола*, слова, поэтического текста.

* * *

Таким образом, в поэтической речи могут наблюдаться некоторые расхождения между концептуализированным в языке и индивидуализированным переживанием, результатом чего оказываются случаи парадоксальной репрезентации эмоций. Наиболее часто парадоксальную репрезентацию получает именно любовь, что объясняется ее значимостью в аксиологической системе человека, а также двойственной оценкой в языковой картине мира. Так, для любви характерна противоречивая модально-оценочная интерпретация — она может пониматься как счастье и несчастье, как наслаждение и боль, что находит отражение в поэтической речи. Парадоксальным может оказываться и характер взаимодействия любви с иными эмоциями — в первую очередь это ее сближение, сопряжение с противоположными переживаниями, такими как ненависть, омерзение и др. Метафоры любви также могут приобретать парадоксальный характер, что проявляется в переосмыслении конвенциональных метафорических моделей.

---

1. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы : в 2 ч. М., 1994. Ч. 1. С. 75–319.

2. *Воркачев С. Г., Воркачева Е. А.* Лингвокультурный концепт «любовь»: значимостная составляющая // Научные труды КубГТУ : электрон. журн. : [сайт]. 2016. № 4. URL: https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0024/0891.pdf (дата обращения: 02.08.2026).

3. Поэтический корпус // Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: https://ruscorpora.ru/corpus/poetic (дата обращения: 02.08.2026).

4. *Фромм Э.* Искусство любить : Исследование природы любви. М., 1990. 160 с.

5. *Бабенко Л. Г.* Алфавит эмоций : словарь-тезаурус эмотивной лексики. Екатеринбург ; М., 2021. 432 с.

6. *Воркачев С. Г.* Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007. 284 с.

7. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. 184 с.

8. *Тананина А. В.* От любви до ненависти (опыт концептуального анализа) // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 24. М., 2003. С. 54–59.

9. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М., 2004. 256 с.

10. *Бабенко Л. Г., Романова М. А.* Чувство любви в метафорическом пространстве русского языка: основные проекции и модели // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 1. С. 17–28.

11. *Евдокимова А. А.* Способы объективации концепта *любовь* в русской языковой картине мира // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2011. № 2. С. 8–12.

12. *Трессидер Дж.* Словарь символов. М., 2001. 444 с.

3.6. Эволюция образа «лихого человека» в творчестве А. П. Чехова

В творчестве А. П. Чехова есть произведения, редко попадающие в фокус внимания исследователей, однако дающие важные уточнения к становлению его писательского таланта и *художественной картины мира*. Связанная с процессами познания, художественная картина мира, по мнению И. Б. Каменской, носит гиперонимический характер по отношению к *языковой художественной картине мира*. При этом обе они выступают частью *когнитивной картины мира* автора [1, с. 163]. Иными словами, онтологическая реальность, отраженная автором в произведении, выстраивается на основе законов его художественного мира, репрезентируемого в его поэтике.

Драматические произведения «Безотцовщина» (1878), «На большой дороге» (1884) и рассказ «Воры» (1890) содержат общий элемент, которому сложно дать простую номинацию. Сопоставление производится на основании существования персонажей с повторяющимися характеристиками. В представленных текстах

есть действующие лица, проявляющие общие черты характера, имеющие схожий социальный статус, оказывающие одинаковое влияние на сюжет. На уровне чеховской поэтики обнаруживается их общая функция, выражающая позицию автора. Отдельно стоит также отметить прямую связь одноактной драмы «На большой дороге» с рассказом «Осенью» (1883). Е. Н. Морозова указывает: «Драматический этюд “На большой дороге” возник на основе написанного ранее рассказа “Осенью”. В пьесу автор переносит место действия (кабак) и основной конфликт: опустившийся помещик тщетно вымаливает рюмку водки и, не получив желаемого, отдает кабатчику Тихону медальон с портретом неверной, но все еще любимой супруги» [2, с. 5].

В обозначенных выше произведениях четче проступает параллель между рассказом «Воры» и драматическим этюдом «На большой дороге». Первое, что привлекает внимание — имя действующих персонажей и избранный ими образ жизни. *Егор Мерик* в драматическом тексте — бродяга с большой дороги. Он не помнит родства, поскольку документы его краденые. Настоящее имя, *Андрей Поликарпов*, новоявленный Егор Мерик забыл *два месяца назад*, когда *бог послал* ему чужие документы [3]. Герой Чехова настолько уверен в себе, что не боится оглашения кабатчиком Тихоном своей характеристики — *стерегите карманы да одежонку, коли жалко! Лихой человек! Скрадет!* [Там же]. В рассказе «Воры» Мерик — лихой человек, *держит себя хватом* и в финале оказывается удачливым конокрадом и грабителем, а главное — вольным бесстрашным человеком: *вольные птицы, вольные звери, вольный Мерик, и никого они не боятся, и никто им не нужен!* [4]. Персонаж Осип из драмы «Безотцовщина» тоже обозначается Чеховым как *конокрад*, а в дальнейшей характеристике Платонова становится *известен всем и каждому как Осип, конокрад, чужеяд, человекоубийца и вор. Родился в Войницевке, грабил и убивал* [5]. В тексте рассказа «Осенью» персонажа Мерика или аналогичного ему еще нет. Чехов дает жизнь Мерику не в первой редакции художественного замысла. Он вводит его позже с целью усиления зрелищности драматического этюда, предполагавшегося, по-видимому, к постановке на сцене. При этом образ Мерика имеет корни в лице Осипа в «Безотцовщине», появившейся раньше.

Более детальный анализ произведений позволяет выявить и другие точки пересечения всех трех действующих лиц, увидеть структурную идентичность авторского замысла в текстах

различных жанров, показать динамику восприятия А. П. Чеховым человеческой этики в рамках художественной картины мира.

Осип в драме «Безотцовщина», Егор Мерик в этюде «На большой дороге» и Мерик в рассказе «Воры» предстают перед читателем не сразу. Они не главные персонажи, от их лица не ведется авторское повествование. Осип появляется в «Безотцовщине» только в 15-м явлении, Егор Мерик входит в кабак Тихона лишь во втором, в рассказе «Воры» Мерик долго лежит «невидимый» для читателя, *растянувшись на полу около печки… лицо его, плечи и грудь были покрыты полушубком* [4].

В отличие от Осипа, оба Мерика имеют одинаковую мечту — пробраться на Кубань. Теплый край является для них лучшим местом. Егор Мерик признается кабатчику, что нелегкая его несет *в Кубань*. На что слышавший разговор Федя описывает ее как *славные места! Такой, братцы, край, что и во сне не увидишь, хоть три года спи! Приволье! Сказывают, птицы этой самой, дичи, зверья всякого — и боже ты мой! Трава круглый год растет, народ — душа в душу, земли — девать некуда! Начальство, сказывают… мне намедни один солдатик сказывал… дает по сто десятин на рыло. Счастье, побей меня бог!* [3]. Это описание коррелирует с мечтой Мерика из рассказа: *…с вашими деньгами пойду в Кубань, буду там табуны гонять, овец заведу* [4]. Воля становится для обоих Мериков самым ценным в жизни. Именно ею Чехов награждает одного из них в финале рассказа «Воры».

Все персонажи внушают окружающим страх своим внешним видом. Платонов рекомендует гостям Осипа как чудовище: *Самый страшный из людей! Ужаснейший из смертных! <…> …Во тьму ночей и в свет дня вселяющий грозный ужас* [5]. Кабатчик Тихон, держащий свое заведение на большой дороге, предупреждает своих гостей: *Лихой человек! <…> Не прекословь ему, парень! Наплюй!* [3]. Фельдшер Ергунов, описывая первую встречу с Мериком, рассказывает о нем как о ком-то страшном: *…идет кто-то такой. Волосы черные, глаза черные, и все лицо словно от дыму закоптело… <…> А у самого зубы оскалены, глаза злобные* [4].

Во всех повествованиях делается акцент на глазах персонажей. Анна Петровна в «Безотцовщине» говорит об Осипе: *Экие ведь какие зверские глаза!* [5]. Богомолка Ефимовна, укрывшаяся от непогоды в кабаке, вовсе боится смотреть в глаза Егору Мерику, потому что тот может одним взглядом навести порчу: *Не гляди, злой человек! Глаза-то, глаза, словно у беса перед заутреней! <…>*

…На нас злой человек глядит! Испортит, родименький! (Мерику.) Отвернись, говорю, аспид! [3].

Каждому из лихих людей приписывается некая инфернальная сила. Платонов говорит об Осипе: *человекоубийца, шестьсот шестьдесят шесть!* [5]. Егор Мерик предостерегает конфликтующего с ним Федю: *Стало быть, не видал ты черта, коли им меня обзываешь. Черти не такие* [3]. После чего рассказывает о собственных нарочных попытках встретить потусторонних существ: *Сидел, не видал… Бабы врут да глупые мужики… Ни черта не увидишь, ни лешего, ни мертвеца…* [Там же]. Фельдшер Ергунов приписывает Мерику демоническую природу: *…не стал я с ним разговаривать, взял и привил оспу, чтоб отвязаться. После того гляжу на свой ланцет, а он весь заржавел* [4].

Связь с необъяснимым важна для чеховской художественной картины мира, поскольку именно лихие люди, ходившие перед лицом смерти, имеют опыт соприкосновения с потусторонним. Именно они могут подтвердить, что искали встречи с иным миром и ничего не нашли. Потому в них нет страха перед неизвестным, в отличие от обывателей, которые любое необъяснимое явление категоризируют как относящееся к чертям, лешим и т. п. Отсюда в Осипе и обоих Мериках вырастает главная идентичная базовая черта их характера — бесстрашие.

Их бесстрашие — далеко не пустая бравада. Из бесстрашия и во взаимодействии с ним воры и грабители взращивают в себе понятия о чести, верности, любви, причем эти понятия не замутнены у них различными жизненными компромиссами. В действительности природа их образа жизни основана на отрицании самого страшного — мещанских мелких социальных норм, за которые цепляются окружающие их люди.

Осип проявляет бесстрашие, граничащее с благородством, даже во время открытой ненависти и вражды. Он честно признается Платонову, что пришел его убить и готов сделать это прилюдно: *Не умею я великодушие показывать, а для того деньги эти порвал, чтобы вы не подумали на том свете, что я вас из-за денег убил. (Платонов встает и ходит по сцене.) Боитесь, Михаил Васильич? Страшно? (Смеется.) Бежите, кричите! Около дверей не стою, дверей не держу: выход есть. Подите, народ сзывайте, скажите, что Осип убить пришел! Я убить пришел…* [5]. Он презирает трусость и слабость, забавляется унижением нерешительных и мелочных людей вроде слуги Василия: *Стыдно стоять? Очень мне это приятно. Господин во фраке, а на коленках*

пред разбойником стоит… Ну, а теперь кричи ура, что есть духу. Ну? [5].

Егор Мерик готов конфликтовать открыто, проверяя, чей характер сильнее: *Встань-кась! <…> Вставай! Совсем вставай, я тут лягу… <…> Мое. Поди ложись наземь!* [3]. Но это для него лишь шутки. Он готов вступить в схватку с ветром и со всем миром: *Эх, силищу бы свою показать! С ветром бы с эфтим померяться! Не сорвать ему двери, а я, ежели что, кабак с корнем вырву!* [Там же].

Егор Мерик не боится самого страшного для человека — неизвестности, которая выражается для него и его окружения в потусторонней силе: *Черти, брат, не такие… Они как пар, дух… Дунуть вот (дует), такие и они. Видеть их невозможно… <…> Когда мал был, нарочито по ночам в лес ходил лешего поглядеть… <…> На погост по ночам ходил, мертвецов желал видеть… Зверье всякое видывал, а что насчет страшного — накося, выкуси!* [Там же]. Мерик, гуляющий в кабаке с Любкой, играючи крадет лошадь у вооруженного фельдшера Ергунова: *…револьвер не произвел никакого впечатления… <…> Фельдшер сунул револьвер в карман, быстро вскочил и побежал за ним* [4]. При это сам Ергунов завидует лихому Мерику: *…он жалел: зачем он фельдшер, а не простой мужик? Зачем на нем пиджак и цепочка с позолоченным ключиком, а не синяя рубаха с веревочным пояском? Тогда бы он мог смело петь, плясать, пить, обхватывать обеими руками Любку, как это делал Мерик… <…> …И вообразил он, как горят зарезанные старуха и Любка, и позавидовал Мерику* [Там же]. Этот Мерик и вырывает с корнем кабак, поджигая его. Образ кабака, по мнению Е. Н. Морозовой, «приобретает в пьесе символическое значение» [2, с. 86]. В этюде и в рассказе он становится местом пересечения человеческих судеб. В этом контексте и сожженный Мериком кабак, и убиенные Любка и ее мать позволяют трактовать образ Мерика как инструмент высших сил и воплощение способности бесстрашно изменить устои общества. Тогда и Осип становится орудием правосудия для Платонова.

Важное общее начало персонажей скрыто в их способности влиять на ход действия. Эта способность проявляется в произведениях в хронологическом порядке написания текстов. Осип и оба Мерика развиваются от текста к тексту, изменяют систему нравственных ценностей, заложенную в них Чеховым. Осипу автор дает роль наблюдателя супружеской измены, оценивающего поведение Платонова перед его женой Сашей, и намечает

карательную функцию: *Вы генеральшу обманываете значит? А жена ваша где? Какая из них троих самая настоящая? а? И вы не вредный человек после этого? <…> Живой останется! (Саше.) Нате вам ножик! (Дает нож.) При вас не зарежу… Живой останется!! После зарежу! Не уйдет! (Выскакивает в окно.)* [5]. При этом желание вступиться за Сашу рождается в Осипе на фоне его ревности к Платонову. Осип страстно влюблен в молодую вдову Анну Войницеву, он боготворит ее: *Я вас за святую почитал… Ежели б приказали в огонь лезть, и в огонь бы полез…* [Там же]. Но чувство мелкой ревности не имеет выхода до тех пор, пока Осипу не становится жаль и Сашу, жену Платонова: *Хорошая жена! Платонов, должно быть, такую жену себе десять годов искал со свечками да с понятыми…* [Там же].

В Егоре Мерике оценочная и карательная функции усиливаются. Мерик становится уже не только сторонним наблюдателем, сочувствующим обманутому мужу, не только дает оценку неверной супруге, но даже более Осипа получает возможность решить судьбы людей. Платонова спасла своим присутствием Саша. Егор Мерик случайно промахнулся, ударив топором по воздуху, намереваясь лишить жизни неверную супружескому долгу Марию Егоровну: *После венца ушла… Какова? <…> (с силой бьет медальоном о пол). Проклятая! <…> Так пропадай же ты, проклятая, пропадом! (Взмахивает топором.)* [3].

Прозаический Мерик из рассказа «Воры» уже стоит дальше от чувства праведного гнева за поруганную супружескую честь. Его уже не сковывают рамки мещанской добродетели. Его гнев не распространяется только на одну Любку, кары заслуживает весь кабак, все неверное социальное устройство. Чехов превращает Мерика в совершенно вольного зверя, чуждого институции человеческой морали. Этот Мерик абсолютно *имморален* в философском понимании этого явления, когда «большинство адептов имморальности в жизни бывают самыми порядочными людьми: они почти всегда упрекают мораль в безнравственности» [6, с. 215]. Он пугает именно своей абсолютной честностью, когда говорит влюбленной в него Любке: *…узнаю, где у твоей старухи деньги спрятаны, убью ее, а тебе горлышко ножичком перережу, а после того зажгу постоялый двор… Люди будут думать, что вы от пожара пропали, а я с вашими деньгами пойду в Кубань, буду там табуны гонять, овец заведу…* [4]. После чего играючи крадет лошадь главного героя рассказа и этим меняет его судьбу и отношение к жизни. Фельдшер Ергунов тоже становится вором: *глядя*

на дома богатых кабатчиков, прасолов и кузнецов, соображал: хорошо бы ночью забраться к кому побогаче [4].

От Осипа до поджигателя и конокрада Мерика обнаруживается некая нравственная парадигма: при всей своей аморальности Осип и Егор Мерик не могут стерпеть надругательства над супружеской верностью; иное — у Мерика прозаического: ему уже чуждо понятие сердечной привязанности. Воля для него стоит выше в системе нравственных ценностей, нежели обещания лебединой верности. Тем самым Мерик бросает вызов многим этическим устоям человеческих взаимоотношений, а Чехов ставит перед читателем символический вопрос: *…почему если он вчера унес чужой самовар и прогулял его в кабаке, то это грех?* [Там же]. Вопрос этот переходит из бытовой плоскости в бытийную.

Непростое развитие этики происходит и в системе ценностей авторской художественной картины мира. Оно выражается в судьбах персонажей и в симпатиях Чехова к выведенным образам. Проявление этого можно найти в столкновении оценок, которые даются Осипу, Егору Мерику и Мерику другими персонажами и самим автором. Все трое для лиц, населяющих художественный мир произведений, воры, конокрады, лихие люди. Их встречают «по одежке», а вернее — по тем преступным делам, что часто остаются за рамками повествования и на которые в текстах есть только намек. Однако автор предлагает читателю полную картину событий, в которых становится очевидна истинная оценка их действий в конкретной ситуации произведения.

При поверхностном рассмотрении Осип, желавший наказать Платонова смертью, должен быть оправдан заступничеством за поруганную честь Саши. Однако автор убивает Осипа к финалу «Безотцовщины»: *Осипа мужики убили* [5]. Егор Мерик должен быть оправдан тем, что воспринял чужую боль как свою, и тем даже, что не довершил убийства. Он и жив остается, поскольку потерял возможность претворить в жизнь угрозы. Осип же с этой мыслью не расстался: *После зарежу! Не уйдет!* [Там же]. Второму же Мерику в «Ворах» Чехов сохраняет жизнь и здоровье после неимоверной экзекуции: *Прорубь одна была уже готовая, они рядом, этак на сажень, другую прорубили. Потом, значит, взяли веревку и надели мне под мышки петлю, а к другому концу привязали кривую палку, чтоб, значит, сквозь обе проруби доставала. Ну, просунули палку и потянули. Я, как был, в шубе и в сапогах — бултых в прорубь! а они стоят и меня попихивают, кто ногой, а кто колуном, потом потащили под лед и вытащили в другую прорубь. <…>*

…Когда вытащили наружу, не было никакой возможности, лег я на снег, а молоканы стоят около и бьют палками по коленкам и локтям. Больно, страсть! Побили и ушли… А на мне всё мерзнет, одежа обледенела, встал я, и нет мочи [4]. Затем автор вовсе оставляет Мерика без наказания: *…и вообразил он, как горят зарезанные старуха и Любка, и позавидовал Мерику* [Там же].

Это говорит в пользу того, что для художественной картины мира Чехова свобода от навязанных условностей становится выше «ходячей добродетели». Моногамия для Мерика из «Воров» не является обязательным мерилом качества человека. При этом покушение на жизнь потребует в дальнейшем сопоставимой авторской кары для Осипа. В связи с этим название рассказа «Воры» приобретает дополнительное значение: этим словом Чехов обозначает сущность Мерика, его друга Калашникова и всех Богалевских, которые *молодцы красть!* [Там же]. Анализ дает основание утверждать, что это определение следует отнести ко всем, кто, по словам фельдшера Ергунова, лишил людей воли: *…к чему на этом свете доктора, фельдшера, купцы, писаря, мужики, а не просто вольные люди? <…> И кто это выдумал, кто сказал, что вставать нужно утром, обедать в полдень, ложиться вечером, что доктор старше фельдшера, что надо жить в комнате и можно любить только жену свою? <…> Ах, вскочить бы на лошадь, не спрашивая, чья она, носиться бы чертом вперегонку с ветром по полям, лесам и оврагам, любить бы девушек, смеяться бы над всеми людьми* [Там же]. Эта позиция коррелирует с жизнью самого А. П. Чехова, который через несколько лет после создания рассказа признавался в личном письме А. С. Суворину: «Свободы хочется и денег» [7, с. 218].

Линия развития Осипа, как и линии обоих Мериков, несет в себе личную трагическую любовную историю, которая становится толчком к проявлению положительных качеств, заставляет всех персонажей действовать. Именно через личный любовный опыт они проявляют свой истинный характер — раскрывают противоположные черты натуры. Осип влюблен в генеральшу Анну Войницеву и потому вступается за Сашу, Егор Мерик вдруг обнаруживает небывалую жалость к Борцову после услышанной от него истории о его падении из-за любви к жене. У Егора Мерика собственная схожая история: *Тоже, как вот и барин… Ходил как окаянный, завороженный, счастьем похвалялся… день и ночь как в огне, а пришла пора, открыл глаза… Не любовь была, а одно только обманство…* [3]. Автор намекает, что Егор Мерик опустился,

подобно Борцову, именно из-за женщины: *Убил, думаешь? Руки коротки… Не то что убьешь, но еще и пожалеешь… Живи ты и будь ты… счастлива! Не видали б только тебя мои глаза, да забыть бы мне тебя, змея подколодная!* [3].

Убить не смог, но глубокая сердечная привязанность изменила отношение Егора Мерика к женщине, он стал циничен и груб, сравнивает примитивный инструмент (топор) с женою: *С бабами не рассуждаю… ношусь с ним как с писаной торбой: и бросать жалко, и девать некуда. Как жена постылая…* [Там же]. Мерик из рассказа «Воры» уже не верит в любовь Любки, не ценит ее любви, лишь играет с ней. Однако в созданном автором ярком описании их совместного танца чувствуется неподдельная увлеченность героя: *Мерик вдруг вскочил и затопал на одном месте каблуками, а затем, растопырив руки, прошелся на одних каблуках от стола к печке, от печки к сундуку, потом привскочил, как ужаленный, щелкнул в воздухе подковками и пошел валять вприсядку. Любка взмахнула обеими руками, отчаянно взвизгнула и пошла за ним… злобно глядя на нее и оскалив зубы, понесся к ней вприсядку Мерик, желая уничтожить ее своими страшными ногами, а она вскочила, закинула назад голову и, взмахивая руками, как большая птица крыльями, едва касаясь пола, поплыла по комнате… <…> От резкого стука, крика и гиканья в шкапу звенела посуда, на свечке прыгал огонь. Порвалась нитка, и бусы рассыпались по всему полу, свалился с головы зеленый платок, и вместо Любки мелькало только одно красное облако да сверкали темные глаза, а у Мерика того и гляди сейчас оторвутся руки и ноги. Но вот Мерик стукнул в последний раз ногами и стал как вкопанный… <…> Замучившись, еле дыша, Любка склонилась к нему на грудь и прижалась, как к столбу, а он обнял ее и, глядя ей в глаза, сказал нежно и ласково* [4]. В эти минуты Мерик очевидно влюблен в Любку и только в танце дает прорваться наружу своему чувству. После него сразу же закрывается, не позволяет себе открыться душой перед девушкой, поскольку и сам давно не верит в любовь.

* * *

Таким образом, А. П. Чехов в различных произведениях, созданных в разные годы, выводит почти одного и того же персонажа. Его аксиологическая природа выстраивается на противоборстве системы ценностей, существующей в рамках художественной реальности других персонажей, и системы, присущей автору. При

этом видна определенная динамика отношения самого Чехова к поступкам действующих лиц. Осип в «Безотцовщине» — незадачливый, по-детски наивный персонаж, который, не задумываясь, говорит всем правду, страдает от ревности, заступается за обиженных, презирает трусость и слабость, но при этом погибает в финале произведения. Егор Мерик в драматическом этюде «На большой дороге» — прожженный вор, задира, способный на сочувствие на основе схожего личного опыта, но лишенный автором возможности поквитаться, оставляемый Чеховым с вечной мукой и тоской в душе. Мерик в рассказе «Воры» проявляется как конокрад, убийца и поджигатель, но при этом несет в себе ницшеанские черты сверхчеловека в духе концепта *Amor fati* («любовь к року») [8] — он не жалуется на мир, а хочет любить его таким, какой он есть, он сам создает свои ценности, а не принимает готовых (религиозных, моральных, общественных).

Чеховские «лихие люди» — Осип и оба Мерика — вписываются в ту же архетипическую линию, что и герои Ф. Шиллера, Д. Г. Байрона и народных британских баллад, хотя у А. П. Чехова этот архетип претерпевает значительную трансформацию. Как и чеховский Мерик, Карл Моор — великая заблудшая душа, наделенная всеми дарами, но погубленная необузданными страстями. Его монолог на берегу Дуная («Когда я был мальчиком…») — это чистейший чеховский надрыв, перекликающийся с тоской и болью героев А. П. Чехова. В отличие от чеховских героев, шиллеровский разбойник идет к раскаянию. В финале он сдается властям, чтобы искупить свою вину. Чеховские Осип и Мерики — это байронические герои на русской почве, лишенные романтического ореола, но сохранившие волевое бесстрашное ядро. Он оставляет своих персонажей в состоянии эстетически-нравственной двусмысленности: Мерику в «Ворах» завидуют, ему не дают ни покаяния, ни окончательного осуждения. В этом проявляется чеховский творческий метод — не давать личных оценок, оставить право судить читателю.

В дальнейшем А. П. Чехов придет к концепции, что настоящей полной жизни достойны только люди деятельные, именно те, которые готовы менять мир, пусть и не так кардинально, как поджигатель и убийца Мерик. Эта мысль подтверждается анализом проблемы бездействия и активности в прозе Чехова, проведенном в работе Н. А. Тимофеева. Касаясь уже зрелого творчества автора и знаковых рассказов «О любви» (1899) и «Дама с собачкой» (1900), исследователь указывает, что в них писатель «попытается

проникнуть еще глубже в подоплеку этой проблемы, постепенно приходя к выводу о том, что сам человек ответствен за свое счастье, что люди должны найти в себе силы преодолеть предрассудки и социальные препятствия» [9, с. 193].

Эволюция образа «лихого человека» от Осипа в «Безотцовщине» до Мерика в «Ворах» демонстрирует не только жанровую и сюжетную преемственность, но и глубинные изменения в аксиологической картине мира самого Чехова. От наивного, почти мелодраматического романтизма ранней драмы через трагикомический надрыв этюда «На большой дороге» писатель приходит к принципиально иному решению в рассказе 1890 г.: Мерик предстает уже не как жертва обстоятельств или разбойник с «благородным сердцем», а как фигура, сознательно отвергающая любые общественные нормы, воплощая идею абсолютной — и этически двусмысленной — свободы. Характерно, что читательское сочувствие в финале оказывается на стороне не «добродетельных» персонажей, а вора и поджигателя, которому автор, по сути, дарует безнаказанность и оставляет возможность для новой вольной жизни. Этот поворот знаменует важный этап в творческой эволюции Чехова: писатель окончательно отказывается от морализаторства, перестает делить мир на «черное» и «белое» и начинает исследовать человеческую природу как сложное, противоречивое единство, где сила, честность и свобода могут оказаться на стороне преступника, а добродетель — лишь маской лицемерия и слабости. В этом смысле «лихие люди» становятся у Чехова предвестниками его зрелого метода, где авторская оценка уступает место многоголосию жизненной правды.

---

1. *Каменская И. Б.* Эпистемология лингвокогнитивной категории «художественная картина мира» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2024. Т. 10 (76), № 2. С. 160–174.

2. *Морозова Е. Н.* «Стоит кабачок на пути — ни проехать, ни пройти» : К интерпретации драматического этюда А. П. Чехова «На большой дороге» // Filologos. 2017. № 34 (3). С. 84–91.

3. *Чехов А. П.* На большой дороге // Lib.Ru : б-ка Максима Мошкова : [сайт]. URL: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_1884_na_bolshoy_doroge.shtml (дата обращения: 31.07.2026).

4. *Чехов А. П.* Воры // Lib.Ru: б-ка Максима Мошкова : [сайт]. URL: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_1890_vory.shtml (дата обращения: 31.07.2026).

5. *Чехов А. П.* Безотцовщина // Lib.Ru : б-ка Максима Мошкова : [сайт]. URL: https://lib.ru/LITRA/CHEHOW/bezotcowshina.txt (дата обращения: 31.07.2026).

6. *Конт-Спонвиль А.* Философский словарь / пер. с фр. Е. В. Головиной. М., 2012. 752 с.

7. *Чехов А. П.* Письмо Суворину А. С., 28 июля 1893 г. Мелихово // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М., 1970–1979. Т. 5. Письма, Март 1892–1894. С. 216–218.

8. Amor fati // Новая философская энциклопедия : в 4 т. : [электронный ресурс]. М., 2000–2001. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH9f5facde7eb2c0a9b05e9f (дата обращения: 31.07.2026).

9. *Тимофеев Н. А.* Проблема бездействия и активности человека в прозе А. П. Чехова 1886–1887 годов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 3. С. 187–193.

Глава 4

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА В ФОКУСЕ НОВЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

4.1. Лексика внешнего выражения эмоций: пересекаемость парадигм (на материале Большого толкового словаря синонимов русской речи)

Изучение эмотивной семантики занимает особое место в парадигме научных интересов доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Людмилы Григорьевны Бабенко. В ее кандидатской диссертации среди объектов изучения были глаголы эмоциональной деятельности в прозе А. Платонова [1], в докторской диссертации проведено масштабное обобщение эмотивной лексики в русском языке как функциональной системы [2], монография «Лексические средства обозначения эмоций в русском языке» стала одной из наиболее известных и классических работ в этом направлении [3]. Особенности репрезентации эмоций языковыми средствами и на уровне текста неизменно остаются в фокусе исследовательского интереса ученого (см., например: [4–8 и др.]). В последнее время вышли статьи, в которых автор обосновывает значимость лингвопсихологии как нового научного направления [9–11]. Кульминацией многолетней работы стал словарь «Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики» [12]. В нем на основе многоаспектной категоризации эмотивная лексика распределена по 39 тематическим группам (например, «Вдохновение», «Горе», «Радость») и 312 подгруппам, которые детализируют разновидности эмоций. Структура словаря полипарадигмальна: в вершине иерархии — денотативно-идеографические группы, а внутри них учтены разные

семантико-грамматические аспекты (эмоциональное состояние, отношение, становление эмоции, ее внешнее выражение и др.).

Таким образом, траектория работ Л. Г. Бабенко сформировала целостное направление в изучении эмоций в языке. Ее идеи и методы активно развиваются в рамках Уральской семантической школы, где Людмила Григорьевна является не только многолетним руководителем научного и лексикографического коллектива, инициатором создания и автором концепций множества широко известных идеографических словарей, но и блестящим лексикографом-практиком, бессменным автором разделов, посвященных сфере эмоций в словарях, подготовленных под ее редакцией [13–19 и др.].

Безусловно, идеографические словари являются ценным источником для лингвистических исследований, прежде всего посвященных исследованию языковой картины мира, отображения в языке тех или иных сфер действительности и взаимодействий и переходов при таком отображении. Так, обосновывая специфику лингвопсихологии как нового научного направления, Л. Г. Бабенко отмечает: «Сегодня чрезвычайно важным является полипарадигмальный подход к классификации эмоций, основанный на категоризации и концептуализации эмоций с помощью когнитивных технологий, используемых при интерпретации лексики, репрезентирующей эмоции в языковой картине мира, дополненный данными ее описания с опорой на структурно-семантический подход и денотативно-идеографическое описание. Особую важность имеет при этом отображение результатов исследования в формате идеографических словарей, которые… сами в дальнейшем становятся объектом рассмотрения и анализа» [9, с. 42].

В настоящей главе рассматривается пересекаемость денотативно-идеографических классов слов, называющих эмоции, с классами, называющими речевые действия, физиологические состояния и процессы, а также жесты и движения. Взаимодействие этих классов давно отмечено исследователями, оно обусловлено тем, что эмоция выступает не только как внутреннее переживание, но и как сложное психофизиологическое образование, способное получать различные формы внешней репрезентации. Так, Ю. Д. Апресян отмечал, что эмоции — «одна из самых сложных систем человека (сложнее эмоций, по-видимому, только речь), поскольку в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие практически все остальные системы

человека — восприятие, физиологические реакции, интеллект, физические системы (в частности, разнообразная моторика, включая мимику) и даже речь» [20, с. 367].

В качестве источников материала использованы словарь «Алфавит эмоций» Л. Г. Бабенко [12] и Большой толковый словарь синонимов русской речи (далее — БТССРР) под ее редакцией, первый том которого вышел [15], остальные готовятся к печати.

Словарь «Алфавит эмоций», естественно, представляет подход «от эмоции» — в нем в каждой когнитивно-идеографической группе, соответствующей той или иной эмоции, выделяются регулярные модели интерпретации, включая возможность внешнего выражения эмоции, и приводятся лексические средства, служащие для репрезентации этого параметра. Так, при описании эмоции беспокойства в зоне «Типовая семантика» отмечено: «Подобное состояние может тщательно скрываться или обнаруживаться в поведении, внешности человека, его испытывающего: в нервной возбужденности, речевой несдержанности, горячности» [12, с. 46], а среди 90 лексем внешнего выражения беспокойства приведены такие, как *беготня, безумствовать, бушевать, приподнятый, эмоциональный* и под. [Там же, с. 49].

Как отметила А. Н. Степанова, анализируя специфику представления лексики внешнего проявления эмоций в различных идеографических словарях русского языка, в этом издании «расположение материала позволяет сопоставить, насколько для той или иной эмоции характерна возможность внешнего проявления» [21, с. 88]. Добавим, что материалы словаря «Алфавит эмоций» дают возможность не только увидеть количественную представленность лексических единиц, связанных с внешним выражением той или иной эмоции, но и проследить, какие именно проявления (речевые, мимические, моторные и т. д.) характерны для разных эмоций.

БТССРР реализует противоположный подход — от синонимических средств, в нашем случае предназначенных для обозначения речи, движений, жестов и т. д., к тем эмоциям, которые могут с ними сопрягаться. При этом, как представляется, значимо именно наличие не отдельных лексем, а синонимических рядов, поскольку синонимическими средствами называется и конкретизируется то, что в языковой картине мира характеризуется особой выделенностью. Как справедливо отмечает Л. Г. Бабенко, «особенность синонимии как особой лексической категории заключается в том, что синонимы участвуют в укрупненном,

выделенном отображении фрагментов мира, особенно важных для национального сознания. Они состоят из близких по семантике слов, фактически не называющих ничего принципиально нового, отличающихся только интерпретационными смыслами. Таким образом, они уже выполняют функцию категоризации мира, отображая самое существенное и важное в нем с точки зрения носителей того или иного языка» [22, с. 19].

Кроме того, высоко оценены лингвистами реализованные в словарях синонимов под редакцией Л. Г. Бабенко «наиболее значимые для современной лексикографии теоретические постулаты: идея системности лексической системы, взаимосвязанности и пересекаемости лексических парадигм, идея значимости частеречной семантики для организации денотативного пространства, идея открытости лексической системы и размытости ее границ» [23, с. 36]. Применительно к рассматриваемому материалу следует особо отметить, что в БТССРР интеграция ментальных пространств прежде всего фиксируется в названиях идеографических групп, синонимические ряды которых отличаются комплексной интегративной семантикой. Так, в сфере «Эмоции» выделен специальный идеографический класс «Внешние проявления эмоций в речи, поведении, мимике и жестах». Внутри него представлены семь групп: 1. Проявление эмоций в речи; 2. Проявление эмоций в поведении, поступках; 3. Проявление эмоций в положении тела и его частей; 4. Проявление эмоций в особых жестах, действиях; 5. Проявление эмоций в выражении лица; 6. Слезы и плач как проявление эмоций; 7. Смех, ирония, язвительность как проявление эмоций. Как указывает ученый, «подобное выделение указанных семи групп синонимов, специализированных в плане репрезентации конкретных способов внешнего проявления эмоций, в данном словаре осуществлено впервые» [4, с. 72].

При анализе материалов БТССРР нас интересовали и сами дефиниции слов — членов синонимических рядов, поскольку их семантические сходства и различия, а также типичные употребления в контекстах (здесь и далее иллюстративные контексты извлечены из НКРЯ [24]) могут показывать специфику проявления эмоции, ср., например:

> **БОЛТ’А́ТЬ,** *несов. Разг.* Говорить много, быстро, легко и непринужденно в течение длительного времени о чем-л. незначительном, несерьезном или вообще без определенной темы, переходя с одной темы на другую, обычно находясь ***в хорошем настроении*** и ничего не делая. *За обедом он болтал без умолку, был чрезвычайно весел,*

острил, каламбурил, рассказывал анекдоты, которые не доканчивал или с одного перескакивал на другой, сам не замечая того (Ф. Достоевский). *Людмила весело болтала, смеялась, вскакивала с места передразнить кого-нибудь, задевала Сашу* (Ф. Сологуб).

СТРЕКОТА́ТЬ, *несов. Разг. Перен.* Говорить быстро, торопливо, без пауз, обычно ***весело или взволнованно*** (чаще о женщинах); речь напоминает повторяющиеся частые звуки, издаваемые птицами или насекомыми. *Он ничего не понимал из слов тетки, а она стрекотала сорокой и все время показывала свою руку* (Г. Троепольский). *Она стрекотала теперь, как из пулемета, и оглядывалась на толпу, теснившую их, и глаза у нее были дикие и восторженные* (Т. Устинова). *«Волчище, волчище!» — стрекотала женщина, с которой все началось* (М. Дяченко, С. Дяченко).

ТАРАТО́РИТЬ, *несов. Разг.* Говорить быстро, без пауз, громко, неразборчиво, часто находясь в состоянии ***волнения, возбуждения***; такая речь оценивается окружающими неодобрительно. *До него будто издали доносились слова одного из сыщиков, который возбужденно и восторженно тараторил…* (М. Осоргин). *Но так суетились они, так перебирали и ворошили товары, что продавцу автолавки пришлось потребовать, чтобы они соблюдали очередь и не тараторили все разом* (Ч. Айтматов) [15, с. 426].

Мы также обращали внимание на зону «Прототип», в которой «приводятся представления об общей семантике синонимического ряда слов, включая когнитивные признаки разного рода: основные когнитивные признаки, конкретизирующие категориальную семантику по разным аспектам, ассоциативно-образные когнитивные признаки, а также совмещенные когнитивные признаки, репрезентирующие представления о ментальной интеграции, присущей различным синонимическим рядам, пересекаемости их ментальных полей с другими ментальными полями» [4, с. 73]. Например:

разг. **ОДЕРГИВАТЬ/ОДЕРНУТЬ,** *разг.* ОСАЖИВАТЬ/ОСАДИТЬ, *разг.-сниж.* УКОРАЧИВАТЬ/УКОРОТИТЬ.

Семантическая идея: заставлять/заставить кого-л. удержаться от дальнейших высказываний, действий, призывая к порядку, делая резкое замечание.

Прототип: заставлять/заставить кого-л. удержаться от высказываний, действий, прекратить их, будучи ***недовольным*** их неуместностью, считая их проявлением невоспитанности (обычно о человеке, занимающем более высокое социальное положение или старшем по возрасту); призывать/призвать к порядку, делать/сделать короткое ***резкое*** замечание, чаще всего ***строгим*** повелительным

тоном, иногда в резкой, даже ***грубой*** форме, желая указать на недопустимость подобных высказываний, действий в данной ситуации и в будущем.

Как видим, речевое воздействие, основное для семантики данного ряда, в зоне прототипа дополняется указанием на эмоцию говорящего и на эмоциональную окрашенность формы высказывания.

Итак, актуальным представляется комплексное описание синонимических средств, обозначающих внешнее проявление эмоций, с опорой на денотативно-идеографические группы синонимов с комплексной семантикой, а также на прототипическую семантику отдельных синонимических рядов и семантику слов в составе рядов.

Пересечение сфер эмоций и речи в наиболее явном виде отмечается на уровне ряда **ВЫРАЖАТЬ/ВЫРАЗИТЬ,** ВЫСКАЗЫВАТЬ/ВЫСКАЗАТЬ, ВЫЛИВАТЬ/ВЫЛИТЬ, ВЫПЛЕСКИВАТЬ/ВЫПЛЕСНУТЬ, ИЗЛИВАТЬ/ИЗЛИТЬ, *книжн.* ИЗЪЯВЛЯТЬ/ИЗЪЯВИТЬ. В семантике этих глаголов речь является способом выражения эмоции, при этом дополнительным средствами могут выступать тон, звучание голоса, выражение лица, жесты: *«Ах!» — произнес он в ответ продолжительно, излив в этом ах всю силу долго таившейся в душе грусти и радости и никогда, может быть, со времени разлуки не изливавшейся ни на кого и ни на что* (И. Гончаров); *Вдруг Муся взяла Вернера за руку и, выражая удивление, усиленно, как актриса на сцене, сказала…* (Л. Андреев); *Большой багровый доктор очень нелюбезно отзывался о своем непосредственном начальстве, громил штабных из дивизии и, лохматя бороду, поблескивая из-под золотого пенсне злыми глазами, изливал свою желчную горечь перед случайным собеседником* (М. Шолохов). По степени обобщенности семантики глаголы в ряду различаются: для *выражать, высказывать, изъявлять* тип выражаемой эмоции факультативен, тогда как метафорические глаголы *выливать, выплескивать, изливать* называют ситуацию, когда говорящий со всей откровенностью и полнотой выражает то, что особенно его беспокоит, долгое время причиняет душевную боль (обычно какую-либо сильную отрицательную эмоцию: негодование, возмущение, недовольство, обиду). Это бывает необходимо самому говорящему (причем это может быть для него психологически трудно), чтобы почувствовать облегчение, успокоиться, найти сочувствие, понимание со стороны собеседника: *Он заговорил быстро, горячо, словно торопясь выплеснуть все, что переполняло*

его, не давало покоя (А. Берсенева); *Первый раз в жизни встречаясь с таким отношением к себе, Фома смело и свободно изливал пред товарищем свои думы, не заботясь о словах и чувствуя, что его поймут, потому что хотят понять* (М. Горький).

Таким образом, в семантике глаголов данного ряда эмоция отображается как содержание речи — в обобщенном или конкретизированном виде (выразить *чувство/удивление*), также может отображаться как сопутствующая эмоция (высказать *откровенно*, излить *смело и свободно*), как причина высказывания (вылить все, что *накипело*), цель или следствие высказывания (*смягчиться*, выплеснув гнев).

Пересекаемость сфер эмоций, звучания и физиологии обнаруживается в семантике синонимических рядов с доминантами **СМЕЯТЬСЯ** и **ПЛАКАТЬ**. В словаре «Алфавит эмоций» в словарных статьях «Радость» и «Горе», соответственно, приводятся слова разных частей речи, называющие смех и плач, что естественно, поскольку это типичные проявления радостных и горестных чувств. В БТССРР эти ряды размещены отдельно в группах «Слезы и плач как проявление эмоций» и «Смех, ирония, язвительность как проявление эмоций», а в зоне прототипа поясняется, что смех и плач могут быть проявлениями разных чувств: плач может быть выражением сильного чувства, переживания, ощущения — боли (в том числе физической), горя, обиды, страха и т. п. или взволнованности, радости, растроганности и т. п., а смех — выражением каких-либо достаточно сильных эмоций — радости, веселья, удовольствия или насмешки, злорадства либо выражением отношения к наблюдаемой или представляемой забавной, комической, нелепой ситуации. И смех, и плач в ситуации, когда человек теряет контроль над собой, могут стать неудержимыми, перейти в истерику; бывает, что в состоянии волнения, душевного потрясения он смеется и плачет одновременно.

Интересно также отметить, что для смеха на первом месте можно выделить компонент звучания (смеяться — издавать смех, то есть определенные звуки), а для плача — физиологическое проявление (плакать — проливать слезы). Видимо, поэтому в ситуации смеха к эмоции не подключаются речевые проявления — в синонимическом ряду нет таких слов, где бы совмещалась семантика звука и речи, а в ситуации плача такое совмещение возможно (*причитать*). Хотя плач и смех вообще могут совмещаться с речью и при отображении речевой ситуации глаголы этих синонимических рядов могут вводить прямую речь в конструкциях

«…» — засмеялся/заплакал кто-л., однако в ситуации сильного, неудержимого смеха или плача человек может прерывисто дышать и даже задыхаться, может быть не в состоянии выговорить что-либо. И смех, и плач могут сопровождаться физиологическими проявлениями: для плача это, например, прерывистое дыхание, покрасневшие опухшие глаза, дрожание, содрогание всем телом, для смеха — различные движения, такие как запрокидывание головы, размахивание руками, хлопанье себя по бедрам и т. д.

Яркий случай пересекаемости сфер эмоций и речи обнаруживается также в синонимических рядах денотативно-идеографической группы «Речевое воздействие». Фактически во всех рядах этой группы отображается речевое выражение эмоционального отношения субъекта, что выражено сразу на уровне семантической идеи, например (приведем для краткости ее доминанту и формулировку):

> **ПРИДИРАТЬСЯ** ‘словесно в резкой форме выражать/выразить свое недовольство кем-либо по незначительному или выдуманному поводу’; **УЯЗВЛЯТЬ** ‘произносить/произнести насмешливое замечание в чей-либо адрес с целью обидеть’; **НАСМЕХАТЬСЯ** ‘говорить/сказать что-л. о ком-, чем-л. так, чтобы представить его в смешном виде, выражая свое неодобрительное отношение к объекту речи; делать/сделать кого-, что-л. предметом обидных, оскорбительных замечаний, острот’; **ШУТИТЬ** ‘говорить/сказать что-л. о ком-, чем-л. так, чтобы представить объект в смешном виде, обычно делая это весело, ради забавы, без явной злобы и враждебности’; **КРИТИКОВАТЬ** ‘высказывать/высказать недовольство кем-, чем-л., отрицательное суждение о ком-, чем-л., указывая на недостатки и необходимость их устранения’; **КРИЧАТЬ** ‘говорить/сказать что-л. в повышенном тоне, громко и резко, возможно, грубо, выражая недовольство, раздражение, угрозу, с целью принудить к чему-л. или запретить что-л.’; **РУГАТЬ** ‘обращаясь к кому-л., высказывать/высказать замечания, упреки и т. п. по поводу его (их) действий или поведения, в резкой форме выражая свое неодобрение, недовольство’; **ХВАЛИТЬ** ‘обращаясь к кому-л., высказывать/высказать одобрение его действий, качеств, поведения; или, говоря о ком-, чем-л. (в разговоре с кем-л., в публичном выступлении, в печати), высказывать/высказать положительное суждение о ком-, чем-л., указывая на его достоинства’.

Так как слова предикатной семантики соотносятся с ситуациями и репрезентируют когнитивно-пропозициональные структуры (подробно об этом см., например: [25; 26]), эмотивный смысл может быть связан с различными компонентами отображаемой

речевой ситуации (обязательно или факультативно). Анализ показал, что такая связь наблюдается не только в синонимических рядах группы «Речевое воздействие», но и в рядах других групп: «Речевое сообщение», «Речевое общение», «Речевое обращение» и «Характеристики речи». С опорой на формулировку прототипической семантики подобных рядов, а также на дефиниции отдельных лексем в составе рядов представим такие компоненты ситуации:

— Эмоция как причина, повод к высказыванию: ***одергивать*** ‘заставлять/заставить кого-л. удержаться от высказываний, действий, прекратить их, будучи *недовольным* их неуместностью’; ***признаваться, исповедоваться, открываться*** и др. ‘по своему внутреннему побуждению (преодолев свою *застенчивость*, в порыве *откровенности*, испытывая *доверие* к собеседнику и т. п.) или под внешним давлением (собеседника или обстоятельств) чистосердечно рассказывать/рассказать собеседнику о чем-л. личном, касающемся себя, важном’; ***признаваться, каяться, виниться*** и др. ‘по своему внутреннему побуждению (испытывая *раскаяние*, *чувство вины*, будучи готовым понести наказание) или под внешним давлением (собеседника или обстоятельств) рассказывать/рассказать о своем хранимом ранее в тайне дурном поступке’; ***жаловаться*** ‘высказывать/высказать неудовольствие, огорчение, сожаление, обиду, возмущение, протест по поводу чего-л. неприятного, каких-л. трудностей, проблем, своего тяжелого или бедственного положения, вообще тяжелой жизни, часто *жалея себя и чувствуя потребность высказаться*’.

— Эмоциональное воздействие как способ, дополнительный к речевому: ***уговаривать, склонять, улещать*** и др. ‘воздействуя на кого-либо с помощью слов, доказательств необходимости чего-л. или с помощью каких-л. действий (*ласки, лести*, подарков, взяток и т. п.), преодолевая его сопротивление, нежелание, заставлять/заставить его перестать сомневаться, согласиться со своим мнением, сделать что-л.’, ***характеризовать, отзываться*** ‘высказывать/высказать свое мнение по поводу кого-, чего-л., давать/дать оценку, *часто эмоциональную*, кого-, чего-л.’; ***просить, заклинать, молить*** ‘обращаться/обратиться к кому-л., склоняя его к исполнению желаемого действия, добиваясь согласия на что-л. <…> Говорящий старается воздействовать на чувства собеседника, *вызвать к себе сочувствие, жалость*’.

— Цель — вызвать эмоцию у адресата или у аудитории: ***уязвлять, жалить, задевать*** и др. ‘произносить/произнести

насмешливое, меткое, злое замечание, короткую фразу в адрес собеседника или по поводу того, что для него важно, дорого и т. п., возможно, воспользовавшись обмолвкой, ошибкой собеседника или его неловким положением; делать это *с целью вызвать досаду, раздражение, причинить кому-л. обиду*'; ***насмехаться, высмеивать, глумиться*** и др. 'говорить/сказать (возможно, непрямо, намеками, завуалированно) что-л. о ком-, чем-л. так, чтобы *представить его в смешном, жалком виде*, выражая свое неодобрительное отношение к объекту речи, считая его неразумным, глупым, нелепым, несерьезным, недостойным внимания, признания, заслуживающим порицания, часто испытывая чувство превосходства; делать/сделать кого-, что-л. предметом *обидных, оскорбительных* замечаний, острот'; ***ругать, выговаривать, бранить*** и др. 'обращаясь к кому-л., высказывать/высказать замечания, упреки и т. п. по поводу его (их) действий или поведения, в резкой форме выражая свое неодобрение, недовольство. Человек, который ругает кого-л., помимо выражения недовольства, может преследовать различные цели: *заставить кого-л. признать вину, вызвать у него стыд, раскаяние*, наказать его, подчинить своим требованиям, исправить, указать, что и как нужно делать'; ***хвалить, одобрять, отмечать, расхваливать*** и др. 'человек, который хвалит кого-, что-л., кроме того чтобы высказать положительную оценку, может преследовать различные цели: выразить доброжелательное отношение, понимание, восхищение (искреннее или неискреннее, льстивое) и т. п., *доставить удовольствие* человеку (например, сказав в его адрес комплимент — приятные, любезные слова), выразить благодарность, специально отметить чьи-л. заслуги как достойные поощрения, награды, *возбудить к кому-, чему-л. интерес*'; ***шутить*** 'говорить/сказать что-л. не всерьез, с целью *вызвать смех, веселье, ослабить напряжение в общении, поднять настроение себе и окружающим, возможно, привлечь к себе внимание, произвести хорошее впечатление*.

— Эмоциональное качество человека, обусловливающее особенности его речи, эмоциональное состояние говорящего в момент речи: ***болтать*** 'говорить много, быстро, *легко и непринужденно* в течение длительного времени о чем-л. незначительном, несерьезном или вообще без определенной темы, переходя с одной темы на другую, обычно *находясь в хорошем настроении и ничего не делая*',;***молчать*** 'не издавать никаких звуков, не произносить никаких слов в ситуации, когда возможно или предполагается общение, разговор, уклоняться от беседы, от ответа на чьи-л. слова,

вопросы и т. п. Это может быть связано с разными причинами: с *замкнутостью, эмоциональной закрытостью человека, с его нежеланием говорить, общаться с кем-л. в данный момент; с его психологическим, эмоциональным состоянием в момент разговора*'; ***оговориться*** 'это может произойти из-за того, что человек (который обычно внимателен, говорит правильно), болен, или устал, или *взволнован*, или думает о чем-то другом'; ***остановиться, запнуться, замяться*** и др. 'внезапно прекращать/прекратить, прерывать/прервать ненадолго или замедлять/замедлить свою речь, намеренно удерживая себя от продолжения высказывания, а также ненамеренно — *находясь под воздействием какой-л. эмоции (волнения, удивления, замешательства, смущения, нерешительности)*, забыв, что нужно говорить дальше…'; ***краткий, немногословный*** и др. 'такой характер высказывания, текста… может быть связан с *особенностями личности говорящего*: с его склонностью к сдержанности, точности, определенности, содержательности, значительности, деловитости высказываний или, наоборот, с неуверенностью в себе, эмоциональной закрытостью или нежеланием разговаривать, общаться'; ***болтать, городить*** и др. 'говорить что-л. бессмысленное, несообразное, несуразное, пустое, не заслуживающее внимания… иногда находясь в состоянии *волнения, возбуждения*, не контролируя себя'; ***клеветать, очернять*** и др. 'обычно склонным к клевете бывает человек, характеризующийся определенными *психологическими качествами*: злобный, завистливый, нечестный, непорядочный и т. п.'; ***восклицать*** 'произносить/произнести что-л. (слово, несколько слов, фразу) внезапно и, как правило, громко, *под влиянием какого-л. сильного чувства* или с целью привлечь чье-л. внимание'; ***кричать, вопить*** и др. 'громким голосом говорить что-л. (о человеке), а также громко разговаривать, спорить (о нескольких людях, о множестве людей), находясь *под влиянием какого-л. сильного чувства: волнения, восхищения, восторга, удивления, радости, растерянности, возмущения, страха* и т. п., и/или с целью привлечь внимание'; ***неприличный, грубый, нецензурный*** и др. 'подобные слова или высказывания… часто выражают такие качества говорящих, как *развязность, отсутствие вкуса, чувства меры, стыда*'; 'могут также выражать эмоционально-экспрессивную *реакцию* говорящего на неожиданные и/или неприятные события, слова, действия'; ***шутить*** 'говорить/сказать что-л. не всерьез, с целью вызвать смех, веселье… Такая речь характерна для людей, отличающихся *хорошим, легким характером, чувством юмора*, находчивых,

изобретательных; человек обычно шутит в ситуации *непринужденного общения, пребывая в хорошем настроении*'; ***сплетничать*** 'распространять слухи, известия о ком-л., основанные на неточных или заведомо неверных сведениях, часто недоброжелательные или порочащие; а также вообще обсуждать кого-л. «за глаза». Говорящий может получать *удовольствие* от таких разговоров, развлекаться ими'.

— Эмоциональный фон, отношения между собеседниками: ***кричать, прикрикивать, цыкать*** и др. 'говорить/сказать что-л. в повышенном тоне, громко и резко, отрывисто, возможно, грубо, выражая недовольство, раздражение, угрозу с целью принудить к чему-л. или запретить что-л.; *часто в ситуации конфликта, ссоры*'; ***прерывать, перебивать*** и др.: 'приостанавливать/приостановить чью-л. речь и/или заставлять/заставить кого-л. замолчать словом, замечанием (а также жестом, знаком и т. п.). <…> Говорящий может проявлять таким образом *отрицательное отношение к самому собеседнику*, нежелание его слушать'; ***секретничать, шептаться*** и др. 'разговаривать с кем-л. тихо, часто шепотом с целью скрыть от других то, о чем идет речь в разговоре. Собеседники чаще всего являются людьми *близкими, доверяют* друг другу'; ***приглашать*** 'относясь к кому-л. с *уважением, дружеским расположением*, испытывая необходимость в его присутствии, содействии, обращаться/обратиться к нему в устной или письменной форме с предложением отправиться куда-л. вместе, заняться чем-л., принять участие в каком-либо мероприятии'.

— Эмоционально окрашенная тональность высказывания, эмоциональные жесты, движения и т. п.: ***тон, интонация*** и др. 'характер звучания речи, манера произношения (или письма, повествования), которые выражают чувство говорящего, особенности его душевного склада, его отношение к теме, предмету речи или к собеседнику'; ***напыщенный*** 'отличающийся чрезмерной *торжественностью*, искусственной *приподнятостью*'; ***патетический*** 'преисполненный *взволнованности, воодушевления, торжественности*'; **разглагольствовать** 'говорить, рассуждать о чем-л., произнося *с особой приподнятой интонацией, увлечением, воодушевлением* длинные и часто малозначительные речи'; ***одергивать*** 'призывать/призвать к порядку, делать/сделать короткое замечание, чаще всего *строгим повелительным тоном, иногда в резкой, даже грубой форме*'; ***советовать, вразумлять, поучать*** и др. 'высказывать советы можно в различной форме: *спокойной, вежливой, дружеской, ненавязчивой, благожелательной*

либо настойчивой, категорической, с демонстрацией собственного превосходства, в особой назидательной поучающей тональности’; ***ругать, выговаривать, бранить*** и др. ‘резкая форма высказывания может поддерживаться *суровым, требовательным, назидательным тоном речи, ее повышенной эмоциональностью, громкостью, возможно, даже криком, использованием грубых выражений*’; ***кричать, прикрикивать, цыкать*** и др. ‘говорящий может сопровождать речь каким-л. *угрожающим жестом (например, топнуть ногой, погрозить кулаком), сердитым взглядом* и т. д.’; ***ворчать, брюзжать*** и др. ‘говорить негромко, монотонно в течение достаточно длительного времени, выражая недовольство, досаду’; ***жаловаться*** ‘человек может высказывать жалобы сдержанно или эмоционально, возможно, преувеличивая свои неприятности, назойливо, говоря жалобным, плаксивым тоном’; ***просить, заклинать, молить*** ‘обращаться/обратиться к кому-л., склоняя его к исполнению желаемого действия, добиваясь согласия на что-л. <…> Говорящий часто использует дополнительные средства воздействия: *эмоциональный, возможно, жалобный тон, слезы, жесты, мимику, позы (например, стоя на коленях, протягивая руки и т. п.)*’.

Синонимические ряды группы «Проявление эмоций в поведении, поступках» демонстрируют пересекаемость со сферой «Социальные отношения», что обусловлено семантикой поведения/деятельности, отраженной в лексике группы на разных уровнях: **ИСТЕРИЯ** ‘возбужденная, лихорадочная, нервозная *деятельность* в каком-л. направлении, часто в масштабах общества, государства’; **ЛИКОВАНИЕ** ‘состояние радости, восторга по случаю достигнутого успеха, победы, выражающееся в *поведении*, словах’; **НЕЖНИЧАТЬ** ‘быть мягким, ласковым *в обращении* с кем-л., выражая любовь, привязанность’; **ОЖИВЛЯТЬСЯ** ‘приходить/прийти в активное *деятельное состояние*, переставая быть вялым, безразличным к кому-, чему-л.’. В ряде случаев наблюдается двойная пересекаемость сфер «Эмоции», «Социальные отношения» и «Речь»: например, прототип ряда **НЕЖНИЧАТЬ** (данное поведение выражается в виде мягких прикосновений, объятий, держаний за руку, *приятных слов, комплиментов*), прототип ряда **ОЖИВЛЯТЬСЯ** (человек начинает активно двигаться, жестикулировать, *много говорить, часто и громко смеяться*) или близкородственный синонимический ряд **НЕЖНИЧАТЬ** (‘быть слишком мягким, снисходительным по отношению к кому-л., в обращении с кем-л., *в разговоре с кем-л.*’).

Одной из лексикографических проблем при создании идеографических словарей является пересекаемость классов, в нашем материале это группа «Движения и жесты живого существа» (сфера «Живое существо») и подгруппы «Проявление эмоций в положении тела и его частей», «Проявление эмоций в особых жестах, действиях», «Проявление эмоций в выражении лица» (сфера «Эмоции»), в первой группе, с одной стороны, ряды соответствуют семантике ‘свойственный живому существу’ (то есть и человеку, и животному), с другой стороны, включают движения неосознанные либо не связанные с проявлениями эмоций.

Группа «Проявление эмоций в положении тела и его частей» представлена рядом с доминантой **ДРОЖАТЬ**, в основе семантики ряда — пересекаемость групп «Физиологические состояния и процессы» и «Эмоции»: ‘быть охваченным *дрожью* (*частым судорожным сокращением мышц*) от переживаемых эмоций’, в зоне прототипа уточняется тип эмоции, вызывающей данные физиологические реакции (как правило, такое состояние возникает при *сильном волнении, потрясении, страхе*).

Ряды группы «Проявление эмоций в особых жестах, действиях» демонстрируют пересекаемость сфер «Эмоции» и «Конкретная физическая деятельность», поскольку называют различные виды прикосновений и нанесения удара как проявления эмоциональных состояний: **ЛАСКАТЬ** ‘проявлять/проявить любовь, нежность в отношении кого-л. с помощью особых жестов — *поглаживания* рукой или нежного, внимательного, доброго отношения, *слов* и т. п.’ (комплексная семантика демонстрирует пересекаемость также со сферой «Речь»); **ЛАСКА** ‘выражение любви и нежности, сердечной привязанности посредством каких-л. внешних проявлений (*прикосновений* рук, объятий, поцелуев и т. п.)’; **ЛАСКАТЬСЯ** ‘нежно *прижиматься*, *приникать* к кому-л.; **ЛАСКОВЫЙ** ‘выражающий доброжелательное и радушное отношение к кому-л. в *поведении*, *словах*, *интонации*’ (комплексная семантика демонстрирует пересекаемость также со сферой «Речь»); **ОБНИМАТЬ** ‘проявлять/проявить нежность к кому-л. с помощью особого движения, *заключая*/*заключив* в кольцо или полукольцо, образованное раздвинутыми руками или одной рукой и *прижимая* к себе’; **ЛАПАТЬ** ‘бесцеремонно, грубо *хватать*, *трогать* руками женщину/девушку, обычно крепко *сжимая*’; **ПОЩЕЧИНА** ‘выражение неодобрения, обиды, оскорбленного достоинства в особом жесте — *ударе* ладонью по щеке того, кто нанес оскорбление’; **ЦЕЛОВАТЬ** ‘*касаться*/*коснуться* губами кого-л., чего-л. в знак

каких-л. чувств (симпатии, любви, дружбы и т. п.), а также приветствуя при встрече или прощании и т. п.'.

Ряды группы «Проявление эмоций в выражении лица», с одной стороны, связаны с выражением определенных эмоций: **ВЫТАРАЩИВАТЬ** 'широко раскрыть глаза от *удивления, страха*, неожиданности и т. п.'; с другой стороны, представляют универсальную семантику выражения любого типа эмоций: **ГРИМАСА** 'намеренное или невольное выражение какого-л. чувства в неестественном искажении черт лица'; **ИСКАЖАТЬСЯ** 'приобретать/приобрести неестественный, уродливый вид под влиянием сильного чувства, переживания и т. п (о лице)'; **ОТРАЖАТЬСЯ** 'получать/получить внешнее проявление в выражении глаз, лица и т. п. (о чувствах, внутренних состояниях и т. п.).'.

Анализ показал, что эмотивные компоненты также представлены в семантической идее и прототипе различных рядов сферы «Живое существо»:

— Эмоция становится причиной возникновения физиологического состояния или процесса: **ВЗДРАГИВАТЬ** 'непроизвольно производить/произвести резкие и отрывистые движения, обычно судорожные движения от неожиданности, боли, *испуга* и т. п.'; **ДРОЖАТЬ** 'продолжительная дрожь, охватывающая все тело, как правило, связана с воздействием холода, *страха*, дрожание конечностей обычно обусловлено нервным возбуждением или заболеванием'; **СУДОРОГА** 'такое сокращение возникает внезапно или приступообразно, может быть обусловлено физиологическими причинами (заболеваниями нервной системы (например, является симптомом эпилепсии), травмами головного мозга, отравлениями и т. д.) или *повышенной эмоциональностью*, нервозностью (как правило, в таких ситуациях возникают проблемы с речью и дыханием)'.

— Эмоция становится причиной появления физиологического продукта жизнедеятельности живого существа: **ПОТ** 'усиление потоотделения обычно связано с повышением температуры тела вследствие болезни, физического труда, *нервного напряжения или волнения*'.

— Эмоция становится причиной появления движения/жеста живого существа: **ИСКРИВЛЯТЬСЯ** 'принимать/принять неестественное, искаженное выражение (о лице, чертах лица) вследствие различных физиологических причин (например, спазм лицевых мышц, боль, чувство холода или тошноты) или *испытываемых эмоций (например, неприязнь, удивление, злость)*, часто такое движение сопровождается звуками отвращения и передергиванием

всего тела’ (в данном синонимическом ряду эмотивный компонент является и дифференциальным для специализации членов синонимического ряда: **КРИВИТЬСЯ** ‘искривляться/искривиться, часто выражая боль, *недовольство, брезгливость* и т. п.’; **ПЕРЕКАШИВАТЬСЯ** ‘сильно искривляться/искривиться, часто при сильной боли, *эмоциях*’); **КЛАНЯТЬСЯ** ‘наклонять (изменять/изменить прямое положение на согнутое) головы или верхней части туловища на согнутое в знак чего-л. (приветствия, прощания, *благодарности, уважения*, повиновения, почитания и т. п.)’, ‘степень интенсивности действия свидетельствует о силе *выражаемого чувства*: наивысшая степень — земной поклон, поклон до земли, в ноги (выражение глубокого *преклонения, раскаяния* и т. п.)’; **ОТКРЫВАТЬСЯ** ‘разъединять/разъединить сомкнутые веки, губы, руки и т. п., обычно как знак пробуждения (открыть глаза) или выражения *каких-л. эмоций (открыть рот от удивления)*’; **ПОДНИМАТЬ** ‘устремлять/устремить вверх взгляд, брови или руки в знак чего-л., обычно внимания, интереса, *удивления, возмущения,* просьбы и т. п.’; **ПРИЖИМАТЬСЯ** ‘вплотную прислоняться, придвигаться к кому-, чему-л. всем телом или какой-л. частью; такое действие может быть нейтральным (например, прижаться к стене, чтобы дать кому-л. пройти; жаться друг к другу, когда холодно) или *эмоционально окрашенным (в этом случае прижимаются обычно к тому, с кем есть близкие, доверительные отношения, проявляя тем самым особую привязанность, чувство защищенности)*’; **СЖИМАТЬСЯ** ‘уменьшаться/уменьшиться в размерах, группируясь, сутулясь, подобрав конечности, изменять/изменить распрямленное положение, позу на сведенное, искривленное, согнутое в силу разных причин: от холода, болезни или *различных отрицательных эмоций (страх, грусть и под.)*’.

* * *

Итак, комплексный анализ лексикографических материалов словаря «Алфавит эмоций» и БТССРР показывает, что внешнее проявление эмоций в русском языке репрезентируется системно и многоаспектно. Это отражается в словарях УСШ через выделение особых денотативно-идеографических групп, разветвленные синонимические ряды и детализированные прототипические описания. Сопоставление подходов «от эмоции» (в «Алфавите эмоций») и «от синонимических средств» (в БТССРР) позволяет не только оценить количественную представленность лексики внешнего выражения той или иной эмоции, но и выявить типичные для

разных эмоций модусы проявления — речевые, мимические, моторные, физиологические и поведенческие.

Выявлено, что пересечение сфер «Эмоции», «Речь», «Звучание», «Живое существо» и «Социальные отношения» фиксируется уже на уровне названий идеографических классов — например, «Проявление эмоций в речи», «Проявление эмоций в особых жестах, действиях», а также формулировок семантических идей синонимических рядов. В зоне прототипа многих рядов эмотивный компонент фиксируется как причина высказывания или действия, как эмоциональный фон коммуникации, как цель речевого воздействия, как качество говорящего, как характеристика тональности и сопровождающих жестов, а также как причина возникновения различных физиологических состояний и процессов. Такой подход позволяет реконструировать языковую картину эмотивности как многомерного феномена, в котором эмоция может выступать содержанием, причиной, способом, целью и фоном речевой и поведенческой активности.

---

1. *Бабенко Л. Г.* Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (на материале художественной речи А. Платонова) : дис. … канд. филол. наук. Свердловск, 1980. 320 с.

2. *Бабенко Л. Г.* Русская эмотивная лексика как функциональная система : дис. … д-ра филол. наук. Свердловск, 1990.

3. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. 184 с.

4. *Бабенко Л. Г.* Интеграция ментальных пространств в лексикографической интерпретации (на материале эмотивной лексики в идеографических словарях) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4 (57). С. 67–77.

5. *Бабенко Л. Г.* Типология ментальных слияний в структуре комплексных эмотивных концептов // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 32–37.

6. *Бабенко Л. Г.* Вербальные репрезентации сложных и комплексных эмоций: типы и когнитивные стратегии // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 708–711.

7. *Бабенко Л. Г.* Эмоциональный интеллект как проявление ментальной интеграции в лингвокогнитивном рассмотрении (на материале лексикографических данных) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3–1 (54). С. 109–114.

8. *Бабенко Л. Г., Романова М. А.* Метафорическое пространство эмоций в русском языке: структура и когнитивные стратегии моделирования // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 6. С. 9–30.

9. *Бабенко Л. Г.* Лингвопсихология как новое междисциплинарное научное направление // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 41–45.

10. *Бабенко Л. Г.* Лингвопсихология на методологической базе когнитивистики: лексикографический аспект // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 3 (200). С. 264–278.

11. *Бабенко Л. Г.* Анатомия эмоций с позиций лингвопсихологии: моделирование эмоциональной сферы человека на основе лексикографических данных // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 32–36.

12. *Бабенко Л. Г.* Алфавит эмоций : словарь-тезаурус эмотивной лексики. Екатеринбург ; М., 2021 (2-е изд. — 2022).

13. Большой толковый словарь русских глаголов : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. 2-е изд. М., 2007. 576 с.

14. Большой толковый словарь русских существительных : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005. 864 с.

15. Большой толковый словарь синонимов русской речи : идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2008. 784 с.

16. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007. 632 с.

17. Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2016. 785 с.

18. Концептосфера русского языка : ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : словарь / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2017. 1063 с.

19. Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов : материалы словаря / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.; Екатеринбург, 2021. 862 с.

20. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. М., 1995–. Т. 1. Лексическая семантика. 472 с.

21. *Степанова А. Н.* Лексикографическая интерпретация лексики внешнего проявления эмоций (на материале идеографических словарей русского языка) // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика. 2024. Т. 21, № 3. С. 85–90.

22. *Бабенко Л. Г.* Интерпретация категоризации мира в идеографическом словаре как способ выявления скрытых смыслов // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов : материалы Междунар. науч. конф., Калининград — Светлогорск, 15–17 сент. 2005 г. Калининград ; Светлогорск, 2006. С. 8–21.

23. *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Синонимическая лексикография: традиции и тенденции развития // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 1 (62). С. 32–38.

24. НКРЯ — Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 01.08.2026).

25. *Бабенко Л. Г.* От редактора. Изучение лексики в пространственном измерении (вместо введения) // Русская глагольная лексика: денотативное пространство. Екатеринбург, 1999. С. 7–21.

26. *Бабенко Л. Г.* Базовые концепты процессуально-событийного мира (постановка проблемы) // Русская глагольная лексика: денотативное пространство. Екатеринбург, 1999. С. 22–49.

4.2. Эмотивная лексика в конструкциях с количественной семантикой

Градуируемость эмоциональных состояний, субъективно ощущаемая человеком, реализована в словах-эмотивах, под которыми понимаются слова, обозначающие эмоции. В словарных толкованиях таких единиц могут содержаться показатели интенсивности эмоций: *восторг — **необычайно** радостное состояние, чувство восхищения; бешенство — **крайняя степень** неистовства; проявление сильного гнева, ярости* [1].

Созданный Л. Г. Бабенко словарь «Алфавит эмоций», в котором впервые лексика эмоций представлена в системе идеографических классов, демонстрирует, как хорошо в языке проявлена интенсификация эмоций, например: недовольство — раздражение — ярость, радость — восторг — ликование [2]. В толкованиях типовой семантики ученый характеризует интенсивность переживаемого чувства. В частности, применительно к денотативно-идеографической группе «Грусть» при интерпретации типовой семантики отмечается: «Это чувство может быть разным по интенсивности: более легким, умеренным или довольно длительным, мучительным, но при этом оно имеет преходящий характер и не имеет явно выраженных интенсивных проявлений» [Там же, с. 72].

В качестве слов-интенсификаторов эмоциональных состояний выступают прилагательные, обозначающие признаки физических параметров (*большая любовь, сильные чувства*), наречия с семантикой градуируемости (*очень страдать, сильно любить, безмерно осчастливить, крайнее возмущен, слишком обеспокоен*), метафоры температуры (*горячая привязанность, пылыть гневом, греет любовь*) и другие языковые и речевые средства, с помощью которых говорящий выражает степень интенсивности эмоционального состояния.

Семантика интенсивности рассматривалась в работах Н. А. Лукьяновой, которая определяет интенсивность как «микрозначение, связанное с качественно-количественной характеристикой обозначаемого словом явления, иначе говоря, отражающее меру явления» [3, с. 55]. Интенсивность сопряжена также с категориями нормы и экспрессивности, что отмечается В. И. Шаховским [4]. Относительно лексики, называющей эмоции, можно видеть, как аномальные эмоциональные проявления (например,

озверелый, сатанинский, злющий, собачий) выражают и экспрессивно-образные оттенки. Связь интенсивности и количества подчеркивает Е. И. Шейгал: «Категория интенсивности, обозначая приближенную количественную оценку качества, является частным проявлением категории количества, а именно той ее стороны, которая характеризуется как недискретное (неопределенное) количество» [5, с. 26]. Взаимодействие эмотивности, интенсивности, оценки, модальности, образности формирует, по Б. Тошовичу, категорию экспрессивности [6]. Следовательно, в различных концепциях при фиксации связи всех категорий по-разному интерпретируется их взаимодействие: интенсивность связывается и с количественностью, и с экспрессивностью, и с эмотивностью. Не ставя задачу анализа сопряженности всех этих категорий, остановимся на языковом отображении количественного измерения эмоций.

Количественные слова и единицы числового кода способны сочетаться со словами-эмотивами, задавая параметрическую категоризацию чувственного мира человека. Для ответа на вопрос, какие количественные параметры оказываются значимыми для эмоций, обратимся к словарю «Алфавит эмоций» [2]. В качестве речевого материала исследования используются контексты, которые извлечены преимущественно из НКРЯ [7].

Ноль

Фразеологизмы с числовым компонентом — это традиционный материал, который хорошо исследован на материале русского языка и в сопоставлении русского с другими языками (см., например: [8]). Внимание исследователей привлекали также фразеологизмы с компонентом «ноль» (или «нуль»), например, Е. К. Николаевой рассмотрены новые фразеологизмы *(быть) на нуле (на нулях), по нолям, выйти в ноль, поставить ноль кому-то* [9].

Вариативность написания этого слова хорошо известна: исторически первичным был «нуль», и только к середине XIX равноправными становятся обе формы, хотя фразеология чаще использует «ноль». Именно у этой словоформы появляется метафорическое значение отсутствия чего-либо.

В НКРЯ при поиске сочетаний, построенных по модели «ноль + слово-эмотив», обнаруживаются такие, среди которых наиболее частотны фразеологизмы *ноль эмоций*, реализующий значение

безразличия, апатии, равнодушия, и *ноль сомнений*, указывающий на уверенность в чем-либо. Другие сочетания хотя и не отличаются высокой частотностью, но оказываются интересными, так как количественное значение «ноля» («нуля») преобразуется в этих сочетаниях в значение отсутствия, отрицания чего-либо: *ноль притворства, ноль доверия, ноль трагизма, ноль счастья, ноль страсти* и др.

Жесткая поляризация, задаваемая «нолем», несколько упрощает всю градацию оценочных значений, реализуемых разнообразными речевыми средствами. Он усиливает значение отрицания и используется в контекстах с модальной семантикой категоричности: *А вот если сидеть в унынии, сложа руки и ждать чего-то от кого-то — получишь ноль счастья* (Украинцы и молдаване — самые несчастные люди на Земле // Комсомольская правда. 10.01.2006); *Настоящий питерский человек, глубоко интеллигентный, у которого удивительным образом ноль пафоса и самолюбования* (ВКонтакте. 18.04.2014).

Любопытен контекст *ноль внимания, фунт презрения*, который встречается и в произведениях классической литературы: *Он постучал в дверь. Никого. Ноль внимания, фунт презрения. Почему она вспомнилась, эта школьная прибаутка* (В. Набоков. Встреча); *Прохожу мимо — нуль внимания и фунт презрения* (А. Куприн. На переломе). «Ноль» оказывается в одном контексте с другой единицей измерения, выступающей в переносном значении. Происхождение этого фразеологического выражения неясно, однако можно заметить, что превосходство, выражаемое в слове «фунт презрения», метафорически осмысляется как что-то тяжелое, объемное, давящее.

Популярный мем *ноль осуждения, максимум понимания* (вариант — *ноль процентов осуждения, сто процентов понимания*), означающий полную поддержку, отсутствие критики в чей-либо адрес, безоценочное суждение, включен в идеологию предоставления полной свободы человеку, адекватного отношения к его слабостям. Его коммуникативно-прагматические функции связаны с выражением поддержки в ситуации, когда человек отступил от какого-то условно установленного правила.

В контекстах со словоформой «ноль» часто возникает отрицательное местоимение, усиливающее значение отсутствия: *Ваксон отмахивался от любви. Никакой любви там нет, ноль любви. Это рассказ о деревенском мужике, который, ну, в общем, изобрел перпетуум-мобиле* (В. Аксенов. Таинственная страсть);

И *никаких колебаний на распутье, ноль сомнений, в какой класс податься после девятого — в гуманитарный или математический* (А. Вергелис. Уна суна кара).

Следовательно, «ноль» оказывается метафорической точкой отсчета на шкале эмоциональности, с ним связано отсутствие эмоций, безразличное отношение к чему-либо.

Много и мало

Грамматический статус слов «много» и «мало» неоднозначен. Называя их неопределенно-количественными словами, исследователи уходят от ответа на вопрос относительно их частеречной принадлежности. Словарная фиксация этих единиц различается: например, слово «много» в значении «в большом количестве» в СОШ представлено как числительное с неопредленно-количественным значением [10], а в МАС — как наречие [11]. Нас интересуют два антонимически противопоставленных значения этих слов: 1) небольшое количество чего-, кого-либо — большое количество чего-, кого-либо; 2) недостаточно чего-либо — излишне; больше, чем нужно, можно.

В основном подкорпусе НКРЯ слово «много» чаще всего употребляется в сочетаниях со словом «горе» (464 словоупотребления) и «зло» (364). Несмотря на довольно высокую частотность контекстов со словом «радость» (337), эмотивы в большей степени фиксируют отрицательные эмоции и чувства: *горечь, мука, печаль, страдание, страх, грусть, тревога*. Конечно, такая картина свидетельствует не о доминировании пессимистических настроений, а о том, что эти эмоции обычно воспринимаются как нежелательные, они доставляют страдания, человек стремится избавиться от них, поэтому в языке они фиксируются как имеющиеся в большом количестве, например: *В мире много тоски, Но ничто не сравнится, поверьте, С тяжкой болью разлук, С неизбежностью горя и смерти* (Ю. Вяземский. Шут); *Понимаешь ли, в судьбе человечества много путаного, много кажущейся бессмыслицы, много горечи* (В. Пелевин. Омон Ра).

Слово «мало» употребляется со словами-эмотивами реже, что связано с особенностями устройства функционально-семантических полей количества и компаративности, отмечаемыми в трудах по функциональной грамматике. Значение супериорности («быстрее», «выше», «сильнее») более частотно, чем инфериорные значения («меньше», «ниже», «слабее»), что объясняется

когнитивными особенностями человека, когда более высокий статус и большую значимость выполняет все то, что связано с превышением нормы. Ю. П. Князев пишет: «Отсутствие в языках морфологически оформленных способов выражения инфериорности, очевидно, обусловлено отсутствием необходимости в специализированном выражении этого значения, что приходится объяснять низкой частотностью высказываний с этим значением. Между тем, казалось бы, суждения типа “эта лошадь менее выносliва, чем та” или “та гора менее высока, чем эта” должны были бы быть вовсе не столь уж редкими. Дело, видимо, в том, что подобные “инфериорные” глубинные структуры всегда — или почти всегда — могут реализоваться в “супериорных” поверхностных структурах типа “та лошадь выносливее этой” или “эта гора выше той”» [12, с. 110].

Словоформа «мало» чаще сочетается с эмотивами положительной семантики. Лидером здесь становится «радость» (131 словоупотребление в основном подкорпусе), далее следуют «удовольствие» (72 словоупотребления), «любовь» (49 словоупотреблений). Нехватка положительных эмоций противопоставляется обилию отрицательных*: И выходило из этих разговоров, что слишком мало счастья и благополучия вокруг, что печальна жизнь, все больше в ней горестей, болезней, бед и смертей* (А. Варламов. Купавна).

Степень интенсивности одного эмоционального состояния может находиться в зависимости от степени незначительной интенсивности другого, поэтому оказываются частотными противопоставления «больше — меньше», в которых нарастание, усиление одних эмоций коррелирует с ослаблением других, например: *Поэтому своим детям я запрещаю сказки, я желаю им побольше равнодушия, поменьше впечатлительности и горячности* (П. Чайковский. Письма Н. Ф. фон-Мекк); *Есть много радостей в проблеме «учитель — ученики» в науке, есть много разочарований* (Н. Бехтерева. Магия мозга и лабиринты жизни).

В этикетном жанре поздравления формула «”много” + словоэмотив» является ритуальной: *много счастья, много тепла, много радостей* и др. Типичны в этих текстах и конструкции с редупликацией, выполняющей экспрессивную функцию: *Желаем вам много-много счастья, здоровья, успехов в работе и учебе* (Открытое письмо (1968–1989)).

Величина эмоций может измеряться и при помощи количественных параметров: *Для чуть большей сдержанности ей*

потребовалось бы в триста раз больше равнодушия (И. Сахновский. Заговор ангелов).

Итак, оппозиция «много — мало» применительно к словам-эмотивам распределяет их на две группы: в речи «много» связывается чаще с негативными эмоциями и состояниями, а «мало» — с положительными. Появление таких параллелей, в которых эти категории сопоставляется, вполне закономерно отражает логику баланса позитивного и негативного в жизни человека и его стремление к счастью и безопасности.

Плюс и минус

Помимо простоты оценивания полярной шкалы *плюс — минус*, широкое распространение этих слов, связанных с универсальным языком математики, нивелирует национально-культурные особенности отношения к хорошему и плохому. Тем не менее, в современной разговорной речи возникают новые словоупотребления, включающие эти лексические единицы, а также их графические аналоги, определяющие креолизованный характер высказывания и использующиеся в современных медиа. Употребление этих единиц в технической и музыкальной терминологии, а также развитые словообразовательные гнезда были предметом рассмотрения А. В. Зеленина и Д. В. Руднева [13].

Слова «плюс» и «минус» в сочетаниях с некоторыми существительными развивают значение, близкое предикативу со значением состояния: *плюс атмосфера*, *плюс вайб*, *минус атмосфера*. Единицы «плюс» и «минус» функционально сближаются с предлогом, при этом употребляясь с существительным в именительном падеже. Например: *Вопрос об атмосфере на мероприятии задали звезде «Аноры», отвечая на него, актер Марк Эйдельштейн описал ее как «плюс вай»* (А. Романовская. «Плюс вайб»: что значит эта сленговая фраза и как Марк Эйдельштейн сделал ее вирусной).

Подобные употребления свойственны молодежному сленгу. К примеру, неформальная свадьба была названа самими молодоженами *плюс вайб коллабом*. Некоторые сленговые выражения приобретают характер фразеологических единиц: *плюс уважение*, *плюс мораль*.

И «плюс», и «минус» активно употребляются в разговорных фразеологизмах: *быть в плюсе, вогнать (загнать) в минус, уйти в минус, плюс в карму (к карме), минус в карму (к карме)*. Здесь они используются для обозначения эмоциональных состояний.

Эти слова также характеризуют сложные эмоциональные переживания, которые как будто бы конструируются, например, при исполнении театральной роли: *Резонно, — подумал Михаил Иванович, — у Ричарда — страсть минус страх вместо любви. У меня — страсть плюс страх из-за любви. Для нее страх всегда — у других. Сама она ничего не боится, пока* (А. Пятигорский. Вспомнишь странного человека).

Таким образом, оба рассмотренных слова развивают вторичные значения, выходящие за рамки математического языка и преобразующие количественные значения в качественные оценочные смыслы.

Максимум и минимум

По данным толкового идеографического словаря русских существительных (БТСРС), словоформы «максимум» и «минимум» входят в денотативно-идеографическую группу слов, обозначающих количество с типовой семантикой: ‘Какое-либо количество одушевленных или неодушевленных предметов, обычно собранных вместе каким-либо образом или по какому-либо признаку’ [14, с. 297–299]. В статье, посвященной транспозиции этих единиц в наречия, говорится, что «по семантике сочетания типа “максимум (осадков) / минимум (техники)” близки к сочетаниям с качественными прилагательными в форме превосходной степени, обозначающими самую высокую степень проявления количественного признака: “самое большое / наибольшее количество” (осадков); “наименьшее количество” (техники). Типичной для субстантивных словоформ типа “максимум”, “минимум” является сочетаемость с существительными (справа) в форме родительного падежа, выражающими считаемые (измеряемые) предметы, явления, а также опредмеченные действия, состояния, свойства» [15, с. 116].

Высокая степень признака оказывается значимой в сочетаемости этих словоформ со словами-эмотивами. Слово «максимум» сочетается с существительными, называющими преимущественно положительные эмоции: удовольствие, радость, наслаждение, счастье, спокойствие, в то время как «минимум» — с отрицательными: страдание, беспокойство, раздражение. Такое положение дел объясняется вполне понятным стремлением человека к получению позитивных впечатлений, переживанию положительных эмоций и избеганию отрицательного эмоционального опыта.

Метафорические обозначения количества

Традиционной моделью представления количества является метафора: *море любви, капля жалости, масса впечатлений, клубок интриг* и др. В таких сочетаниях квантификаторы с метафорическим значением выражают не только количественную, но и качественную множественность. Применительно к рассматриваемому материалу наиболее продуктивной оказывается метафора контейнера, типичная в целом для эмотивной лексики и связанная с тем, что человек рассматривается как вместилище чувств.

С эмотивами положительной семантики сочетаются слова, называющие большие объемы или большое количество чего-либо: *масса удовольствия, наслаждений*. Вместе с тем слово «масса» сочетается со словами, входящими в группы «Сомнение» и «Спокойствие» (*масса сомнений, масса волнений, масса беспокойства*). Тяжесть, объем (характеристики, которые несет слово «масса» в основном значении) проецируются на эмоциональные состояния, которым свойственна некоторая дискретность. Слова, называющие положительные эмоциональные состояния, не сочетаются со словом «масса», что объясняется семантикой однородности, стирания границ между элементами, их однотипности, поэтому в языке возможны *масса волнений*, *масса сомнений*, но вряд ли *масса счастья* или *масса блаженства*. Метафора воды, напротив, используется часто с эмотивами, обозначающими любовь, счастье, блаженство: *океан любви, море счастья*.

Характеризуя метафоры количества, используемые с эмотивными словами, стоит вспомнить о сформулированной Г. Н. Скляревской зависимости: «Чем более обобщенное (как правило, родовое) понятие заключено в слове, тем легче оно превращается в узуальную языковую метафору — в обычную лексическую единицу с приглушенной образностью (ср. языковые метафоры *река демонстрантов*, *море знамен*, *разлив чувств* и т. п.). Напротив, чем более частное понятие дает импульс к развитию метафоры, тем больше такая метафора способна удерживать образный элемент. Ср.: *Я сидел в сторонке у окна и ждал, когда же наконец спадет этот нахлынувший на него* [председателя колхоза] *паводок дел и забот* (Жестев. Пойма)» [16, с. 116]. Метафоры воды и огня способствуют выражению интенсивности переживаемых эмоций, и в них качественные значения силы, проявленности эмоционального состояния передаются через образы стихий. В результате они включаются в образные микросистемы эмоций, которым посвящены многие работы Л. Г. Бабенко и ее учеников.

* * *

Абстрактные имена, к которым относятся эмотивы — существительные, называющие эмоциональные состояния, чувства, переживания, эмоциональные отношения — имеют количественные показатели интенсивности и способны сочетаться с прилагательными размера и степени. *Большое уважение, несомненное признание, высокие чувства* — такие характеристики оказываются вполне типичными для слов-эмотивов. Помимо интенсификаторов, выраженных прилагательными, слова-эмотивы могут образовать генитивные конструкции с единицами числового кода, к которым мы относим «ноль» («нуль»), «много» и «мало», «максимум» и «минимум», «плюс» и «минус». Математический язык связан с миром чувств, а количественная семантика таких конструкций трансформируется в качественные значения.

Метафоры стихий становятся ресурсом для обозначения интенсивности переживаемых эмоций. Безусловно, установление корреляций между словами, называющими стихии, и словами-эмотивами требует более глубокого отдельного исследования. Представляется, что существуют закономерности распределения водных и огненных метафор, которые могут быть рассмотрены для всех денотативно-идеографических групп эмотивной лексики.

Положительные и отрицательные эмоциональные состояния (при всей условности такого деления) обнаруживают различия в их использовании со словами количественной семантики.

Завершая этот краткий обзор, отметим, что существует жанр, в котором эмотивы с положительной семантикой легко сочетаются с количественными словами. Концептуальная значимость пожеланий образует традиционные кванторные группы: *много счастья*, *море любви*, *океан восхищения*. И этот алфавит эмотивных пожеланий мы адресуем Людмиле Григорьевне Бабенко — ученому, учителю и лексикографу.

---

1. БТС — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000. 1535 с.

2. *Бабенко Л. Г.* Алфавит эмоций : словарь-тезаурус эмотивной лексики. Екатеринбург ; М., 2022. 430 с.

3. *Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск, 1986. 230 с.

4. *Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций. М., 2008. 414 с.

5. *Шейгал Е. И.* Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1981. 26 с.

6. *Тошович Б.* Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М., 2006. 557 с.

7. НКРЯ — Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 01.08.2026).

8. Логический анализ языка : Числовой код в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2014. 523 с.

9. *Николаева Е. К.* Растущая роль ноля в русской фразеологии // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 110–115.

10. СОШ — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка : 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений. М., 1994. 907 с.

11. МАС — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1985.

12. *Князев Ю. П.* Компаративность // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996. 263 с.

13. *Зеленин А. В., Руднев Д. В.* Плюс, плюсовка, плюсовать // Русский язык в школе. 2015. № 11. С. 51–57.

14. БТСРС — Большой толковый словарь русских существительных : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005. 864 с.

15. *Шигуров В. В., Шигурова Т. А., Панфилова Д. В.* Словоформы «минимум» и «максимум» в аспекте градуальной транспозиции в наречия: зоны ядра и гибридности // Филология: научные исследования : сетевое изд.: [сайт]. 2025. № 6. С. 112—125. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74841 (дата обращения: 17.03.2026).

16. *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 1993. 150 с.

4.3. Средства выражения эмоций в обиходно-деловых документах

Документ как элемент официально-деловой коммуникации обладает рядом признаков, с одной стороны, характерных для текста вообще, с другой — отличающих его от других видов текста. К общим текстовым признакам можно отнести завершенность, связность, членимость, цельность, полифункциональность и некоторые другие. Текстовую специфику документа определяют такие его свойства, как точность (без возможности инотолкований), логичность, информативность, безэмоциональность и безóбразность, нейтральность изложения, соответствие нормам официально-делового стиля и др. Характерной особенностью документа является его способность регулировать деловые,

производственные отношения людей. Эта черта подтверждает важность письменной фиксации информации, закрепления ее на материальном носителе; документ должен обладать юридической силой, а это свойство может быть обеспечено лишь письменной формой речи.

Обиходно-деловые документы представляют собой особую разновидность официально-деловой переписки, обслуживающую повседневное деловое общение, участниками которого являются как учреждения, организации, так и частные лица. Они могут быть соотнесены с речевыми жанрами — просьбой (заявление и служебная записка), оправданием (объяснительная записка), жалобой (докладная записка). Все эти жанры имеют эмоциональную составляющую, которая способствует достижению коммуникативной цели автора документа: убеждению адресата и побуждению его к совершению определенных действий. Несмотря на общее требование объективности и нейтральности, данные тексты допускают бóльшую свободу в составлении. Зачастую они бывают порождены конфликтной ситуацией, которая предполагает эмоциональную вовлеченность ее участников. Таким образом, сам факт составления документа является средством выражения эмоций его составителя, а документируемая ситуация подталкивает автора текста к нарушению канона составления деловых бумаг.

В заявлении, служебной записке, объяснительной записке, докладной записке, автобиографии и т. п. «жанровая специфика колеблет общую безличностность» [1, с. 73]. Автор текста оказывается в сложном, противоречивом положении: испытывая такие эмоции, как гнев, обида, возмущение, он должен оставаться в рамках официально-делового стиля, сохраняя нейтральность и избегая субъективности. Это противоречие порождает, в частности, многочисленные ошибки в оформлении обиходно-деловых документов: частотны случаи смешения названий документов (чаще всего используется понятие «заявление» вместо таких, как, например, «докладная записка», «жалоба» и др.); усечение двухкомпонентных названий («Объяснительная», «Докладная» вместо «Объяснительная записка», «Докладная записка»); дублирование реквизитов (расшифровка подписи в документах, где уже есть реквизит «Составитель документа»); неправильное расположение реквизитов (например, указание даты справа под подписью); употребление обращения в текстах, где оно не предусмотрено, и т. п. Эти ошибки обусловлены, на наш взгляд, не только незнанием

правил документирования, но и психологическим состоянием составителя текста.

Основным средством репрезентации эмоций в обиходно-деловых документах является эмотивная лексика. Она включает слова, содержащие в своей семантике эмотивную сему, отражающую эмоциональную позицию говорящего. Как отмечает В. И. Шаховский, эмотивная сема представляет собой особый тип сем, связанных с эмоциональной сферой говорящего и выраженных в значении слова через семантический признак «эмоция» [2, с. 29].

Л. Г. Бабенко в словаре-тезаурусе эмотивной лексики «Алфавит эмоций» выделяет 39 базовых исходных эмотивных смыслов: ***беспокойство***, *бесстрашие, бесстыдство, вдохновение, вера, влечение,* ***вражда***, *высокомерие, горе, грусть, доброта, дружба, жалость, желание, жестокость, злость, искренность, любовь, любопытство,* ***надежда***, ***настойчивость***, *неверие,* ***недовольство***, *неискренность,* ***неприязнь***, ***обида***, *одиночество, одобрение, равнодушие, радость, смирение,* ***сомнение***, *спокойствие, страх, стыд, счастье, уважение,* ***удивление***, *чувство* (выделены те эмотивные смыслы, которые чаще встречаются в обиходно-деловых документах) [3, с. 26].

Рассматривая эмотивную лексику в функционально-семантическом аспекте, Л. Г. Бабенко обращает внимание на субъектно-объектные отношения в тексте, что принципиально для документных текстов. Ученый выделяет семь функционально-семантических классов слов: эмоционального состояния, становления эмоционального состояния, эмоционального воздействия, эмоционального отношения, внешнего проявления эмоций, эмоциональной характеризации, эмоционального качества [4, с. 72].

В исследуемом материале широко представлены различные типы эмотивных слов. Рассмотрим примеры:

Довожу до Вашего сведения, что гардеробщица… создает в коллективе ***нездоровую*** *обстановку —* ***настраивает*** *работников против руководства,* ***интригует****… Работать с ней* ***трудно****…* В данном отрывке представлена лексика эмоционального состояния и эмоционального воздействия, содержится также оценка конфликтной ситуации.

По окончании действия справки 9.12.2015 я отчитался о пропусках по болезни ***холодным, подчеркнуто вежливым тоном****.* Здесь использована лексика внешнего проявления эмоций, что конкретизировано через описание речевого поведения. Однако такой конкретизации может и не быть, описание поведения дается

оценочно, что отражает не столько эмоции участника ситуации, сколько отношение к ним стороннего наблюдателя — автора текста: *Довожу до вашего сведения, что 10 февраля, в понедельник, ученик 4 «А» кл. ФИО* ***безобразно*** *вел себя во время спортивных мероприятий, посвященных Олимпиаде в г. Сочи*; *Дочь много не рассказывала об* ***отвратительном*** *отношении к ней педагога.*

Выбор лексических средств для выражения эмоций зависит от позиции автора текста, который, как было сказано выше, может быть участником ситуации, наблюдателем, которого, тем не менее, эта ситуация каким-то образом задевает, или наблюдателем, который не вовлечен в конфликт, но дает ему оценку. В первом случае, как правило, используется лексика, прямо называющая эмоциональное состояние автора: *…такое поведение ученицы меня очень* ***возмущает***; *Простояв так какое-то время в* ***удивлении****, я удалился*; *Извините, мое* ***терпение закончилось****!* Позиция наблюдателя обусловливает больший репертуар значений: эмоциональное воздействие (***Грубо разговаривает*** *с детьми и родителями*; ***негатив срывать*** *на детях*; ***орет*** *на учеников* и т. п.), внешнее проявление эмоций (*Дочь постоянно* ***плачет***; *ФИ странно себя ведет —* ***бегает*** *по классу,* ***смеется*** *во время урока* и т. п.), эмоциональная характеризация (*Разве может учитель быть такой* ***невежей****?*), эмоционального отношения (*Ребенок* ***боится*** *идти на урок к этому педагогу*) и др.

Специфика обиходно-деловых документов предполагает не только описание эмоций участников документируемой ситуации, в числе которых может быть и автор текста, но и оценку этой ситуации, выражение отношения к ней, поэтому в текстах частотно употребление лексики со значением эмоциональной и рационально-эмоциональной оценки.

Рациональная оценка, называемая М. А. Ягубовой оценкой «от головы» [см.: 5], заключается в рациональной характеристике предмета. Это оценка с точки зрения логики, которая основана на информации о присущих объекту свойствах. Эмоциональная оценка, оценка «от сердца», основана на тех эмоциях, которые вызывает у субъекта оцениваемый объект. Она состоит в выражении эмоциональной характеристики предмета субъектом. Наиболее частотной в обиходно-деловых документах является оценка, которая носит комплексный характер и совмещает в себе рациональные суждения и эмоции. Это рационально-эмоциональная оценка, или оценка «от головы через сердце». В ее основе лежит «рациональная (интеллектуальная) оценка окружающей

действительности (субъектов, предметов, действий, качеств, явлений), пропущенная сквозь призму человеческой психики» [6, с. 10]. Приведем несколько примеров: ***Некорректное*** *поведение обижает людей*; *…дочь не может дать отпор такой* ***неуравновешенной*** *личности*; *Я считаю это* ***недопустимым***; *Я категорично заявляю, что крайне* ***непедагогично*** *и* ***непрофессионально*** *свои внутренние проблемы и негатив срывать на детях*.

Эмотивы в текстах часто сопровождаются наречиями и наречными выражениями со значением меры и степени (***крайне*** *удивлена,* ***глубоко*** *возмущены,* ***в высшей мере*** *непорядочное* и т. п.).

Следует отметить, что использование обращений, включающих прилагательные с эмотивным значением *уважаемый* и *многоуважаемый* и клишированных этикетных выражений типа *с уважением, с почтением* не следует считать средством выражения эмоций. Они выполняют прагматическую функцию, призваны положительно настроить адресата по отношению к составителю документа и «помочь» принять решение в его пользу.

Дополнительными средствами выражения эмоций в обиходно-деловых документах являются знаки препинания (кавычки, восклицательный знак, сочетание вопросительного и восклицательного знаков), а также шрифтовые выделения и подчеркивания. Для рукописных текстов характерно частотное использование восклицательного знака, который маркирует наиболее важную для автора часть текста, привлекает внимание к определенному фрагменту: *На мои возражения и замечания отреагировала безразличием, извинений не было*; *Сколько можно терпеть ее грубость и хамство?!*; *Постоянно отпрашивается с уроков на 30, 40 мин. Один раз стошло не отпустить (не выполнены работы)* — ФИО *разыграла такие спектакли!!!* В приведенных примерах, как мы видим, восклицательный знак призван показать эмоциональное состояние автора и усилить степень эмоционального воздействия текста на реципиента. В соответствии с нормами официально-делового стиля все предложения в тексте должны быть невосклицательными. Но авторы обиходно-деловых документов стремятся максимально полно донести информацию, в том числе и эмоциональную ее составляющую, поэтому и используют данное графическое выделение. В примере *Прошу принять меры!* восклицательный знак «превращает» повествовательное предложение в побудительное. Такого рода побуждение, эмоционально усиленное, является требованием, хотя и выраженным лексически в виде просьбы.

Кавычки как средство графического выделения чрезвычайно вариативны в плане значения. В исследуемом материале они использовались для обозначения цитирования, передачи чужих слов (*…позволяет себе называть детей «дураками», «тупыми», «с маленьким умишком»*), выделения слова другого функционального стиля, которое осознается автором как инородное в документе (*…негатив срывать на детях, которые не могут ответить и «отфутболить» в силу своего возраста и воспитания*; *Он хамит учителям, «матерится»*), заострения внимания на словах, являющихся средствами художественной выразительности, употребленных в переносном значении (*Ему постоянно нужны «зрители», которые ведутся на его шутки, смешки, «клоунаду»*), выделения слова, употребленного в ироническом (противоположном) значении (*О таком «гуманном» отношении… я не намерена молчать*).

Пунктуационные ошибки также являются «говорящими» с точки зрения выражения эмотивных значений:

Гардеробщица… не выполняет своих обязанностей:

а) во время работы вяжет,

б) грубо разговаривает с детьми и педагогами, родителями.

в) отказывается надевать служебную форму

г) игнорирует мои распоряжения

д) пишет в журнале сдачи смен свои реплики, которые писать ее никто не уполномочивал.

Неоднородность знаков препинания при рубрикации в этом фрагменте (запятая, затем точка, затем отсутствие знаков) говорит не столько о безграмотности, сколько о силе эмоций, владевших автором при составлении документа.

Обращают на себя внимание графические выделения, которые используются как в рукописных, так и в печатных текстах. При помощи графики составитель документа выделяет наиболее важную для него информацию или же то слово, которое наиболее эмоционально нагружено. Графические выделения не характерны для документных текстов, их наличие в них — ошибка в оформлении, но это ярчайший и наиболее очевидный показатель эмоциональной нагруженности текста. Приведем примеры графического выделения при помощи подчеркивания: *Вчера… произошел <u>незначительный</u> инцидент*; *<u>невозможно</u> оставаться спокойной*; *Я считаю это <u>недопустимым!</u>*

Печатный текст дает дополнительные возможности для выражения эмоций — выделение курсивом и полужирным шрифтом важных, с точки зрения автора документа, фрагментов текста.

Например: «Дочь не может дать отпор такой *неуравновешенной* личности»; «Довожу до Вашего сведения, что гардеробщица… создает в коллективе **нездоровую** обстановку — **настраивает** работников против руководства, **интригует**… **Обвиняет** других».

Среди синтаксических средств выражения эмоций можно также выделить ряды однородных членов: *М. Л., мама А., знает об этом от меня, от детей, от учителей, вахтеров и охранников.* В данном примере перечислены те участники (или наблюдатели) ситуации, чья точка зрения совпадает с авторской, что придает информации объективность. В то же время это выражение недовольства бездействием матери ученика, несмотря на ее информированность. *Сегодня 27 декабря в 12:20 произошла драка на футбольном поле. На поле находились мальчики X класса и наблюдали, как дерутся ФИ1 и ФИ2. В ход шли руки, ноги, оскорбления.* Ряд однородных членов *руки, ноги, оскорбления* грамматически верен (слова одной и той же части речи, в одном и том же числе и падеже), но семантически некорректен: слова *руки* и *ноги* относятся к лексике, обозначающей части тела, а *оскорбления* — к лексике эмоционально-оценочной, относящейся к обозначению словесной информации. Зевгма в данном случае, скорее всего, использована ненамеренно, не как стилистический прием, что также можно считать средством выражения эмоций.

Непрямой порядок слов в документах также значим (*…перспектив и успехов в художественном образовании не наблюдается у нас*), поскольку он делает текст «более разговорным», а значит, более эмоциональным.

Риторический вопрос в соответствии с нормами официально-делового стиля не должен присутствовать в документном тексте, однако он становится средством усиления воздействия на адресата, его убеждения в правильности точки зрения автора текста: *Сколько можно терпеть ее грубость и хамство? Можно ли работать в такой обстановке? Как я могу отследить все?*

В качестве способа выражения субъективно-оценочных значений (в данном случае негодования, недовольства) может быть использована даже языковая игра: *Реакция учителя О. А. была «С какой стати?», хотя, как я понимаю, стать состоит в том, что позволить можно было хотя бы после первой четверти.*

* * *

Итак, средства выражения эмоционально-оценочных смыслов являются необходимыми во многих текстах обиходно-деловых

документов, поскольку позволяют автору «не просто репрезентировать свою позицию, свое отношение, но быть правильно понятым, услышанным, донести тот или иной модально-квалификативный смысл до адресата и, может быть, в чем-то поколебать мнение адресата, изменить его взгляд на ситуацию» [7, с. 13]. Кроме того, в документах данных жанров, кроме информативной, можно выделить еще две цели — убеждение и побуждение, которые связаны с эмоциональной вовлеченностью автора в конфликтную ситуацию. Следовательно, обиходно-деловые документы предполагают использование различных средств выражения эмоций, а это позволяет не столько рассматривать их как элемент деловой коммуникации, сколько отнести их к письменным формам разговорной речи. Уникальность этих документов состоит в том, что, отражая конфликтную, эмоционально нагруженную ситуацию, они и в своей языковой форме также содержат своеобразный «стилевой конфликт» — столкновение элементов официально-делового стиля и разговорной речи.

---

1. *Валгина Н. С.* Теория текста : учеб. пособие. М., 2003. 173 с.

2. *Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций : монография. М., 2008. 414 с.

3. *Бабенко Л. Г.* Алфавит эмоций : словарь-тезаурус эмотивной лексики. Екатеринбург ; М., 2021. 432 с.

4. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. 184 с.

5. *Ягубова М. А.* Лексико-семантическое поле «оценка» в разговорной речи: классификация видов оценок // Типы языковых единиц и особенности их функционирования : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1993. С. 37–42.

6. *Ретунская М. С.* Английская аксиологическая лексика. Н. Новгород, 1996. 272 с.

7. *Орехова Е. Н.* Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции : автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2011. 44 с.

4.4. Восприятие образа России в Индии: социолингвистический эксперимент[1]

В последнее время ученые активно исследуют механизмы зарождения и функционирования образа России в других странах на материале источников разножанровой природы. Так, они обращаются к изучению образа России в электронных СМИ Азербайджана [1], рассматривают рецепцию образа России в болгарских СМИ [2], подвергают анализу особенности его восприятия замбийской молодежью [3], описывают его трансформацию в китайских СМИ [4], проводят его социологическое изучение в представлениях населения Монголии [5], анализируют его аксиологические аспекты в ракурсе самоидентификации носителей языка и культуры [6]. Важно отметить, что изучение образа России (несмотря на относительно недавнее появление термина *имагология*) проводится как в синхроническом, так и в диахроническом ракурсе [7; 8].

Отдельную группу составляют исследования, посвященные рассмотрению образа России в языковом сознании представителей другой культуры. Эти работы обладают несомненной теоретической и практической значимостью, так как функционирование такого образа и в таких дискурсивных условиях «имеет место в естественных коммуникативных контекстах, его субъектом является непрофессиональная языковая личность» [9, с. 19], что позволяет изучить объект анализа (образ России) не постфактум, а в момент функционирования в той или иной лингвокультурной среде, реализуя антропоцентрический вектор развития современной лингвистики [10]. Образ России может рассматриваться на материале как русского языкового сознания [11], так и иноязычного массового сознания [12; 13].

В настоящее время политические и экономические интересы России все больше обращаются на Восток, что проявляется, в частности, в работе такого межгосударственного объединения, как БРИКС. Одним из членов БРИКС является Индия, что вызывает к жизни необходимость проведения исследований, связанных с изучением репрезентации образа России в обыденном языковом сознании индийских граждан. Такие исследования уже

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049 (https://rscf.ru/project/24-18-00049/). С. Саини принимал участие в работе в инициативном порядке.

проводились, но в более удаленной временной перспективе, например, изучались особенности формирования образа России в массовом сознании народов Индии в XIX — начале XXI в. [14]. Социальные требования времени и динамично меняющийся общественно-политический ландшафт диктуют необходимость рассмотрения характеристик этого образа на современном этапе российско-индийских отношений.

Изучение образа России представляется важным с привлечением данных эксперимента, позволяющего выявить особенности обыденного языкового сознания как противопоставленного сознанию научному [9]. Цель данного исследования заключается в выявлении закономерностей в восприятии России индийскими гражданами, что является логическим продолжением ряда работ, в которых раскрыты особенности восприятия России представителями индийского академического сообщества [15].

Для проведения эксперимента (2025 г.) в *Google*-формах членами научной группы была разработана анкета, содержавшая вопросы на русском языке с переводом на язык хинди. Во вступительной части на двух языках указана цель анкетирования, оговорены условия конфиденциальности предоставленной информации, дана инструкция по заполнению. Анкета состоит из 30 вопросов закрытого, полузакрытого и открытого типа, что позволило собрать как структурированные данные, так и развернутые ответы (17 вопросов закрытого типа, восемь вопросов полузакрытого типа и пять вопросов открытого типа).

Закрытые вопросы предполагают выбор одного или нескольких вариантов ответа из предложенных. Например:

— Как часто вы слышите о России в новостях? (आप समाचारों में रूस के बारे में कितना सुनते हैं?). Варианты ответов: ежедневно (हर दिन), несколько раз в неделю (सप्ताह में कई बार), несколько раз в месяц (महीने में कई बार), реже (कभी-कभार).

— Назовите основные источники информации о России (выберите все подходящие варианты) (रूस के बारे में आपकी जानकारी के मुख्य स्रोत क्या हैं? (जो लागू हो उसे चुनें)). Варианты ответов: телевидение (टेलीविजन), печатные газеты и журналы (मुद्रित समाचार पत्र और पत्रिकाएँ), художественная литература (साहित्यिक रचनाये), научные статьи (वैज्ञानिक आलेख और पुस्तकें), онлайн новостные порталы (ऑनलाइन समाचार पोर्टल), социальные сети (सोशल media), личное взаимодействие с россиянами (रूसी लोगों के साथ व्यक्तिगत वार्तालाप).

Полузакрытые вопросы, помимо готовых ответов, предоставляют возможность предложить собственный вариант. Например:

— Какие достопримечательности вы хотели бы посетить в России? (आप रूस में कनि दर्शनीय स्थलों को देखना चाहेंगे?). Варианты ответов: Красная площадь (रेड स्क्वायर), мавзолей В. И. Ленина (मक़बरा), Московский Кремль (क्रेमलनि), Большой театр (बोल्शोई थएिटर), Эрмитаж (हर्मटिेज), Казанский кремль (कज़ान क्रेमलनि), другое.

Открытые вопросы не ограничивают респондента в выборе ответа и его объема, языка (русский, хинди, английский) и предполагают развернутое высказывание. Например:

— Какие стереотипы о России вам известны? (आप रूस से जुड़ी कौन सी रूढ़ियाँ/स्टीरयिोटाइप जानते हैं?).

До проведения основного исследования анкета была успешно апробирована на небольшой группе респондентов, что позволило выявить и устранить некоторые неточности в формулировках вопросов, доработать варианты ответов и др. Основное анкетирование было организовано в электронном формате. Генеральная совокупность включает 174 респондента, работающих или обучающихся на различных направлениях подготовки по программам бакалавриата, магистратуры, докторантуры в университетах крупных населенных пунктов Индии: Делийском университете (г. Нью-Дели), университете Джавахарлал Неру (г. Нью-Дели) и Университете им. Бхимрао Амбедкара (г. Агра). Данные о генеральной совокупности получены из результатов анкетирования: 87,9 % — студенты, 12,1 % — преподаватели; из них 86,2 % респондентов — мужчины, 13,8 % — женщины; 60,3 % в возрасте 18–25 лет, 27,6 % — 26–35 лет, 12,1 % — 36–45 лет.

Для интерпретации полученных данных использовались следующие методы и процедуры: дескриптивная статистика (частотный анализ, средние значения), контент-анализ, лингвокультурный метод. Методы дескриптивной статистики широко применяются для репрезентации не только «социокультурного стандартизированного формата профессиональных знаний» [16, с. 313], но и повседневного коммуникативного опыта представителей той или иной общности. Контент-анализ востребован при проведении как лингвистических, так и социологических исследований и может быть представлен двумя разновидностями: интерпретативный (позволяет вскрыть латентное содержание текста) и рецептивный (учитывает субъективное восприятие текста его интерпретаторами) [17]. Лингвокультурный метод дает возможность поместить социокоммуникативные эмпирические данные в развернутый культурологический контекст, имеющий

одновременно «семиотический и сенсорно-информационный характер» [18, с. 183]. Такой спектр методов социальной и коммуникативной направленности позволяет признать валидность результатов исследования и обоснованность выводов, полученных в ходе интерпретации социолингвистического материала.

Результаты показывают, что большинство опрошенных получают информацию о России ежедневно (34,5 %), несколько раз в неделю (37,9 %), несколько раз в месяц (10,3 %), что свидетельствует, во-первых, о высокой медийной активности, связанной с Россией, на территории Индии, с другой — об устойчивом интересе к России индийских граждан. Наиболее распространенные источники информации — научные статьи (66,5 %) и художественная литература (62,6 %), что отражает углубленный академический интерес респондентов, поскольку все они являются преподавателями и студентами индийских вузов.

89,6 % респондентов отметили высокий уровень развития в России научно-технической и военной областей, что свидетельствует о сохранении в индийском обществе образа России как технологической и военной державы и объясняется как достижениями советского периода, так и современными разработками в области ядерных технологий, в авиакосмической, военной промышленности и фундаментальных науках (рис. 18).

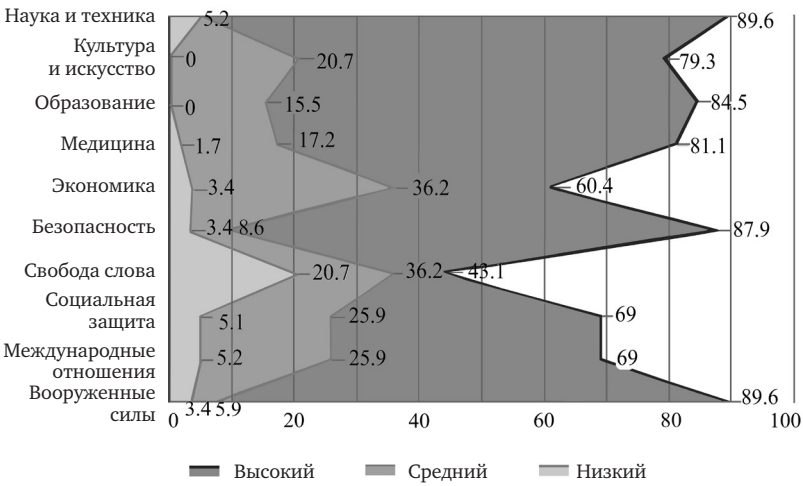


Рис. 18. Уровень прогресса в различных сферах общественного развития в России (по мнению индийских студентов)

Высокие показатели оценки трех социально значимых сфер — безопасности (87,9 %), образования (84,5 %), медицины (81,1 %) — доказывают, что индийские граждане считают Россию государством с эффективной системой общественного порядка и развитыми социальными институтами. Оценка развития сферы культуры и искусства (79,3 %) является аргументом значимости культурной составляющей, одного из компонентов «мягкой силы» государства. Мнения в отношении таких сфер, как социальная защита (69 %), международные отношения (69 %), экономика (60,4 %), могут быть объяснены комплексом факторов: от объективных показателей развития государства до специфики их освещения в индийских медиа. Наименьшее количество высоких оценок (43,1 %) отмечается в отношении свободы слова. Этот результат, вероятно, отражает значительное влияние западных СМИ на восприятие индийскими гражданами современной России.

Ответы респондентов свидетельствуют о наличии в сознании индийских граждан определенной иерархии научных приоритетов России, сформированной под влиянием комплекса исторических, политических и социокультурных факторов (рис. 19).

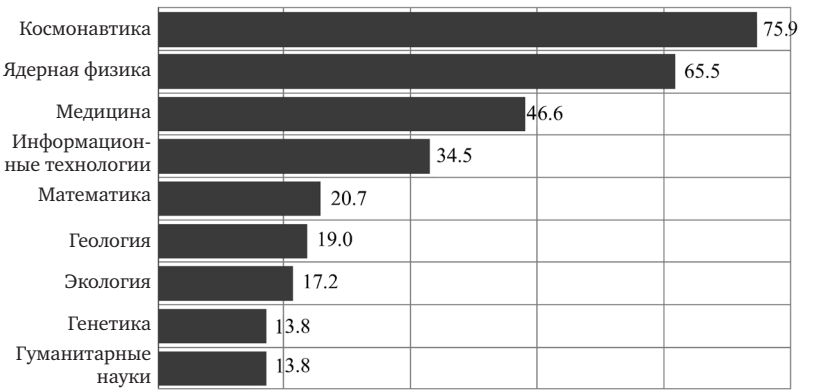


Рис. 19. Уровень прогресса в различных областях науки в России (по мнению индийских студентов)

Абсолютное лидерство космонавтики (75,9 %) и ядерной физики (65,5 %) обусловлено влиянием советского научно-технического наследия — достижениями в освоении космического пространства и развитии атомных технологий, что усиливается за счет регулярного освещения в индийских СМИ (хинди- и англоязычных)

новых космических проектов России и ее стратегического статуса ядерной державы. Успехи Индийской организации космических исследований (ISRO), включая миссии на Луну и Марс, свидетельствуют об амбициях страны в борьбе за лидерство в этой области. Россия остается одним из ключевых партнеров Индии в сфере космонавтики: для Индии по-прежнему важны советское и российское наследие — технологии, опыт, совместные проекты и легендарные личности. Ярким подтверждением этого стала торжественная церемония открытия мемориальной композиции с изображением основоположников космонавтики, установленной в Русском доме в Нью-Дели 12 апреля 2025 г., что символизирует не только память о прошлом, но и актуальность российско-индийского сотрудничества в космосе [19].

«Вторичность» медицинского направления (46,6 %), вероятнее всего, связана с двумя ключевыми факторами, являясь отражением традиционно высокой оценки собственных медицинских достижений: развитая фармацевтическая отрасль и система аюрведических традиций, благодаря которым у индийцев сложилось заслуженное чувство гордости за национальную медицину, отчасти объясняют средние оценки российских успехов в этой сфере. Тем не менее, активное продвижение российской вакцины «Спутник V» на индийский рынок во время эпидемии Covid-19 актуализировало этот аспект научного потенциала России в сознании респондентов. Умеренно средние позиции в сферах информационных технологий (34,5 %) и математики (20,7 %) можно объяснить сочетанием нескольких факторов: доминированием американских и китайских брендов в цифровой сфере, слабой коммерциализацией российских IT-разработок на глобальном рынке. Низкие показатели оценок развития экологии (17,2 %), генетики (13,8 %) и гуманитарных наук (13,8 %) могут быть связаны с отсутствием масштабных международных проектов в этих областях, противоречивой информацией об экологической ситуации в России и исторически сложившимся стереотипом о «технической» направленности российской науки, что создает своеобразные «слепые зоны» в восприятии респондентов.

Ответы на открытый вопрос «Продолжите: Россия — это… आपकी नज़र में, रूस …)» представлены на трех языках — хинди, русском и английском с преобладанием русскоязычных вариантов (65 %), что может свидетельствовать как о характере выборки, так и об особом статусе русского языка в индийском обществе. Реакции можно распределить по четырем концептуальным блокам.

Первый — роль в геополитике. Россия репрезентирована как супердержава: *могущественная страна*; *всегда в мировой политике*; *надежная нация с высоким уровнем национальной гордости*; *superpower*; *global/great power*; *great people*; *शक्तशिाली देश* (*сверхдержава*; *мировая/великая держава*; *великий народ*; *могущественная страна*).

Второй блок — культурно-историческое наследие — связан с образом России как неповторимой цивилизации, не сводимой ни к Западу, ни к Востоку, чья уникальность сформирована переплетением истории и культуры: *уникальная страна; страна огромной сложности; сформированная богатой историей и уникальной культурной идентичностью; the best country in the world; the most powerful and rich in culture; a country of art, culture, education, technology; एक अद्वतिीय देश — सबसे शक्तशिाली; समृद्ध सांस्कृतकि वरिासत वाला; कला, संस्कृत;ि शक्षिा और प्रौद्योगकिी में अग्रणी।* (*лучшая страна в мире*; *самая могущественная, с богатой культурой*; *страна искусства, культуры, образования, технологий, богатого культурного и исторического наследия*; *культура и искусство там*).

В третьем блоке доминируют лексические единицы, выражающие чувства и эмоции по отношению к России: *мечта; любимая страна; внутренняя связь с сердцем; love; affection; excitement; dream; apnapan ka ahsas hota h jab bhi russia ka naam sunta hu to; अपनापन का एहसास होता हैं जब भी रूस का नाम सुनता हूँ तो, मेरा पसंदीदा देश* (*любовь*; *привязанность*; *волнение*; *мечта*; *я испытываю чувство принадлежности всякий раз, когда слышу имя России*; *моя любимая страна*). Как показывают исследования эмоций, данный пласт лексики находится в тесной взаимосвязи с индивидуально-авторскими и культурными представлениями коммуникантов о мире [20–22].

Четвертый блок — российско-индийские отношения — построен на метафоре взаимоотношений: *лучший друг Индии; настоящий друг; all-weather friend*; *वश्विसनीय दोस्त* (*надежный друг*; *друг*). Данный факт коррелирует с результатами, полученными ранее при изучении медиадискурса [23–24]. Показательны доминирование прилагательных с градуальным значением, обозначающих размер (*большая, крупная, огромная, масштабная, big, great, बड़ा — большая*), прилагательных с семантикой исключительности (*уникальная, особенная*), частотное использование превосходной степени сравнения (*largest, best, most developed, एक बेहतर राष्ट्र, रूस — दुनयिा का सबसे बड़ा देश — самая большая*; *лучшая*; *самая развитая*; *лучшая нация*; *Россия — самая большая страна в мире*), интенсификация с помощью наречий степени и повторов

(*очень хорошо, очень хорошая, очень прекрасная, очень нравится, very beautiful, dream to visit again and again, bahut achcha desh hai — очень красивая; мечта вновь и вновь возвращаться туда; очень хорошая страна*) [25, 26].

Формулировки ответов на вопросы об ассоциациях и стереотипах, связанных с Россией, концептуально связаны между собой. В ядерной зоне ассоциативных представлений индийских респондентов о России находятся лексические единицы и конструкции, репрезентирующие концепт ДРУЖБА*: friendship, best friend of India, दोस्ती; भारत का सबसे अच्छा दोस्त; दोस्त; दोस्ती; सच्चा दोस्त; वह दोस्त जिसने हमेशा भारत का साथ दिया; रूस हमेशा भारत का सहयोगी रहा है। — дружба; лучший друг Индии; друг; дружба; верный друг; друг, который все время поддерживал Индию; Россия всегда была союзником Индии*. Такое восприятие России объясняется как современным состоянием российско-индийского сотрудничества в экономической, торговой, культурной, научной и других сферах, так и длительной историей этих взаимоотношений еще во времена Советского Союза. Примечательно, что индийские респонденты помнят о прошлом нашей страны — как о советском периоде (*सोवियत रूस लेननिवादी रूस — советская, ленинская Россия*), так и об исторических фактах, уходящих вглубь веков (*रूस' नाम अपने भीतर एक महान आध्यात्मकि संस्कृत, अतीत की जनजातीय चेतना, रूसी संतों की तपस्या और सम्राट नकिोलस द्वतिीय की वरिासत से जुड़ी गहन भावनाओं को संजोए हुए है। — слово «Россия» вызывает ассоциации с великой духовной культурой, с духовностью народов прошлых веков, с русскими святыми, с великим императором Николаем II*). Безусловно, не остались вне поля зрения индийских респондентов факты, связанные с богатыми культурными традициями нашей страны — были упомянуты имена А. С. Пушкина, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, русская литература и российский кинематограф: *यह देश है चेखव, टॉलस्टॉय और पुश्कनि की स्वप्न-दृष्टकिा — जहां की साहत्यिकि परंपरा सदैव मंत्रमुग्ध करती रही है; यहां के लोग, फलिमें और स्थान हृदय को स्पर्श करते हैं। — страна Чехова, Толстого, пушкинской мечты; русская литература всегда завораживала; люди, фильмы, места.*

Анализ реакций на вопрос о стереотипах демонстрирует некоторую поляризацию ответов: 22,4 % респондентов затруднились с ответом или заявили об отсутствии стереотипов (*ничего, не знаю*), что может свидетельствовать о недостаточной информированности или о сознательном избегании стереотипного мышления. Остальные ответы традиционны для образа русского человека в инокультурном обыденном сознании и могут быть

распределены по нескольким блокам. Наиболее репрезентативна группа поведенческих стереотипов (43,1 %): русские предстают как суровый народ (*grim, stoic, serious; smile less — хмурые, мужественные, серьезные; меньше улыбаются*); слишком много пьют (*drink too much*), суеверны (*अंधविश्वासी*). Парадоксальным образом с представлением о России как «верном друге Индии» сосуществуют политико-исторические стереотипы о русских как воинственной нации, подчеркивающие бинарность восприятия государства в зависимости от политических установок (33,3 %): *policy of war; country of weapons; expansionist policy; द्ध की राजनीति; हथियारों का देश; विस्तारवादी नीति; जो प्रायःसैन्य संघर्षों में शामिल रहता है। — политика войны*; *страна оружия*; *экспансионистская политика*; *часто ведет боевые действия*. Социально-экономические стереотипы (1,1 %) включают представления о «большой разнице между элитами и пролетариатом» (*difference between elite classes and proletarian*), а также единичные упоминания о свободе вероисповедания, подкрепленные перечислением различных конфессий. Однако примечателен и тот факт, что для индийских респондентов свойственна культурная и социальная рефлексия, когда те или иные стереотипы опровергаются самим же респондентом: *रूस के बारे में रूढ़ियाँ/स्टीरियोटाइप्स ऐसे हैं कि वहाँ के लोग क्रूर होते हैं, वहाँ बहुत सारे ठग, चोर और हत्यारे होते हैं, वहाँ के लोग अत्यंत निर्दयी होते हैं, और यह कि पूरा देश पूरी दुनिया पर कब्ज़ा करना चाहता है। यह सब पूरी तरह से बकवास है और इसका वास्तविकता से कोई संबंध नहीं है। — Стереотипы о России таковы: что там злые люди, много мошенников и воров и убийц, есть жестокие люди и что вся страна хочет захватить весь мир. Это полная чушь и не соответствует действительности*. Данные свидетельствуют о существенных различиях в характере вербализации стереотипных представлений о России в зависимости от языкового выбора респондентов: наиболее развернутые и эмоционально окрашенные ответы на этот вопрос приводятся на хинди. Ответы на русском и английском языках отличаются лаконичностью и нейтральной тональностью, что может указывать на связь между языком, культурой и интернализацией стереотипов: владение иностранными языками, особенно русским в нашем случае, коррелирует с более рефлексивным подходом.

Лидером среди черт русского национального характера стало такое качество, как свободолюбие (60 %), что совпадает с представлениями русских о собственном характере (рис. 20). Кроме того, полученные данные отражают специфику восприятия России как государства, в разные исторические периоды отстаивавшего

свою независимость и суверенитет в международных отношениях, с одной стороны, с другой — могут быть связаны с особенностями национального самосознания индийцев, переживших длительный период, направленный на освобождение от британского колониального господства (XIX–XX вв.).

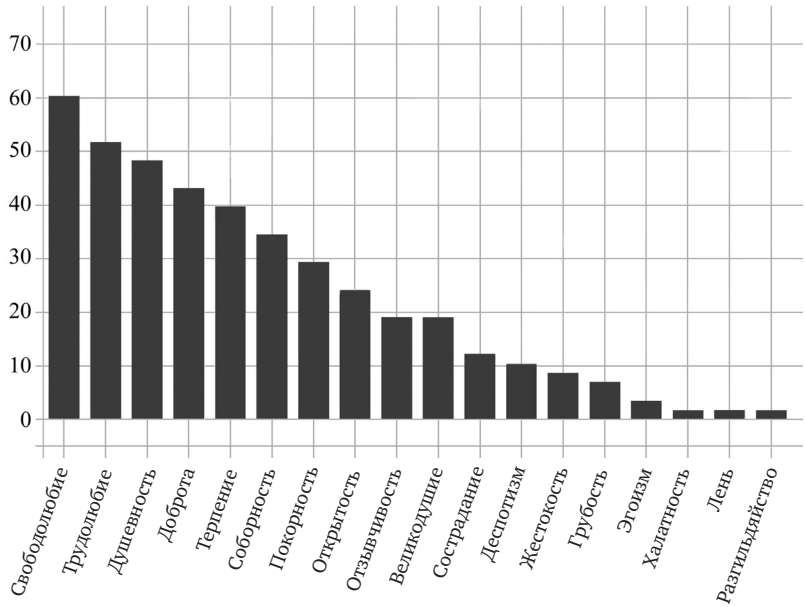


Рис. 20. Черты русского национального характера
(по мнению индийских студентов)

Вторая по частотности ответов черта — трудолюбие (52 %) — заслуживает особого внимания, поскольку ее показатель существенно превышает выбор негативных характеристик, связанных с пренебрежительным выполнением обязанностей (халатность, лень и разгильдяйство — чуть менее 3 %), что ставит под сомнение существование стереотипа о русской лени во всех культурах: его наличие или отсутствие зависит от исторического контекста, двусторонних отношений и личного опыта взаимодействия с русскими.

Следующими на шкале частотности следуют такие качества, как душевность (48 %), доброта (46 %), терпение (40 %), соборность (35 %). Вероятнее всего, этот выбор обусловлен представлениями респондентов о глубокой религиозности русского народа,

который положительно оценивает долготерпение и помощь ближнему; о единстве в достижении цели и коллективизме советской эпохи — идеологическом воплощении соборности. Респонденты также указали на такие качества, как покорность (28 %), открытость (25 %), отзывчивость и великодушие (по 18 %), сострадание (13 %). Необходимо отметить, что количество положительных качеств русского национального характера при ответе на данный вопрос превалирует над отрицательными. Отрицательные характеристики — деспотизм (11 %), жестокость (9 %), грубость (8 %), эгоизм (5 %), халатность, лень и разгильдяйство (чуть менее 3 %) — занимают периферийное положение, однако сам факт их выбора указывает на существование альтернативных критических взглядов, вероятно, связанных с опытом личного взаимодействия или влиянием западных медиа.

Следующий блок вопросов посвящен политике. Наиболее известной российской политической фигурой является В. В. Путин (25,5 %), что свидетельствует об эффективном позиционировании действующего президента как сильного лидера, особенно на фоне активного взаимодействия с Индией. Имена советских руководителей сохраняют устойчивые позиции (21,2 и 19,4 % соответственно), что может быть обусловлено влиянием советско-индийского сотрудничества, культурного и идеологического наследия Советского Союза на индийское общество. Другие политические деятели — Петр I (12,1 %), М. С. Горбачев (7,9 %), Николай II (5,5 %), Н. С. Хрущев (3,6 %), Б. Н. Ельцин (2,4 %), Екатерина II (1,2 %) — не столь популярны среди опрошенных.

Образ российского лидера в сознании респондентов представляет собой классический архетип сильного правителя с акцентом на решительности (62,6 %) и авторитарности (23,6 %), что, с одной стороны, соответствует текущей политической действительности и исторически сложившимся стереотипам о русском характере, с другой — может быть обусловлено влиянием глобальных медиа, хинди- и англоязычных СМИ, финансируемых крупными западными медиахолдингами. Иные качества, по мнению респондентов, типичные для лидеров государства, это мудрость (6,3 %), харизма (5,7 %), दया — милосердие (0,6 %), उदारता — щедрость (0,6 %), ढलिाई — расхлябанность (0,6 %). Формат полузакрытого вопроса повышает ценность полученных данных, поскольку показывает, что даже при наличии возможности собственного варианта ответа (в данном случае это последние три черты) респонденты в целом выбирают стереотипные характеристики.

Из известных политических событий, связанных с Россией, были названы распад СССР (58 %), революция 1917 г. (25,3 %), Вторая мировая война (12,6 %), перестройка (4,1 %). Ответы на данный вопрос демонстрируют неразрывное существование в сознании индийских граждан России и СССР как одной страны, а распад Советского Союза считают рубежным событием более половины респондентов. Именно во времена СССР был заложен прочный фундамент двусторонних отношений, сформирован положительный имидж двух государств, советская дипломатия сыграла решающую роль в урегулировании индо-пакистанского конфликта в 1971 г. Превалирование в ответах событий далекого исторического прошлого (революция 1917 г., Вторая мировая война) — свидетельство того, что индийские граждане хорошо знакомы с мировой историей и фактами российского исторического процесса, помнят ту помощь, которую оказала Россия Индии в развитии промышленности, экономики, образования.

Роль России в мировой политике и международных организациях (например, БРИКС) как очень значительную оценивают 67,2 % респондентов, как значительную — 29,3 %, как незначительную и очень незначительную — по 1,7 %. Данные ответы свидетельствуют о том, что в последние годы Россия по-прежнему имеет в основном положительный имидж в глазах индийской общественности, а индийцы считают Россию надежным партнером. Общая приверженность многополярности, а также историческая дипломатическая поддержка России продолжают находить отклик у граждан Индии [27], что подтверждается и данными нашего опроса.

* * *

Россия и Индия в современных геополитических условиях выстраивают новую повестку двустороннего сотрудничества, что требует проведения анализа отношений двух стран и репрезентации образа в инокультурном пространстве на фоне исторического, политического, культурного, образовательного контекстов. Выводы, полученные в ходе проведенного исследования, могут оказать неоценимую помощь в реализации неиспользованного потенциала российско-индийских отношений. Наши страны связывает привилегированное стратегическое партнерство на основе уважения позиции друг друга и взаимного доверия. В условиях мировой турбулентности важными являются отказ от идеологической ангажированности, элиминация существующих стереотипов,

преодоление ксенофобских настроений. Реализации таких задач способствуют социолингвистические исследования по изучению рецепции образа другой страны, которые проводятся с использованием широкого спектра методов — социологических, лингвистических, статистических. К возможным перспективам исследования мы относим расширение выборки респондентов, проведение опроса в других городах Индии, включение вопросов о других сферах российской действительности.

---

1. *Астахов А. М.* Образ России в электронных СМИ Азербайджана (февраль-март 2018 г.) // Россия и современный мир. 2019. № 2 (103). С. 67–81.

2. *Аврамова В. Н.* Рецепция образа России в болгарских массмедиа // Медиалингвистика. 2020. № 7 (1). С. 61–68.

3. *Кыштымова И. М., Эсанжу С.* Образ России и русских: особенности восприятия молодежью России и Замбии (2024, 5 июля) // Научный журнал Байкальского государственного университета : [сайт]. 2022. № 13 (3). URL: https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=25375 (дата обращения: 14.05.2025).

4. *Гао Ивэнь.* Трансформация образа США и России в китайских массмедиа в 2000–2021 гг. // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 353–357.

5. *Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н.* Социологическое изучение образа России в представлениях населения Западной и Центральной Монголии // Народы и религии Евразии. 2022. № 27 (2). С. 121–135.

6. *Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф. и др.* Аксиологическое измерение концепта «Россия» в ситуации самоидентификации личности (по данным ценностных суждений студентов-луганчан, 2017–2023 гг.) // Русский язык в школе. 2025. № 86 (2). С. 114–124.

7. *Тен Н.* От Пушкина до Путина: образ России в современном Китае (1991–2010). М., 2016. 296 с.

8. *Грушина В. Ю.* Образ России в общественном мнении Великобритании в период Первой мировой войны // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2007. № 23. С. 15–19.

9. Обыденная коммуникация: дискурсы, аксиология, жанры / под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. Барнаул, 2021. 237 с.

10. *Викулова Л. Г., Петрова И. М., Самородин Г. В.* Концептосфера лексем *свой*, *чужой*, *иной* в русском языке (опыт корпусного исследования) // Русский язык в школе. 2024. № 85 (6). С. 77–86.

11. *Дьяконова Е. А.* Визуальный образ России в языковом сознании носителей русского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 56–57.

12. *Вапилин Е. Г., Мулява О. Д. и др.* Восприятие образов России и Польши студентами университетов // Социологические исследования. 2015. № 3 (371). С. 113–119.

13. *Чубарьян А. О.* Стереотипы и образы России в европейском мышлении и массовом сознании // Вестник российской нации. 2010. № 6 (14). С. 53–75.

14. *Загородникова Т. Н., Кашин В. П., Шаумян Т. Л.* Образ России в общественном сознании Индии: прошлое и настоящее. М., 2011. 237 с.

15. *Солопова О. А., Кошкарова Н. Н., Сингх Г.* Образ России в академической среде Индии // Социологические исследования. 2026. № 1. С. 148–152.

16. *Глинская Н. П.* Семантические отношения в тезаурусе психологических терминов: что показывает описательная статистика когнитивному лингвисту? // Когнитивные исследования языка. № 4 (47). С. 312–319.

17. *Семенова А. В.* Контент-анализ в социологии: методологические новации // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 3 (1). С. 11–15.

18. *Кузнецова А. В., Петрулевич И. А.* Городская ментальность в пространстве культуры: социо- и лингвокультурный аспекты // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 4 (249). С. 181–188.

19. В Нью-Дели установили бронзовое панно с изображением основоположников космонавтики // ТАСС : информ. агентство : [сайт]. 2025. 12 апр. URL: https://tass.ru/kosmos/23666265 (дата обращения: 14.04.2025).

20. *Бабенко Л. Г., Романова М. А.* Метафорическое пространство эмоций в русском языке: структура и когнитивные стратегии моделирования // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 6. С. 9–30.

21. *Бабенко Л. Г.* Концептуально-тематическое картирование как вариант пространственного измерения лексических множеств в структуре идеографических словарей: проект // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2–1 (63). С. 126–131.

22. *Бабенко Л. Г.* Лексикографические форматы и параметры пространственного моделирования внешней структуры и внутренней архитектоники идеографических словарей // Научный диалог. 2026. Т. 15, № 3. С. 9–31.

23. *Солопова О. А., Кошкарова Н. Н.* Доброе братство лучше богатства: семейная метафора в дискурсах стран БРИКС // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. № 25 (4). С. 39–54.

24. *Солопова О. А., Кашяп Г., Нагаев Н. С.* Метафорический образ России в медиадискурсе Индии // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 89–97.

25. *Солопова О. А., Кошкарова Н. Н., Саини С.* Стереотипные представления о России в академической среде Индии // Россия в многополярном мире: политика, экономика, образование : сб. ст. по итогам IX Междунар. Невского форума. СПб., 2025. С. 129–136.

26. салапова о.а., кокарова н.н., एवं सैनी सो. के लेख. भारतीय छात्रों के बीच रूस के प्रति प्रचलित धारणाएँ और विचार (*Солопова О. А., Кошкарова Н. Н., Саини С.* Стереотипные представления о России в среде индийских студентов) // Critic. 2025. № 24 (2). P. 105–110.

27. *Pandey S. K., Yadav A.* Contextualizing India-Russia Relations // International Studies. 2018. № 53 (3–4). P. 1–31.

4.5. Междометие как эмотивный репрезентант словесно-коммуникативного типа

В рамках данной темы рассматриваются наиболее обсуждаемые вопросы: 1) о статусе междометия в аспекте противопоставления слова и предложения как единиц основных уровней языковой системы; 2) о характере и природе междометия в аспекте дихотомии «язык — речь»; 3) о статусе междометия в системе частей речи русского языка. Принятие решений по этим вопросам определяется их значимостью для понимания коммуникативной системы и языка (речи) как основного средства человеческого общения.

Прежде всего охарактеризуем понимание эмотивности как ментальной сферы, связанной с формированием субъективного восприятия человеком действительности и отраженной в его речемыслительной деятельности теми или иными языковыми средствами, включая и междометия. Они, по мнению В. В. Виноградова, выражают эмоции как «чисто субъективные речевые знаки, служащие для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений» [1, с. 384]. Понятие эмоций обусловило, наряду с термином «эмотивность», использование также термина «эмоциональность», особенно в таких науках, как лингвистика и психология. Эмотивность чаще всего рассматривается как языковая категория, связанная с выражением эмоций, чувств, настроений человека. Эмоциональность в большей степени характеризуется как психологическая категория, связанная с эмоциональным состоянием человека, его чувственным восприятием ситуаций и реакций на них. В том и другом случае в качестве средства их выражения выступают языковые единицы. Такие разграничение и использование данных понятий оказываются более или менее последовательными в научной литературе. В учебной литературе чаще представлено синонимичное употребление, которое не ориентировано однозначно на лингвистический или психологический аспекты осмысления и описания языковых средств.

Таким образом, разграничение этих понятий зависит от подхода исследователя и сферы науки. В рамках нашего изложения мы придерживаемся разграничения эмотивности и эмоциональности в тех случаях, когда описываем языковой аспект. В этом случае используем термин «эмотивность». При этом, учитывая

взаимосвязь эмотивности и эмоциональности, мы определяем э м о т и в н о с т ь как языковую категорию, содержанием которой является эмоциональность или, другими словами, эмоции как составляющая внутреннего мира человека, имеющая ту или иную языковую реализацию.

В связи с характером и составом языковых средств, участвующих в реализации эмотивности, отметим, что она может иметь *разные степени (уровни) ее понимания*. Эмотивность в *самом узком смысле* включает рассмотрение междометий, которые по своей природе, не называя эмоций, выражают их, то есть для них эмоциональность имеет изначально когнитивную природу. Однако обычно междометия оказываются в составе средств, обусловливающих *более широкое понимание* эмотивности. Оно включает лексику с предметно-понятийным содержанием эмоциональности и коннотативные образования, компонентом которых является созначение, обозначающее ту или иную конкретную эмоцию. В первом случае информация об эмоциях включается в ядерное лексическое значение слова, которое выражено лексической основой, то есть происходит номинация (называние) эмоции. Языковой знак, выражающий ее, оказывается связанным с понятием и оформляет его грамматически. Например, *радость, горе, гнев* (ср. эмотивы-номинативы [2, с. 16]). Во втором случае информация об эмоциях оказывается дополнительной по отношению к ядерному лексическому значению, как бы эмоционально окрашивая его. Такое созначение эмоциональности квалифицируется как коннотативное [3].

В функциональном отношении коннотация «обслуживает» лексическое значение с целью передачи информации через «чувство — отношение» говорящего к обозначаемой действительности. Но в коммуникативном процессе происходит их своеобразное перераспределение: будучи в большей степени связанной с конкретными коммуникативными задачами (в соответствии с чем в коннотации видят часто выражение прагматической функции), коннотативная эмотивность оказывается коммуникативно более значимой, чем когнитивная информация, отраженная лексическим (предметно-понятийным) значением в слове. Ср.: *Я любил своего брата*. — *Я любил своего братишку*. Особенно показательным в плане коммуникативной значимости эмотивной информации является функционирование междометий в диалогах и в более обширных дискурсах (текстах). Ср.: — *Тебе понравился фильм? — Еще бы!*

Следующая степень понимания характеризуется не только лексическими средствами, но и единицами других уровней языковой системы (фонетическими, словообразовательными, морфологическими и синтаксическими), выражающими эмоциональное содержание. В *максимально широком понимании* эмотивность представлена на функционально-коммуникативном уровне, когда в качестве эмотивного репрезентанта рассматривается контекст, в рамках которого слово с неэмоциональным значением получает эмотивное *употребление*, то есть такое, которое имеет функциональный смысл, например, эмоционально-оценочный: *Отколе, **умная**, бредешь ты, голова?* (И. А. Крылов).

В настоящее время большинство ученых, причем из разных сфер науки, считают, что эмоции — это одна из форм отражения и познания действительности. В качестве отражаемого объекта выступает информация субъективного характера о внутреннем мире человека. В этом смысле она как бы противопоставляется отражению объективной информации о внешнем для человека мире. Но в том и другом случае мы имеем дело с экстралингвистическими сущностями [2, с. 18], которые обусловливают универсальный характер эмоций: нет человека вне эмоций. Эмоции характеризуют само существование человека, опыт его общения и поведения, способность реагировать на действительность как бы изнутри самого себя, в соответствии со своими жизненными принципами и с учетом коллективного восприятия нравственных традиций, обычаев и сложившихся стереотипов поведения в тех или иных ситуациях. Поэтому эмоции, будучи индивидуальными в своем ментальном формировании и языковом выражении, тем не менее, ориентированы на коллективное их восприятие. Они, выражаясь словами В. В. Виноградова, предполагают «социально осознанное коллективом смысловое содержание» [1, с. 584]. Во взаимосвязи и взаимодействии индивидуального и коллективного проявляется также национальная специфика восприятия и выражения эмоций. Особенно наглядно это наблюдается в лексике, которая, по мнению Л. Г. Бабенко, отражает эмоции в каждом языке самобытно [2, с. 9]. Эта самобытность обусловливает формирование языковой картины мира, в которой эмоциональная сфера человека оказывается важной составляющей [4].

Эмоции определяют сущность эмотивной функции языка (речи), которую принято выделять наряду с коммуникативной, когнитивной и интерпретирующей функциями. Это естественно, поскольку эмоции, имеющие когнитивную природу своего

формирования в человеческом сознании и интерпретирующий характер в силу субъективного отражения действительности, предназначены для передачи эмоциональной информации в коммуникации. В отношениях с коммуникативной функцией эмотивная функция оказывается дополнительной, потому что всякая информация об эмоциях коммуникативна (значима для общения), но не всякое общение эмоционально выражено. В принципе, такое общение можно определить как эмоционально-нейтральное.

Собственно эмоциональные образования типа междометий по своей функции коммуникативны, поскольку они не называют эмоции и чувства, а выражают их, сообщают о них. Они в большей степени соотносятся с понятием высказывания, будучи оформлены важнейшим признаком высказывания (предложения) — интонацией, например, междометные высказывания типа *Ах! Ой!*. Они выражают эмоции *непосредственно*, в формате *здесь* и *сейчас*. При этом междометие, например, *Ой!* будет нести информацию о ситуативно обусловленных эмоциях: прикоснулся к горячему предмету — и реакцией является междометие *Ой!*, выражающее боль; увидел змею — реакция испуга и т. п.

В связи с этим в научной и учебной литературе рассматривается актуальный вопрос о том, является ли междометие словом, поскольку широко представлено и мнение, согласно которому междометия — это не слова, а нечленимые высказывания (слова-предложения или, по терминологии В. В. Виноградова, «аналоги высказывания», «эквиваленты высказывания»). Именно решение вопроса о словесном статусе междометия в связи с его коммуникативным характером является целью представленных рассуждений, поскольку вопрос о соотношении междометия и предложения (высказывания) был рассмотрен в специальной статье [5].

Междометие как объект изучения было включено уже в «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова (1755). В ней оно («междуметие») выделялось среди восьми частей речи («осьми частей знаменательных») «для краткого изъявления движений духа» [6, с. 408]. Эти «изъявления» были связаны с чувствами и эмоциями человека, то есть уже в первой русской грамматике отмечалась специфика семантического содержания междометий. В дальнейших грамматических представлениях их семантика не подвергалась значительным изменениям, а лишь дополнялась перечнем этих «изъявлений движений духа». Так, в академической «Русской грамматике» (1980) мы имеем следующее определение

междометия: «*Междометие* — это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто непроизвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность: *ах, ба, батюшки, брр, ох* и т. д.» [7, с. 732]. В результате расширяется и круг образований, относимых к междометиям, что наглядно демонстрируют споры об их составе, в частности, о включении звукоподражательных слов типа *мяу-мяу, ку-ку* и этикетных слов и выражений типа *Привет! Спасибо!*.

Думается, первичное описание состава междометий как языковых единиц должно строиться на базе прототипических междометий, поскольку непрототипические междометия могут оказаться результатом функционального употребления или процессов гибридности и переходности. В качестве прототипических междометий чаще всего рассматриваются междометия типа *Ах! Ой! Увы! Эх! Тьфу!* и т. д. Их квалифицируют как п е р в о о б р а з н ы е, ибо они явились результатом первичной концептуализации и не имеют соответствий в составе других частей речи. Важно и то, что они на уровне обыденного сознания носителей языка воспринимаются в качестве базовых эмоций. Что же касается непервообразных (непервичных) междометий типа *Батюшки! Боже! Караул!* и т. п., то они являются результатом вторичной концептуальной деривации, в результате которой происходит десемантизация их первичного (прямого) смысла. Этому способствует употребление немеждометных слов, представляющих разные части речи, в позиции междометий, то есть в позиции изолированных слов, не являющихся членами предложения и выполняющих репликовую функцию, связанную с сообщением конкретной эмоции, содержание которой отражает эмоциональное восприятие коммуникативной ситуации. Ср.: *Батюшки стояли у алтаря и молились* и *Батюшки! Этого нам только и не хватало!*

Считается, что все базовые эмоции (страх, испуг, гнев, радость, горе, печаль) формируются в человеке изначально, то есть программируются генетически. Поэтому они могут возникать автоматически, бессознательно, бывают простыми и непосредственными реакциями на ситуацию, часто имеют мимическое и жестовое сопровождение. С этой точки зрения междометия как чистые инстинктивные эмоциональные восклицания (выкрики, реакции, например, при прикосновении к горячей посуде), строго говоря, не являются знаками языка, поскольку не предназначены специально для сообщения кому-либо о чем-либо. Они не являются

словами, включенными в речевое общение. Не оказываются они и высказываниями, поскольку не несут той коммуникативной смысловой нагрузки, которую получают в речевом акте. Это выкрики, звук или комплексы звуков, не имеющие языкового (речевого) содержания. Однако генетически эти выкрики послужили базой для возникновения междометий как языковых единиц. Лишь включение в коммуникативный акт, отражающий ту или иную ситуацию, по отношению к которой проявляется эмоциональная реакция, определяет междометную реакцию как коммуникативное (речевое) средство. При этом его коммуникативная осознанность и значимость в речевом акте предполагают утрату «чистого» восклицания, связанного с инстинктивностью выкрика, не имеющего «социально осознанного смысла» (В. В. Виноградов).

Таким образом, в рамках представленных рассуждений объектом исследования являются осознанные носителями языка *первообразные междометия*, несущие информацию о душевном состоянии человека и его эмоциональной реакции на действительность, выражая это нечленимым междометным высказыванием в качестве содержательного компонента в составе речевого акта: — *Тебе понравилась эта книга? — Еще бы!*. Или в качестве осложняющего (вводного) компонента в составе речи говорящего: *Ах! Как скоро ночь минула!* (А. С. Грибоедов).

В настоящее время мы имеем достаточно устоявшееся мнение большинства русистов о том, что междометие является *объектом морфологии*, хотя при этом не представлено учением о формах междометного слова в силу их отсутствия как таковых. В составе морфологии оно рассматривается как *особая часть речи*, которая противопоставлена и назывным (с примкнувшим, по словам Виноградова, местоимением), и служебным частям речи, поскольку междометия не называют чувств и эмоций, а только указывают на них. Однако, в отличие от местоимений, также имеющих указательный характер, но при этом являющихся членами предложения, междометия не характеризуются в качестве членов предложения, поскольку ими не являются. В составе членимого предложения междометия обусловливают *осложнение* предложения.

Кроме того, междометия *не имеют грамматических признаков*, но для них характерно постоянное *интонационное оформление* — чаще всего *восклицательная интонация*, хотя словам как единицам словаря интонационное оформление не присуще. С функциональной точки зрения междометия *коммуникативны*: им присуща *функция сообщения (выражения)*, поэтому они часто

представлены в речи как *самостоятельные высказывания*. По мнению В. В. Виноградова, «являясь эквивалентами предложений, они [междометия] обычно замыкаются в отдельное высказывание, осознаются как своеобразный аффективный и логически не расчлененный тип эмоционального высказывания» [1, с. 34], то есть междометие, по существу, и есть эмоциональное высказывание.

Оценивая в целом подходы к междометиям как неоднозначные, прежде всего отметим, что они являются результатом их системоцентрического описания, которое отражает уровневую организацию языка с учетом взаимосвязи и взаимодействия уровней между собой (лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса). Поэтому одна и та же языковая единица может быть единицей разных уровней, но при этом описывается с позиций одного уровня или межуровневого взаимодействия. К числу таких единиц, несомненно, относится слово [7, с. 453].

Что характеризует определение слова в рамках межуровневого взаимодействия? Естественно, взаимодействие лексического и грамматического значений, определяющих природу русского слова как единства этих значений. *Присуще ли междометию лексическое значение*, которое определяет статус знаковой единицы в качестве слова? С точки зрения авторов РГ-80, «как слова, лишенные номинативного значения, они [междометия] не относятся ни к одной из знаменательных частей речи» [Там же, с. 732]. Но тогда возникает вопрос: имеет ли междометие как слово (как единица словаря) лексическое значение?

В этом плане представляется значимым высказывание В. В. Виноградова о том, что «в языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы» [1, с. 18]. С этих позиций семантика междометий с трудом может быть определена как лексическая, о чем свидетельствует отсутствие ее морфологического и синтаксического оформления. В частности, отсутствие лексического значения у междометий признавали А. А. Шахматов, Н. С. Поспелов, М. В. Панов и др. Однако отсутствие у языковой единицы лексического значения не всегда однозначно воспринимается как основание для непризнания этой единицы в качестве слова. Так, например, как незнаменательные рассматриваются служебные слова (предлоги, союзы, частицы), имеющие грамматическую семантику, или модальные слова, выражающие отношение к содержанию высказывания. Не находят лексического значения

в утвердительных и отрицательных словах типа *да, нет*, которые коммуникативны по своему назначению.

Чем принципиально различаются слова типа *радость*, называющие эмоции и чувства, от междометий типа *Ой!*? Различие между ними заключается в способе отражения эмоций и их выражении. В знаменательных (назывных) словах мы имеем предметно-понятийное отражение эмоций, выраженных путем их называния. Поэтому они оказываются членами высказывания, определяющими вместе с другими назывными словами его содержание в отношении к отражаемой ситуации. В этом плане они характеризуются как синтаксически независимые, отражающие «независимый кусочек действительности» в составе высказывания (предложения). В отличие от них, коммуникативная семантика междометия, как правило, привязана к ситуации и сопровождает ее эмоциональное восприятие в высказывании в формате «здесь и сейчас». Когда ситуативная зависимость пропадает, но эмоциональная информация о ситуации продолжает оставаться актуальной, используются назывные слова в составе ситуативно независимых (самостоятельных) высказываний.

Таким образом, либо необходимо признавать семантику выражения (сообщения) особым типом лексической семантики слова как знаковой единицы, либо придется признать отсутствие лексического значения у междометий. В этом случае создается определенное противоречие между традиционным определением назывного (номинативного) слова как имеющего лексическое значение и определением междометия, которому не присуще лексическое значение, отражающее связь с называнием предметов и явлений действительности.

Правда, для устранения данного противоречия может быть предложено изменение в понимании лексического значения. В частности, принять его *широкое понимание*, не связанное с предметно-понятийным отражением, а именно: *лексическое значение* — это «осознанное коллективом *смысловое* содержание» [1, с. 584]. Анализируя текст Н. А. Некрасова, Виноградов пишет: «Междометия представляют собой обобществленный фонд языковых средств для экспрессивно-драматического выражения эмоций и волевых импульсов» [Там же]. Приписывание междометиям «осознанного коллективом смыслового содержания» позволяет, в частности, авторам словаря-справочника лингвистических терминов и понятий утверждать, что «за каждым междометием в данном коллективе закреплен строго определенный смысл.

Поэтому каждое междометие имеет лексическое значение, выражает определенное чувство или волеизъявление. Так, слово *цыц!* выражает запрет, а *ого!* — удивление» [8, с. 781]. Однако социально-культурную закрепленность может иметь не только лексическое значение, но и смысл некоторых высказываний (например, прецедентных высказываний, паремий), которые также могут входить в этот «обобществленный фонд языковых средств» (В. В. Виноградов).

В связи с этим возникает теоретико-ориентированный вопрос о тождестве или разграничении понятий значения и смысла как содержательных сущностей языковых единиц. Большинством лингвистов принято разграничивать данные понятия. На наш взгляд, немаркированным оппозитом в их противопоставлении является смысл (смысловое содержание). Это значит, что значение языковой единицы всегда предполагает реализацию определенного смыслового содержания, но оно не всегда реализуется как значение, оставаясь на уровне употребления в составе высказывания. Например, местоимение «ты» в качестве системного значения имеет обозначение адресата, то есть лица, участвующего в речевом акте в качестве собеседника. Однако в стихотворении А. С. Пушкина «”Ты” и “вы”» в референтном обозначении любимой оно получает функциональный смысл «сердечное», которое представлено в позиции существительного и не фиксируется словарями русского языка ни как системное значение этого местоимения, ни как субстантивированное прилагательное. Оно представлено в качестве *употребления* в «Словаре языка Пушкина». На необходимость отличать значение от употребления указывал В. В. Виноградов. Он писал: «Употребление не равноценно со значением, и в нем скрыто много смысловых возможностей слова» [1, с. 23]. Эти смысловые возможности слова предполагают особый контекст или участие в индивидуальных (нераспространенных, нетипичных) сочетаниях слов.

Таким образом, реализация междометием функциональных смыслов (функционального содержания) не вызывает сомнения, но вопрос о том, является ли это содержание их лексическим значением, вызывает споры.

Кроме того, неясной и в этом случае остается роль грамматики, а точнее, ее отсутствие в оформлении широкого понимания лексического значения как показателя слова. И дело здесь не только в том, что междометия не изменяются. Признак неизменяемости вполне может быть грамматическим (морфологическим),

как, например, у наречий. Их морфологическая неизменяемость подтверждается существованием другого грамматического признака — синтаксического, поскольку наречия, являясь членами предложения, выполняют синтаксическую функцию обстоятельства, примыкающего к сказуемому. У междометий же в принципе нет ни морфологических, ни синтаксических признаков, которые позволяли бы говорить о грамматическом оформлении лексической семантики междометий: она коммуникативна, а не номинативна.

В связи с этим примечательным представляется мнение В. В. Виноградова о том, что «понятие бесформенного слова к современному русскому языку неприложимо» [1, с. 18]. Следовательно, если междометие является словом (или «эквивалентом слова»), то оно оформлено, а каким способом — это другой вопрос, поскольку «язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей» [Там же]. С этой точки зрения грамматическая (морфолого-синтаксическая) неоформленность междометия как слова еще не означает, что оно является бесформенным вообще. Такой формой его содержания можно признать *неизменяемую форму слова-предложения* или нечленимого междометного высказывания. Этот способ оформления обусловлен тем, что междометие не связано с другими членами предложения, а оказывается самостоятельным компонентом в структуре речевого акта (например, диалога) или в составе членимого (структурно-семантического) типа предложения. Другими словами, в междометии в содержательном плане нет ничего того, чего нет в междометном высказывании. Языковая (речевая) содержательность междометия как слова тождественна коммуникативной содержательности нечленимого междометного высказывания.

Кстати, обращает на себя внимание то, что В. В. Виноградов рассматривал междометие не как особый тип слов вообще, а как особый *структурно-семантический тип слов*, для которых характерны и структурные, и семантические особенности (характеристики) в их единстве. Поэтому логично предполагать, что междометия в структурном плане ближе к словам, поскольку для предложений в большей степени характерно сочетание слов, а в семантическом (коммуникативном) плане они ближе к высказываниям (предложениям).

В качестве структурной особенности междометия как слова обращает на себя внимание морфемная структура первообразных местоимений типа *ах, ой, ба* и т. д. Исследователи отмечали их незначительный звуковой состав и способность выступать в качестве производящей базы для назывных слов. Например, междометие *ой!* оказывается производящей базой для такого образования, как *ойкать,* которое однозначно признается знаменательным глагольным словом. В этом случае *ой* является в структуре слов *ойкать, ойкнуть, ойканье* корневой морфемой в составе назывного слова и, следовательно, показателем словесной структуры. Приведенные факты скорее всего свидетельствует о наличии у междометия признака *одноморфемного* неизменяемого слова. Ср. это явление в назывных словах типа *здесь*. В этом случае придется признать наличие особого структурно-семантического типа слов (по Виноградову), имеющих коммуникативную семантику, наряду со словами с назывной (предметно-понятийной) семантикой.

В качестве аргумента о словесном статусе междометий приводятся и факты их употребления в составе членимых (структурно-семантических) предложений, в которых они занимают определенную синтаксическую позицию члена предложения. Так, например, междометие *Ой!* в предложении *Твое «ой» всех напугало* оказывается в позиции подлежащего, определяемого атрибутом (*твое*) и связью с предикатом *напугало*. В данном случае *ой* ведет себя как неизменяемое существительное среднего рода единственного числа, употребленное в именительном падеже (ср.: *твои «ой»; у твоего «ой» есть причина*). Однако такого рода изменение в синтаксическом функционировании *ой* имеет объяснение в теории переходности или гибридности (синкретизма). Для междометия *Ой!* сильной позицией, категориальной и системно характеризующей его, будет позиция междометного нечленимого высказывания, которое является частью речевого акта (коммуникативного по своему назначению), отражающего межличностные отношения или реакцию на них. Ср.: — *Ой!* — *Что с тобой?* — *Мне больно!* — *Терпи;* или: *Твое «ой» пугает меня*. В том случае, когда междометие *Ой!* употребляется в неосновной своей позиции — позиции члена предложения, оно теряет интонационную характеристику как признак завершенности высказывания, которое имело коммуникативную самостоятельность и значимость в составе диалога, и тем самым оказывается гибридным образованием — *словесно-предложенческим (словесно-коммуникативным)*. Вследствие этого

семантика *ой* в позиции члена предложения сближается с номинативной (референтной) семантикой, о чем свидетельствует возможность замены *ой!* в предложении назывным словом. Ср.: *Твое «ой» (твой испуг) пугает меня*. О смешении с номинативными (назывными) словами свидетельствует и грамматическое оформление *ой* в этом высказывании, отмеченное выше. В результате мы имеем функциональные омонимы, обусловленные явлением переходности в грамматике [см.: 9].

Слова с коммуникативной семантикой можно было бы обозначить термином с л о в а - к о м м у н и к а т и в ы (*коммуникативные слова*). Термин «коммуникатив» в русистике имеет неоднозначное толкование в плане как содержания, так и структуры [см.: 10]. По отношению к междометию его можно понимать как неизменяемое слово, содержание которого тождественно нечленимому высказыванию (коммуникативу), выполняющему коммуникативную функцию. Вполне возможно, что такое межуровневое представление слова позволило В. В. Виноградову охарактеризовать междометия и в качестве «эквивалентов предложений», и в качестве «эквивалентов слов». Он писал: «Междометия являются *сразу* и эквивалентами слов и, чаще всего, эквивалентами предложений» [1, с. 585].

В связи с этим соотношение грамматического и лексического значений в междометии можно истолковать в контексте учения В. В. Виноградова о связочных словах в русском языке. Он отмечал: «Самый характер объединения лексических и грамматических значений в строе разных типов слов неоднороден. Например, в формальных, связочных словах (как предлогов и союзов) *грамматические значения составляют сущность их лексической природы* (здесь и далее выделено автором. — *А. Ш.*)» [1, с. 18]. Ср. также его другое высказывание о связочных, служебных словах: «В них “вещественное” содержание и грамматические функции совпадают. Их лексические значения тождественны с грамматическими» [Там же, с. 31]. В этом плане возможно признание того, что грамматическое значение нечленимого междометного высказывания совпадает с лексическим значением междометия. Поэтому грамматическая (коммуникативная) семантика нечленимого предложения (коммуникатива) оказывается, по существу, лексическим (смысловым) содержанием междометия как слова («эквивалента слова»).

Таким образом, междометие с языковой точки зрения является *особым словом*, то есть отличным не только от назывного слова, представленного в речи парадигмой грамматических форм,

но и от других. В связи с отсутствием у междометия парадигматики (и морфологической, и синтаксической) и признанием тождественности понятий междометия и междометного высказывания логичным оказывается решение, согласно которому *речевым коррелятом* междометия как слова является *нечленимое междометное высказывание*.

Рассмотрение междометия в качестве слова-коммуникатива, естественно, не укладывается в традиционное определение слова. Поэтому закономерным оказывается вопрос о таком определении слова, которое позволяло бы включать все типы структурно-семантических типов слов. К сожалению, сформулировать такое всеобъемлющее понимание слова затруднительно, поскольку, как отмечал В. В. Виноградов, «структура слова неоднородна в языках разных систем и на разных стадиях развития языка» [1, с. 13]. При этом необходимо учитывать то, что типы слов имеют разную степень прототипичности в восприятии и осознании этой структурно-семантической единицы в языке (речи). Считаем возможным дать следующее общее определение слова, которое характеризовало бы специфику коммуникативной системы человека как знаковой системы. *Слово — это звук или комплекс звуков в их структурном единстве, материализующих сформировавшийся в сознании человека ментальный образ действительности и знаний о нем (то есть концепт) для передачи в межличностном общении (коммуникации)*. В семантическом (лексическом) плане слово отражает «осознанное коллективом *смысловое* содержание» (по Виноградову), которое определяет структурно-семантический тип слов.

Характеристика междометия позволяет считать его непрототипическим словом или «эквивалентом слова» (по Виноградову), близким в своем семантическом (смысловом) содержании к словам-предложениям (к нечленимым высказываниям). К числу таких признаков, ориентированных на понятие предложения (высказывания), можно отнести отсутствие у междометия грамматического (морфолого-синтаксического) оформления, наличие интонационного признака, отсутствие связей с другими словами, выступающими в качестве членов предложения в составе высказывания. Однако и этот путь, связанный с признанием междометия в качестве предложения, также требует определенных разъяснений, которые были представлены в статье, посвященной данной проблеме [см.: 3].

Рассмотренный вопрос о статусе междометия как представляющего особый тип слов-коммуникативов закономерно подводит

к вопросу об отношении междометия к частям речи русского языка. В традиционном понимании междометия и частей речи как классов слов, характеризующихся категориальной семантикой, оформленной грамматическими (морфолого-синтаксическими) признаками, междометия, как отмечалось выше, считаются особой частью речи, которая противопоставлена знаменательным (самостоятельным) и незнаменательным (служебным) частям речи.

Традиционный подход к ним часто связывают с грамматическим учением о частях речи В. В. Виноградова. Однако при этом не учитывается существенное различие, связанное с тем, что части речи в его грамматическом учении о слове не представляют собой наиболее абстрактные классы слов, не определяют наивысший уровень их абстрагирования и классификации. Согласно Виноградову, выделению частей речи в русском языке *предшествует* классификация структурно-семантических типов слов [1, с. 31]. Именно они представляют собой высший (наиболее абстрагированный) уровень слов, которые в силу их неоднородности, обусловленной характером сочетания и взаимодействия лексических и грамматических значений, распределяются по основным типам [Там же, с. 30].

В качестве основных В. В. Виноградов выделяет четыре «грамматико-семантических категории слов»: 1) слова-названия и примкнувшие к ним местоимения; 2) связочные, служебные слова; 3) модальные слова; 4) междометия. Поскольку эти типы слов неоднородны, они, как отмечал ученый, «не размещаются в одной плоскости» [Там же]. Естественно, в качестве основного (своего рода прототипического) структурно-семантического типа слов, как отмечалось выше, выделяется тип назывных слов, которым присущи номинативная функция (назывная), синтаксическая функция (член предложения) и грамматическая функция (система форм).

В чем В. В. Виноградов видел *значимость учения о структурно-семантических типах слов*? Прежде всего в их связи с учением о частях речи. По его мнению, «выделение основных структурно-семантических типов слов *помогает внести некоторую ясность в учение о частях речи*» [Там же, с. 40]. Эта ясность связана с тем, что понятия структурно-семантического типа и части речи хотя и взаимосвязаны, но не тождественны, поскольку классификация частей речи осуществляется только в пределах одного структурно-семантического типа слов — назывных. Исследователь пишет:

«К частям речи *не принадлежат* ни модальные слова, ни междометия, на связочные слова или частицы речи. Круг частей речи ограничивается пределами слов, способных выполнять номинативную функцию или быть указательными эквивалентами названий», то есть местоимений [1, с. 40]. Таким образом, понятие структурно-семантического типа оказывается более широким, чем понятие части речи. Части речи представлены лишь в одном из структурно-семантических типов слов — слов-названий. В других типах слов также возможны классификации, но они будут ориентированы на признаки и категориальную семантику того или иного структурно-семантического типа слов (см., например, классификации модальных слов или междометий в научной литературе).

В отношении статуса междометия в качестве части речи В. В. Виноградов замечает: «Легче всего оспорить право называться частью речи у междометий». И в последующем своем разъяснении ссылается на мнение Ж. Вандриеса, который в книге «Язык» писал: «Как бы ни было велико значение междометия в речи, в нем есть что-то, что его обособляет от других частей речи, оно явление другого порядка… Оно не имеет ничего общего с морфологией. Оно представляет собой специальную форму речи — речь аффективную, эмоциональную или иногда речь активную, действенную; во всяком случае, оно остается за пределами структуры интеллектуальной речи» [цит. по: Там же, с. 39]. Более точным, вероятно, было бы мнение не об отсутствии связи междометий с интеллектуальной речью, а о *специфическом характере их связи*: междометия как бы сопровождают интеллектуальную речь, делая ее эмоционально окрашенной и тем самым значимой в передаче информации в общении. Кстати, сам Виноградов не отрицал такую взаимосвязь. Он писал: «Междометия осмыслены как коллективные знаки эмоционального выражения душевного состояния. Они отражают в себе эмоциональную жизнь личности, социальной группы или народа, находящуюся в органической связи с деятельностью интеллекта. Следовательно, эмоциональный язык не может быть в полном и резком разрыве с интеллектуальной речью (так же, как и наоборот)» [Там же, с. 585].

Отказ междометию в статусе особой части речи присутствует, например, в грамматическом учении Н. С. Поспелова, который это связывает с рассмотрением междометия в качестве высказывания: «Не могут быть включены в состав частей речи и междометия с чисто экспрессивной функцией, не имеющие модально-оценочного значения (*Ай! Ой! Ах!*). <…> …поскольку

они не выполняют в языке прямой номинативной функции» [11, с. 17]. Академик Л. В. Щерба считал, что статус слова еще не обеспечивает его вхождение в ту или иную часть речи. Некоторые слова («словечки», по его выражению), например, *да и нет*, он не включал в состав какой-либо части речи [12, с. 66].

Таким образом, рассмотренный выше материал показывает, что назывные слова и междометия связаны с разными типами предложений (высказываний). Назывные слова определяют содержание членимых структурно-семантических ситуативно независимых высказываний. Поэтому в них выделяются части высказывания, которые можно определить понятием *части речи*. Междометия (междометные высказывания) в сопоставлении с ними оказываются нечленимыми, предикативно не оформленными и ситуативно зависимыми.

Членимые и нечленимые предложения (высказывания) являются двумя основными коммуникативно-дискурсивными типами высказываний, которые, как и разные структурно-семантические типы слов, *не располагаются в одной плоскости*. Они имеют различный коммуникативный потенциал. Фундамент коммуникации определяют высказывания членимого типа, то есть те, в составе которых есть части речи, представленные словами-названиями. Нечленимые же высказывания находятся на периферии синтаксической системы. Это позволяло не рассматривать их в качестве предложений, а квалифицировать как особые нечленимые *конструкции*, которые не образуют языковых структурных схем. Междометные высказывания не создаются по каким-либо синтаксическим образцам, а запоминаются и хранятся в эмоциональной памяти носителя языка, из которой они извлекаются в качестве слов-коммуникативов, структурированных в нашем сознании и как слова, и как предложения (высказывания) *одновременно*. Поэтому междометия можно было бы определить как структурно-семантический тип слов, представляющий собой *особый тип высказываний — нечленимых*. Вследствие этого логичным оказывается решение вопроса об их частеречном статусе. Междометия *не образуют особой части речи*, а оказываются *вне системы* частей речи, поскольку по своей языковой и коммуникативной природе они не представляют структурно-семантический тип назывных слов, определяющих частеречную классификацию в русском языке.

Кстати, и в случае рассмотрения междометий в качестве особых слов, или «эквивалентов слов» (по Виноградову), они также

оказываются вне системы частей речи, поскольку выделяются уже на уровне структурно-семантических типов слов (по Виноградову), который *предшествует* уровню частей речи, выделяемых в рамках только назывных слов.

* * *

Таким образом, междометия — это класс неизменяемых *слов-коммуникативов*, сочетающих в себе признаки слова и нечленимого высказывания одновременно, то есть являющихся словесно-коммуникативными репрезентантами эмотивности как категории языка, содержанием которой оказывается эмоциональность, выражающая разные виды психических эмоций (собственно эмоциональные, эмоционально-оценочные, побудительно-волевые). Не будучи назывными и указательными словами, междометия находятся *вне системы частей речи*, но при этом образуют особый *самостоятельный структурно-семантический тип коммуникативных слов*, противопоставленных выделяемым В. В. Виноградовым назывным словам (с примкнувшими к ним местоименными словами), модальным словам и связочным словам, или частицам речи. Междометия морфологически не оформлены и синтаксически не связаны с другими словами в составе предложения (высказывания), то есть не являются членами предложения. В функциональном (речевом) плане они представляют собой самостоятельные восклицательные (оформленные восклицательной интонацией) нечленимые высказывания в составе речевого (коммуникативного) акта (дискурса) или выполняют синтаксическую функцию осложнения, осуществляя ввод эмоциональной информации в структуру членимого (структурно-семантического) типа предложения (высказывания).

---

1. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. 614 с.

2. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. 184 с.

3. *Шарандин А. Л.* Коннотация в контексте языковой интерпретации и концептуальной деривации // Вторичные структуры в языковой картине мира / отв. ред. С. Г. Виноградова. Тамбов, 2022. С. 179–201.

4. *Бабенко Л. Г.* Алфавит эмоций : словарь-тезаурус эмотивной лексики. Екатеринбург, 2022. 432 с.

5. *Шарандин А. Л.* Междометие в языке, речи и коммуникативном пространстве // Вопросы когнитивной лингвистики. 2026. № 3. С. 78–88.

6. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений : [в 11 т.]. М. ; Л., 1950–. Т. 7. Труды по филологии. 993 с.

7. Русская грамматика : в 2 т. М., 1980. Т. 1. 784 с.

8. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : в 2 т. М., 2008. Т. 1. 840 с.

9. *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000. 640 с.

10. *Киприянов В. Ф.* Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке. М., 1983. 102 с.

11. *Поспелов Н. С.* Мысли о русской грамматике. М., 1990. 182 с.

12. *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избр. работы по русскому языку. М., 1957. 188 с.

ОБ АВТОРАХ

Бабенко Наталья Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор Института русской филологии и медиакоммуникаций Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград), NBabenko@kantiana.ru

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, директор Сетевого научно-образовательного центра когнитивных исследований Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (г. Тамбов), boldyrev@tsutmb.ru

Болотнова Нина Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Томского государственного педагогического университета (г. Томск), nsb@tspu.ru

Воронина Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник проблемной лаборатории компьютерной лексикографии Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), tmv313@yandex.ru

Глазырин Вячеслав Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), glazyrinslava@bk.ru

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (г. Санкт-Петербург), elenacz@mail.ru

Дудорова Мария Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), primrose81@yandex.ru

Илюхина Надежда Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и массовой коммуникации Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева (г. Самара), ilnadezhda@rambler.ru

Ковшова Мария Львовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова Института языкознания Российской академии наук (г. Москва), mlk@iling-ran.ru

Кошкарова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, главный научный сотрудник управления научной и инновационной деятельности Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), nkoshka@rambler.ru

Кулева Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук (г. Москва), an_kuleva@mail.ru

Михайлова Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), oamih@yandex.ru

Мухин Михаил Юрьевич, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), mikhail.mukhin@urfu.ru

Мухина Ирина Константиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), mironova-mukhina@yandex.ru

Норман Борис Юстинович, доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (г. Минск, Республика Беларусь), boris.norman@gmail.com

Плотникова Анна Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), annamp@yandex.ru

Романова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород), tvromanova@mail.ru

Ружицкий Игорь Васильевич, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук (г. Москва), konnitie@mail.ru

Саини Сону, доцент Центра русских исследований Университета им. Джавахарлала Неру (г. Нью-Дели, Республика Индия)

Северская Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук (г. Москва), oseverskaya@yandex.ru

Слаутина Марина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), mslautina@yandex.ru

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода, главный научный сотрудник управления научной и инновационной деятельности Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), o-solopova@bk.ru

Степанова Алена Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), stepanovaalenaaa@yandex.ru

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, директор лингвистического центра, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), turbina371@mail.ru

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (г. Тамбов), sharandin@list.ru

Шестакова Лариса Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук (г. Москва), lara.shestakova@mail.ru

Эльстон-Бирон Александр Владимирович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), eleston@mail.ru

Научное издание

ЭМОЦИИ И СМЫСЛЫ: ОТ СЛОВА К ТЕКСТУ

Посвящается юбилею
профессора Л. Г. Бабенко

Редактор	*Е. В. Березина*
Оригинал-макет	*Л. А. Хухаревой*
Дизайн обложки	*С. А. Нисковских*
Ответственный за выпуск	*М. В. Дудорова*
Издатель	*Ф. А. Еремеев*

Издательство «Кабинетный ученый»
Россия, 620014, г. Екатеринбург, а/я 489
E-mail: fee1913@gmail.com

Подписано в печать 18.09.2026
Формат 60 × $84^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура CharterC.
Усл.-печ. л. 20,81. Тираж 100 экз.